

Симона Вилар

Ведьма в Царьграде

© Гавриленко Н. Г., 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015

Предисловие

Кажется, работая в жанре исторического фэнтези, Симона Вилар и сама стала волшебницей. Она, как Малфрида, подчинив своей воле магию слова, сумела показать читателям далекие страны, удивительных людей, необычайные приключения. Магию, чудеса и любовь она мастерски вплетает в историческую канву, а в итоге читатель видит исполненное неповторимого колорита полотно. Насколько привлекательно чародейство Вилар, можно судить по тому факту, что в декабре 2010 года она возглавила ТОП-10 самых успешных писателей Украины!

Поклонники творчества Симоны Вилар уже давно и с нетерпением ждали эту книгу. Ведь цикл романов о ведьме Малфриде покорила сердца десятков тысяч читателей. Наконец долгожданное продолжение у вас в руках.

Нить сюжета, как волшебный клубок из старинных русских сказок, уведет вас в дремучие леса, где в густой листве вековых деревьев заливаются серебристым смехом мавки, где леший может завести в непроходимую чащобу, а неосторожного путника подстерегают кикиморы, где живет древняя магия славянских богов. Этот опасный и непредсказуемый мир родной для ведьмы Малфриды, могучей чародейки. Ни любовь Малка Любечанина, ни дети, ни неприязнь людей не смогли отвлечь ее сердце от колдовства. Однако ведьма чувствует – ее мир рушится. Исчезают источники с мертвой и живой водой, которые дарят вечную молодость. Лесные и водные духи покидают леса и реки, уходит чародейская сила. А в селениях все чаще появляются те, кто поклоняется распятому Богу, возносит ему хвалу, проповедует любовь и смирение. Малфрида люто ненавидит христиан, которые могут разрушить мир древних богов, которым она служит. И жестоким ударом для нее становится весть о том, что в то время, когда она в образе зверя пробиралась по чащобам в поисках древнего колдовского дива, Малк впустил в их дом христиан. Поэтому предложение княгини Ольги сопровождать ее в Царьград Малфрида приняла с радостью. Ведьма и не предполагала, что ждет ее в великолепной столице Византии. Появление в храме едва не стоило ей жизни. Княгиня Ольга, которая надеялась найти в чародейке помощницу и советчицу, вдруг поняла, что в этом путешествии Малфрида – помеха и обуза. Патриарх требует, чтобы повелительница русов отдала колдунью на суд Церкви. Согласится ли Ольга на это требование, чтобы ценой жизни Малфриды осуществить свои планы? Кто придет на помощь язычнице-волшебнице во всемогущем Втором Риме, оплоте православной веры? Суждено ли Малфриде вернуться домой? Как встретит ее тот человек, любовь к которому продолжает жить в ее сердце даже вопреки ее воле?

Тот, кто знаком с творчеством Симоны Вилар, знает, что его ждут незабываемые часы, полные приключений, магии, любви и удивительных открытий. А вот тем, кто впервые открывает книгу писательницы, можно... позавидовать! Живая динамика, захватывающая интрига, образный язык... Открывайте же новый роман и читайте с удовольствием!

Пролог

– Катись, катись, яблочко наливное, по блюдечку по серебряному, – негромко приговаривала ведьма Малфрида.

Она сидела под нависающими лапами старой ели, куда почти не проникал отблеск догоравшего весеннего заката. Зато от этого в густом полумраке отчетливее стал заметен появившийся в середине лежавшего перед ней серебряного блюда свет. По кромке блюда само собой катилось и вращалось небольшое румяное яблоко. Совершая оборот, оно загоралось все ярче, его лучи озаряли склоненное лицо молодой ведьмы, ложились голубоватым свечением на ее резко очерченные скулы, на нос с легкой горбинкой, на отливавшие желтизной глаза с узкими, как у ястреба, зрачками. Малфрида всматривалась, что же покажется в освещенном круге внутри блюда... но ничего не видела. Так, мелькали какие-то блики, но ни одного образа не возникло. А должен бы появиться! Ведь это диво дивное – серебряное блюдо и заговоренное яблоко – могло показать все, что угодно: и дальние страны, и ближние места, и тех, кого захочешь увидеть.

Над головой ведьмы, среди темных ветвей старой ели, громко закаркал ворон. Самого его в сумраке и не разглядишь, лишь глаз посверкивает из тьмы беловатой искрой. Зато карканье его прерывистое походило на недобрый старческий смех. Да он и был очень стар, этот ворон, вернее кудесник, который так давно принял облик птицы, что и забыл уже, как вновь приобрести человеческий вид. Но серебряное блюдечко и волшебное яблочко принадлежали ему исстари, он таил это диво от всех, был его владельцем, мог глядеть в него, видеть все, что пожелает. Это была единственная радость кудесника-ворона, которой он ни за что не стал бы делиться с кем бы то ни было, но Малфриде уступил: она знала заветное слово-заклинание, против воли которого он не мог пойти. Вот и позволил ей взглянуть на свое бесценное сокровище. Зато теперь, когда у ведьмы ничего не получалось, ворон каркал, будто насмешничал.

Малфрида не обращала на него внимания. Набрала в грудь побольше воздуха, сил внутренних колдовских прибавила и вновь повторила:

– Катись, катись, яблочко наливное, по блюдечку по серебряному!..

Сила в ней забурилась, черные волосы взмыли, завились, зашевелились, и будто искры по ним пошли, вспыхнули, затрещали. Яблочко катилось само, в аккурат по кромке серебряного блюда с уже почти стершимися, потемневшими от времени завитками чеканных узоров. Оно казалось очень древним, а яблоко, наоборот, таким свежим, словно совсем недавно налилось соками. Хотя лет ему было... веков... немало.

Вдруг ворон перестал каркать. Наблюдал сверху, как заколебался идущий из блюда свет, замелькали какие-то смутные видения, еще нечеткие, но с каждым мигom становившиеся все яснее.

Малфрида обрадовалась. Получается! Теперь бы только успеть сказать:

– Катись, катись, яблочко наливное, по блюдечку по серебряному! Покажи мне страны дальние, заморские, покажи людей дивных, таких, о которых мне не известно ничего.

И показались же! И странные островерхие строения, едва ли не до неба уходившие ступенчатыми гранями, земля песчаная, смуглые люди с обмотанными тканями головами, сидящие на странных животных, длинноногих и горбатых. Потом вдруг промелькнули каменные башни на скалах, скачущие по тропе всадники в странных клетчатых юбках, голоногие, с рыжими, развевающимися на ветру волосами. А затем возникла уже иная картина: плывущие среди необычайно пышных растений на узких лодках голые темнокожие люди с короткими и курчавыми, как шерсть ягненка, волосами, с широкими носами в пол-лица. И родит же где-то земля таких уродцев! Но задумываться особо было некогда, образы появлялись и исчезали, все быстрее и быстрее, даже в глазах зарябило. Малфрида поняла, что не справляется она с дивом, не успевает давать указания, вот оно и навалило на нее столько видений. Ей же надо приказать ему, уточнить, пока от мельтешащих картин голова не пошла кругом. И она произнесла торопливо:

- Покажи мне нечто странное и необычное, что в мире есть, но скрыто от других.

Яблочко катилось по кругу, показывало... То, что такого не бывает, так это вряд ли. Хотя лучше бы и не было. Ибо увидела она горящие строения, пронсящих на лохматых лошадах всадников, мечущихся, перепуганных людей. Их пытались защитить витязи, да только падали они, гибли. А потом дымом все заволкло. И из дыма стал подниматься человек – огромный, со страшными ранами по всему телу, от которых кровь так и сочилась сквозь порванную кольчугу. Рука его висела, как неживая, но вот он пошевелил ею – и она будто приросла. Станный человек вскинул голову. Его искаженное лицо было бледным, глаза белесо горели из-под упавшей на чело длинной рыжей пряди. Пошатываясь, воин-великан пошел сквозь клубы дыма, пока навстречу ему не вынесся один из всадников в лохматой шапке и с саблей. Сперва он смотрел на идущего к нему рыжего будто с удивлением, потом стал раскручивать аркан, уже и петлю бросил... Витязь с удивительной ловкостью поймал веревку на лету, сильно дернул, так что всадник даже вылетел из седла. Завизжал... и особо сильно стал голосить, когда рыжий богатырь с горящими глазами подхватил его, будто мешок с тряпьем, будто в том и весу было, как в синице. Испуганный пленник попытался было отбиваться, но недолго: рыжий тряхнул его легко, а потом вдруг быстро оторвал ему голову, отбросил. А сам стал лакать бьющую фонтаном струю крови, даже урчал от удовольствия.

Малфрида повела плечом. Не то чтобы испугалась, но гадко как-то сделалось. Нет, лучше пусть ей покажут что-то иное... или кого-то иного. Кого бы она с радостью повидала?

- Ты, диво дивное, чудо чудное, яви мне образ мужа моего милого, любезного!

Из обводимого яблоком по блюду круга повеяло теплым закатным светом. Вот, уже лучше. Малфрида даже заулыбалась, узнав песчаный откос берега над Днепром, недалеко от града Любеча. А вон и тропинка вьется от реки в сосновый бор, где стояла их с Малком усадьба. Сейчас она и его самого увидит – Малка Любечанина, с которым прожила в супружестве без малого одиннадцать лет. И в ладу они жили, так ей казалось... Хотя и понимала, что не всякий муж будет счастлив с такой, как она, – беспокойной ведьмой, какую не удержишь в доме обычными бабьими хлопотами, какую то и дело тянет уйти в дальние края, чтобы вновь и вновь пробовать свои силы, вновь учиться заклинаниям и чародейству, постигать колдовскую премудрость. Однако Малк ее всегда отпускал. А она, пометавшись по лесам, чащам и болотам безлюдным, по пределам далеким, вновь начинала тосковать по нему, возвращалась. И опять они жили как обычные люди, в ладу и согласии, детей воспитывали – Малушу-красавицу и подрастающего умника Добрыню. Правда, это были ее дети, не Малка, но лучшего отца она бы им и не пожелала. И вообще, был Малк такой, такой... Лучше его во всем мире широком не было!

- Мужа хочу увидеть! Покажи мне его, диво дивное!

Она склонилась ниже и уже стала различать сквозь блики закатного света силуэт приближающегося мужчины. Однако едва разглядела, улыбка на ее лице застыла. Не ее это супруг! Этот был более рослый и широкоплечий мужчина, чисто витязь. Ну, так витязь и есть – в высоком шлеме островерхом, в поблескивающем чешуйчатом доспехе до колен, корзно синее за плечами ниспадает. Да это же Свенельд! Воевода варяжский, который и впрямь одно время был ее мужем, но давно это было. Разошлись уже их судьбы, иного все эти годы она своим супругом величала – Малка Любечанина, лекаря и ведуну известного. А глупое блюдечко ей Свенельда мужем указало! Вот тебе и диво дивное, чудо чудное, а на поверку – самое что ни на есть глупое. Чародейка Малфрида по стоячей темной воде и то лучше поворожить могла и углядеть что надо! Правда, там больше сил прилагать нужно, дольше ждать, больше ворожить и труднее рассмотреть. Да и зря, что ли, она искала по своему ведьмовскому любопытству это диво – чародейское блюдо с яблоком?

Потому упрямо повторила:

- Катись, катись, яблочко, да не дури! Мужа хочу своего увидеть! Покажи! В том моя воля!

Но опять среди красноватых в лучах заката сосен появлялся Свенельд, приближался.

Можно было уже различить его выразительное лицо под позолоченным ободом шлема, аккуратный нос, зеленые, чуть раскосые глаза под круто изломленными бровями. Да, хорош собой воевода Свенельд, и любила его когда-то Малфрида без памяти, но не муж ведь! Он княгини Ольги слуга верный, только она одна ему и мила. А Малфрида... Спрашивается, какого рожна Свенельд вблизи ее дома шляется, да еще и мужем ей видится?

– Малка Любечанина мне покажи, глупое диво! – с раздражением повторила ведьма.

Силуэт Свенельда исчез, яблочко продолжало катиться, но в блеклом свете так никто больше и не появился. А ворон на ветке над головой опять закаркал отрывисто – будто недобрый смехом зашелся.

Ишь ты, чародей старый! Потешается над неумелой колдуньей. Сам уже и человеческий облик забыл, речи от него давно никто не слышал, а тоже из себя мудреца мнит. И, стараясь не отвлекаться на злобную древнюю птицу, Малфрида приказала:

– Покажи мне того, кто всегда думает обо мне!

Ибо кто же о ней думает, волнуется и ждет ее, как не верный муж! Ближе и дороже для Малфриды никого и не было. Вон и детей своих Малфрида так не любила, не была в них так уверена, как в супруге. Даже дружба с княгиней Ольгой не была для нее настолько ценной, как душевная теплота Малка. Порой казалось, что если бы не его нежность, она бы давно ушла в чародейский мир духов и кудесников. А так знала – ждет ее Малк, любит, думает о ней! И это давало ведьме силы, делало ее обычным человеком, женщиной, женой...

Когда в глубине блюда вновь замаячило видение, Малфрида замерла. Вот сейчас... Вон уже и плечи видны, голова склоненная... Да полно, Малк ли это? Сидит некто в полутьме покоя, едва озаренного одинокой свечой, голова чем-то темным покрыта, лица не рассмотреть, со спины видится.

– Лицо мне его покажи!

Не получалось. Фигура все больше склонялась, словно человек разглядывал что-то на полке перед собой. Никак книга? Малфрида однажды видела такую на торгах, сказывали, что мудрость некая в ней записана неизвестными ведьме литерами. И сейчас этот одетый в черное человек, склонившись, смотрел в книгу, и разглядеть его лицо никак не получалось.

Человек из видения повел плечами, словно ему зябко было или неудобно. А потом, так и не оглянувшись, резко взмахнул рукой, как будто приказывая следящей за ним ведьме отвернуться и сгинуть. И тут же таким светом полыхнуло, словно луч солнца слепящий отразился в блюде. Малфрида невольно отшатнулась, зажмурилась. А открыла глаза – было под елью сумрачно, свет исчез. И хотя ведьма Малфрида хорошо видела во мраке, теперь едва могла что-то различить после яркой вспышки. Вон лежит на сухой хвое серебряное блюдо погасшее, вон откатившееся под выступы мощных корней яблоко.

Тут ворон вдруг слетел с ветки, опустился рядом, подошел, переваливаясь. И опять сверкнул недобро белесой искрой его черный глаз.

– Шшто, баба глуппая, не вышшшшло у тебя? – зашипел.

Малфрида только моргнула. Надо же, заговорил! А ей ведь волхвы глубинные, из тех, что людей избегают и только ведовскую мудрость таят, говорили, что чародей этот уже давно речь людскую забыл. Но сейчас ворон, щелкая клювом, заговорил, хотя и с трудом. И речь его звучала странновато и жутко.

– Кого уззрррреть-то пыталащ? Могуччч он. Пооочуаяял, что смотришшь, отмахнулся. Тааккких чародеев уже и нет на сссвете. Кого узззрела-то?

Ведьма потрясенно молчала. Кто это был? Она просила показать того, кто о ней думает. И кого же блюдо с яблочком ей показало?

– Вроде как под каменным сводом сидел. И книга у него была. Еще припоминаю,

что изображение какое-то видела за ним. И похоже это было... Ох ты, Перуне! – догадалась Малфрида, даже за щеки схватилась. – Никак икона там висела.

– Икона? – вполне четко выговорил ворон и даже сплюнул, ну совсем как рассерженный старик. – Хрристианнин, стало быть? Ах ты, дурищща глупая! Да ражжжве можно за этими хрищтианами приглядывать? Так любое диво можно погубить навещщчно!..

Дальше пошло сплошное карканье, но все равно казалось, что ругается сердито ворон-чародей. Потом он отпрыгнул в сторону, взмахнул большими крыльями, полетел прочь и вскоре исчез за густыми елями. А блюда и яблока уже не было под елью, будто хвоя лесная их в себя вобрала.

Малфрида медленно выбралась из-под развесистых лап, потянулась всем телом, отряхнула с подола истрепавшейся за время скитаний по чашам поневы иголки,правила телогрею, разметавшиеся черные волосы за плечи откинула. Что ж, не вышло у нее дивом этим колдовским завладеть, не подчинилось оно, ну и ладно. Все одно она славно поколдовала, и на душе от этого хорошо было.

Вокруг темнели вековые стволы старого ельника, столь густого и мрачного, что и тропки не углядеть среди деревьев. Однако Малфрида в любой чаще хорошо себя чувствовала, никакие темные силы ее не пугали, никакие духи леса не смели тронуть. Пусть вон и леший где-то в чаще стрекочет, стуча зубами, пусть пучеглазый див раскачивает верхушки елей, а пушечик среди коряг тянет сучковатую лапу, будто норовя поймать кого, – ведьме все было нипочем. Тут она была своя, колдовская сила делала ее неуязвимой для обитающих в глухой чаще существ. А вот что ее взволновало... Нет, даже не то, что напугало забывшего людское обличье чародея-ворона, – не христианин, думающий о ней и легко скинувший волшебство дивного блюда. Хотя сила блюда и яблока была видна уже в том, что вообще христианина показать смогло.

Малфриду взволновало иное – Малка она не смогла увидеть. Где он? Что с ним? Не пришло ли время вернуться к мужу и узнать, все ли ладно?

Ведьма повернула в сторону от наваленного между седых елей бурелома. Шла все быстрее, пока не углядела среди чащи некий просвет, достаточно свободный, чтобы разбежаться можно было. Вот и побежала, а сама на ходу странное говорила – или шипела, или рычала, или клекотала, лишь пару слов можно было различить среди этих странных для человеческого горла звуков – «перевернись-обратись».

Она подпрыгнула легко, будто подброшенная, – протянувший вслед лапу-корягу пушечик даже пригнулся, чтобы не мешать. А ведьма, перевернувшись в воздухе через голову, опустилась на землю уже в облике большой пушистой рыси, мягко осела на мохнатые когтистые лапы. Рыкнула негромко. Глаза на миг вспыхнули желтым светом, а потом ведьма-оборотень побежала трусцой, мелькнула среди нависавших еловых ветвей, все убыстряя бег, пока не скрылась в глухой чаще.

Глава 1

Май 957 года

Мальчишку Свенельд заметил еще издали: шел паренек бережком Днепра, сума через плечо перекинута, серая рубаха с тонкой опояской, темные гладкие волосы отлетают при быстрой ходьбе. И собой такой ловкий да живой, в пору отрочества уже вступивший. А ведь Свенельд помнил его еще новорожденным глуздырем. Теперь же вон как вытянулся соколик, рослый для своих одиннадцати годков.

«Добрыня!» – улыбнулся про себя Свенельд. Ему нравился сын чародейки Малфриды, отцом которого все называли Малка Любечанина.

Варяг хотел было окликнуть паренька, но потом передумал. Они всегда шутили и баловались с Добрыней, вот и теперь властный воевода Свенельд решил подурочиться: сошел с тропинки к зарослям камыша, затаился. Думал выскочить резко, напугать. И вот сидел среди стеблей и ждал, а мальчишка все не подходил, замешкался, видать. Свенельд решил глянуть, что там, приподнялся... И тут же получил такой удар камнем в лоб, что упал навзничь, круша камыш. Если бы не шлем, то и к марам бы в беспмятство провалился.

– Загони тебя леший, Добрыня!.. – заругался Свенельд, тряся гудящей головой и пытаясь привстать среди трещавших и ломающихся стеблей. – Вечерняя заря, что ли, разум твой развеяла?

– Воевода Свенельд! – Мальчишка тут же оказался рядом, помог подняться. – Прости, ради ясного света. Но шлем у тебя, как у посадника любечанского, я за него тебя принял, вот и метнул камень из пращи.

– Видать, ты сильно любишь посадника из Любеча, – проворчал варяг, снимая шлем и потирая все еще гудевшую голову. – Вон как встречаешь. Или сынку ведьмы княгини не возбраняется прибить посадника камнем?

Добрыня смолчал. Он принял и отложил высокий шлем Свенельда, стал растирать ему лоб, запустил пальцы в светлые волосы варяга и зашептал негромко какой-то успокаивающий заговор. И вроде как помогло. Да и как иначе – Добрыня, сын известного лекаря Малка Любечанина, тоже постигал родительскую науку врачевания. Хотя, как на взгляд Свенельда, парню лучше бы в воины податься: рука у него верная, глаз зоркий. Вон как засадил камнем, самого воеводу свалил.

Видя, что Свенельд уже не сердится, Добрыня принялся объяснять:

– Я тут диких уток бил – в эту пору их много среди заводей и стариц. Вон, смотри, сколько набил, полная сума. И я уже домой возвращался, когда слышу – в камыше кто-то хоронится, шлем островерхий в отвесах заката блестит. Богатый такой... Ну чисто нашего посадника. Вот и подумалось: на хрена он тут шастает да подглядывает?

В черных глазах Добрыни горели искорки, длинные темно-русые волосы обрамляли его продолговатое лицо, нос был ровный, на подбородке красивая ямочка вырисовывалась. А когда улыбнулся, то совсем пригожим стал. Улыбка его – белозубая и светлая – была, как у Малфриды. На такую трудно не ответить. Свенельд беззлобно потрепал паренька по голове, но сказал со значением:

– В человека камнем метить – не дело.

Добрыня лишь подбоченился.

– Мне батя наказал следить за подступами к усадьбе. И если кто чужой появится – не допускать. Ибо у отца ныне дела свои и мешать ему не надо.

Ну, может, и так. Малк Любечанин – известный в округе лекарь-ведун: лечит раны, переломы, сглаз отводит, опухоли уменьшает. Знает он и травы, какие успокаивают боли в сердце, зубную ломоту и внутренние колики заговаривает, бывает, что и женщинам в трудных родах помогает. Но у Малка имелось еще одно знание, особенное: мысли угадывать он умел. Поэтому с таким, как он, непросто общаться, когда он о тебе все

наперед знает, а уж женой такого быть – совсем нелегкое дело. Может, потому Малфрида и оставляла его порой – так думал о них Свенельд. Но сейчас варягу была нужна именно ведьма. Поэтому и сказал Добрыня:

– Ладно, убедился, что я не посадник, а теперь идем к твоим, говорить с ними буду.

Однако Добрыня застыл на дороге дубком, загородил путь.

– Сказано же – не пускать! Вот и ты обожди, покуда дозвола не будет.

Свенельд опешил. Кто это смеет ему приказывать? Ему, князю-воеводе, советнику единовластной правительницы Ольги, посаднику племен древлян и уличей! Да он сейчас!..

Но ничего не сделал. Даже застыл удивленно, не сводя взгляда с паренька. Добрыня, преграждая путь, стоял, слегка раскинув руки, и тесьма на его воротах разошлась, открывая взору варяга среди обычно носимых на шее оберегов еще один, непривычный. Свенельд даже потянул за бечевку, шлепнув парня по пальцам, когда тот хотел помешать.

– Что это у тебя, малец? – спросил воевода, разглядывая небольшой деревянный крестик на шнуре. – Неужто ты к поганым христианам подался?

Добрыня смотрел исподлобья.

– Никакие они не поганые! Они добрые, много интересного рассказывают! И еще они дружные. Вот отец им и помогает. Даже от любечанского посадника взялся защищать. Сейчас они у нас. Молебн служат. Отец им позволил. А оберег этот мне христиане дали, чтобы меня мары больше не донимали. И помогло мне, воистину помогло. Но тебе-то что до этого, Свенельд?

– Мне? – только и переспросил воевода.

Сам же задумался. Он знал, что было в Добрыне нечто непростое. Некогда, сразу после того, как тот родился, его должны были отдать в жертву темному чародею Кощею Бессмертному. Но не отдали, отбил его у страшилища Свенельд. И, казалось бы, дело уже в прошлом, однако все не так просто было. Ибо в темные безлунные ночи мальчика словно влекла некая неведомая сила, он начинал метаться во сне, потом, не просыпаясь, вставал и куда-то шел. Такое бывает с теми, кто беспокойно лунный свет воспринимает, однако Добрыня беспокойным и будто зачарованным становился именно тогда, когда наступал полный мрак. Его что-то мучило, не давало покоя, еще глузырем он плакать и метаться в ночи новолуния начинал, а едва говорить научился, пояснил – зовет его кто-то, сладу от этого нет. Родителей это сильно взволновало. Уж каких только снадобий не давал ему Малк, каких только заклятий Малфрида на сына не накладывала – все попусту. Более всего помогло старое проверенное средство: стали они лежанку Добрыни обкладывать мокрыми тряпками: встанет потревоженный малец в потемках, наступит на мокрое и холодное – и проснется. Даже постепенно привык к подобному, уже не так и страшился, а родители пояснили, что это мары беспутные его беспокоят. И вот теперь он говорит, что в прошлом все.

– Хочешь уверить меня, что, как надел крест этот, так и не мучит тебя ничего больше?

– Не мучит.

Свенельд глубоко вздохнул и отпустил крестик. Что тут скажешь. Христианский оберег и впрямь силен, варяг не раз сам в этом убеждался. И он только руками развел.

– Ну, тогда... храни тебя боги.

– Бог, – уточнил Добрыня.

Свенельд хмыкнул.

– Один бог против многих – невесть какая сила. Но если помогает... Только не уверяй меня, Добрыня, что ты стал христианином!

Мальчишка засмеялся.

– Сын ведьмы никогда не станет почитать распятого Бога. Но... матушка ведь как только ни ворожила, а ма́ры меня не отпускали. Теперь же я сам по себе, никакого черное чародейство ко мне не тянется. Правда, матери отец про оберег не велел сказывать. Говорит, сперва сам ей все пояснит, как она вернется.

– Что значит «как вернется»? А где теперь Малфрида?

Добрыня вздохнул. На его детском личике, несмотря на старание казаться степенным, проявилось нечто ранимое, трогательное, даже губы задрожали.

– Да кто ж ее знает? Как ушла перед празднованием Масленицы, так и не объявлялась с тех пор. Однако батя уверяет, что скоро вернуться должна. Он ведь сердцем чувствует ее появление. И я... чую, наверное. Жду.

Добрыня тосковал по родимой. Какая ни есть – а все же мать. Хотя он уже в том возрасте был, когда мальчишек на Руси отлучали от материнских подолов. Ибо не к добру, если будущего мужа бабы растят и лелеют. Но не об этом думал сейчас Свенельд. Отсутствие ведьмы путало все его планы. Он знал, что Малфрида при муже жила, как кошка: захотела – ушла, захотела – вернулась, чтобы опять вести жизнь обычной бабы. Но уйти она могла надолго.

– Так... – Свенельд потер переносицу, откинул со лба длинные светлые пряди. – Не знаю, каковы там дела у Малка, но переговорить мне с ним нужно. Так что беги и доложи, что жду я его.

Опустившись на песчаный склон, Свенельд смотрел, как мальчишка бежал по тропе, мелькая среди красноватых стволов сосен. Затем перевел задумчивый взгляд на текущую воду реки и стал наблюдать, как светло серебрится Днепр в наступающих сумерках. Солнце уже село за деревьями противоположного берега, но небо еще было ясным, от воды веяло сыростью. Свенельд запахнул накидку. Исход дня в начале травня – это еще не теплые летние зори, сырость вечерняя пробирает до костей. Особенно у воды. Но обождать, видимо, придется. Да и обдумать все не мешало бы.

Когда Ольга повелела ему разыскать и привезти Малфриду, он даже сначала обиделся. Так и сказал ей – мол, что я тебе, прислужник-гонец? Или зазнавшаяся Малфрида ждет, чтобы сам князь-воевода древлянский ей в ножки поклонился?

Но Ольга только молвила: сам должен понимать, что иных гонцов гордячка ведьма может и не принять, а то и напугать так, что те в исполох впадут и побредут сами не ведая куда, – бывало уже такое. И все же княгиня редко когда принималась за какое-либо важное дело, не посоветовавшись сначала со своей подругой чародейкой. Вот и ныне Ольга задумала немислимое: отправиться в земли дальние, за моря глубокие, до самого Царьграда доплыть решила. И не абы почему, а чтобы уладить с царем византийским уговоры, какие некогда еще Олег Вещий заключал, а позже Игорь князь подтверждал. Но то все было сделано силой оружия. Теперь же Ольга решила войны не начинать, а сделать так, как в иных державах делалось, – при помощи посольства да мирного соглашения. А выйдет ли у нее? Вот для этого Ольга и просила Свенельда разыскать и привезти к ней чародейку Малфриду.

И все же Свенельд не сильно радовался, отправляясь посыльным княгини к ведьме. Ранее она его даже ревновала к ней, ведь одно время Малфрида была его суложью, жили вместе они. Потом разошлись, и Свенельд не любил, когда кто-то напоминал, что чародейка когда-то была его боярыней, в тереме его жила. В то время Ольга не была со Свенельдом столь отстраненной и холодной, да и к Малфриде относилась предвзято. Ведь еще до того, как Свенельд взял древлянскую чародейку в жены, та еще и Игорю успела голову заморочить. Но потом все как-то утряслось: Игоря древляне погубили, Свенельд с женой расстался, она с Малком близ Любеча поселилась. И все же Ольге всякий раз докладывали, если ее воевода заезжал к ним, гостил порой в их лесном доме-усадебке. И хотя Ольга поглядывала искоса после этого на Свенельда, у того всегда была отговорка: дочку, мол, навещал. Это для других было ведомо, что Малуша лекаря Малка отцом кличет, на деле же она была рождена от Свенельда. Несмотря на то что сам Свенельд не признал свое отцовство, даже согласился, что девочка Малка Любечанина родителем называет, все же поглядеть, какая из Малуши умница да красавица растет,

было ему приятно. Ну а супруги ему в том не перечили. Он же, наезжая к ним, наблюдал, как они поживают, и был уверен, что недолго такой брак выдержит. Но вот же, живут... Варягу это казалось странным. Он сам, еще будучи мужем Малфриды, заметил, что среди людей ей трудно надолго оставаться, маяться она начинает, и есть только одно средство удержать ее женой – покрывать собой как можно чаще, ибо плотская любовь любую чародейку сил ее лишает, делает бабой обычной. Но раз Малфрида так часто исчезала из дома Малка, раз оставляла его, то либо даже этим не мог удержать ее муж, либо она успевала одичать и набраться колдовских сил, пока он по делам уходил, людей лечил в округе, травы особые собирал. А возвращался – и нет уже Малфриды. За хозяйством его тогда их служанка Гапка следила. Вот кто был рачительной да умелой хозяйкой! Все у них в доме было ладно, всего в достатке, да и содержалось все так, как не приспособленная к хозяйским делам ведьма никогда бы не справилась. И Малушу именно Гапка обучала, как дом содержать. Да только у Малуши на все был свой взгляд. И как подросла, заявила вдруг, что не хочет в лесах под Любечем прозябать, и попросилась, чтобы Свенельд за нее слово перед Ольгой замолвил. Мол, хочет она при дворе княгини состоять.

Свенельд к просьбе непризнанной дочери отнесся уважительно, все княгине передал, ибо чувствовал себя виноватым перед Малушей, да и с годами иначе стал к ней относиться. Спрашивается, что ему до какой-то девчонки, которая и отца в нем не видела? А вот же, с годами стали просыпаться в варяге чувства родительские. У него самого в Киеве два сына жили, и что дочка под боком будет жить, тоже славным показалось. Других же детей Свенельд не имел. Он воду чародейскую живую и мертвую пил, а вода, продлевая молодость, давая долгую жизнь, не позволяла плодиться, награждала бесплодием. Ну да Свенельду это все равно. И когда он просил за дочку Ольгу, даже заволновался: не откажет ли? Однако Ольга приветливо восприняла просьбу своего воеводы. Слишком приветливо, как ему показалось. Будто слугу верного отблагодарить за годы службы хотела. А ведь знала, что любя она Свенельду вон сколько лет... без всякой надежды на взаимность.

Это чувство к княгине было для Свенельда как вечная неволя. Кажется, ну что бы ему томиться мечтами об Ольге, когда он и собой хорош, и почитаем, и дела у него свои имеются, слава о нем летит, как о первом воине Руси? Да к такому любая красавица с охотой пойдет. И все же милее Ольги для него все равно в целом свете никого не было. А она пусть и милостью одарит... но без сердечного тепла. Забыла уже поди, как в любви он ей клялся, забыла, как целовались когда-то... Для Ольги сейчас одно лишь важно и значимо: ее княжение, ее держава, ее заботы государственные. И хоть собой Ольга хороша и молода вечно – тоже чародейскую воду пьет, цветет красой, – но страсти бывшие в ней уже поутихли. Свенельд при ней служил, словно сокол прирученный, – ни вспорхнуть, ни улететь. И хотя немало добился в жизни варяг, но все одно грусть оставалась. словно так и не познал в жизни главной сокровенной радости.

В последнее время Ольга и вовсе редко стала Свенельда к себе вызывать, особенно с тех пор, как сдружилась со священником Григорием. Именно с подачи Григория стала интересоваться христианством, гонения на христиан не одобряла, даже смирилась с тем, что сын ее старший, Глеб, стал явным христианином, жил, как будто монах какой. Жену свою красавицу варяжку Сфандру не навещал, молился уединенно, не помышляя о власти. Поэтому у Ольги все надежды были на второго сына – Святослава. И уж в этом она не обманулась – соколом рос Святослав. Когда пришла пора отлучать княжича от женского воспитания, Ольга отправила его с воеводой Асмундом в дальний Новгород – учиться править. И хоть Новгород не самая спокойная вотчина на Руси, Святослава там приняли хорошо, свыклись с ним, полюбили. А этой зимой княгиня вызвала сына в Киев, дав понять, что пора ему уже княжескую шапку примерить, и новгородцы вышли провожать Святослава всем скопом, просили не забывать их. Как же, не забудет. Этот соколенок как прилетел в Киев со своей дружиной, только тем и занимался, что все новых витязей в отряды принимал. Матери же говорил, что вскоре пойдет в поход. Куда? Да куда его только не тянуло! И на болгар думал идти, и на вятичей диких, обещался даже с печенегами схлестнуться. Свенельда все это сильно раздражало. У мальчишки еще молоко на губах не обсохло, а он уже витязем себя мнил, самому Свенельду начинал перечить. А попросту завидовал его славе первого воеводы Руси. И теперь Свенельду надо как-то с ним налаживать отношения. Ведь князь все-таки. Ольга так и сказала, что будет готовить Святослава к княжению над всей Русью, а первый урок ему преподаст, когда оставит его в Киеве на время своего плаванья к ромеям в Царьград. Ибо Ольга вознамерилась ни много ни мало лично возглавить посольство в далекую

Византию. Свенельд волновался за нее, даже пытался отговорить от поездки, на боярской думе выступал, уверяя именитых людей, что опасно им свою правительницу к извечным врагам Руси отпускать. Ну да Ольга хитро его обошла: сказала, что ничего ей грозить не будет, если сам же Свенельд со своей дружиной отправится ее сопровождать. Вот тогда он и смирился. Понимал: останься он в Киеве, бояре, давно на его влияние дувшиеся, вмиг бы рассорили его с молодым Святославом. А так он саму княгиню, ладу свою, оберегать в пути будет. Ну и мир повидает, с Ольгой, может, в дороге сблизится. И вдруг случится чудо желаемое – опять Ольга на него взглянет не как на воеводу-советника, а как на пригожего молодого мужчину, который столько лет при ней живет, не скрывая своей любви, верно служит, ждет...

От мыслей Свенельда отвлекло некое движение в стороне, за деревьями. Пока он тут сидел да раздумывал, уже совсем смерклось, лес стал казаться темным, призрачным. Однако даже в потемках он разглядел, что неподалеку стоит и смотрит на него большая пушистая рысь. Откуда она тут, среди обжитых мест? А вон же глаза горят в сумраке. И...

Но не было никакого «и». Свенельд испугаться толком не успел, как уже зачурался.

– Чур тебе! Примерещится же такое!

Ибо не рысь это была, а обычная кошка, вернее, кот. Черный, важно бредущий по тропинке, он мелькал среди стволов сосен темной грациозной тенью. Этого кота, Морока, некогда Свенельд сам же и прислал ведьме из Киева. Еще будучи его женой-боярыней, Малфрида пригрела в тереме приبلудного котенка, а потом, поселившись тут с Малком, все просила: отыщите животинку, привезите. Вот Свенельд и разыскал кота. А уж радости-то у ведьмы было! Едва не расцеловала варяга. Но сдержалась, чтобы мужа своего не огорчать. Но кот с тех пор тут жил. Для кошки, правда, жизнь у Морока была долгая. Может, и его Малфрида живой водой потчевала? С нее станется. Вон люди на Руси только и твердят, что чародейская вода исчезает, половина знатных родов уже смирились, что не жить им вечно, смерды вообще считали, что водица та все больше в сказаниях придумана, а вот Малфрида будто нюх особый на чародейские источники имела. Десятки отправленных за водой волхвов возвращались ни с чем, а Малфрида всегда к положенному сроку княгине фляжки с живой и мертвой водой отправляла.

Свенельд стал подзывать кота:

– Морок! Морок! Ко мне иди, кис-кис.

Тот громко мяукнул, будто отзываясь, подбежал, высоко задрав хвост. Терся о ладонь варяга, мурлыкал, а глазами желтыми так пялился, будто выznать что хотел. Ведьмин кот, он и есть ведьмин, особенный. И взгляд у него такой, будто спрашивал: и с чего бы это ты прибыл сюда, воевода-посадник?

– Хозяйка мне твоя нужна, Морок, – почесывая кота за ухом, говорил Свенельд. – И где ее носит нелегкая? Вон княгиня за ней прислала. Как ту весть чародейке передам? А ведь Ольга пресветлая ждет. Дело у нее важное. А мне теперь...

Он осекся. Да что это с ним? Он, Свенельд, князь-посадник и первый на Руси воевода, сидит тут в темноте у реки да еще с котом разговаривает! Дожился.

Но кот слушал внимательно, даже мяукнул, словно отвечая. И вдруг замер, напряженно выгнув спину, зашипел сердито. Свенельд вскоре тоже различил некие отдаленные звуки. Как будто там пели – многоголосо и протяжно. Красиво пели. И, похоже, в том месте, где дом Малка в бору располагался. Причем пели так... Больше всего это походило на мелодичные напевы псалмов христианских.

Морок вдруг заурчал, завыл, как перед дракой, а потом стремглав кинулся прочь. А вскоре на тропинке показались какие-то силуэты. Люди шли неспешно, слышны были их негромкие, веселые голоса. Когда приблизились и увидели богатого витязя, стали кланяться. Без страха, даже приветливо.

– Благо тебе, хоробр. Доброго вечера тебе.

Он не ответил на их приветствие. Пусть будут довольны, что не погнал прочь. Сам же

посчитал проходящих: человек восемнадцать их было. Все больше бабы в повоях да платках нарядных, но и отроки были, даже трое сильных, плечистых мужиков, причем один с явной выправкой воина. Вроде обычные местные жители, но Свенельд догадался – почитатели Христа. Это о них Добрыня сказывал, что Малк их у себя привечает.

Свенельд пропустил христиан, посмотрел вслед. К нему со стороны дома подбежал Добрыня, веселый, тараторил, что он пока гостей проводит, а отец уже ждет гостя, рад ему. Да ладно, рад аж некуда, хмыкнул варяг. Или Малк не знает, что для Свенельда христиане в одной цене с лихоманкой? И вот теперь Свенельд видел их у Малка, знает, что он якшается с этими... если не сам стал таким же.

Но при встрече Свенельд поздоровался приветливо. Малк стоял перед входом в дом, держа в руках зажженный каганец. В его отсветах было заметно, как заматерел бывший ученик древлянских волхвов, раздался в плечах, отрастил небольшую бородку. Да и не положено женатому мужику без бороды. Одет Малк был небедно: рубаха с вышивкой на плечах и по подолу, пояс хорошей кожи, накинутая на плечи безрукавка подбита куницей, на ногах сапоги, как у какого купца. Но лекарь и впрямь был состоятельным, мог себе позволить жить в усадьбе с высокими скатами кровли, с широким, мощенным деревянными плахами двором, вокруг которого шел крепкий плетень. Хозяйские службы за домом были из толстых бревен, сам дом обмазан глиной и выбелен, ставни окошек в росписи цветной.

– Боярином смотришься, – пожимая ему руку, заметил Свенельд. – И холеный весь, даром что без женки с Масленицы живешь.

У Малка была все та же светлая, добрая улыбка, тот же ясный взор голубых глаз.

– Да ведь слуги у меня, вон и ключница моя Гапка со всем управляется.

Ключница тут же склонилась, приглашая гостя в дом, – ну чисто хозяйка рачительная. Когда-то купленная рабыней, она давно прижилась у супругов, сама стала выглядеть госпожой: и бока округлились, и в лице достоинство, и передник шелковой тесьмой по краю обшит.

– Не выдал ее замуж еще? – переступая порог, спросил Свенельд. – Хотя тебе без хозяйки нельзя, а такую, как Малфрида, у печи с ухватом не удержишь.

И зачем сказал? Видел, как только что сиявшие глаза Малка потускнели, он молча сел на крытую тканым ковриком лавку, опустил голову.

Гапка тут же принялась хлопотать у печи, но Свенельд остановил, сказал, что не голоден, а вот поговорить им с Малком надобно. Сообразительная ключница тут же вышла. Но гость и хозяин пока молчали. Хотя с таким, как этот бывший волхв, и слова не особенно нужны, все и так поймет. Свенельд даже хотел бы, чтобы старый приятель не столь уж рьяно в его помыслах разбирался. Ведь помыслы те были... и о том, что давно догадался, что простой жизни у Малка с ведьмой не сложилось, что вон и Малуша поспешила от тихого лесного существования перебраться в шумный Киев, что и Добрыне было бы не плохо поучиться чему-то более толковому, чем травы на заре собирать да полотно на бинты скатывать. Да и какой из Добрыни лекарь? Он прирожденный воин. Вон как камень метнул.

– Зря ты так, Свенельд, – подняв голову, сказал Малк. – Все хорошо у нас. А что не как у людей, так я сам знал, на что шел, когда Малфриду суложью назвал. А ты... – Он взглянул на гостя и невольно усмехнулся. – Что, и впрямь крепко тебя Добрыня камнем приложил?

– Не будь на мне шлема, ты бы уже сегодня меня примочками обкладывал. Ну, когда бы освободился. Ибо гости у тебя были.

И мысли пошли: христиан бывший волхв привечает, весь дом его курениями их пропитался, ладаном. Вон посадник Любеча их гоняет, запрещает службы свои во граде проводить, так они в чародейскую избу подались. Знают, хитрые, что у Малка их никто тронуть не посмеет.

– Я их сам позвал, – заметил Малк.

– Гм. Позвал. Скажи еще, что и их распятому божеству поклоняешься? – Свенельд прищурился. Лицо его стало напряженным, желваки так и заходили под скулами. Ох, и не любил же он христиан! Да и чем таким хорош их Иисус? Бродил где-то по дорогам и поучал: не богатый, будь щедрым, делись, милостыню подавай, жалей убогого. Далеко ли с такими поучениями уйдешь?

– Ведь многие народы, почитающие Христа, не бедствуют, – угадал его мысли Малк. – Успокойся, я не принял их веру. Но вот поглядеть, каковы христиане, мне любопытно. Послушать их мысли, подивиться их вере. Они, знаешь ли, верят душой, живут по установленным заповедям, а не как у нас, когда вспоминают о высших силах, только если припечет да надо требы на капище нести, чтобы просить о помощи.

– Люди живут сами по себе, что до них богам... богу, если желаешь. Зачем же себя рабом божьим называть?

– Это слова христиан. Это признак их почтения, преклонение перед величием Создателя, как они это называют. А помочь им да вызнаться, каковы они, я решил после того... Ну да ты знаешь... – Малк улыбнулся. – Видел уже, что Добрыня крест носит. И зачастую поет псалмы вместе с христианами. Я его в том не неволю. Как и не стану неволить, если он и впрямь пожелает не моему ремеслу учиться, а, к примеру, воем захочет стать. Добрыня толковый, всякое из него выйти может. А вот ты лучше скажи, как там дочка наша, Малуша, поживает?

«Наша» сказал», – отметил про себя Свенельд. А что имел в виду? Что она и его, и Свенельда дитя, что Малфриды порождение? Свенельд молчал, но Малк и так мог угадать, что, обитая в тереме княгини Ольги в Вышгороде, Малуша зовется не иначе, как дочкой Малка Любечанина. И сколько бы воевода ни пытался уделить ей внимание, девушка с ним неизменно оставалась сдержанной, если не холодной.

Воевода думал о дочери, зная, что говорить в голос необязательно, Малк и так все поймет. И как это его умение не иссякло от общения с христианами? И как Малфрида терпит, что муж ее христиан привечает?

– Малфрида ни о чем не ведает, – отозвался на его размышления Малк. – И пока ее нет... Хотя я не стану от нее ничего скрывать. Думаю, к дню Матери Земли она должна вернуться. Любо ей, когда большое гуляние, когда не работают, а пляшут. Любо и самой покрасоваться в новом венке. Она ведь на весь Любеч славится умением соцветия в венок сплести. Девки наши у нее обычно на свадьбу просят венок сплести, считают, что та, которая в венке Малфриды сядет за свадебный пир, надолго красоту сохранит и мужу любезна будет.

– Разве Малфриды с ее чародейством тут не чураются?

Странная тень прошла по лицу Малка.

– Чураются. И стороной обходят. Но она моя жена, а мне люди верят. Вот и к ней расположение проявляют. – Значит, хорошо вы устроились. – Свенельд вздохнул.

И вспомнилось, как люди травили чародейку и дичились ее, как изгоняли Малфриду только потому, что она не такая, как они. С Малком же она вроде как под защитой. За мужем, за ним, защищенная. А вот Свенельд при своем высоком положении и власти дать ей этого не смог. Да и не хотел тогда. Ибо колдовская сила Малфриды была ему неприятна и будто отторгала от нее. Это потом... даже скучал за ней порой. Поэтому и любил бывать тут, видаться с Малфридой. Она при встречах держалась дружелюбно, когда и водой чародейской одарит, а когда они просто разговаривали по душам. И стала ему Малфрида будто даже понятнее и ближе, чем когда его боярыней была. Хотя именно Малфрида знала, как он лелеет давнишнюю мечту: добиться не только расположения, но и любви великой княгини Ольги.

Малк уловил эту мысль и отвернулся, пряча улыбку. Ох уж Свенельд! Княгиню ему подавай. Размечтался. И Малк спросил о другом: что привело сюда гостя? Слушал о предполагаемой поездке княгини в Византию, улавливал недосказанное: страшится княгиня неизвестности, сила Малфриды ей нужна, желает она с собой чародейку взять, ибо, имея ее рядом, Ольга не так боится опасностей, подстерегающих ее в неведомых краях. Ну что ж, Малк свою жену знал, ей всегда любы иные земли, всегда тянет куда-

то. А ему опять придется тут одному хозяйствовать. Казалось бы, и привык уже. Но так тоскливо, одиноко. Хотя бы увидеть ее перед отъездом, обнять, прижать к сердцу. Да, не так они живут с Малфридой, как бы ему хотелось, ну да живут ведь...

Стукнула дверь, когда вернулся Добрыня, еще с порога сообщив, что проводил христиан до предместий града Любеча. Добрыня там присмотрелся во мраке – видеть в темноте он мог не хуже матери-ведьмы, – но не заметил, чтобы кто-то поджидал христиан, никакой засады не было. И вообще ничего подозрительного по пути он не разглядел.

– А Морока вашего ты видел? – Свенельд повернулся к пареньку. – Бегает он тут, вон меня признал, ластился.

Ему не ответили, но Свенельд заметил, как удивленно переглянулись отец и сын.

– Какого Морока? – спросил мальчик. – Наш кот уже два года как сдох.

Малк вдруг поднялся, резко подошел к Свенельду.

– Где ты видел Морока?

И по мелькнувшим мыслям варяга понял еще до того, как тот рот открыл: совсем рядом, на берегу Днепра. А сбежал Морок, когда заметил идущих от дома христиан.

– Ох, помогите, светлые силы! – Малк схватился за грудь. Лицо у него побледнело, в глазах заплескалось отчаяние. – Если она прознала про христиан... Если решила, что и я с ними молился...

Он вдруг застонал, закрыл лицо руками, стал раскачиваться, словно под тяжестью придавившей ноши. Потом выпрямился, бросился из дома в ночь. Звал:

– Малфрида, вернись! Ладо мое, жена! Приди хоть на миг! Я объясню все. Я не предавал тебя!

Добрыня же внезапно заплакал. Отвернулся, давясь слезами, плечи его сотрясались.

Свенельд не обладал даром угадывать мысли, но тут все понял. Это Малфрида Мороком обернулась, она домой шла, к мужу и сыну. А тут христиане. Для Малфриды ничего хуже этого быть не может. И теперь она не вернется.

Варяг молча шагнул к двери. Добрыня сидел отвернувшись, с темного подворья долетал взволнованный голос Малка, который все кликал и кликал жену. Боль и отчаяние было в его голосе, тоска горячая...

Свенельд ушел, не простившись. Думал: «И что теперь княгине сообщить?»

Над шуршащими в вышине кронами сосен тихо мерцали яркие весенние звезды, за лесом над Днепром всплывал тонкий молодой месяц. Тропка вдоль реки была темной, но, когда Свенельд уже подходил к Любечу, когда стали различимы частоколы градской крепости на высоком холме, когда в воздухе начал ощущаться запах дыма очагов и послышался отдаленный клич сторожей-обходчиков, дорогу ему неожиданно заслонил чей-то силуэт.

– Зачем приезжал, воевода?

Она. Малфрида. Не рысь дикая, не кошка черная – человек. Ведьма. Вон как мерцают во мраке ее желтоватые очи. Однако Свенельд уже давно перестал пугаться колдовского вида ведьмы. Он даже обрадовался встрече. Выходит, теперь он сможет выполнить поручение княгини!

Говорил о наказе Ольги сбивчиво: мол, та в дорогу дальнюю собралась, ей Малфрида нужна, чтобы поворожила, чтобы посоветовала, как в былые годы, когда она княгине во всех ее начинаниях способствовала. Чародейка вроде как слушала, а Свенельд все равно опасался, что сейчас Малфрида хмыкнет и сгинет, как и не было ее тут. Она ведь дикая, ее никто приручить не смог. Ни княгиня, ни он сам, ни Малк... Который сейчас места себе не находит, зовет ее, кается, что с христианами связался.

Свенельд был честен, а потому так и сказал ведьме: муж твой не стал христианином, он просто пожалел их, позволил у себя провести службу. И уже сокрушается о содеянном.

Малфрида ответила после продолжительного молчания:

– Зря стараешься, Свенельд. Малк... Он давно христианской верой интересовался.

– Многие интересуются. Но мало кто крестится.

Она молчала, дышала бурно. В слабом свете Свенельду вдруг почудились длинные клыки, выступившие из ее рта. Он даже отшатнулся. Но ведьма отвернулась и надолго замолчала. Выждав время, Свенельд сообщил, что ей приказано явиться в Вышгород.

Малфрида вздохнула. Повернулась – и не было уже никаких клыков у нее. Померещились они варягу, должно быть.

– В Вышгород? – переспросила Малфрида. – Ну, так тому и быть. К Ольге поедem!

Сказала, как повелела. И пошла, не оборачиваясь, будто и не интересовало ее больше ничего. Будто прошлое осталось там, позади, и дела ей до того не было.

Глава 2

Княгиня Ольга обычно предпочитала проживать не в Киеве стольном, а в своем городе Вышгороде на Днепре. Еще Олег Вещий отдал это место ей под руку, а при муже, князе Игоре, Вышгород вообще стал считаться главной вотчиной его жены. Позже, получив после похода на древлян третью часть дани на свои вышгородские нужды, Ольга превратила свою вотчину едва ли не в соперника самого Киева: и терема возвела тут не хуже киевских, и знать стала селиться вокруг жилища государыни, и торги пошли, и корабли сюда приставали, устраиваясь у длинных причалов днепровских.

А уж терем Ольга для себя возвела просто загляденье: нарядное крыльцо на толстых расписных опорах, наличники окошек резьбой, будто инеем, украшены, высокие шатровые кровли гонтом покрыты, на шпильях позлащенные петушки блестят. А еще Ольга повелела раскинуть вокруг терема сад, где по ее наказу сажали местные и заморские растения, цветники разбили, белым песочком дорожки посыпали. Хорошо тут было принимать гостей и послов, беседовать с ними, сидя на крашеных скамьях под раскидистыми кронами, а то и прогуливаясь между ярких цветников.

Правда, с тех пор как в Вышгород к матери прибыл сын Святослав, почтенная тишина и значимость в любимой вотчине княгини поубавились. И хотя, с одной стороны, Ольга была рада приезду сына, как же непривычно шумно и суматошно сделалось в Вышгороде с прибытием молодого князя, как беспокойно и хлопотно! Ибо Святослав прибыл не один, а с многочисленными дружинными побратимами. В дружине его и новгородцы были, и варяги, и кривичи, да и полян уже немало к молодому князю прибилося, даже древляне из лесов соглашались у него служить, приходили целыми десятками, а то и дюжинами.

Молодой князь радостно набирал себе молодцев. Поначалу Киев весь взбаламутил военными игрищами и скачками, состязаниями лучников и копейщиков, а теперь тем же занялся и под окнами княгини. Потому и вытоптаны были цветники вокруг терема, деревца заморские порублены, скамейки разломаны. Что тут поделаешь, когда такая орава силушкой похваляется. И шум стоит день-деньской, вопли и посвист долетают до высоких окошек гридницы. Княгине приходилось прилагать усилия, чтобы не отвлекаться на весь этот гомон, чтобы вникать в то, что ей докладывали.

Вот и нынче она стояла у длинного стола, а невысокий и верткий боярин Сфирька, вскидывая торчавшую клином бородку, указывал ей на разложенную на столешнице карту, где на выскобленной телячьей коже были обозначены изгибы Днепра, мимо коих им предстояло пройти на судах.

– Вот погляди, княгиня пресветлая. До этого места, где крепость Канев расположена, мы будем идти еще по своим землям. А дальше уже речка Рось – и все, в чужом краю мы. Тут уже Дикое Поле начинается. Тут и черные клобуки живут, и берендеи, и хазары черные шастают. Но с этими мы как-то уже научились ладить – когда силой, когда даже приторговываем с ними. А основная опасность – сама же небось знаешь – нам от печенегов будет. Ибо давно ряд с ними не укладывался, давно послов не отправляли к копченым. Вот и не знаю, что случится. Особенно как до порогов на Днепре дойдем. И опасаясь я...

– Что ты меня степняками стращаешь, Сфирька! – резко оборвала боярина княгиня. – Знаю ведь, ты чаще иных струги к грекам направлял, в Корсуне едва ли не подворье свое устроил, да и в Царьграде тебя знают. И как-то же проходил ты и пороги, и степняков миновал.

Сфирька сжал в кулаке свою жиденькую бороденку. Глянул будто виновато, но Ольга знала, как этот мелкий боярин хитер и предприимчив. Он был из тех немногих киевлян, кто уже более десятка раз плавал за моря и всегда благополучно возвращался. На этих поездках да торгах удачных Сфирька и поднялся, разбогател так, что своих пятерых дочерей просватал за именитейших бояр киевских, сам боярские браслеты надел и ныне в Думе среди нарочитых мужей не на последнем месте у двери заседал. Уважали его, хоть был он роста невеликого, кривобокий и щуплый – совсем незначительный с виду. Но умен. Вернее, хитер. А еще толков. Поэтому Ольга и решила взять его главным провожатым до Царьграда в своем караване. Сфирька, узнав, на какую службу его позвали, тут же свои суда с мехами и воском присовокупил к череде кораблей

правительницы, но Ольга в том ему не мешала: толковый человек, он нигде своей выгоды не упустит, а она таким только помогать будет. Станут богатеть ее люди, и ей лучше, а там и по всей Руси выгода пойдет.

Сфирька говорил княгине:

– Ты пойми, государыня пресветлая, я-то что – сошка мелкая. Меня припугнут – я и откупаюсь, а то и стрекача дам, если выйдет. А чтобы не догнали, какой-никакой товар за борт бросаю, дабы отвлечь копченых, – бочонок с медом, куль с овчинами, а то и парочку рабов из слабосильных. Пока неразумные печенеги их вылавливают, я далее иду, под прикрытием стрелков моих, которые с кораблей начинают отстреливаться. А на порогах уже так не выйдет, там сам в ножки печенежским ханам кланяюсь, сам позволяю ясыр выбирать. Убыток, конечно, ну да как иначе. Ведь если с печенегами уговоришься, они потом не трогают, да еще и от иных копченых оберегают. Но повторяюсь – я сошка мелкая. Меня и обидеть можно. А ты – государыня огромной державы. Тебе уступить копченым – лицо потерять.

Ольга задумчиво закусила чеканный перстень на безымянном пальце. Но сама себя же одернула – что за глупая привычка! Княгине не к лицу подобное. А все же в минуты, когда особенно волновалась, всплывало старое, полузабытое.

Итак. Ольга внимательно взгляделась в карту. Ближе всего к днепровским порогам подходили земли, где хозяйничали две печенежские орды – Харавои и Гилы. Ну, с Харавоями еще в прошлом году Свенельд умудрился ряд заключить, эти не полезут. А вот Гилы опасны, тут надо будет держать ухо востро. Ходит еще по левым притокам Днепра орда Цур, с которой тоже не все гладко. Как и непросто будет с ордой Куплеи, ну да там ныне, как Ольге сказывали, стал ханом бывший ее воспитанник, молодой Куря. Еще ребенком он жил в Вышгороде в качестве заложника, обиды ему не чинили, но потом пришлось все же вернуть в стан. Пока жив был отец Кури, старый мудрый Темекей, особой беды с его людьми не было, слаживалось как-то, Игорь вон даже в поход с Темекеем некогда ходил. Сейчас же там ханом Куря, а ряда с ним не уложено. И Ольге не очень-то верилось, что Куря вспомнит, как некогда княгиня его на руках держала-баюкала, медом липовым подкармливала. Печенеги, они что волки – сколько ни корми...

От размышлений княгиню отвлек поднявшийся во дворе шум. Ох и разгалделись же дружинники Святослава! Словно в крепости Самват, а не в ее теремной вотчине. Но уж тут ничего не поделаешь. Ольге надо, чтобы сын был рядом, хватит ему в Новгороде дальнем шалить да с мужиками на мостах через Волхов на кулачках драться. Хотя чего уж там говорить, сын не только дрался, но и в походы ходил, дань собирал с окрестных племен – и с эстов, и с веси, и с ливов приморских, а то и с варягами отправлялся в дальний вик. Боярской же думе новгородской Святослав не мешал. По сути, он вообще не интересовался, что там у них. Но потому горластые и строптивые бояре новгородские его и охотно князем признавали. Однако вырос уже Святослав, ему не только о походах да ратных забавах думать надо – пришла пора княжичу править учиться, знать нужды державы. И все же пока Святослав воинские забавы оставлять не собирался. Вон какой гвалт устроили перед теремом княгини!

Ольга постаралась отвлечься от шума, запахла в ниспадавшую из-под опушенной соболем шапочки легкую вуаль, будто бы так гомон не будет донимать.

– Ты вот, Сфирька, про печенегов мне много сказывал, а как быть с порогами днепровскими? Про них поведай.

Сфирька с охотой пояснял: порогов на Днепре девять – опасные скальные гряды встают из реки там, где она в тесных берегах сходится, и духи там злые водные обитают, какие любят губить корабли, бросая их на камни. Из-за этих опасных мест Днепр истари считался непроходимым. Люди раньше думали, что по реке пройти нельзя, но потом однажды варяги миновали пороги, ну а за ними и иные двинулись в богатый Царьград. И с тех пор путь этот так и прозвали – из варяг в греки. Но путь очень непростой. У каждого скального порога надо делать остановку, сходить на берег, часть груза на себе перетаскивать, пленников-рабов посуху проводить, а сами суда тащить вдоль берега на крепких веревках, удерживая, чтобы речные духи не уволокли их, не порвали канаты. Вдоль бережка протаскивают суда, вновь товар укладывают, вновь за весла садятся и плывут далее, до следующего порога. И так до самого острова Хортица. А на острове

том есть великое святилище и дуб растет заветный. Как доберутся до него корабели, надо великую требу принести в благодарность, что прошли. Иначе и нельзя, ведь и обратно идти тем же путем придется. Да и вообще за удачную дорогу там надо молить богов. А в дальнейшем путь тоже непрост и долог. И опять же печенег – еще одна большая орда в приморских водах шастает. Орда Талмат, а хан у них – Коста.

Услышав это имя, Ольга не смогла сдержать улыбки. Упомянутый Коста был ее человеком. Верный чародей-волхв, он некогда принял облик печенежского хана и увел орду Талмат подальше от Руси, до самого моря. Там их и держит. Ну да с Костой она уж как-нибудь договорится. Да и вообще, верного слугу не мешало бы повидать, есть о чем переговорить с ним.

А Сфирька уже рядом советует: ты, княгинюшка, все пройти сможешь, но мелочиться не надобно. Надо и стругов снарядить побольше, и витязей-охранников на них усадить достаточно; еще бы хорошо, чтобы и конные караван по берегу сопровождали, хотя бы пока пороги до Хортицы не минуют. Ибо по Днепру будет идти не кто попало, а сама государыня державы великой!

Уж и польстил Сфирька! Умел, шельмец, нужно сказать. Ишь как завернул – держава великая! Сладкие то для княгини слова. Ольга гордилась тем, что сумела создать, удержать, расширить. Вон на той же карте красными точками обозначены рубежи ее южных застав, где несут службу видные витязи, отгоняют степняков. А на севере ее владения до самой Ладоги простираются. И владеет этой землей она – девочка из-под Пскова, женщина, баба, вдовица. Разве такую заносчивый византийский император посмеет не принять? Разве не окажет ей почет, не поймет, что не стыдно его цесаревне за Святославом женой быть? Ибо одной из причин Ольгиного посольства было ее намерение породниться с самим базилевсом Константином Багрянородным.

Правда, состоявший ныне при Ольге грек Григорий, христианин и друг задушевный, не больно верил в подобное – говорил, что уж больно ценят свой род византийские правители, редко с кем брачные договоры заключают. Ну да Ольга уже придумала, чем поразить Константина Багрянородного. Она такое посольство собрала, такой силой поплывет, что базилевс обязательно поймет, насколько значительная гостя к нему пожаловала. И еще была задумка у Ольги: некогда предшественник Константина Роман Лакапин на все был готов, только бы ему с Руси живую и мертвую воду привезли. Вот и Константин Багрянородный против того не устоит. Примет ее, а там они и обговорят все: и почему Царьград тянет с выплатой обещанной по договору еще с Игорем дани, и отчего настоял, чтобы русы не смели в южных морях плавать, и обсудят, чем плох ее сын Святослав для цесаревны ромейской. Сын Ольги уже в том возрасте был, когда жену подыскивать надо.

Правда, самого молодого князя многие еще по старинке величали княжичем. То, что власть – это Ольга, понимали все. И ей это было любо. Но время все одно пришло, надо ей мужчину сажать подле себя, да не мужа, какого не смела выбрать, опасаясь делиться властью да споры на Руси вызвать, а именно сына. Пришла пора Святослава великим князем делать. Потому и решила, что первой пробой для юного Святослава будет его правление на Руси во время отсутствия матери.

Сфирька еще что-то говорил, но Ольга уже не слышала – рев и крики за окном сделались просто оглушающими. Однако и сквозь этот шум можно было различить, как множество глоток резко выкрикивают имя: «Святослав, Святослав!»

Княгиня подошла к широкому окну, посмотрела, заслонившись расшитым рукавом от бьющего в глаза солнца. И по ее пухлым, пунцовым, как спелая вишня, губам промелькнула довольная улыбка. Да, пусть она и пеняла сыну, что он военные забавы ставит наперед забот правления, но какая мать не порадует, видя, какой молодец из ее дитенка вырос.

Там, где некогда были цветники, ныне было вытоптанное в пыль поле, на котором дружинники молодого князя установили высокие оструганные столбы. Вокруг них обычно гоняли коней, в них метали стрелы, а сейчас устроили новую забаву: в стремлении показать силу и ловкость взбирались по их гладкой поверхности наверх. Вот и теперь трое молодцев, раздетых по пояс и босых, лезли по гладким стволам, обхватив их руками и ногами. Сползали по гладкому столбу, опять приникали, обвивали, цеплялись, рывками заставляя тело подниматься наверх. И пока выше всех умудрился

забраться именно князь Святослав.

Шестнадцать годочков ему было, а уже витязь. Вон как бугрятся мышцы под загорелой кожей, как взмокли растрепанные русые кудри, как напряжено и серьезно лицо! Ростом князь был не из самых высоких, зато сложен ладно, а лицо хоть и не красеня, но исполнено той силы, какая порой важнее любой привлекательности. От этого лица веяло уверенностью; темные брови сейчас хмурились, синие глаза были прищурены, жесткий рот напряженно сцеплен. Вроде как в военной потехе дурачиться, но и в дурашливых учениях он серьезен, потому что хочет быть первым. И дружина признает его лидерство, за него болеют, имя его выкрикивают.

Наблюдая за сыном, Ольга все же заметила, как через двор между толпившимися дружинниками пробирается высокая чернокосяя девушка с глиняной кринкой в руках. Малуша. Помощница старой ключницы Ольги – Дарины. Малуша сама уже все дела ведет, и ключи Дарина ей доверила, зная, что девка толковая и расторопная. Но Дарина – старая раба, много лет ведущая хозяйство княгини в Вышгороде, а Малуша свободнорожденная, отцом ее слывет известный лекарь Малк Любечанин, а мать – ведьма Малфрида, давняя подруга и советчица княгини, – всем о том известно. Поэтому и гадают люди, отчего девушка из такой семьи вдруг стала челядинкой Ольги? Ведь челядинцами обычно бывают холопы, прикрепленные к хозяйству, по сути рабы. Однако Ольга понимала, отчего такая способная и решительная девушка, как Малуша, предпочла жизнь при княжьем тереме прозябанию в глухомани под Любечем. Здесь она при милостивой к ней княгине, здесь жизнь шумная и яркая, а если учесть, что Малуша сама норовит стать ключницей Ольги, то понятно, что рассчитывает высоко подняться своими стараниями, чтобы ни от кого, кроме Ольги, не зависеть. Поэтому ее званием холопским не смущайся, ибо еще по прибытии обговорила она с княгиней условия своего найма. Будь на месте ведьминой дочки кто иной, Ольга бы и за порог за столь смелые речи выставила, но Малушу она знала с детства, по-своему любила, да и приходилось считаться с тем, что та самой Малфриды дитя. Поэтому княгиня дала Малуше волю и почет, пусть ту и называют челядинкой, хотя место ключницы при ином хозяйстве таково, что ее не всякий свободный попрекнет. Да и с работой она справляется так, что Ольга поняла – не прогадала, приняв девушку в челядь. Та со всем непростым хозяйством княгини справлялась умело и споро, все у нее горело в руках. А держалась Малуша так, что мало кто и посмел бы ее холопкой назвать. Вон как идет, раздвигая орущих молодых мужчин, а те расступаются перед ней, будто перед важной особой. Она же шествует прямая и серьезная; заплетенная у самого затылка длинная черная коса слегка покачивается при движении, украшенное блестящими бусинами очелье смотрится как венец на какой королевне. Да и само личико надменное и спокойное, такое лилейно-белое, что черные, круто изогнутые брови кажутся прорисованными, а зеленые, как у кошки, глаза смотрят по-кошачьи – внимательно, но и равнодушно, словно вся эта суета ее не трогает.

Святослав в какой-то миг тоже заметил девушку. Ольге из ее высокого окна было видно, что сын смотрит в сторону Малуши, даже замер, карабкаться перестал. Ну и начал сползать по столбу, пока два других соперника усердными рывками нагнали, а затем и опередили его. Святослав же, казалось, забыл, зачем на такую высоту взобрался, и вскоре окончательно спустился по столбу.

– Ээээх! – прозвучал разочарованный многоголосый вздох.

Витязи сокрушенно махали руками, расходились. Будто и не так важно им было, кто из оставшихся соперников доберется до победной вершины. Сам же Святослав, похоже, не огорчился. Смотрел в сторону крыльца, по ступеням которого поднималась в терем молоденькая ключница.

Ольга невольно призадумалась. Малуша сызмальства росла при ее тереме воспитанницей, она была на год старше Святослава, в детстве они часто играли, и всегда дочка ведьмы имела власть над сыном княгини. Няньки так и передавали Ольге: скажет что зеленоглазка – княжич тут же кинется выполнять. Но тогда они детьми были, Ольга на властвование разумной и спокойной Малуши смотрела даже одобрительно. Потом Святослав уехал, годы прошли, пора было бы забыть детские шалости. Но и вернувшись, повзрослевший Святослав Малушу из всех выделяет, то затронет ее и заговорит, то ищет ее компании. Даром что в челядинки к его матери пошла бывшая подружка и теперь кланяться ему в пояс должна. Но ведь не кланяется же! И, опять же, Малуша только

сказала – он и рад выполнять. Ранее Ольге докладывали, что хоть сын ее взрослый уже, а девки его словно не волнуют. Вот привез из похода пару-тройку пригожих пленниц, но вскоре о них и забыл. А тут Малуша одним своим присутствием его от дружинных побратимов отвлекает, хотя даже не глянула в сторону молодого князя, прошла, покачивая косой, – а ему и военная потеха уже не потеха. Поспешил за девушкой, оттесняя приятелей, на возгласы их не отвечает.

– Вы приказывали квасу принести, – услышала Ольга за собой негромкий, спокойный голос Малуши.

И тут же ей вслед:

– А меня не угостишь ли, красавица?

Это уже Святослав. Стоит между резных подпор дверей, еще задыхающийся после состязаний... или быстрого бега. Обычно в гридницу матери его и калачом не заманишь: все-то он в дружинной избе, все на учебной площадке, все ловами да скачками увлечен. А тут сам прибежал. Стоит, широко расставив ноги, русые волосы потемнели от пота, лицо раскрасневшееся, но в синих глазах веселый блеск, улыбается яркими, как у матери, пухлыми губами.

Малуша не повернулась к нему. Сначала княгине налила в чарку, потом, спросив взглядом позволения, плеснула и для Святослава. Он пил и смотрел на нее поверх ковша-утицы.

– Ух, холодный! Даже зубы заломило. Малуша, ты сама за ним в погреб лазила?

Девушка не отвечала, стояла прямая, глядела на Ольгу, ожидая дальнейших распоряжений.

– Хорошо, что ты пришел, сын, – промолвила княгиня. – Иди, покажу тебе рубежи наших границ, великие земли Руси. А ты, милая, – обратилась она к Малуше, – ступай пока. Старая Дарина просила еще проверить в кладовой запасы солонины в бочках.

Девушка чуть улыбнулась правительнице, поклонилась и направилась к выходу. Голова ее гордо вскинута на высокой шее, хорошенький носик вздернут. Ростом она была немного выше князя, и это придавало ей величавости, может, поэтому князь и отошел, уступая ей дорогу. Она же прошла, как проплыла, только коса метнулась по облаченной в белую рубашку спине.

– Пойди сюда, Святослав, – повторила призыв Ольга, но Святослав лишь рубанул ребром ладони по воздуху.

– Да недосуг мне, родимая! Вон Претич сейчас метание сулиц устраивает. Я там должен быть.

– Ты князь, ты никому ничего не должен!..

Но он уже выскочил. Сулицы, говорит, метать будет? А вот Ольга расслышала, как он догнал Малушу, спрашивает, нравится ли той его новая татуировка. На плечах у него знак Перуна – двойная зигзагица-молния, и ради Велеса он змеиные завитки на груди против сердца нанес, а у локтя – огненные языки Сварога, чтобы оружие всегда слушалось.

– Ништо, – послышался насмешливый голос Малуши. – Тебе нравится, вот и малюй на себе.

Боярин Сфирька посмеивался – тоже расслышал.

– Как говорится, коза во дворе – козел через тын глядит. Ай да молодой князь! Ты ему цесаревну сватать, а он за холопкой бегаёт.

– Попридержи-ка язык, боярин! Не твоя это забота. К тому же Малфрида скоро сюда приедет, вот тогда погляжу, кто посмеет ее дочь холопкой звать.

Княгиня жестом отпустила Сфирьку, но сама призадумалась. Она уже не единожды

гонцов за Малфридой отправляла, но те возвращались ни с чем – лишь руками разводили. Поэтому Ольга и послала за чародейкой Свенельда. Понимала, что не в радость ему ездить туда, где бывшая сулужь его живет, – и счастливо живет, в ладу с мужем, все это знали. Да и казалось порой Ольге, что не остыли чувства к ведьме у ее верного Свенельда. И все же отправила... Может, хотела в очередной раз убедиться, что даже чары Малфриды не отвлекут от нее самой пригожего варяга? Хорошо знать, что тебя кто-то любит столь долго и преданно. От этого любой бабе жизнь ярче кажется. И сколько бы Ольга ни уверяла себя, что нет ей дела до переживаний Свенельда, а ведь будто испытывала его всякий раз. Хотя самой себе давно дала зарок: как бы ни был хорош, прославлен и предан Свенельд, для нее он лишь подданный. Она его сама возвысила, считается с его словом, однако о большем пусть и не мечтает. Ольга сама с этой мыслью свыклась. Даже когда-то бывшее в присутствии Свенельда глупое сердце... поумнело, что ли? Или сама она уже стала так стара, что обычные людские страсти ее уже не тревожат? Ибо живет Ольга давно, Свенельд еще и не родился, когда она княгиней при Игоре стала. А все цветет, любо в зеркало полированное на себя глянуть, любо наряды примерять, уборами драгоценными себя украшать. Ну да то все живая вода чародейская. А вот ум у княгини уже бабы пожившей. Ее взглядами любовными не смутить. Ибо она – государыня. А Свенельд – ее верный человек, с которым и посоветоваться не помешает, и поручение особое дать. Поэтому Ольга решила, что именно Свенельд ее в далекую Византию сопровождать будет. Как и Малфрида. Без верной и сильной ведьмы Ольга как-то опасалась в такие дали заморские отправляться.

Но согласится ли та? За годы общения с ведьмой они сблизилась, порой даже просто болтали о всяком – как простые бабы у колодца. Но простыми обе не были. И Ольга понимала – пусть Малфрида и своевольна, пусть дика и непредсказуема, но все же как ни погляди – подруга. А иметь подругой столь сильную чародейку Ольге ох как выгодно было! И за какое бы дело княгиня ни бралась – ездила ли по градам и весям земли своей, подчиняла ли где кнутом, а где пряником князей удельных, вводила ли вместо исстари принятого на Руси полюдья установленные уроки, повелевала ли дань свозить на погосты ею обозначенные, правду единую вводила ли по всей Руси, – всегда перво-наперво просила Малфриду поворожить, подсказать, поколдовать, а где и чары навести на непокорных, пострадать кого мороком-наваждением, чтобы опасались и слова сказать против указов Ольги не посмели. И Малфрида никогда ей не отказывала, всегда помощницей верной была. Конечно, не везде она Ольгу сопровождала, в тот же Новгород никакими силами было ее не заманить, да и вообще о северных землях Руси Малфрида и слышать не хотела. Но все равно она немало помощи княгине своей оказала. А люди на Руси, видя, как мудрая княгиня с ведьмой своей советуется, давно решили – если нужна она княгине, то уж ладно. И хоть по-прежнему чародейку недолюбливали и побаивались, однако уже никто тронуть ее не смел. Ведь самой правительницы ведьма!

Вот и теперь Ольга надеялась на помощь Малфриды в дальней поездке. Ранее Русь с Византией только через силу оружия говорила, ныне же Ольге хотелось поехать мирно, как ездят друг к другу правители иных стран. Она желала показать свою державу не только дикой территорией варваров, где каждый второй колдун и дикарь, как о землях Руси поговаривали, а выказать страной, какая ни в чем иным державам не уступит.

Этой мыслью увлек Ольгу живший в ее тереме священник Григорий. Правда, он надеялся, что Ольга, побывав в Византии, перво-наперво подумает о крещении. Он порой так и говорил княгине: крестись, познай величие Господа, какого признали все народы христианские, стань в один уровень с владыками мировыми. И хоть Ольга обычно на такие речи отмалчивалась, мысль та давно ей по сердцу пришлась. Стать вровень! Да уж давно пора. Вон какая держава под ее рукой, а ее послов даже не зовут к иным иноземным дворам, гости иностранные не спешат трону ее поклониться.

Об этом думала княгиня поздним вечером, когда уже сидела в своей опочивальне, а Малуша расплетала ее длинные косы перед зеркалом из полированного олова. Отражение их лиц при свете свечей казалось слегка золотистым, и Ольга с ее пышными русыми волосами в нем казалась лишь немногим старше юной Малуши. И все же старше. Пусть благодаря чудодейственной живой и мертвой воде она и сохранила упругость кожи, пусть все такими же яркими оставались ее губы и румяными щеки, но вот серые прозрачные глаза выдавали возраст. Само выражение лица – умудренное,

значительное, знающее – указывало, что она давно перешагнула тот порог, когда в селениях простолюдинки глубокими старухами слывут. А Малуша рядом, несмотря на некоторую присущую ей скрытность, все одно выглядела юной и мечтательной. Такие лица бывают лишь в ранней молодости, когда все внове, когда мало еще знаешь, когда все впереди.

– Что, не дает тебе проходу Святослав? – спросила княгиня, наблюдая за ключницей в отражении.

Та не смогла скрыть невольной улыбки.

– Не дает, государыня.

– Ну а ты?

– Что – я? Я свое место знаю.

– Вот-вот, не забывай этого. Помни, что он князь. Его удел высок.

– Я помню.

Но в улыбке все же гордость. И довольство. Чувствует, кошка зеленоглазая, что Святослав перед ней не устоит, вот и играет им. Вроде и холодна, но бабки теремные на шептали княгине, что опять Святослав сидел у служб, где челядь жила, вновь вызывал ключницу для беседы. И все же Малуша умна, понимает, что ей перво-наперво надо угождать своей благодетельнице княгине, какая хоть и добра пока, но не помилует, если что. Ольга так и сказала – отвадь Святослава. Если не отвадишь, назад в Любеч ушли. Ибо Святославу жениться надо, а не за девками бегать да от дел отлынивать.

«Скорей бы Малфрида приехала, – думала Ольга. – Надо будет попросить ее приготовить для Святослава отворотное зелье. О боги, о чем это я? Нет, опаивать сына не позволю. Лучше пускай Малфрида дочке своей даст какое зелье, чтобы та сторонилась Святослава, как кикиморы. Чтобы и надежды малой ему на любовь не давала».

Об этом же думала княгиня и на празднике Матери Земли, когда жители Вышгорода собрались на берегу Днепра, возносили требы, жгли костры и молодежь плясала среди огней. А Святослав опять-таки все не отступал от Малуши, и она, разгоряченная праздником, уже не задирала нос, а смеялась, прыгая с ним через огонь, бежала по кругу, когда повели коло, держалась с ним за руки. И после, когда сидела среди девиц, а Святослав стоял среди молодцов, они все время переглядывались и улыбками обменивались.

Ольга видела, что вопреки ее наказу дочка ведьмы играет ее сыном: она была как кошка, которая то ластится, трется о колени, а захочешь взять – убегает. Святослав же... Улыбнется ему молоденькая ключница – он и сияет. Отвернется холодно – он брови насупливает. Совсем зачаровала парня. А еще уверяет, что колдовской материнской силы в ней и на потертую вервицу нет. Может, и так, однако все же есть в Малуше некая манкость, пусть не колдовская, но от матери точно доставшаяся. Вон Малфрида хоть и не так хороша собой, как дева лебединая, но если выберет кого, то мужики от нее всегда голову теряли. И в Малуше это есть. Хотя собой Малуша все же краше матери будет, ярче. Бывает девушка просто по двору с коромыслом идет, а у молодцев взоры к ней так и прикипают. Она и слова кому не молвит, достоинство оберегает, а они все норовят ее затронуть. И молодой князь первый среди них. Да что там князь! Ольга сама, до чего уж к людям осторожна, но и она Малушу среди всех выделяет, хвалит за усердие, за расторопность и смекалку. Даже сказала как-то, что, мол, приданое тебе достойное справлю, жениха сможешь выбрать, какого пожелаешь. Однако Святослав все же не для нее. В лучшем случае волочайкой при нем будет.

Вот об этом и размышляла княгиня, когда, вернувшись с шумного праздника, решила постоять да подышать вечерним воздухом на высоком теремном гульбище. И, как порой не раз бывало, к ней подошел священник Григорий. Он приближался под изогнутыми деревянными арками гульбища, высокий, худой и слегка сутулый, облаченный в длиннополые темные одежды. Отблеск горевшего во дворе факела на миг осветил его исполненное спокойного достоинства лицо, темные глаза, пегие от седины волосы, зачесанные назад, аккуратно подрезанную клином бороду.

- Будь здрава, княгиня пресветлая!

- И тебе многие лета!

Ольга слегка усмехнулась. Грек отец Григорий научился разговаривать по-местному, хотя порой его речь звучала как-то чудно, иноземный выговор так и не изжился из речи.

- Ну что, отгуляли свои бесовские игрища? - Григорий кивнул в сторону, за ограждения городен Вышгорода, из-за которых еще виделись сполохи праздничных костров, слышались истошный бабий визг и громкий мужской хохот.

- Смотрю, ты, княгиня, половинной выглядишь.

Ольга как-то по-бабьи подхватила правой рукой левый локоть и положила щеку на ладонь. Ишь, грек произнес *половинной*. Надо полагать, усталой. Но она и впрямь утомилась. Да и надоело в который раз наблюдать, как приносятся жертвы, как кровь льется по алтарю, как этой кровью обрызгивают галдящую толпу. Людям от этого весело, а Ольгу все чаще оторопь стала брать. Она задавалась вопросом: зачем столько крови? Кому это надо? Каким светлым богам?

- Так, так, - кивнул, будто понимая, священник. - Смотрю, не радуют тебя уже ваши старые боги?

- Отчего же старые? - подавив зевок, спросила княгиня. - Привычные.

- Пусть и привычные, - согласился Григорий. - Но что они говорят тебе, когда к ним взываешь?

Ольга пожала плечами.

- Молчат.

- А Господь?

Этот грек христианин уже не единожды советовал княгине помолиться, обратиться к тому, кого он называл Всевышним.

Ольга отозвалась сурово:

- И Он молчит. Да и кто я Ему?

- Ты правительница, Ольга. Под тобой много людей ходит, на тебя глядят, тебе *отражаться* хотят.

Ольга догадалась: *отражаться* - значит, походить хотят, пример с нее берут. Вот Григорий и решил, что если она уверует в распятого Бога христиан, то многие последуют ее примеру. Наивный. Хотя, может, не так и наивен. Вон же, рассказывал он ей, как крестились иные языческие государи - и Константин Великий, и франкский правитель Хлодвиг, ну а за ним принимали веру Христа и их подданные. Григорий увлекательно рассказывал давние истории, его не только Ольга, но и всякий готов был послушать, несмотря на то, что порой чудно говорил грек. А он уверял, что там, где признавали единого Бога, была несокрушима и власть единственного правителя. Многобожие же языческое учит, что и глав над людьми может быть сколько угодно.

Ольга находила этот довод разумным. И что с того? На Руси иначе все устроено. Даже сегодня она видела, сколько людей пришло к капищу; они славили подательницу земных благ Землю, славили и богов плодородия, урожая, удачи. Для каждого дела свое божество - так тут считалось исстари. Григорий же уверял, что только истинный Бог велик, что все им создано и ему подвластно, а все эти меньшие божества - просто бесовские силы, какие мечутся и ждут поклонения, иначе они будут разгневаны и много бед принесут. И все же любые темные силы смиряются и отступают, когда люди начинают верить в истинного Создателя.

- Вот вы, славяне, - негромко говорил Григорий, - сами выдумали своих небожителей, наделив их властью, как простые люди привыкли видеть власть в земных правителях. И считают правильным поклоняться тому, кто грозен и непонятен. А истинный Господь

взял и пришел к ним как человек. И это истина, ибо она отлична от всего, что могут сочинить обычные смертные.

Ольга слушала, поеживаясь от вечерней сырости. В голосе грека было некое мягкое спокойствие, от которого не столько спорить хотелось, сколько просто внимать. И все же княгиня решила возразить:

– Пусть наши боги и не настоящие, как ты уверяешь, но, поклоняясь им, я и добилась того, что имею: мира в стране, богатства и признания моих сил как правительницы.

– Так, так, госпожа. Но ответь: дает ли все это тебе успокоение? Есть ли радость в душе твоей?

Ольга подумала о скуке, какая в последнее время все чаще находила на нее. Вроде вся в делах, забот полон рот, за всем следить надо, всем управлять. Какое тут успокоение? Вот скука есть, и она раздражает ее. Грек это заметил. А может, Ольга и сама когда пожаловалась? Они ведь о всяком с Григорием беседовали, и обычно скрытая и замкнутая с людьми Ольга не заметила, как стала доверять священнику. Наверное, хоть кому-то, кто не корыстен, хотела высказать наболевшее. Да и Григорий по-своему хитер: добился ее доверия, а теперь все чаще склоняет к своему Богу. И если подумать, то и ее нынешнее намерение поехать в далекую Византию именно он и предложил. Она же согласилась. Не потому, что так уж жаждала взглянуть, как где-то там поклоняются своему Спасителю христиане. Просто это было что-то новое, что отвлечло бы от привычных забот, от того уныния, какое порой томит подобно тому, как застарелая рана донимает старого воина. Княгине встряхнуться хотелось, ожить. А грек говорит – дать успокоение душе.

Ольга ответила Григорию резким от раздражения голосом:

– Успокоение к нам приходит лишь после смерти. Вот когда умру... Ну да пока я чародейскую воду пью – о смерти и думать не желаю!

Священник слегка улыбнулся. Лицо его обычно было суровым и как будто слегка отрешенным, а вот улыбка выходила светлая, добрая.

– Рано или поздно все мы умираем, княгиня. Умираем для этого мира. А вот куда тогда душа девается? Та душа, которая делает нас людьми, чего-то желает, к чему-то стремится, ищет и ждет. И не успокаивается. А лад и мир душе смертного дается только тогда, когда он с Богом соединится.

Ольга глубоко вздохнула. Пусть говорит, пусть, ей отчего-то отрадно его слушать. Ей вообще нравилось общаться с этим человеком, она даже позволяла проводить ему службы в церкви Святого Ильи, какую еще исстари возвели в Киеве на Подоле христиане. Когда ее только построили, на это никто и внимания не обратил: ну, стоит себе среди торговых дворов избушка с крестом, кому до нее дело? Но в последнее время все больше людей в Киеве стали посещать церковное подворье, слушали службы, сами начали креститься. Ольга порой общалась с христианами и в глубине души поражалась их вере. По большей части люди все же посмеивались над иноверцами, даже журили: мол, не совестно ли старых богов предавать? Многие задорно соблазняли христиан веселыми языческими игрищами, звали с собой. Те не шли. Что ж, малое всегда держится своей силой против большинства, убеждая себя, что только оно и знает истину. Отец Григорий, ныне согласившийся сопровождать княгиню в Царьград, не волновался, что оставляет среди многочисленных язычников свою паству. Ибо был в них уверен. Он вообще умудрялся жить со всеми в ладу, убежденный, что Бог не оставит своею милостью ни его, ни местных христиан. Может, именно он знал то успокоение, о котором говорил упрямой язычнице княгине?

Ольга гордо вскинула голову.

– Вот съездим в Царьград, поглядим на величие твоего Бога, тогда и думать буду, Григорий.

– А я буду уповать, Ольга. – Священник перекрестился. – И хочется мне верить, что, побывав в богохранимом Константинополе, увидав его силу и мощь, ты задумаешься, прозябать ли тебе в язычестве или же подняться как равной среди равных. Пусть

не душой, но разумом ты должна принять Христа.

– И твой Бог примет такую расчетливую поклонницу? – повела бровью княгиня.

– Э, госпожа! К Господу прежде всего надо прийти, прийти как угодно, а потом уже все само собой сладится. Вот увидишь.

– Увижу? Ну, сначала я за сына своего царевну царьградскую сосватаю, а там и поглядим.

Григорий поднял указующий перст.

– Учти, госпожа, ты только в том разе сможешь на что-то надеяться, если твой сын не будет язычником!

Ольга усмехнулась: *в том разе*. Гм. Опять путается в речах византиец. Но, похоже, так оно и есть. Византийцы упрямы в своей вере. И Ольга сказала:

– Мне есть что предложить высокородному Константину за дочку. Вон базилевс Роман некогда принял мои условия за живую и мертвую воду. И Константин против того не устоит.

Григорий покачал головой.

– Ты помянула былое, госпожа. Но ты должна знать, что не принесла радости Роману Лакапину та вода заколдованная. Конечно, от хворей он избавился, но потом все в его жизни прахом пошло. Наши священники говорят, что не будет счастья тому, кто прибегает к чародейству. Вот и на Романа обрушились невзгоды. Собственные сыновья составили заговор против родителя, лишили его власти и сослали замаливать грехи в отдаленный монастырь. Но и они не удержались у кормила правления.

– Знаю, знаю, – ответила Ольга. – Знаю, что после детей Романа власть перешла к нынешнему Константину. Ну да ладно. Все. Иди, Григорий. Утомил.

Последние слова она произнесла уже раздраженно. И священник допек, да и другим огорчена была: с высокого гульбища увидела, как от ворот ее сына ведут под руки двое его кметей. Причем сам молодой князь еле держался на ногах, да еще пьяно выкрикивал, что-де скоро он прославится в ратных походах, все о нем заговорят и тогда эта гордычка зеленоглазая поймет, как ей повезло, что князю любя.

Утром Ольга все же решила переговорить с сыном. Сказала, что он уже взрослый, что жениться ему пора...

– Все вы об одном и том же, матушка, – ворчал Святослав, потирая гудевшую с похмелья голову. – Или сам я не понимаю, что князем признанным меня сочтут, когда на престоле с княгиней своей воссяду. Ну да это уж ваша забота – невесту мне подыскать. У меня же пока иная нужда: рать такую собрать, чтобы никто не смел наши рубежи тревожить.

Ольга внимательно глядела на помятого после пирушки сына. И как бы между делом предложила привести к нему какую из теремных девок. Может, утешится князь с ними, пока до свадьбы не дошло? Сказала то и заволновалась: вот как скажет сейчас, что подавай ему Малушу.

Но Святослав лишь отмахнулся.

– Недосуг мне глупостями заниматься!

– А у девичьей с Малушей-ключницей орешки по вечерам щелкать досуг?

Святослав улыбнулся какой-то отстраненной, мечта тельной улыбкой.

– Ну, Малушу я сызмальства знаю. Да и с кем князю орешки грызть, как не с самой пригожей девицей?

Ольга попыталась отвлечь его иными заботами. Сказала, что в ее отсутствие многие удельные князья могут попробовать показать норы. Тот же горделивый Гиля Смоленский, или упрямый князь Тур из Турова, или своевольный Тудор Черниговский,

а то и непокорный Володистав Псковский. Конечно, все они уже смирились с правлением Ольги, но когда она отбудет и на престоле останется юный Святослав, то еще неизвестно, как эти правители себя поведут.

Святослав выслушал внимательно, но потом заявил, что, пока у него самая сильная дружина, никто не посмеет восставать. А если удумают чего и посмеют – он резко сжал кулаки, – то он разделается с ними не хуже, чем некогда его мать расправилась с древлянами!

Ольга вздрогнула. Ну, не скажешь же сыну, что ей и поныне крики казнимых послов древлянских снятся, что просыпается среди ночи, когда вновь марится, как выбегают из горящего Искоростеня градцы, а ее люди разят их булатом. И совесть ее с тех пор беспокойна... А священник Григорий, которому она призналась в своих волнениях, говорил, что совесть – это голос Бога в душе. И уверял, что раз есть в ней этот глас, значит, княгиня готова принять Бога. Ну да он христианин, он все на Иисуса Христа сводит.

– Вот что, сыне, я и слышать не желаю, что ты с булатом будешь давить на наших князей. Учти – войти в сечу любой может, но только мудрый знает, как ее избежать. И править ты должен не как каратель, а как благодетель края. А иначе... Если люди не одолеют вражду, то вражда одолеет их. Потому ты проследи, чтобы все были под твоей рукой, но никого силой покорять не должен.

– А если сами попросятся? – усмехнулся Святослав, и в лице его появилось нечто жесткое, что так не шло его юному облику.

Ольга вздохнула. Надо же, какой ее сын! Но он с тринадцати лет в походах, иначе власть пока не понимает. Таким и отец его был, Игорь. Но много ли добился? Сгинул ведь... А Русь разрослась и в силу вошла, только когда Ольга войны и свары на земле прекратила.

Но похвалиться перед юным князем княгиня не стала. Другое молвила:

– Я уже позаботилась, сыне, чтобы в мое отсутствие удельные князья смирно сидели в своих вотчинах. Ведь с великим посольством еду, всякому, кто со мной к ромеям отправится, честь в том великая. Вот я и решила взять с собой в Царьград жен и дочерей тех правителей, какие могли бы восстать. Вроде как спутницы мне, а на самом деле заложницы.

Святослав, до этого лениво поигрывавший кинжалом, отложил оружие и посмотрел на мать с уважением.

– Неужто никто из них о хитрости твоей не догадается? А как не дадут тебе своих родичек в свиту?

Ольга спокойно оправила гроздь ожерелья на груди.

– Уже дали. Я еще ранее нужных людей заслала к княгинюшкам этим. И те порассказали, какой Царьград великий и славный, как там все дивно и богато, сколько товаров там и удивительных зрелищ. А какой бабе не любо на такое поглядеть да собой покрасоваться? Это не в теремах скучать да с тиунами препираться о закупках. Так что теперь у наших красавиц только и мыслей, что о поездке. И как бы мужья и отцы на них ни давили, каждая ссылается на мой наказ, многие уже и в Киев собираются. Вон Долхлаба Черниговская сразу же дала добро на поездку в далекую Византию и Милослада, княжна смоленская, уже в пути, ждем со дня на день. Из Турова княгиня Божедарка едет и тетка твоя, Игоря князя сестра, та, что в женах за Володиславом Псковским, прислала весть, что уже через волоки корабли ее тащат. А варяжка Тура, жена молодого Рогволода Полоцкого, даже более скорой оказалась, приехала уже со своими варягами и ныне у Сфандры, жены Глеба, в Киеве обитает.

– А братца моего Глеба тоже с собой возьмешь? – Святослав глянул на мать исподлобья. – Вот уж он порадует. Ему только бы христианским мощам в Царьграде поклониться.

Ольга вздохнула. Глеб был ее сыном, но она давно не питала надежд относительно него.

– Нет, Глеба я оставляю. Даже попрошу тебя, сыне, чтобы ты его приблизил к себе.

Неплохо Глебу будет среди дружинников пожить и проникнуться ратным духом.

– Этот Глеб хилый да проникнется? – Князь скривился, будто раскусил кислую клюкву.

Увы, Святослав ни во что не ставил брата-христианина, более того – откровенно недолюбливал. А ведь должен был даже радоваться, что старший Глеб ему на пути к власти не соперник. Но Ольга не стала развивать эту тему. Горько было.

В это утро Малуша, как всегда, была занята хлопотами по двору, и ее низкий строгий голос то и дело звучал в разных уголках княжеского подворья, в кухнях, кладовых и амбарах, по горницам и подклетям. Она отдавала наказы, следила за челядинцами – кто что делает, кто за что отвечает и как справляется. У княгини было большое хозяйство, всюду запасы, много постояльцев, а с прибытием дружинников Святослава их еще больше прибавилось. Вот Малуше и надо распорядиться, чтобы всех накормили, обшили, расположили на постой. А еще нужно проследить, чтобы не сломали чего, не испортили, всему счет провести, перечисляя по описям, сверяясь по мере, да потом следует отчитаться перед старой ключницей, сколько еще в тереме осталось запасов четвертей пшеницы, полбы, сколько гороха, ячменя и овса. Оставалось уже не так много, но скоро снимать новый урожай, однако и того, что есть, пока хватает, чтобы накормить и гостей княгини, и дружинников молодого князя.

Думая о князе, Малуша не смогла сдержать улыбку. Как же он на нее вчера смотрел, как молвил: «Ты мне милее вешнего дня, яснее красного солнышка!» Мурашки по коже, как вспомнит. А люди еще говорят, что Святослав грубый и резкий. Знали бы они...

Думая о Святославе, Малуша едва не налетела на князя, когда выходила из подклети.

– Фу ты, напугал.

Хотела мимо пройти, но Святослав неожиданно схватил ее за руку, резко притянул к себе.

– Долго ли еще будешь морочить меня, девица? Надо мной уже и кмети мои посмеиваются.

И сильный какой! А у Малуши силы словно иссякли. Вырваться надо, а она смотрит на него, глаз не может отвести. И, видя это, Святослав просиял, зашептал на ухо быстро:

– Полюби ты меня, Малуша, все для тебя сделаю. Будешь боярыней жить, есть с серебра, молоком умываться.

«Нельзя мне это, – в панике думала Малуша, – гнать его надо. Княгиню гневить нельзя...»

Вот и стала вырваться, а там и закричала, когда Святослав подхватил на руки, понес.

И тут же кто-то вырвал ее из рук князя, его самого оттолкнул. Малуша едва опомнилась, ахнула, когда поняла, что освободил ее и теперь заслоняет от Святослава воевода Свенельд, который грозно возвышается перед князем в своем богато расшитом плаще.

– Оставь девицу, княже!

– Тебе-то что? Явился, налетел, как коршун. Или забыл, что я князь тебе?

Их голоса становились все громче, глаза у обоих метали молнии. Малуша сперва опешила, потом стала спрашивать, мол, не надо, она сама уйдет.

И ушла. Но все слышала, как Святослав упрекал Свенельда, что тот ведет себя подобно строгому отцу при девице, когда на деле на Малушу никаких прав не имеет.

Малуша пошла еще быстрее, горько ей сделалось. Вон люди поговаривают, что у нее и глаза, и осанка, и улыбка, как у Свенельда. Но ее эти разговоры только сердили. Да и мать рассказала как-то, что Свенельд сам отказался от дочери, когда ее младенцем передали ему древлянские волхвы. Так чего же сейчас из себя родителя строит? Не надобно ей того! Она уже всем и каждому пояснила, что чужой ей Свенельд, что единственный ее родитель – Малк Любечанин, тот, который пестовал ее с детства,

учил всему, который грустил, когда она к княгине уезжала. А Свенельд не имеет права вмешиваться в ее жизнь. Чужие они.

Позже она так и сказала Свенельду, когда тот остановил ее, потребовав, чтобы держалась подальше от Святослава. Спокойно так сказала, но с нажимом: мол, не его это дело, не его она челядинка, ей только Ольга госпожа.

– Ну, с Ольгой я сам поговорю, – молвил Свенельд, глядя на высокомерно стоявшую перед ним дочь. – А князю все равно нечего тебя тискать, как чернавку какую-то. И чего ты пошла в теремные, Малуша? Я бы тебе такое приданое справил, за боярина бы вышла.

– Ничего мне от тебя не надобно, воевода.

Хотела было уйти, но потом вернулась. Поклонилась, как и полагалось перед таким нарочитым мужем, как воевода-посадник Свенельд.

– Дозволь спросить, господин.

У него чуть дернулась щека при этом ее «господин».

– Ты ведь за матушкой в Любеч ездил. Приехала ли она?

– До самого Киева ее довез, но там она в град отправилась. Думаю, ненадолго. Малфрида знает, что ее княгиня ждет.

Смотрел, как Малуша уходит, и грустно сделалось. Ну что ему до Малуши? У него есть признанные законные сыновья – Лют и Мстислав Свенельдовичи. А эта сама напросилась в холопки. Но отчего-то ярость обуюла, как увидел, что ее Святослав тискает в подклети. Н-да, сколько таких теремных девок поимел в своей жизни красавец варяг Свенельд, но вот как увидел, что и его дочку это ожидает, – больно сделалось.

Позже, когда говорил с княгиней, Ольга лишь сказала, что Малуша сама дразнит Святослава: то подманивает, то нос задирает. Если так будет продолжаться, то она уйдет отсюда прибыва. И не до Малуши ей сейчас, другое волнует. Где чародейка? Ольга даже накричала на варяга за то, что в Киеве высадила ведьму. Свенельд же в ответ заявил: а кто ее высаживал? Сказала, что в Киев хочет. А они глядь – Малфрида уже на берегу.

Княгиня тут же отправила гонцов разыскать ведьму. Сама ходила по покою нервная, дергала камешки на перстнях, мяла платочек. Ох, как все неладно! И то, что Свенельд, ее первый воевода, поссорился с князем из-за ключницы, и что Святослав о варяге теперь и говорить не хочет. А ведь Свенельд всегда был первой опорой их власти.

Эти мысли одолевали княгиню до самого вечера. К ней гонцы приезжали, кто из-под Витичева, где собирался ее флот, кто из Киева, где расположились призванные в посольство знатные женщины, вечно чего-то требующие и недовольные, что княгиня им особого почета не выказала. Да еще и купцы с товарами-дарами для базилевса приезжали, думные бояре, каким надо указать, как со Святославом держаться. Ибо те уже прознали, что Святослав со Свенельдом из-за красивой ключницы поругались. Ну и языки же у людей! Вот и решают теперь, кто для них важнее: признанный воевода или мальчишка, которому драться охота и какой на любого готов кинуться. Ольге все эти споры улаживать пришлось, и она заставила Свенельда и Святослава едва ли не рядом на пиру в гриднице сесть, сама сидела как на иголках – вдруг опять заругаются? Но вытерпели оба, даже руки пожали при расставании. Надолго ли лад между ними? Ох, скорее бы Малфрида появилась, пусть повлияет на обоих. Свенельд с ней считается, да и Святослав сызмальства почитал чародейку.

Обуреваемая этими мыслями, Ольга позже обычного легла почивать, а потом долго ворочалась на широкой кровати. В последнее время ее все чаще мучила бессонница, вот и переворачивалась беспрестанно на перинах, хотя уже ночь глубокая настала, в тереме все затихло...

Но именно в этой тиши Ольга и почувствовала рядом чье-то присутствие. Приподнялась, озираться стала. Зубы вдруг застучали, не то от страха, не то от холода. Но холодно и впрямь было неимоверно. Откуда такая стужа в травне месяце? А вон же и резные

фигурки на изголовье ложа княгини будто инеем покрылись, пальцы зябнут при касании. Позвать бы кого, пусть принесут жаровню с углями, но отчего-то голоса подать не могла. И тихо так вокруг было. Ольге казалось, что в обступившей ее тишине можно различить дыхание всех постояльцев и челядинцев ее терема от повалуш до погребов. Ни тебе скрипа половиц, ни оклика часовых на стенах города, будто весь мир заснул.

И тут совсем рядом прозвучал негромкий голос:

– Если все равно не спишь, давай поговорим, раз уж звала.

Княгиня резко села, нервно сжала переброшенную на грудь косу. Произнесла как можно спокойнее:

– Ты, что ли, напугать меня задумала, Малфрида?

– Зачем напугать? Просто утихомирила всех, чтобы не мешали. Раньше я приходила не хотела. Шумно у тебя тут, еще и священник этот огибался... чтобы его кикимора грызла, лешие щекотали.

И вспыхнул огонек свечи – без стука кресала об огниво, а словно свеча сама собой загорелась.

Потом они сидели и разговаривали. Княгиня в пушистой длинной шали поверх рубахи и Малфрида в расшитой оберегами на предплечьях рубахе и домотканой, крашенной в темно-алый цвет запашной юбке. Обе простоволосые. Но княгиня-то у себя была, а Малфриде просто так хотелось. И теперь ее темные густые волосы, слегка взлохмаченные и пышные, ниспадали по ее плечам и спине, придавая облику чародейки нечто дикое, своевольное. Но она и была дикой и своевольной. Ольга ее хорошо знала и давно дивилась, как это чародейка столько лет прожила с мужем. Хотя Малк Любечанин был человеком покладистым и мягким и понимал, на ком женат. Ни с кем иным строптивая ведьма и не ужилась бы. Но если ранее, когда Ольга о муже ее спрашивала, Малфрида обычно нежной лицом становилась, то теперь только посмотрела недобро, даже в глазах ее темных отсвет желтоватый колдовской мелькнул.

– Знать его больше не хочу. Изменил он мне.

Ольга едва не прыснула. Вон оно как. Неужто приголубил какую иную прославленный лекарь Малк? Ну что ж, бывает. Но Малфрида сказала иное: не в сопернице речь. Соперница – это что? Иное предательство Малк совершил – он саму веру в чародейство отринул, сойдясь с христианами.

– Что-то много их развелось на Руси, – сокрушенно говорила ведьма. – В Любече их скит появился, хотя местный посадник гоняет христиан. Вон в Киеве я побывала, так даже в многолюдье Подола, в толпе почуяла их. Сюда приехала, и тут священник расхаживает. Вот и пришлось проникнуть к тебе с темнотой.

– И холодом, – добавила Ольга, согревая дыханием озябшие пальцы. – Это ты наколдовала, что ли?

И так как Малфрида не ответила, добавила:

– Ты священника Григория не опасайся. Он человек мирный и против моей воли пойти не осмелится.

– Да гони ты его! – подалась вперед ведьма. – Зачем тебе эти христиане?

– Григорий мне нужен. Толмачом будет, когда в Царьград поеду.

И она стала рассказывать о своих планах.

– Великое дело ты затеяла, княгиня пресветлая, – произнесла наконец ведьма. – Но я-то тебе зачем?

– Со мной поедешь, – не терпящим возражений тоном молвила Ольга. – Мне с тобой спокойнее будет в пути.

Малфрида негромко засмеялась.

– К христианам проклятым меня думаешь везти? Ох, как мне это не по нраву!

– Я тебя в свиту свою зову. А это честь. Самые именитые и нарочитые женщины меня сопровождать будут. И ты тоже. Поедешь ли?

– Сама же дала понять, что это твой приказ. Да и раз я нужна тебе – поеду.

– А поворожить мне сможешь? – Княгиня взяла Малфриду за руку. Правда, тут же отстранилась – до того рука ведьмы показалась холодной. И зачем напустила эту стужу? Вечно ее причуды. Но с такой, как Малфрида, подобное надо терпеть. – Ты мужу моему Игорю предрекла удачу в походе. Теперь я хочу, чтобы и мне поворожила.

Ведьма не отказала. Хотя и предупредила: не любит она ворожить. Будущее изменчиво, его и проследовать можно, и поменять. Да и не к добру ворожба, неладное она несет, когда в грядущее кто подсмотреть хочет.

Она всегда это Ольге говорила, но та лишь отмахнулась: сколько ранее гадала ей на будущее ведьма, и всегда с толком, всегда Ольге это помогало. Поэтому и сейчас ждала, что Малфрида скажет. Та смотрела на огонек свечи, пока тот не заметался, будто от сильного ветра, то угасал почти, то вновь вспыхивал, а по бревенчатым стенам плясали темные тени. Ольга заметила, как шевелятся губы ведьмы, как скользят по воздуху ее пальцы, словно сплетая некий невидимый узор. Жутковато княгине сделалось, особенно когда темные глаза чародейки стали желтеть, зрачок сузился, как у хищной птицы, волосы вокруг лица заколебались, будто сами по себе. Княгине показалось, что и она видит мерцающие в полутьме видения – нечеткие, расплывчатые, вызванные неведомым колдовством. Вроде как вода поблескивает, стены высются светлые, множество людей движется, входя в ворота, идя меж строениями. Будто какой-то иной мир вырисовывался, а может, просто это тени и мрак колебались, отчего всякое мерещилось...

Малфрида вдруг резко взмахнула рукой, будто отгоняя видения, и враз спокойно стало, только воском пахло от оплившей, сгоревшей почти наполовину свечи. Сколько же они так просидели, что воска так много накапало?

– Хоть что углядела-то? – спросила Ольга.

Малфрида хмурила темные брови.

– Крестов слишком много. Они мешают. Вот уж никогда не думала, что столько их, как и не гадала, что сама туда поеду. Но мне даже любопытно это – побывать там, где враждебные силы.

– Враждебные? – забеспокоилась Ольга.

– Ну, тебе-то они вреда не принесут. И уж не обессудь, княгиня пресветлая, больше ничего тебе сказать сейчас не могу. Сладится твое посольство, это уж точно, а вот как оно сладится, что посоветовать можно... Не могу сказать. Будь что-то в наших краях, я бы разобралась. А так... чужие мне эти византийцы, как и вера их чужда и неприятна. Говорю же, кресты мешают, стоят, как частокол, не давая проникнуть далее моему чародейству. Может, когда уже там буду, смогу как-то устроиться, чтобы колдовать. Однако ответь – тебе так уж обязательно к христианам этим ехать? Может, ну их, царей византийских. Разве нам тут, на Руси, плохо живется?

Ольга долго не отвечала. Как это ведьме полудикой объяснишь? И Ольга на иное речь перевела: поведала, что тут делается, что ссоры начались из-за дочери ее Малуши, и пусть теперь чародейка сама покумекает, нужно ли, чтобы дочка ее волочайкой при Святославе стала? Иного ведь ей не светит. А Малушу Ольге даже жалко. Совсем запуталась девица, и люди скоро всякое о ней болтать начнут.

Ведьма же все видела иначе. Спросила:

– Ну, если князю она мила, то какая в том вина ее? Ну, полюбятся они, так и что? Оба молодые, пригожие. Когда же им любиться, как не в такую пору! А Малуша – она в меня. Таких, как мы, мужики не забывают.

Ольга смолчала. Не бросают таких... Гм. Вон и Игорь князь за чародейкой этой убивался, а ведьме лучше, чтобы княгиня о том имела милость забыть. Как и не вспоминала, что Свенельд к Малфриде по-особому относится. К тому же Ольга больше всего как раз опасалась того, что сказала Малфрида: сын ее потеряет голову от Малуши и ради нее других знать не захочет, а то и слушаться девку начнет, даже вопреки воле матери. И что тогда Ольге делать? Подумать страшно. Но все равно губить Малушу ей бы не хотелось... если не вынудят.

– Я настаиваю, чтобы ты дала дочери отворотного зелья, – глухо и твердо произнесла княгиня. – Так и для самой Малуши лучше будет. Ибо князю нужна жена княжеская. Или не расслышала, что я сказывала: цесаревну ему сватать еду!

Малфрида подумала немного и согласилась: ладно, может, и впрямь не худо, чтобы дочка ее князя сторонила. Такая, как Малуша, любого жениха себе возьмет, не пропадет без внимания. И она пообещала Ольге опоить девушку, да так, что та и глянуть в сторону Святослава не захочет. Однако пусть Ольга ушлет Малушу подальше от сына. Причем без обид, даже с почетом устроит где-то в хорошем месте. Все же дочка Малфриды, ее уважать должны. Ну а когда Святослав отправится сопровождать мать вдоль Днепра к порогам, он и без всякого зелья Малушу забудет. Ибо главная любовь в его жизни – это война и походы. Это чародейка Малфрида давно предрекала.

Глава 3

Святослав забыл о Малуше, едва отбыл к Витичеву, где на реке собирался флот княгини. Молодой князь расхаживал по пристаням, смотрел за оснасткой судов, расспрашивал корабелов о пути. Святослав гордился, что ему предстоит охранять караван матери до самых порогов. Это тебе не с викингами по селам вдоль побережья Варяжского моря шастать, и даже не походы в земли дремучих эстов. Это охрана могущественной правительницы и рейд самого Святослава в дикие степи, где всякое может случиться. Наслышан уже был молодой князь, что в степях соперники у него будут непривычные и не похожие на запуганных селян на севере: степняки, или копченые, как их называли, бывалые воины, имеют дерзость решить, что только они в Диком поле хозяева, только с ними считаться стоит. Вот Святослав и обговаривал с побратимами, как они покажут им русскую удаль военную, дадут понять, что и на сильного сила имеется.

Пока же все ожидали срока, назначенного волхвами для отбытия. А те – после жертвоприношений и гаданий – предрекли, что Ольге следует выступать не ранее Ярилина дня. И хоть опытные корабли ворчали, что слишком поздний срок, что вода в Днепре по летней жаре начнет спадать и трудно будет перебираться через пороги, Ольга решению ведунов перечить не стала. Все равно ей пока надо было дожидаться прибытия княгинь-попутчиц, дары к византийскому базилевсу подобрать, а главное – выждать, пока Малфрида раздобудет для нее это чудо Руси – живую и мертвую воду.

Ведьма отправилась на поиски уже через день, едва повидала дочь. Как их встреча произошла, никто не ведал, но, когда Малуша по приказу Ольги отбывала в киевские хоромы – там ей теперь надлежало за хозяйством следить, – она выглядела спокойной и какой-то отстраненной. Святославу об ее отъезде Ольга сама сказала, упредив, что по ее наказу ведьма дала дочери зелья, какое отвратит от него Малушу. Княгиня опасалась, что сын осерчает. Он и впрямь дулся какое-то время, смурной ходил. А потом выехал во главе дружинников в Витичев, и только плащ его забился на ветру от быстрой скачки. Не оглянулся даже. Лишь его ближайшие друзья-побратимы знали, что в ночь перед отъездом Святослав все же гонял коня в Киев, однако вернулся невеселый. Но побратимы о том не распространялись. Да и чего болтать зря, если кручина князя ушла так же быстро, как и речной туман над Днепром. Ну не из-за девки же челядинки тосковать их предводителю! Которую сама же родная мать опоила отворотным зельем. И Святославу после такого надеяться больше не стоило.

Зато теперь князю ничто не мешало готовиться к степному походу. Потому он и приблизил к себе прославленного черниговского воеводу Претича. И хотя у Претича имелось небедное подворье в Чернигове, а сам он считался человеком тамошнего князя, он каждый год отправлялся на рубежи Руси, проверял богатырские заставы на границе со степью, набирал туда воинов, следил, чтобы оружие у них не переводилось, да и сам не единожды водил отряды на копченых, отбивал захваченных в полон людей, а то и сам нападал на печенежские станы, лил кровь поганых.

Вот этот человек и стал для молодого князя новой привязанностью. Святослава восхищало в бывалом воине все: и манера держаться с людьми, и его сильное, даже тяжеловатое тело при легкой походке и движениях. Бороду Претич брил, зато отпустил длинные усы, и они опускались у него едва ли не по грудь, как два изогнутых рога. А волосы на голове Претич сбрил на хазарский манер, оставив только на макушке длинную русую прядь, какую называл «хохол». Такой «хохол» означал, что витязь знатного рода, а также это был знак, что воин отличился в схватках со степняками. Поэтому ему особый почет и уважение оказывали. Но при этом Претич в общении был прост, на постой расположился не в теремах Витичева, как иные воеводы, а устроился в роще на берегу Днепра, где всегда можно было разжечь костры и спать прямо на земле, на разостланной овчине. В этом была особая независимость Претича, его любовь к свободе, к тому же отсюда было удобно отправляться на ловы в лес или просто порыбачить на берегу.

Как-то под вечер, когда они вместе с молодым князем выудили из затона огромного осетра – князь-рыбу, локтей семи, не менее, – и жарили его на вертеле, Претич принялся между делом пояснять Святославу:

– Хорош только тот предводитель, который перво-наперво о дружине своей думает. Если воины твои не имеют крова, то и ты не спи на перинах. Если дружина изголодалась –

и ты не ешь. И следи, чтобы у людей твоих были и добрые кони, и каленый булат, и похлебка наваристая. Разбогатеют твои витязи – и ты будешь богат. А поругание да неудача случится, отступите – на том вина не людей, то главы их вина. Понял, княже? Вот-вот. Ты вон на Свенельда нашего погляди, какую он рать под собой водит! И все его воины, будь то варяги, славяне или древляне, лишь недавно покинувшие леса, – все они за своего главу горой стоят.

При похвале Свенельду Святослав только хмыкнул. О другом спросил:

– Ты бы лучше, дядька Претич, о степных рубежах поведал.

И воевода рассказал, что еще со времен князя Игоря русы начали устраивать в степном порубежье небольшие крепостцы, откуда удобно было наблюдать за степью. Постепенно вокруг этих крепостей стали расселяться крестьяне. Конечно, жить на границе опасно, но земля там хорошая, и, когда нет набегов, можно и землю пахать, скотину разводить, охотиться, рыбачить. К тому же княгиня Ольга повелела дани со степных поселенцев не брать, чтобы те видели смысл обживать в беспокойном порубежном краю. Ну а чтобы беды избежать, из приграничных крепостей почти каждый день выезжают дозорные, прослеживают пути, по каким копченые могут нагрянуть. Все знают, что степняк идет там, где есть вода, – у реки или на тропах, где исстари вырыты колодцы. И если замечают объездчики что-то опасное, тут же знак подают: в заветном месте на возвышенности у них располагается столб с осмоленной верхушкой – вязанка дров под навесом или старый, наполненный трухой бочонок, – вот его и поджигают при первом же сигнале опасности. А дым от такого упреждающего знака далеко видно. Тогда-то селяне срываются с мест, кто со скарбом в балках лесных спешит схорониться, кто в крепостцы бежит. И чем бы смерды ни занимались – кто землю ралом пашет, кто охотится, – но всякий выучку воинскую проходит. Без этого нельзя, жизнь там такая.

Святославу слушать о крестьянских нуждах не интересно. А вот о службе – любо. И Претич по его просьбе поведал: – Тот, кто года два-три прослужил на степных дозорах, уже витязем может считаться. Пусть хоть в лаптях явится на заставу, но если сумеет отличиться и себя показать, то и доспехом разживется, и конем. Ведь в лесных и заболоченных краях у нас лошадь трудно раздобыть, а в степи дикие лошади тарпаны бегают, и копченые порой не только воюют, но и торговать являются. Коней добрых у них немало, целые табуны гоняют по просторам открытым.

– Ой, ой, так и есть, – встревал в разговор юркий новгородец Семячка. Он уже изрядно хлебнул медовухи, а потому тянуло его не слушать, а самому слово вставить. – Вон у нас на севере землю все больше леса ограждают. А в степном порубежье, сказывают, и зарослей-то нет. Одни травы...

– Помолчи-ка, Семячка! – оборвал Святослав приятеля. И к Претичу обратился: – Так служат три года на заставах, говоришь?

– Бывает и более. Знавал я одного витязя, так он, почитай, лет десять нес службу в порубежье. Приехал однажды на заставу, да и остался там. Откуда он родом – не ведаю, а он не рассказывал. Нелюдимый был, вот его Волком и прозвали. Но он ничего, не обижался. Зато богатырь был, каких еще поискать, смелый, отчаянный. С отрядом в дозор не часто ходил, все больше в одиночку отправлялся, и пропадал по нескольку дней. И редко когда без добычи возвращался. Если не печенег на аркане притащит, то с десяток диких тарпанов приведет, а то и тура, бывало, сам брал. Короче, ловкий, бесстрашный и одинокий. Истинный Волк. Замечу, что я порой зазывал его в свою дружину, обещал в Чернигове поселить. Отказался Волк. Да я и не настаивал, ведь такие в порубежье всегда нужны. А этот к тому же в одной из самых дальних застав служил, там, где речка Псел степь разрезает. Печенеги в те места, почитай, каждое лето приходят. Печенеги, они такие: пошарят по берегам Днепра, захватят людей в степных селищах и по балкам, ну, сколько придется. Могут и коней угнать или там на ладью, идущую рекой, наскочить. Ибо печенеги не могут своим прожить, им у других надо брать, это их доблесть – так они считают.

– Ты про Волка лучше расскажи, – подался вперед Святослав.

Воевода повернул насаженную на вертел тушу осетра, отмахнулся от повалившего в глаза дыма.

– Ну что Волк? Сдается мне, он сам из варягов был – рослый такой, как эта северная порода, рыжий. Когда он только стал обживать заставу, я думал, что надолго не останется: варяги-то хоть и мастера в бою, но не в степном. Тут особое чувство надо иметь, как нюх у собаки. Вот у Волка таковое имелось. А уж как печенеги его боялись! Поболее, чем гнева своего небесного Тенгри. Называли Красным Волком, ну это из-за цвета волос и из-за ловкости его звериной, силы, потому что охотился он, как матерый волк-одиночка. Я же за удал и мастерство сделал его главой одной из застав. И хотя люди не больно любили Волка за его нелюдимый, мрачный нрав, однако признали его верховодство. Но – Перун мне свидетель! – Волк и впрямь оказался достоин нового звания. И дозорных умело направлял, и знал, где обычно копченые ходят. Бывало, встанет вдруг среди ночи, уедет в степь один, как и прежде, а потом явится и велит созывать сбор. Поведет людей по оврагам и балкам, пока не выйдут они на след отряда печенегов. Люди дивились – вон какое чутье у старшего на степняков! Никогда зазря их в степь не выводил, всегда с толком. Вот и получалось, что все устье Псела и земли за ним стали безопасными, ушли оттуда страшившиеся Волка печенеги. Ушли, ну да потом вернулись, – закончил со вздохом Претич. – Ибо, как говорится, удача – птица перелетная. Да и Доля с Недолей не всегда силой может померяться.

Претич замолчал, огладил длинные усы. Святослав смотрел на него горящими глазами. Ему подобные рассказы о воинских делах были интереснее, чем все сказы о жар-птице или мече-кладенце.

– Ну и чё? – с еще не избытым новгородским говором спросил молодой князь. – Чё с Волком тем?

– Толком этого никто не ведает. Но однажды перестали поступать вести с дальней заставы, где Волк воеводствовал. Я как-то сразу о дурном и не подумал. Ведь столько лет удачлив был Волк, да и застава его поднялась, обстроилась, селение рядом возникло. А нет вестей, значит, туго пришлось. Набрал я отряд, поехал на реку Псел – думал, что свежих воев привезу туда и подсоблю, если что. А как приехали... Одно пепелище да обуглившиеся остовы изб обнаружили, а еще непогребенные тела. Надеялся, что хоть кто-то уцелел, мои дружинники, почитай, седмицу искали по окрестным балкам и затонам Псела. И нашли-таки мальчонку одного из детских отряда Волка. Да только дурачком тот стал от страха. Еле выпытали у него, что был набег большой орды, что не справились порубежники, сгинули.

– И Волк сгинул? – спросил кто-то из слушателей.

– Про него мальчонка и говорить не хотел, сразу в плач срывался. Но тело Волка среди павших мы не обнаружили. А ведь такого мудрено было не заметить. Здоровенный был детина, рыжий такой, голова просто огненная.

Собравшиеся сокрушенно молчали. Думали – попал в полон славный витязь. А это ох как плохо. Погибнуть для воина в сече – сразу попасть в Ирий. Сама перунница дева Магура за такими является, забирает душу особо отличившегося да отважного. Стать же невольником, погибнуть в полоне... Это и за кромкой оставаться на веки вечные рабом. Нет, лучше смерть, чем вечное рабство униженной души.

Вот о чем думали, глядя на язычки пламени, примолкшие витязи. Потом Семецка спросил:

– А может, все же сбежал удалой витязь, может, обманул копченых?

– Сам хочу в это верить, – вздохнув, ответил Претич. – Но случись такое, думаю, он бы уже объявился. Его бы приняли в любую дружину, пояс гридня бы дали.

– Вот вокняжусь, – сжимая кулаки, молвил Святослав, – я уж позабочусь о том, чтобы разделаться со степью. Обходить нас будут за дальними порогами!

Немного позже, когда воины уже ели осетрину, к костру, словно тень, неслышно приблизилась Малфрида. Она лишь недавно вновь объявилась при княгине, та ее хорошо приняла, и теперь, пока посольство не отбыло, ведьма ходила где ей заблагорассудится. Кто же чародейку самой Ольги тронуть посмеет? Но сейчас, когда она молча села у костра, кое-кто из дружинников привычно сделал предохраняющий от темных сил жест. А вот Святослав чародейке был рад. Даром, что она Малушу от него отвадила. Зато

Святослав не забыл еще, как она его малышом баловала, сказки страшные рассказывала, а то и дивами всякими развлекала: то птицу перелетную заставит на руку княжичу опуститься, то по ее знаку домовой появится. Страшно, но и интересно как! А еще молодому князю было немаловажно то, что Претич тепло Малфриду приветствовал, сам ей отрезал ломоть осетрины, сам подавал на ноже. Уважает, значит. Однако все заметили, что, принимая у воеводы подношение, ведьма случайно коснулась рукой самого клинка, не сильно вроде, но руку отдернула резко, будто обожглась. Даже кусок сорвался с клинка, упал на песок.

Претич хмыкнул.

– Что ты железа опасаясь, Малфрида? Ну, прямо как нечисть лесная.

– Станешь тут нечистью, когда вокруг столько христиан, – буркнула ведьма, поднимая и отряхивая кусок рыбины.

– Где это ты христиан тут видишь? – удивился Святослав. – Уж не среди ли моих побратимов военных? – Он обнял с одной стороны богатыря Инкмора, с другой – красавчика киевлянина Блуда.

Те засмеялись, стали обсуждать христиан, какие советовали не воевать, а если получить по морде, то тут же подставить другую щеку. Нет, среди носящих меч витязей христианина не встретишь.

– Не скажите, – заметил Претич. – Вон и в войске Свенельда такие имеются, и в других дружинах есть поклонники распятого, да и в самом Витичеве христиане появились. Ну так что с того? Они безвредные.

Ему никто не стал отвечать. Подумаешь, христиане! Только Малфрида зыркнула из-под упавших на глаза прядей, но говорить ничего не стала, ела молча.

Она быстро справилась с заданием Ольги, разыскала чародейскую воду, и княгиня похвалила ее. А вот того не понимала, что ведьме пришлось птицей-соколом обернуться, чтобы улететь подальше от мест, где христиане шастают, потом и лисой стать, рыскать в чащах, где людей и вовсе не было. Только там, в полной глухомани, чародейка и разыскала священную воду. Ольга говорила, что к самому базилевсу ее отвезет, а Малфрида только и думала: зачем даром земли своей делиться? Редкостью стали уже тут чародейские источники, исчезают. И скоро люди, какими бы важными и богатыми ни были, что бы за воду ни предлагали, все одно не смогут такую получить. Ибо гаснет вода волшебная, обычной становится. И близится время, когда люди совсем забудут, как долго некогда жить могли, сколько старости не знали. Произойдет это потому, что многие, как и Претич, считают христиан безвредными, миролюбивыми. А вот ведьма уверена – гнать их надо, убивать, а тела сжигать, пепел по ветру развеивать, чтобы и духа их поганого тут не осталось. Да кто ее послушается? Вон и Ольга, когда Малфрида стала настаивать, даже бровью не повела. Наоборот, одернула ее: мол, молчи, не злись, а то опять клыки полезут. И Малфрида сдержалась.

Это Ольга еще терпит, когда обличье ее чародейки меняется, а люди могут и камнями закидать. Хотя нет, не посмеют. Всем известно, что ведьма Малфрида княгиню в пути сопровождать-оберегать будет. Но было нечто, что волновало и саму ведьму. Уж больно легко она стала облик менять: если сердиться начинает – клыки сразу так и выступают, ногти когтями удлиняются, рык горлом идет. Малфрида решила, что это потому, что с мужчиной она давно не любила, – это бы враз ее силу колдовскую на нет свело бы. Но нельзя ей сейчас силу терять. И пусть она, как заметил Претич, в последнее время стала, будто нежить, каленого железа побаиваться, но сила-то ее при ней. И это тогда, когда вокруг так и несет христианами. Вон Малфрида, как прибыла в Витичев, который день уже по округе шастает, а все равно ни одной мавки не встретила, лесовики мохнатые исчезли, да и в избах домовые будто сгинули, овинники не появляются на зов. А ведь ранее стоило только Малфриде отойти от костров к торчавшему у отдаленной заводи камню водяного, и хозяин местных вод тут как тут. Сейчас же никого. Так, только тени какие-то порой мелькнут среди речных ветел, глазки чьи-то блеснут из-под коряги. Но показать себя опасаются. Всех их христианская вера разогнала. И если так пойдет, то настанет время, когда и хозяйки перестанут ставить у порога блюдце с молочком для домового, охотник не положит у опушки подношение лешему, блазней вечерних, какие в темные ночи льнут к окошку, перестанут опасаться,

в русалок не будут верить... Да, лихие грядут времена. А эти у костра только и говорят, мол, кому вредят те христиане. Да всему окружающему миру!

– Что-то ты совсем закручинилась, Малфрида, – подсел к ней Святослав. – Скажи лучше, кого ты видела, когда матушку в Киеве навещала?

И вроде как улыбается, а глаза у самого внимательные, ждущие, пытливые.

Ведьма поглядела на него, да так, что князь невольно потупился, вздохнул глубоко. «То-то, не приставай», – подумала ведьма. Это перед дружинниками своими Святослав может гоголем расхаживать, а к ней с иным подступает: мол, правда, что дочку от него отвортила, может, снимет заклятие, а уж он ей добром оплатит, наградит богато. И все бы ничего, но было ощущение у Малфриды, что словно выкупить у нее князь любовь Малуши хочет. И если ведьма сперва только отшучивалась, то потом раздражать ее Святослав стал. Вообще, ей вся эта история поднадоела: Ольга велит отвалить от него Малушу, сам-то он гордый, не побежит за девичьим подолом; Свенельд упрасивает не губить Малушу, он, дескать, сам ее выдаст выгодно, а князю она нипочем; Святослав кругами ходит и донимает: пусть Малуша вновь полюбит его, пусть только улыбнется заманчиво... Но перед дружинниками своими страсть сердечную не показывает, а то и отзовется о молоденькой ключнице пренебрежительно. Нет уж, пусть Малуша живет в стороне от него. Малфрида и сама уже решила – так лучше будет.

И все же ее отказ отношений со Святославом не испортил, их часто видели вместе. То поднимались вдвоем на высокую срубную башню Витичева, оглядывали окрестности, то катались на лодке, били острой рыбу, то наблюдали в гавани Витичева собиравшиеся тут большие ладьи княжеского каравана. Судов было множество: крутобокие насады, юркие однодревки, варяжские ладьи-драконы. Корабль, который приготовили для княгини, был обустроен особо богато. Посредине, ближе к мачте, на дощатом настиле, должен был расположиться шатер для государыни, под настилом стояли ее сундуки с самым необходимым. Высокий штевень корабля украшала выкрашенная в алый цвет диковинная голова – то ли птица оскаленная, то ли дракон узкомордый. Не поймешь, но впечатляло. Причем корабль так и называли – «Оскаленный». А вот на задний штевень «Оскаленного» при отплытии водрузят большой череп круторогого тура – знак покровителя богатства и дорог Велеса. Это для того, чтобы благословляющий в пути Велес всегда при княгине был и отпугивал чужих духов, когда поплывут в незнакомых местах. Без Велеса торгового и путеводного, без знака его в пути никак нельзя. Такой же знак – голова рогатого быка – будет выткан и на парусе, но парус пока не ставили, ждали, когда Ярилу отгуляют.

В преддверии праздника неожиданно налетели грозы. Что ни день, то ливень стеной, раскаты грома, всполохи молний. Корабелы говорили, что это хорошо, мол, воды поднимутся, река силу наберет. Воины тоже считали, что если перед походом Перун столько молний наслал, то это знак воинской силы, добрый знак. Малфрида также была рада – она любила грозу, ибо от Перуна сила ее колдовская обновлялась и росла. Зато княгиня, как раз приехавшая в Витичев с целой свитой княгинь и боярышень, такой погоде не радовалась: из-за дождей опять приходилось перепаковывать товары, сушить, вновь покрывать промасленной парусиной и кожами. Недовольны были и те, кто надеялся на Ярилин день отгулять по полной. А под дождичком праздник вышел так себе: ни больших костров, ни долгих праздничных хороводов. Но требы принесли, как и полагалось, богатые: и человека клали на алтарь, и быка, и овец, и немало петухов белых и черных. Окропили всех кровью служители волхвы, пожелали сил и удачи.

И небеса смилоствовались, утро после Ярилиного дня вышло светлое и ясное, мягкий ветерок разгонял уплывающие вдаль облака. Корабли отходили от пристаней Витичева один за другим, производя обычный шум и сумятицу. На берегу оставались многочисленные провожающие, махали вслед, смотрели, как развеваются яркие паруса, как разрезают воду крутой грудью могучие ладьи – каждая со своим охранителем на штевне, разрисованным, скалящимся или важным от какой-то своей, придуманный для каждого изваяния резчиком значимости. Ускакала вдоль берегов и конница – Претич повел воинов левым берегом, Святослав – правым. Воевода Свенельд занял место на первой ладье, двигался впереди каравана, осматривая речной путь и лишь порой поглядывая туда, где на втором корабле обустроилась княгиня. Малфрида плыла вместе с ней, и ее накидка цвета запекшейся крови мелькала там же, где и Ольга в своих светлых одеждах. Ну а священник Григорий плыл на одном из последних в караване

судов. То была воля Малфриды, ее условие непреклонное. Сказала Ольге: не удалишь попа своего – исчезну однажды, мне и воля твоя не указ.

Весь день плыли ладьи по блестящему под солнцем Днепру, благо, что ветер и течение давали гребцам возможность не расходовать силы. Но и ночью продолжали идти, когда ветер стих и пришлось сесть за весла. Конники же окликали корабелов с берегов, кричали, что лошадь живая тварь, не ладья бездушная, вот и надобно им остановку сделать. Корабли медленно и величаво прошли мимо, а конники лишь к рассвету опять нагнали караван.

Ольга после всех хлопот перед отплытием сладко выспалась в своем шатре, закутавшись от речной сырости в меха. Утром проснулась и лежала какое-то время, глядя в полог, прислушиваясь к скрипу уключин, плеску воды за кормой. Хорошо было дать себе некое подобие отдыха, довериться другим. Когда все же вышла из-под полога шатра, то перво-наперво посмотрела туда, где впереди плыл корабль-дракон ее воеводы Свенельда. Варяг сам стоял у рулевого весла, сменив кормщика, ветер трепал его длинные, соломенного оттенка волосы, рвал за плечами алый плащ. Глаз не отвести, как хорош! Всегда в радость любоваться тем, что прекрасно. А Свенельд воистину был прекрасен, так отчего ж не поглядеть на него сколько душе угодно. Ведь сердце уже не трепыхалось так, как в былые годы, когда Ольга думала, что она, княгиня Руси, как какая-то девка теремная, потеряла голову от пригожего варяга. Осилила государыня свою любовь, успокоилась. Но все же хорошо и спокойно, что именно Свенельд будет подле нее в далеких пределах.

На каком-то из кораблей гребцы затянули песню. На другом подхватили:

Ой ты, ладо, ладушка, Душу мне потешь да согрей. Дай забиться серденьку, Тугу одолей, одолей.

Сидевшая подле палатки княгини Малфрида тоже слушала. Ишь какие песни ныне поют! Раньше пели все о доблести и удаче в походе. Это когда она проплывала тут с Игорем, а витязям князя не нравилось, что их глава столько внимания чародейке уделяет, каждый миг хочет ее подле себя иметь, обнимает, не стыдясь взглядов дружины. Ибо Игорь ее любил. Она же... Наверное, и она его любила. Но мало, видать, раз оставила и не была с ним в тот час, когда гибель страшная его настигла. Из-за нее погиб Игорь. Пошел за данью к древлянам, они озлились и придумали, как погубить князя: заманили назад, сказав, что она, Малфрида-чародейка, ждет его в глухой чаще. Вот князь и повернул обратно с малой дружиной. Людям своим сказать, что за ладой едет, не осмелился, постыдился. Зато объявил, что еще дань хочет взять с древлян. И слова те древляне слышали. А потому сказали: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И убили, казнили страшно... Малфрида же теперь несет в себе вечный груз вины. Не уберегла... И другая за него помстилась. Жена. Княгиня Ольга. Может, потому ведьма и готова служить ей до конца, ибо благодарна за ее месть. Но останься Игорь жив, неизвестно еще, как бы меж ними с Ольгой сложились отношения. Теперь же подругами стали.

Малфрида вспоминала все это с болью и радостью. Хорошо было думать, что тебя кто-то так сильно любил, что не изменил, не пошел против твоей воли, против твоей сущности, поддавшись сладким и притворным речам христиан. Как тот же Малк сделал... А ведь Малфрида ранее была уверена в муже, ей легко жилось с ним, ибо думала, что есть на свете близкий человек, который примет ее такой, как она есть, вечно любить будет... Ласкать, голубить, радость дарить такую, что слаще ее и нет ничего... Ну, может, чародейство только и слаще. Или нет?

Малфрида закрыла глаза, явила себе облик мужа. Глаза-то какие ласковые, руки нежные. Ради этой улады любовной ведьме и впрямь порой было не жалко отказаться от чародейства. А Малк, когда любился с Малфридой, когда делал ее обычной бабой и плотской любовью лишал колдовских сил, говаривал бывало: мол, давай будем жить, как все, деточек нарожаешь мне... Она отказывалась. Вон у них Малуша и Добрыня, ее порождение, и Малк их любит, как родных. А что своего мальчика ему приспичило... Вот-вот, приспичило, она так ему и говорила. А он все равно хотел... Может, потому и обиду затаил, с христианами в отместку связался. И как же ей теперь без его любви и ласки, без надежной защиты?

Малфрида тряхнула головой, откинув за спину толстые косы. И что это ее разобрало так? Ох уж эта ведьмовская натура! Любой бабе с милым любиться-тешиться улада, а колдунье особо.

Она поднялась, прошла к носу корабля, переступая через скамьи гребцов. Сейчас корабль шел еще по своим землям, где случись что, с берега сразу упредят. Вот многие из гребцов и поснимали доспехи, плыли под теплым солнышком в одних рубахах, а то и полуголыми. Было видно, как перекачиваются под кожей их литые мускулы, играют мышцы, расправляются плечи. Ох... какие! Так бы и приникла к кому из них, огладила бы, а то и лизнула, укусила... впилась, дала телу уладу. Но нельзя. Она Ольге нужна как чародейка. А что с самой происходит... Кому до того дело?

Испытывая раздражение и злость, Малфрида остановилась у штевня подле Ольги. Заметив, как та глядит на Свенельда, сказала с вызовом:

- Ну что ты маешься? Покличь, позови - он вмиг прилетит.

Серые глаза княгини так и сверкнули булатом из-под длинных ресниц.

- А ну рот замкни! Взяла волю.

На передней ладье Свенельд, будто почувствовав их взгляды, оглянулся. Блеснули в улыбке его зубы. Сам же рукой на что-то указывал. Крикнул:

- Видите? Это те самые Змиевые валы!

Они уже проплывали устье реки Трубеж, за громадами Змиевых валов виднелись бревенчатые вышки Переславля. Люди, живущие тут, любили рассказывать, что и ныне в лунные ночи можно разглядеть силуэт богатыря, который впряг в дышло огромного змея и проходится по валам, как и в те незапамятные времена, когда он оградил землю славян от находников этими гигантскими рвами, возведя валы, отделяющие Русь от степей. Давно это было. С тех пор русы не только смогли отстоять свои земли, но и сами постепенно селились ближе к открытым просторам степи.

Вон справа по берегу видны частоколы и вышки русских крепостей Чучин, а далее Заруб. К вечеру уже до Канева доплывут. Земли тут все больше открытыми становятся, леса уходят в дальние дубравы балок, ширь открывается.

На вечерней зорьке караван сделал остановку у Канева. Княгини-спутницы и боярышни Ольги побрели с мамками и няньками по широкой тропе к бурым частоколам града на холме - утомили их дорога и качка, хотелось баньку принять и поспать под тесовыми кровельками. Наблюдая за ними, Малфрида хмыкнула, представляя их разочарование. Канев - это не терема Киева да Вышгорода, не высокие горницы Витичева. Тут за частоколами только крытые дерном полуземлянки да службы, где скотину содержат. Но баньку им обеспечат. В любой крепости банька имеется, нельзя без этого. На охоте ли ловцы зверя забили, из похода ли витязи воротились, им возбраняется, не смыв кровавых отметин, входить под матицу избы, где домовые духи обитают. Так испокон повелось.

Малфрида осталась на берегу. Нашла заводь отдаленную и наплескалась вволю. Глубоко ныряла, смотрела в муть подводную. И обрадовалась, заметив в глубине темную массу водяного. Она не ошиблась - не сом огромный повел плавником, не осетр сажженный мелькнул острым рылом - разглядела Малфрида и пузатое брюхо с пупком водяного, и гривастую, как у какой русалки, голову, нос уточкой, маленькие глазки под мохнатыми бровями. Водяной поначалу к ней поплыл, любо ему ныряльщиков хватать да топить, но, видать, углядел, как сквозь мрак воды сверкают желтым огнем колдовские глаза ведьмы. И тут же ринулся прочь, исчез среди водорослей, наслав облачко мути донной. Однако Малфрида все равно была довольна. Выходит, что тут, в стороне от мест, где влезли среди люда христиане, местные духи еще не пропали. Малфрида вынырнула, покачивалась на воде, даже думала повелеть водяному явиться на зов, но отказалась от затеи. Ведь и среди корабелов может кто из христиан оказаться, да и священник Григорий чего стоит. А Ольге с ним интересно, вон только сошла, сразу попа своего покликала. Говорит, что еще с прошлой осени Григорий ее речи греческой обучает, что хочет Ольга не только на толмачей опираться, но и сама все понимать и учитывать.

Конная дружина тоже была рада остановке. Святослав походил по округе, пока не смеркло, поглядел следы на земле и воодушевился. Тут и кабаньи следы, и косули, там широкое копыто тура обозначилось, а в дальней балке можно углядеть и раздвоенное копыто лося, совсем свежее, с кустов еще бурая шерсть сохатого не слетела. Вот бы поохотиться! Но уже вечером, когда делился с сотоварищами планами, Претич сказал как отрезал: никакой охоты! Не на ловы, чай, выехали.

Рано утром, когда Святослав еще спал, подложив под голову седло, в стан с объезда прискакали дозорные. Князь спросонья не сразу осознал, в чем дело, а как понял... Запустил пятерню в кудрявый русский чуб, будто так лучше думалось. Таааак... Выходит, видели его разъездчики на дальнем холме степняков. Трое или четверо тех было, смотрели на суда у берега, на костры стоянки русских воев. А как дозорных завидели, сразу в степь ускакали.

Святослав поведал о том Претичу. Тот покачал головой. Плохо, что копченые так близко к русским заставам являются. Но ничего, на столь мощный караван они напасть не посмеют. Если не орда идет. Вот если орда... Тогда всякое может быть.

Претич пытался выяснить у дозорных, каковы собой замеченные ими степняки. Может, бунчук какой несли? По бунчуку он бы сразу определил, к какой орде те принадлежат. Но, похоже, это были просто доглядники печенегов, никаких определенных знаков на них не имелось. И все же воевода отправился к княгине, попросил выждать денек-другой, пока он не поедет по округе, посмотрит на следы, определит, куда ведут и сколько.

Княгиня сочла это разумным, спутницам своим тоже велела не торопиться со сборами. Те хоть в тесноте ютились, дыма из курных изб наглотались, но с пугавшими их печенегами встречаться не захотели. Ну а Святослав, как узнал, что передышка в пути, сразу же отправился на охоту с дружинными побратимами.

Из приближенных князя к охоте не примкнул только молодой десятник Блуд. Он ходил взволнованный по лагерю и по окрестностям, разыскивая одного из своих отроков. Да не просто отрока, а родича. Сам Блуд был нагулянным сыном одной из киевских боярышень, но род от него не отказался, вот он и считался достойным состоять в окружении князя, тем более что сызмальства даже воспитывался вместе с ним в тереме княгини. Собой же Блуд был красень хоть куда – статный, сильный, лицо костистое, но пригожее, светлые глаза янтарем отсвечивали, волна пышных каштановых волос до плеч ниспадала. Но помимо родовитости и красоты Блуд отличался смелостью, вот молодой князь и приблизил его к себе, воинским побратимом сделал. И, зная, что парень на хорошем счету у Святослава, родня отправила с ним одного из родичей, молоденького да неопытного еще, велела приглядывать за отроком. Блуд к делу отнесся серьезно, сам понимал, что в семье его положение шаткое. Думал похвальбу от родичей получить, а тут и отъехать далеко не успели, как парнишка на первой же стоянке сгинул. Конь его стоит, седло с тиснением валяется в кустах, доспех кольчатый через сук перекинут, а самого и след простыл.

Блуд решил даже пойти к ведьме, сказал, что волнуется.

– Он ведь братанич мне, сестрица просила за ним, как за самим собой, приглядывать. И куда его понесло? Не поворожишь ли мне, чародейка, где искать родича... живого или мертвого. А то вон в стане о печенегах поговаривают.

Малфрида согласилась. Такому красавцу отказать трудно. Кровь горит при одном взгляде в его золотистые прозрачные очи. Но Малфрида отогнала эти думы, пошла к дальнему омуту, стала смотреть в стоячую воду, шептала заговоры.

Вернулась мрачная.

– Нет твоего братанича среди живых, Блуд. Но он где-то поблизости. А где? Не показывают мне. Ну уж ладно, сама поищу. Дай мне только его вещицу какую.

Блуд принес ту самую кольчатую кольчугу, какую богатая родня выделила для отрока. Но ведьма только понюхала ее, прикоснуться не посмела, даже шарахнулась осторожно.

«Вот уж нечисть!» – подумал Блуд, глядя вслед удаляющейся ведьме и делая

предохранительный жест. Надо же, а его князь все время говорит, что от Малфриды им удача будет. Какая в том удача, если на первой же стоянке своего потеряли!

Малфрида отошла подальше, где ее уже не могли заметить княжеские дозорные, потом разбежалась. Взлетели ее темные косы, заметались, как темное облако, глаза вспыхнули желтизной. На бегу она сделала скачок, перевернулась в воздухе... И уже пушистой росомой побегала дальше по бережку вдоль реки.

Вот это Малфрида и любила в своей колдовской силе – чудо. Интересно ей было ощущать себя в ином теле, иные чувства испытывать, покорять человеческим разумом прорывающуюся волю дикого зверя.

Мощные лапы росомы по-медвежьи косолапо переступали среди высокой травы, пушистый хвост стелился следом, продолговатая морда к земле была опущена. Вот тут прошел родич Блуда, тут. Она уже миновала заводь, где вчера приметил водяного... А ведь сперва было решила, что его это шалости. Нет, дальше прошел отрок. Вон и след сапожка виден на мокром песке. Похоже, бежал куда-то.

Уже закат заалел, когда она обнаружила ответ. И увидела ее – русалку. И какую красивую! Правда, Малфрида поняла это, когда опять человеческий облик приняла. Первым желанием ведьмы, ставшей на время росомой, было стремление спрятаться, кинуться прочь от нелюди. А как собой стала – уже иначе посмотрела.

Да, на редкость хороша была речная дева. В свете закатного солнца ее длинные волосы казались розоватыми, бледное тело тоже как спелый плод выглядело – ладное и гибкое, с высокой округлой грудью, крупными, как цветы, сосками. Русалка сидела на камне, опустив длинный хвост в речную воду, чесала волосы пальцами. И улыбалась довольной, сытой улыбкой.

– Что это ты до темноты показала, красавица? – выйдя к ней, спросила ведьма. – Или к теплоту человеку прикасалась недавно? Тепло в себе чувствуешь и солнца луч не пугает?

Русалка встрепенулась, хотела было в воду кинуться, но не смогла. Посыл с руки чародейки удержал ее, и она будто налетела на невидимую стену, охнула, понимая, что не сойти ей с камня, что прегражден путь к воде. А ведь долго без воды речной деве не продержаться: тело, кожа сохнуть начнут, хвост рыбий истончится.

И тогда русалка открыла рот, будто в некоем немом крике, лицо ее исказилось от натуги, из прекрасного безобразным сделалось. Малфрида же в первый миг пошатнулась, зажала уши. Хотя со стороны глянуть – ни звука не издала водяная дева. Да только волна по реке вдруг пошла, камыш затрещал, кроны высоких ветел на берегу стали раскачиваться и гнуться, будто при сильном урагане. И пронзительно высокий, не слышимый людскому уху вопль русалки словно стальной иглой проник в голову ведьмы, вызвал дикую, оглушающую боль. Но через миг она уже справилась, выпрямилась, сама закричала так же немо и пронзительно. И звук этот был настолько силен, что воронки водоворотов забились на водах Днепра, забрызгали пеной, на берегу рухнула ива, сломанная силой колдовского крика чародейки, такого высокого, что обычное ухо и не различит его. А вот нежить... а вот природа...

Русалка поначалу соревновалась с ней в губительном вопле, не желая смириться. Уже и смеркаться стало, недавно розовое тело русалки голубоватым сделалось, она опала на камень у воды, скреблась пальцами о невидимую преграду. И выдохлась первой: перестала глушить немим воплем, взмолилась по-человечьи:

– Отпусти! Ты ведьма сильная, я поняла. А вот что тебе от меня надобно?

– Три зарока исполнишь для меня – отпущу на волю. Сперва отвечай – ты отрока глупого поманила?

– Да он сам рад был! Я плыла, смеялась, а он неся за мной по бережку, звал, просил приблизиться.

Малфрида будто воочию увидела: спешит глупый мальчишка вслед за плывущей по воде красавицей, а та то плечом округлым поманит, то грудь покажет, то очарует тихим

русалочьим смехом. Где глупому отроку было устоять против красоты такой? Русалка наверняка свой рыбий хвост ему не показывала, а глупый парнишка и не понял, что речная дева его завлекает. Может, возомнил, что девка какая местная тут нагишом купается, может, кто из спутниц княгини ему улыбается на воде. Хотя... видать, уже и не соображал ничего. Когда русалка поманит – трудно устоять. Краса их редкая, соблазнительны они и сильны. Вот и заманивают речные девы людей под воду, под коряги, играют с утопленниками, целуют, милуют, пока те теплые. Им, холоднокровным, страсть как любо к теплу человеческому прикоснуться.

– Ты его тело спрятала? – спросила Малфрида.

– Я. Но не намиловалась еще. Мой он. Вот когда красоту потеряет, когда раздуется – тогда забирай. Хочешь, призрак его возьми.

Малфрида покачала головой, укоризненно поцокала языком.

– Отдать придется сейчас. Он из княжьей дружины. Это тебе не селянин какой, не рыбак, о котором поплачут и позабудут. Этого надо погresti по покону. Незачем душе его неприбранной потом шлаться по бережку призраком унылым и людей пугать. А пока тут его родич, он о погребении позаботится. Вот ему и вернешь. В том мое слово. И чтобы к рассвету тело отрока было в одной из заводей, где речка Рось в Днепр впадает.

Русалка сидела, обиженно надув бледные губы. Потом вдруг улыбнулась и спросила:

– Хорошо, все сделаю, как прикажешь. Ну а третий зарок какой?

– Как третий? – возмутилась Малфрида. – Я еще... Но умолкла, поняв, что перехитрила ее нелюдь речная. Она сперва на вопрос ответила, потом согласилась тело вернуть, вот и выходило, что лишь один наказ остался.

Это рассердило Малфриду, и она потянулась к русалке. Та зашипела по-гадючьи и заметалась, но не смогла уклониться: рука чародейки вдруг сделалась длинной, когти острые полезли из пальцев, и она резко вырвала прядь из длинных волос речной девы. Русалка затрепыхалась, заплакала слезами-жемчужинами – так и покатались они из ее зеленоватых глаз на камень. А ведьма прошипела зло:

– Как опущу твою прядь в воду, явишься выполнить третий зарок.

Все, она сняла невидимую стену, и русалка плюхнулась в реку, сверкнув в сумерках чешуей хвоста.

К стану Малфрида вернулась лишь под утро. Со стороны поглядеть – смотрелась как и обычно, только растрепана. Разыскала Блуда, сказала, чтобы искал тело братанича среди камышей у устья Роси. На этом ее дело было выполнено, и она ушла в Канев, отдыхать. И хотя там все клетки, все закутки и амбары были полны постояльцами, она неплохо устроилась в остывшей баньке. Даже улыбалась, слыша, как банник ворчит что-то за печкой, недовольный, что его не греют, и просто спать тут улеглась. Малфрида засыпала под его ворчание, довольная, что и этого христианине не спугнули. Значит, нет их поблизости. А с духами ведьмы было даже спокойнее.

Претич вернулся, как и обещал, через пару дней. Поднялся к княгине на крепостной заборол, где та с ведьмой своей прогуливалась.

Воевода снял свой высокий шлем, откинул назад сползшую на лоб длинную потную прядь.

– Говори, каковы вести, – приказала Ольга.

И Претич поведал: нашел он небольшое укромное селение уличей в дальней балке, и те сообщили, что ходит по округе немалая орда. По всем приметам это орда Куплеи – на бунчуке их три черных конских хвоста развеваются. А возглавляет ту орду молодой хан Куря. Но Куря обычно к Днепру не выходит, все больше вдоль Сулы его батыры носятся, однако сейчас он прибыл сюда, ибо его дядя, старый хан Куеля из орды Цур, сильно болен и шаманы сказали, что пришло его время отправляться к прашурам. А Куеля, как известно, муж тетки Кури, вот Куря и примчался наследство получать.

И тут уж как поглядеть: либо Куря будет дожидаться, когда Куеля помрет, – и это продлится долго, что им только на руку, – либо Куеля помрет со дня на день, и тогда Куря, объединив под своей рукой обе орды, должен будет показать, что он достойный хан. А как показать? Скорее всего, поведет отряды пограбить на Днепр. И если столько людей придут к порогам... тут может и сеча произойти.

Услыхав те вести, Ольга сразу же повелела скликать воевод для совета. Явились все, кроме молодого князя. Святослав отправил Блуда передать – с охоты князь, утомлен, а что матушка с советниками решит, он все примет.

Щеки Ольги зарделись гневно. Ну что это за князь, которому потехи да охота важнее совета? Однако при воеводах и слова не сказала о сыне. О другом заговорила: спросила, можно ли доверять сведениям, полученным от уличей?

Этот вопрос больше относился к Свенельду. Именно он несколько лет назад покорил вольное племя уличей и ныне считался князем их. Но трудно быть князем племени, какое после покорения разделилось: часть ушла на низовья Днестра, а те, что остались, разбрелись по степи, по балкам, их и сыскать непросто. Вон Претич сколько коней гонял, пока не обнаружил селение. Там в основном старики остались. Ибо молодежь, когда прошли их войны с Русью, все больше подавалась в более безопасные места, многие поступали на службу, кто в Киев, кто при русских крепостях селились, чтобы защиту воинскую от тех же степняков иметь. Немногие оставшиеся в предстепье уличи вольности былой не забывали и особой любви к покорителям не имели, порой даже со степняками смешивались, чтобы в набеги ходить. Так что веры им мало – подытожил Свенельд.

Тут слово попросил боярин Сфирька. Молвил, что не стоит им задерживаться да решать, что Куря предпримет. Пока вода еще высока, надо плыть. Нападут копченые – пробиваться придется. Не нападут – и то хорошо.

Многие на эти слова закивали. Ольга же сказала:

– Куря в детстве при моем дворе воспитывался. Может, попробовать с ним сговориться да откупиться? Ибо с нами много знатных людей, они не воины, и если нападут копченые, то немало крови прольется.

– Все верно, княгинюшка. – Претич поднялся. – Да только где ты того Курю найдешь, чтобы сговариваться? Уж если нападать он станет, то не до сговоров будет.

– Может, послать людей да столкнуться до того, как...

– Как столкнуться? Где сходку им назначить? Печенеги кочуют по огромным пространствам, они почти неуловимы, поскольку бродят по степи круглый год, проводя время в возах да на конях. Как мы их найдем? Где их орда стоит? Кто об этом знает?

Претич был особо взволнован еще и потому, что по уговору с Ольгой он не должен был идти дальше Канева. Ведь у каравана Ольги и стражи на ладьях, и конница Святослава, а Претичу надо было проехать по заставам, доставить свежих воинов, забрать раненых, увезти тех, кто отслужил уговоренный срок. Он не хотел оставаться с караваном, зная, что на любую заставу могли напасть и порушить русские рубежи. Поэтому Претич тоже советовал скорее поднимать паруса и ехать к порогам.

Они еще судили и рядили, но Малфрида уже не слушала. Вышла незаметно и направилась к реке. Пройдя мимо мест для водопоя, удалившись туда, где не ощущался дым от костров стоянки, она зашла по колено в воду и вынула из калиты холодную и слизкую прядь русалки. Затем опустила ее в воду, замотала, пуская волну. Прядь тут же завилась, зазвенела негромко, позвала хозяйку. Однако пришлось ждать едва ли не допоздна. Малфрида даже заскучала, думала уже уходить, когда та все же возникла макушкой из воды, а там и глаза ее белесые появились. Смотрела, даже лица не высунув полностью.

– Вот что, голуба моя, – строго обратилась колдунья, – поплывешь по всем окрестным рекам и затонам, переговоришь с водяными и травяными, с перекасти-поле и играцами заблудшими, но узнай мне весть, где ныне печенеги станом стоят. И чтобы у печенегов тех на бунчуке три черных конских хвоста были привязаны.

Русалка все же вынырнула, даже всплеснула руками, разбрызгивая воду. Стала возмущаться – мол, какое мне дело до степи? Но Малфрида уже приказывала духам отыскать печенегов, еще когда с Игорем тут проплывала. И духи тогда справились. Они ведь повязаны между собой, вот и могут вести друг другу передавать. А не выполнит наказ русалка, Малфрида ее прядь в печи спалит.

Лицо речной девы исказилось при мысли о такой участи. Спорить больше не стала, уплыла.

На другой день корабли тронулись по реке. Блестели на солнце осмоленные доски бортов, надували грудь паруса, взлетали и опускались ряды весел. Вроде спокойно пока плыли, однако все равно были настороже. Вокруг лежали чужие беспокойные земли.

Но совсем чужими они стали только после того, как миновали последнюю русскую крепостцу на Днепре – Воинь. Здесь Претич распростился с караваном княгини, отбыл нести дозор в порубежье. Осталась позади речка Сула, а там и устье Псела миновали. Вокруг расстилались слегка холмистые безлесные берега. Солнце еще не иссушило землю, сочные травы колыхались на ветру, желтые и белые цветы весело рассыпались по пышному ковру зелени. Для коней идущей берегом дружины Святослава тут было подлинное раздолье. Молодой князь, как научил Претич, велел высылать вперед нескольких передовых дозорных, чтобы оглядывали окрестности и предупреждали, если что. Но пока они находили только следы от стоянок копченых, догадывались, что те уходят в спешке, следы от их кострищ были еще теплые, трава не успела выпрямиться. Вот Святослав и решил, что боятся печенеги его сильной дружины, расслабился. Его теперь больше всего интересовали прославленные днепровские пороги, хотелось взглянуть на них.

Первый из порогов – Не спи – уведомил о себе еще издали шумом и ревом воды. Река в этом месте суживалась, серые гранитные скалы вставали из пенящегося потока, как острые зубы. Корабелы стали сворачивать к берегу, сгружаться. Княгиня сама снесла по сходням деревянный, обшитый кожей ларец, в котором хранилось самое ценное – живая и мертвая вода. Охраняемая двумя могучими гриднями, Ольга с берега наблюдала, как иные суда причаливают, как спутницы ее знатные сходят на землю, с ними челядинки их, свита. А мужики уже стягивают рубахи, подворачивают порты, готовясь тянуть вдоль берега корабли на канатах, чтобы не увлек их на острые камни поток, чтобы не бросило на скалы.

Пока наблюдали да ахали, когда лопнул один из канатов, отвлеклись от берега. А печенеги тут как тут. Их заметили лишь после того, как стрелы засвистели, а еще громко вскрикнула княгиня черниговская Долхлаба. Пронзенная стрелой навывлет, она в своем ярком алом платье рухнула с крутого берега прямо в воду. И пока спохватились, печенеги прошли мимо с криком да гиканьем, увлекли на арканах несколько коней тех из дружинников, какие помогали удерживать на канатах корабль.

Набег был стремительный и дерзкий. Святослав бы даже восхитился удачей печенегов, если бы не переживал так о смерти Долхлабы. Как-никак княгиня его друга Претича, тот о ней с почтением отзывался, говорил, что она первые роды у его жены принимала.

Ольга тоже расстроилась. Долхлаба едва ли не первой поддержала ее почин ехать в далекий Царьград, другим пример подала. Поэтому, когда Святослав уже намеревался снарядить погоню за дерзкими печенежскими набегчиками, Ольга резко окликнула его, поманила к себе.

– Погонять копченых ты еще успеешь. А ныне, сынок, помощь мне твоя нужна.

И приказала выловить из воды тело княгини черниговской, отнести подальше, где никто их видеть не сможет.

В небольшой низине Святослав уложил на траву бездыханное тело Долхлабы, сломал торчавший из ее груди наконечник стрелы и вырвал из тела древко. Выжидательно взглянул на мать. Его обычно румяное продолговатое лицо с высокими скулами, такое решительное и выразительное, несмотря на юный возраст, побледнело. Ибо понял уже, что сейчас произойдет. Догадался, как увидел, что верный гридень несет за княгиней ларчик с чародейской водой. Да и Малфрида рядом стоит, а ее родительница так просто не позовет.

Гридень осторожно положил свою поклажу подле мертвой княгини, отошел и остался стоять в стороне, озираясь и держа лук со стрелой наизготове. Ольга приказала ведьме:

- Сними запоры.

На ларце не было ни замка, ни замочной скважины, ни ременной петли. Но попробуй открыть – зря стараться будешь. А вот на слово колдовское отозвался, стал медленно открываться. Святослав заглянул. Так вот какая она, вода чародейская! В бутылках дорогого византийского стекла, проложенных мягким ястребиным пухом, она мерцала на солнце подобно обычной. Но обычной не казалась. То голубым сполохом отразится, то розоватым светом зари. И каждый пузырек был запечатан воском, обернут тонким плетением ремешков.

- Не заслоняй, сыне, – приказала княгиня.

Она провела рукой с мерцающими перстнями по воде, выбирая. Бутылей-склянок было не более семи. Да, раньше у Ольги ее больше бывало. Теперь же каждую каплю приходилось беречь, как чудо невиданное.

Святослав по наказу матери разрезал алую крашенину на груди княгини, оголил тело едва ли не до пупка, так чтобы матери было удобно видеть темную с начинавшей буреть кровью ранку от стрелы. Княгиня Долхлаба особо молодой не выглядела, девятерых детей родила мужу, прежде чем и она смогла прибегнуть к тому средству, каким могли уважить себя правители Руси, – жить долго и младость сохранять под воздействием чародейской воды. И хоть смотрелась молодухой ядреной, все же следы былых родов на теле имелись. Тело же еще и холодеть не начало, поэтому надо было поспешить, пока душа еще рядом, еще не улетела за кромку.

Ольга спешно сорвала восковую печать с пробки одной из бутылей, пролила осторожно жидкость прямо на ранку. Вода стала синеть на глазах, впитываться. И ранка посинела, а потом почернела и начала светлеть. Святослав только заморгал длинными, как и у матери, ресницами, когда отверстие затянулось, исчезло. Так же княгиня велела оголить и спину Долхлабы, тоже брызнула мертвой водой на выходившее со спины отверстие, больше пролила, чтобы глубже вода ушла.

Никогда ранее такого князь не видывал. Подумал только: скольких добрых воинов он мог бы спасти в своих походах, если бы имел при себе такое чудо! Но ведь родимая не даст, все твердит, что исчезает вода, что каждая капля ее драгоценна. И уж совсем заволновался Святослав, когда после мертвой воды княгиня прибегла к живой, после чего бездыханная только что черниговка вздохнула глубоко, застонала, а там и глаза открыла.

- Я спала, княгинюшка?

- Долго бы ты спала, Долхлаба, если бы меня рядом не было.

Мать казалась спокойной. А вот Святослава била крупная дрожь. Он отошел, когда Долхлаба засмущалась своей растерзанной одежды, отвернулся, смотрел по сторонам – на синее, с легкими размытыми облаками небо, на пахнущие под солнцем сочной зеленью травы, на блестящий в стороне серебристый Днепр-Славутич. Какая же жизнь красивая! Как горько, должно быть, потерять ее. Однако, владея таким чудом, как живая и мертвая вода, можно жить вечно. Но... О Перун великий! Как может княгиня отдавать такую силу каким-то ромеям чуждым? Почему не сбережет для себя, для сына, для ближних своих?

В тот вечер Святослав был непривычно задумчив. Даже отказался хлебнуть медовухи, какую умудрился невесть где раздобыть неугомонный новгородец Семячка. А тот и сам хлебнул, и товарищей угостил. В одиночку кто ж пьет? А с веселым напитком и на душе легче, и жизнь не кажется такой уж сложной. Вон корабели после того, как провели суда мимо острых зубов порога Не спи, сообщают, что уже завтра минуют еще один – Улворси, или Сурский, как называли его по реке Суре, за устьем которой он пенился. А там еще один, и еще – всего девять порогов на Днепре. До самого острова Хортица, там и передохнут они у ведунов древних, какие оберегают свой остров одним колдовством, так что даже печенег лихие опасаются туда проникнуть.

Да, путь предстоял непростой, но сейчас, когда медовуха ходила по рукам, а на вертелах жарились уточки, набитые под вечер в заводях, да ушица поспевала (ух и рыбыны же водились за порогом Не спи, только успевай бить острой!), думать о плохом не хотелось. Наоборот, весело было. Что те пороги? Пройдем! Что те колдуны? Что те печенег копченые? Разве устоят они перед русской удалью!

Семецка даже стал приплясывать, размахивая ножами, ухал, крутился перед костром, поводил бритой головой. Он, как и Претич, думал по-хазарски обриться, да во хмелю перестарался – сбрил даже клок волос на макушке. Но не огорчился. Вот и плясал теперь под хлопки да посвист сотоварищей – невысокий, юркий, в плечах не сильный, но, как поговаривали, ловкости немалой. Он был из рода торговых купцов, однако князь полюбил и приблизил его за веселый нрав, мог бы и пояс гридня посулить, если бы Семецка настолько не любил медовуху да пиво, а еще вино ромейское.

К костру подошла Малфрида, села невозмутимо на разостланную овчину подле князя. Тот только бровью чуть повел, все больше на огонь смотрел, откинувшись для удобства на седло с высокими, на хазарский манер, луками. Но через время покосился на ведьму, когда кто-то спросил – уж не в одежде ли чародейка купалась? А она, почти до пояса мокрая, потряхивала сырым подолом перед огнем, открывая стройные ноги с обвивающими лодыжки крест-накрест ремнями поршней. Святослав спросил: уж не рыбачила ли чародейка? Вон как от нее сырой рыбой пахнет.

Малфрида ладони свои понюхала, усмехнулась. Она вообще довольной выглядела.

– Рыбачить не рыбачила, а за должком одним к воде ходила. И теперь мне есть что сообщить тебе, князь.

– Отчего же мне, а не матушке моей, коей служишь?

– Служу? Я? Гм. Может, и впрямь со стороны это так выглядит. Ну да ладно, не о том речь. А поговорить мне ныне именно с тобой охота. Идем.

И, поднимаясь, зыркнула темным глазом так, что Святослав решил и впрямь выслушать, что скажет. Пошел следом в темноту, где паслись дружинные кони да слышалась из мрака переключка дозорных.

Позже он вернулся к костру довольный.

– Семецка, хватит плясать, иди коня взнуздай. Икмор, тоже со мной поедешь. И ты, Сфангел, не хочешь ли поразмяться ночной скачкой? Поедете и вы семеро. – Святослав указал пальцем на еще нескольких воинов. – Ну а ты, Блуд, остаешься в дружине за старшего. Матушке же моей поутру скажешь, что дело у князя. Пусть не ждет. Я догоню ее у острова Хортица.

Блуд недовольно закусил щеку, по лицу желваки заходили. «Матушке скажешь»... Как же. Это Святославу она матушка, а ему княгиня и повелительница. И уж она не похвалит Блуда, что не смог удержать ее сына. Да такого разве удержишь? Князь – одно слово. Уж глава своих воинов – это точно. А настоящим князем он станет, когда матушка вожжи правления ослабит.

Так думал Блуд, не догадываясь, что Святослав решается на самое княжье дело – на переговоры. Да не с кем-нибудь, а с печенегами, извечными врагами Руси.

Глава 4

Медленно поворачивался в ночном небе Большой воз, поворачивался и Малый, мерцала ясная звезда Квочка. Ночная степь пахла душистой полынью и соками земли. Под утро выпала роса, за клубился над травами белесый туман. Всадники попридержали коней, съезжая с едва заметной под месяцем тропы к реке.

Святослав еще издали уловил запахи дыма и навоза. Значит, и впрямь расположились станом копченые, не обманула чародейка. А он-то все гадал, откуда ей ведомо, где орда стала? Хотя, если дело касалось ведьмы, все разумение людское отступало. Она так и сказала – не спрашивай, откуда знаю, но при слиянии речек Самарь и Волчья стоит орда хана Кури. Не желает ли князь пообщаться с товарищем детских игр? А вдруг они стоворятся? Она готова помочь. Как некогда отцу Святослава, Игорю, помогала, вот и теперь для молодого князя постарается.

Святославу все новое было интересно. А тут такое! Матушка, правда, порой ворчит, мол, ему бы все забавы, а княжеская власть что перчатка – снял с руки и за пояс засунул за ненадобностью. А вот что родимая скажет, когда он сладит ряд с печенегам? А то и притащит на аркане самого хана Курю!

Ну, что с арканом вряд ли получится, Святослав уразумел, когда издали увидел, сколько костров мерцает на месте стоянки орды. О, Перун великий! Всем народом они, что ли, кочуют? Да, похоже, так и есть. Ведь с ними же и бабы, и старики, и дети малые. Эти не воины. Но, как сказывали, обе орды тут ныне стали, – Ольга объяснила ему, что сошлись они, ибо один хан помирает, а другой хочет бунчук его над шатром своим воздвигнуть.

Шатры эти они смогли рассмотреть, когда уже светлеть начало. Ночи в начале лета коротки, вот и углядели, что шатров этих, юртами называемыми, видимо-невидимо. Круглые такие, островерхие, какие побольше, какие поменьше. И скот кругом пасется, близко и не подберешься. Вон и собаки взлаивают порой, можно рассмотреть и всадников-дозорных на лошадях.

Небольшая дружина Святослава давно оставила коней в дальних зарослях у вод речки Самарь, к стану подкрадывались, как волки, – ползком, лишь порой раздвигая травы, чтобы поглядеть. И Святослав вскоре понял: не наскочить. Ну разве что можно попробовать взять неожиданностью, напугать пасущийся скот воем волка, пустить стрелы, отбить часть табуна, кого и посечь, если подвернется... но зачем? Ведь не затем ехал, чтобы нашкодничать да обозлить копченых. А вот прикинуть их силу и представить, что будет, если печенеги, собравшиеся такой силой, захотят на порогах на караван русской княгини напасть... Ну, допустим, у Святослава самого рать на Днепре осталась, да и на судах княгини добрая охрана едет, да еще каждый купец, какой на своей ладье к каравану Ольги прибил, не с одними тюками едет, обученных воинов-охранников везет. Так что, может, печенеги и не захотят с такой силой сходиться. А захотят – то-то прольется кровушки! Его матери-княгине, какая с великим посольством едет, с дарами да свитой, такое совсем ни к чему.

– Что смотришь, княже? – шепнула рядом Малфрида.

– Думу думаю. Как же теперь быть? Это ведь печенеги. Им и покон не покон. К ним с хлебом-солью не явишься. Так и в полон угодить можно.

– Верно говоришь, Святослав. Но давай так сделаем: ты с парнями твоими вернешься на берег Самари к лошадям и обождете там маленько. Я же пока тут кое-что проверну.

Святослав даже растерялся. Ну что она одна провернет? Правда, вспомнилось, как Претич говорил, что Малфрида и одна порой доброго отряда стоит. Но что задумалато?

Однако спросить не успел, ибо чародейка уже поползла в сторону становища, – только трава высокая чуть колыхнулась. Святослав усмехнулся: хорошо лазит девка, даже подол ей не помеха. Ну, чисто выучку в его дружине прошла.

Он не успел ту мысль до конца додумать, как лежавший с другой стороны Семецка сжал его плечо.

- Гляди, ты гляди только, что деется! И откуда это?

Святослав и не заметил, как в той стороне, где проползти должна была Малфрида, появилась высокая вороная кобылица. И какова! Тонконогая, пышный хвост султаном взвивается, густая грива ниспадает с гибко выгнутой холки. Кобылица вздыбилась, суча передними копытами, заржала – и полетела, понеслась по траве в сторону становища.

Печенеги вороную еще издали заметили, зашумели, несколько всадников поскакали ей наперерез, раскручивая над головой арканы. Но лошадь, словно поняв, что ее поймать хотят, резко прыгнула в сторону, заметалась, а затем вдруг стрелой поскакала в направлении скученных шатров становища. Носилась между юртами, распугивая выскочивших было с лаем собак, ржала, дыбилась. Печенеги повылазили из своих возов и юрт, смотрели, галдеть начали. А вороная, огибая стремящихся преградить ей путь людей, гарцевала по стану, лягалась, скалилась и ржала, будто злой дух в нее вселился.

Гомон в становище все нарастал, пока ничейная и невесть как отбившаяся от табуна вороная красавица не замедлила бег перед большой юртой из белого войлока, подбитого красной подкладкой. Подкладка стала видна, когда из юрты, потеснив стоявших с саблями наголо охранников, появились несколько нарядно одетых печенегов. Один из них, кривоногий от постоянной езды верхом, с угрюмым лицом и черной, заплетенной в косицу бородой, конец которой заправил за ухо, решительно направился к лошади. С его островерхой шапки на спину спадал длинный волчий хвост, и, возможно, это напугало кобылицу, она заплясала на месте, заржала пронзительно, а когда печенег с волчьим хвостом протянул к ней руку, что-то лопоча, будто успокаивая, вороная оскалилась и пошла на него, явно собираясь укусить. Печенег отскочил, ругаясь и сплевывая, потянулся за арканом, но тут кобыла как будто успокоилась и на глазах удивленных печенегов сама пошла к стоявшему в стороне молодому хану. Совсем ведь мальчишка, казалось, но то, что хан, не ошибешься. Его простеганный халат синего шелка был украшен ярко-красными вставками, голова в пушистом, ниспадающем на плечи мехе, на челе блестит налобник из золота, бляшки чеканные вдоль щек свисают. И, словно из почтения к нему, вороная кобылица опустила перед ним голову, позволив себя погладить.

Степняки дивились такому чуду. Молодой хан смеялся, что-то сказал печенегу с волчьим хвостом, и, похоже, обидное сказал, так как тот потемнел лицом, даже руку положил на рукоять плетки. Но сдержался, отошел. А слуги уже несли уздечку, накидывали седло на спину лошади. Молодой хан взлетел в седло. Смеялся, когда вороная пошла легкой иноходью. Печенеги расступались, давая проход. Вороная же шла между юртами, будто сама так хотела, потом ускорила бег. Хан попытался ее направлять, натянул поводья. Да где там! Кобылица заплясала, завертелась на месте и, закусив удила, неожиданно понеслась. Раздались крики, шарахнулись люди, несколько батыров, вскочив на коней, поскакали следом.

Заблеяли пасущиеся в стороне от стана овцы, когда лошадь с ханом едва не врезалась в их курчавую плотную массу, вздыбилась, и хан лишь чудом удержался в седле, цепляясь за гриву. Следовавшие за ним печенеги замешкались в овцах, закричали. А вороная, обогнув большую отару, уже мчалась в степь, ржала пронзительно. Ее преследовали, но резвую, быстроногую лошадь степняцким лошадам не так-то просто было догнать. Она уносилась все дальше, а на ней, прикинув к холке, сидел молодой хан.

Пожалуй, Куря еще полностью не осознал, что случилось: думал, подустанет невесть откуда прискакавшая вороная, покорно признавшая в нем хозяина даже вопреки воле заносчивого хана Куркутэ, а там и успокоится, даст собой управлять. Но лошадь все скакала и скакала, пока впереди не мелькнула серебристой листвой осока у синего изгиба речки Самарь. Тут она замедлила бег, и, едва Куря выпрямился в седле и поудобнее взял поводья, как почувствовал, что лошадь будто уменьшается под ним. Еще миг – и он черкнул ногами по земле, покатился через голову. Чтобы сильно ушибиться, так нет. Сперва только мысль была, как это он не удержался, как выпал? А когда начал подниматься... Глазам своим не поверил, завидев рядом нескольких незнакомых воинов. Да что там незнакомых, чужих. Это сразу было видно по их доспехам, по светлым лицам и неотрывно смотрящим на него светлым глазам.

Куря застыл, все еще задыхаясь. Промелькнула мысль: «Где же кобылица?» Но не было ее. Зато чужаки уже окружили, смотрели серьезно, кто-то даже хмыкнул,

когда Куря выхватил саблю, завертелся, ожидая нападения и рассчитывая подороже продать свою жизнь. Он был еще слишком ошеломлен происшедшим, когда один из незнакомцев назвал его по имени.

– Куря? Довольства и благополучия тебе, брат.

Это было сказано на языке степи, но с сильным иноземным выговором. И уже по-русски добавлено:

– Никак не узнает?

Это говорящий уже к своим обратился. Но Куря понял его речь. Он не забыл язык русов, некогда воспитывался в Киеве, да и позже так говорила с ним его рабыня-нянька, которую Куря сам зарубил, когда она стала стара и облила его кумысом, споткнувшись о складку войлока в юрте. Старики не должны долго жить, чтобы не обременять род. А эта еще была простой рабыней. Однако речь славян благодаря ей Куря все же не забыл. Вот и ответил на языке окруживших его чужаков:

– А ты кто такой, возникший будто шайтан близ моего становища?

– Гляди-ка, понимает, – заулыбался князь. – Но узнать – не узнал. А ведь в детстве мы под одной яблоней играли. Вернее, под абрикосом. – И уже с достоинством, приосанившись, добавил: – Я – Святослав.

Малфрида слушала их, лежа в густой траве и все еще задыхаясь после пробежки в лошадином обличье. Все мышцы ныли, спину ломило. Она не спешила показываться, не хотела, чтобы князь с побратимами отвлеклись от хана. Да и выглядела она... Потная, растрепанная, к тому же женские дела у нее начались так не вовремя. Она это поняла, еще когда кобылицей между юрт бегала. Вчера у нее привычно ныл низ живота, ну а напрягалась сегодня в образе беснующейся лошади – и потекло по ногам. Поэтому сейчас хотелось лишь одного – помыться, привести себя в порядок. Эти же молодцы, похоже, и без нее сговорятся. Вон то по-славянски говорят, то промелькнет фраза на каркающем печенежском. Куря сперва шуметь начал, угрожал, что за ним скоро приедут и он велит всех чужаков на кол посадить, кобылами разорвать. Но выкричался и уже более миролюбиво слушал, что говорил Святослав: дескать, губить хана Курю, сотоварища детского, он не намерен, а вот обсудить им есть что.

Когда Малфрида наконец приподняла голову над травой, Святослав и Куря в окружении сотоварищей князя сидели на траве и спокойно беседовали. Она даже различила, как Святослав сказал, что он теперь князь Руси, вот ему и надлежит уложить ряд с печенегами, чтобы ладьи, как и ранее, ходили по Днепру, чтобы подвластные Куре батыры брали с них свой оброк, причем без кровопролития. Так и степняки не будут гибнуть от русских стрел, и русичи, не опасаясь набега, чаще станут снаряжать свои суда по реке. Всем выгода получится!

Молодой хан слушал внимательно, даже как будто кивнул. Малфрида смотрела на них и непонятное ощущала: вроде все хорошо складывается, однако ей отчего-то не по себе было, когда видела их столь близко: юный князь Святослав и не менее юный печенег Куря. Даже показалось, что окружает их некое темное облако. Откуда? Вон солнце поднимается все выше, совсем разогнав утреннюю дымку над травами. Вокруг ясно и светло.

Малфрида потрясла головой, отгоняя наваждение. И впрямь, чего ей волноваться? Сидят двое облеченных властью мальчишек, болтают. А находчивый Семячка уже принес от привязанных в зарослях коней мех с вином. У этого шустрого новгородца всегда найдется что хлебнуть, и теперь мех так и пошел по рукам. Когда протянули Куре, он какой-то миг помедлил. Понятное дело – принявший угощение от чужака уже не может замысливать против него дурное. А Куре еще надо понять, пленник он или лучше столковаться с так странно и внезапно похитившими его русами. Но пить-то после такой скачки хотелось, и, встряхнув мех с булькающей жидкостью, хан все же приник к нему, отпил.

«Сладится у них, – отметила про себя Малфрида, – мне вмешиваться незачем». И стала отползать к реке.

Берега тут были заросшие, березы, ольха росли вдоль реки, колыхался высокий тростник. Малфрида отыскала среди зарослей песчаную заводь, прозрачную и чистую, вполне подходящую, и перебралась к ней через коряги в затонах. Вода с ночи еще не остыла, теплая была, ласковая. Вот Малфрида и плескалась, смывая с себя пыль и пот, – свой ли, лошадиный ли, все одно обмыться приятно. Как и приятно было расслабиться и полежать на отмели, давая отдых напряженным после пробега мышцам. Малфрида не опасалась, что ее тут заметят, – не до того им сейчас, а без нее не уедут. Она же пока развлекалась тем, что взобралась на одну из коряг и стала наблюдать за снующей в мелководье рыбешкой. Пока всякая мелочь проплывала, ведьма только смотрела, но как увидела толстую длинную щуку, враз почувствовала охотничий азарт. Глаза ее вспыхнули, ногти стали удлиняться и заостряться, рука вытянулась, словно ветка, и чародейка вмиг быстрым движением схватила еще трепыхавшуюся рыбину, пронзила когтями. Ела с удовольствием, только выплевывала шелуху да косточки. И, насытившись, вдруг подумала – отчего сырую съела?

Это так поразило ее, что несколько мгновений опомниться не могла. Чтобы сырая щука показалась невкусной – так нет. Но раньше ведьма сырое мясо никогда не ела, всегда готовила по-людски. А тут...

Солнце уже стояло высоко, припекать стало. Малфрида высушила мокрые волосы, заплела в косы, стала одеваться в просохшую одежду. Натянула нижнюю рубаху, сверху – темно-алую поневу, на ноги поршни надела. В калите на поясе у нее лежали заготовленные для бабьих дел тряпицы, затем она надела специальные для таких дней короткие портки, проследив, чтобы удобно все было. Малфрида давно заметила, что, когда ее женские дни начинаются, чародейская сила в ней словно бы... ну не то чтобы уменьшалась, просто какая-то неуверенность появлялась, даже колдовать не хотелось. А вот к мужикам в эти дни ее особенно тянуло. Поэтому, когда выходила к переговаривающимся из зарослей, когда они повернули к ней лица – все такими пригожими и желанными показались. Но ведьма лишь тряхнула головой, отгоняя непрощенные мысли о том, как бы хорошо с кем-то из них сойтись, раскинуться, отдать себя... Ведь молодые еще все, безбородые, сразу видно, что никто пока не женат. Хотя вот у Кури наверняка уже есть жена: его никто ханом не признал бы, если бы не женился. И на нее Куря глядел оценивающе, взглядом опытного мужика. А лицо еще молодое, скуластое, покрытое темным загаром настолько, что, казалось, кожа потрескалась от солнца и ветра. Узкие черные глаза так и вспыхнули при виде стройной бабы с длинными темными косами.

– Ваша краля? Продай, Святослав! Я хорошо за нее дам.

– Э, брат, нельзя. Это самой княгини чародейка. И сила у нее особая.

– Какая сила у бабы? Я бы ее к себе в юрту позвал, уложил на кошмы.

– А она бы обернулась кобылицей и увезла тебя невесть куда, – засмеялся Святослав.

Ишь, этот сразу все сообразил, а вот у его побратимов лица вытянулись, видимо, только теперь стали догадываться. И когда Малфрида приблизилась, даже посторонились, отведя глаза.

Ведьма подавила вздох. Всегда так, всегда ее люди побаиваются. Только тот, кто уверен в себе, может без страха общаться с теми, кто чародейством наделен. Вон Ольга никогда особого трепета при Малфриде не выказывала, да и Святослав такой же. Сейчас он лишь улыбнулся ведьме, а когда та села в сторонке, и думать о ней перестал, опять говорил Куре, что если тот объявит в стане, что мир у него с Русью, то даже сильный хан Куркутэ не посмеет оспаривать его права на орду Цур, когда старый хан помрет. Без этого может и попытаться. Куркутэ ведь набегами своими уже прославился, а Куря молодой еще. Но если Куря объявит, что он с Русью в сговоре, то враз уважения к нему прибавится. А Святославу мир с Курей предпочтительнее мира с Куркутэ. Хан Куркутэ тот еще волк, ему лишь бы кровь пролить.

Малфрида сидела, покусывая травинку, лицом была спокойна, в душе же восхищалась молодым князем. Действительно князем, вон как умело речь ведет. Ольга все говорит, что сын ее юн и неопытен в делах, а послушала бы его сейчас. Истинный князь. Пусть и хмельной. Язык заплетается после Семенецкого вина, да и Куря, похоже, захмелел, вроде как и слушает Святослава, но сам что-то негромко напевает, раскачивается, сидя

на корточках и обхватив себя за пятки. Потом обниматься к Святославу полез, братом называл. Назвал братьями и Семецку, и богатыря Сфангела, обнялся с ними, последнего даже облизал, и варяг едва не отпихнул разомлевшего хана, брезгливо вытерся. Зато тут же стал предлагать Куре обменяться оружием. Свой меч варяжской работы предлагал в обмен на украшенную бирюзой саблю хана. Они даже заспорили, но вмешался Святослав, сказав, что, если с кем Куре и меняться оружием, так только с ним, с князем! Ибо поменаться оружием – это почти побратимство, вот и следовало бы им...

«Пьяные мальчишки», – думала Малфрида, и ей становилось смешно, когда наблюдала, с какой горячностью тянут друг у друга богатую саблю Кури Святослав и его приятели. Куря же смеялся, даже на спину завалился, мотал в воздухе ногами в белых сапогах. И вдруг приник к земле, замер, а потом вскочил, прикрикнул на расшумевшихся русов, прислушался к чему-то. Лицо его вмиг стало серьезным, как будто и не пил только что, не дурачился.

Малфрида тоже насторожилась, ловила далекие звуки. Так и есть, долетает издали какое-то гудение, глас труб. – Ой-ой-ой! – тоненько заскулил Куря, упал на колени, стал рвать траву и бросать себе на голову. Но потом заметил, что русичи на него недоуменно смотрят, и выкрикнул зло: – Что глядите, пучеглазые? Это знак, что великий Куеля умер! О горе, горе!

И опять стал визжать, царапал себе лицо, пока Святослав не встряхнул его. Смотрел серьезно, казалось, что и с него хмель слетел в единый миг.

– Что ты, Куря, из себя кликушу строишь? Воешь, точно баба-плакальщица на похоронах. Али мы не понимаем, что ты все это время только и ждал-дождался, когда родич твой к вашему Тенгри отправится? Теперь же ты великий хан огромной орды. И не выть тебе, а власть забирать надо. Эй, Семецка, отдай Куре своего каурого. Сам со мной поедешь. Надо же нам выказать почет на похоронах хана.

И он с самым независимым видом прицепил к поясу богатую саблю Кури, показывая, что теперь он его побратим и по закону чести Куря не посмеет повелеть своим людям схватить того, с кем поменялся оружием.

Они уже поскакали, когда Малфрида догнала Святослава и спросила, разумно ли им ехать прямо в гнездовье врагов? Святослав только глянул из-под насупленных бровей.

– Мы – гости хана. Нам ничего не грозит. А Куря сказал, что у них в полоне сам витязь Волк находится, обещался отдать его мне в дар.

«Чего во хмелю не пообещаешь», – подумала ведьма. Но, с другой стороны, хмель с этих молодцев враз будто степным ветром сдуло. Они держались уверенно, даже когда въехали в становище печенегов, когда отовсюду стали стекаться люди, а Куря поднял руку и что-то громко прокричал, отчего схватившиеся было за оружие степняки расступились, опустили свои копыя и луки, глядя на спешивающегося подле молодого хана Святослава, его воинов и чернявой бабы в темно-алом одеянии.

Куря, бросив повод кому-то из подбежавших слуг, сперва указал на своих спутников и что-то сказал, а потом выхватил нагайку и давай стегать обступивших его воинов. При этом кричал что-то визгливо.

– Это он их наказывает, что не нашли его вовремя, – разобрал Святослав. Сам еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. Все же горе в стане, хан умер.

Куря вскоре опомнился, стал голосить вместе со всеми. Но в какой-то миг будто передумал горевать, оправил пояс с большой и еще непривычной ему рукоятью меча Святослава и с показной солидностью двинулся туда, где над высокой белой юртой на шесте свисали три пышных лисьих хвоста – знак орды Цур, как пояснил Святослав, уже знавший от Претича, какой бунчук у какого племени.

У той же юрты стоял и хан Куркутэ с волчьим хвостом на шапке. Ведьма вспомнила, что Куркутэ слывет одним из самых непримиримых по отношению к Руси – вон как поглядел на прибывших с Курей русов. Надо бы его присмирить...

Но присмирить хотелось почти всех. Ибо в стане стоял страшный шум, этакое прилюдное показное горе. Малфриду это раздражало. Но она лишь молча наблюдала, как катались в пыли, выражая свое отчаяние, батыры, многие царапали себе лица, посыпали голову пылью, женщины визжали так пронзительно, что в ушах звенело. Немудрено, что среди такого шума и живность заволновалась, ржали и вздыбливались кони, блеяли овцы, истошно орали ослы, мычали коровы. Да еще и собаки носились, заливаясь лаем. Но как только бунчук с лисьими хвостами опустили, в знак того, что о смерти хана оповещено, шум стих почти мгновенно. Бабы перестали гомонить, взяли подойники и направились к скотине, иные деловито рассаживались с рукоделием, мужчины тоже поднимались, стряхивали пыль с одежды, сходились кучками, разговаривали. Кто-то даже засмеялся, но на него шикнули. Как-никак горе в орде. Только животные еще шумели, и этого шума было достаточно, чтобы Малфрида не сразу разобрала, что говорит ей Святослав. Да и не слушала она. Напряженно глядела в спину входившего в ханскую юрту Куркутэ, отправляя посыл: ты устал, хан, тебе все равно, что происходит, тебя в сон клонит и ничего не волнует тебя.

К русичам приблизился невольник в каких-то обносках, кланяясь, по-славянски пригласил гостей следовать за ним.

– Да ты никак из наших краев, дед, – обратился к нему Святослав, разглядев курносый нос утицей и серые глаза седого пленника.

– Так и есть, родимый, из северянского племени я, сам родом из-под Чернигова. Раньше меня звали Здыбом, а тут... эх... какашкой кличут. Я уже и привык, ведь столько годков в плену... Дивно, что родной говор не забыл. Может, выкупишь меня, витязь? Я еще сильный, пригожусь, собакой верной тебе буду. А мне только одного надо – вольный разлив Десны перед смертью увидеть.

Он еще что-то говорил, но князь перебил:

– Если ты тут давно, Здыб, может, знаешь и другого пленника, рыжий такой, на варяга похож и Волком его называют.

Старик даже отшатнулся.

– Чур меня, чур! О ком вопрошаешь, гость дорогой? Забудь его.

Однако когда его расспросили, ответил, что печенеги страсть как боятся этого пленника, держат его в глубокой яме, прикрытой сверху камнем, на который наложено заклятие. Пленника хорошо стерегут, к тому же там то и дело шаманы толпятся, повторяют наговоры, опасаясь, чтобы страшный враг не вырвался. Но он все равно беснуется, а то и выть по-волчьи начинает. Страшный враг, от такого чего угодно ожидать можно.

– Ну, кому враг, а кому и друг, – отмахнулся Святослав. – А для меня будет любо, если освободим мы его. Да и Куря обещался отдать нам строптивого пленника.

Старый северянин Здыб только покачал плешивой головой. Проводил гостей хана в отведенную для них юрту, куда вскоре пришла какая-то коренастая печенежка, принесла кумыс и вареный рис с кусочками копченого мяса.

– Слышь, князь, а чего это бабы у них прогорклым салом воняют, – повел носом вослед ушедшей женщине Семячка. – Поглядеть, так баба как баба, а тхнет от нее, как от скотины. Неужто помыться трудно? Река ведь рядом...

Ему не ответили, располагались на разостланных овчинах, оглядывались. Крыша и стенки юрты, искусно сплетенные из прутьев, были затянуты войлоком, наверху – круглое отверстие, откуда проникал свет, в луче которого плясали пылинки, поднятые от брошенных на землю овчин. Русичи поели, поговорили, потом стало клонить в сон. Все же тревожная ночь и последовавшие потом возлияния вызвали усталость. Опасность им пока не грозила, вот и заснули кто где, только богатыря Инкмора Святослав поставил в дозоре. Все же с печенегами ухо надо держать востро.

Однако день прошел спокойно. Вечером отдохнувшие витязи даже решили пройтись по становищу, поглядеть на печенежское житье-бытье. На них мало обращали внимания,

занимались своим. Прискакали из степи пастухи, садились у костров, ели похлебку, какую подносили женщины, зачерпывая варево из котлов большими черпаками. Мужчины собирались кучками, разговаривали, поглядывая в сторону большой белой юрты, где у тела умершего хана собрались их предводители, решая, кто возглавит орду. Старый Здыб пояснял гостям, что, скорее всего, люди племени Цур перейдут к Куре, родичу старого Куели. Ранее многие думали, что дерзкий Куркутэ – тоже родич, хоть и дальний, – постарается оспорить наследство Кури, однако Куркутэ будто потерял интерес к власти, сидит сонный, равнодушный, а то и подремывать начинает. Иные ханы, видя такое отношение главного соперника Кури, без споров решили передать наследство молодому хану. Тем более что тот объявил, что успел заключить выгодный союз с Русью и русские купцы за беспрепятственный проход через пороги должны будут платить им дань. Теперь на Святослава многие поглядывали с интересом и уважением, цокали языками, видя на его поясе рукоять яркой от бирюзы сабли молодого хана.

И все же в стане чувствовалось оживление: резали баранов, забивали быков. Раб Здыб сообщил, что завтра начнется большой поминальный пир, да и следующие три дня печенеги продолжат пить, гулять, провожая Куелю в иной мир. Скачки устроят, соревнования лучников, большие пляски – весело будет. И все это время мертвый хан будет сидеть на специально выкопанном для него кургане. Печенеги, зная, что Куеля уже не жилец, загодя выкопали курганную насыпь для него, хорошее место для этого выбрали, между двух холмов неподалеку от стана. Теперь же осталось только решить, кто будет сопровождать хана, кого положат вместе с ним в курган, чтобы и после смерти он не чувствовал себя одиноким. Также обсуждали, какое оружие надо отдать мертвому Куеле, во что обрядят его, какого коня и пса следует отправить с ним, чтобы хан и после смерти мог оставаться значительным и богатым человеком.

Речи раба неожиданно прервал истошный волчий вой, да такой громкий, будто волк выл едва ли не среди становища. Святослав даже схватился за рукоять сабли, стал озираться, словно ожидая, что огромный хищник вот-вот появится из-за ближайшей юрты или выскочит из-под колес любого из возов. Да не он один заволновался, вон и иные печенеги вскочили, собаки зашлись лаем, храпели и становились на дыбы лошади. А где-то из открытых просторов степи донесся отдаленный ответный вой, будто дикие волки приветствовали вожака и откликались.

Но вой прервался так же резко, как и начался.

– Это шаманы подняли камень над ямой-узилищем и облили пленника водой, – с дрожью в голосе пояснил Здыб. – Почему-то он особо не любит воды. Вот и стихает до поры до времени.

– Так это витязь Волк такой переполох учиняет. – Святослав даже заулыбался. И сгреб раба за одежду. – Веди к нему!

Но тот заплакал, пал на колени, затрясся и все повторял, что нельзя этого, что страшно ему.

Малфрида стояла хмурая, принюхивалась, будто кроме обычных запахов становища чуяла что-то еще. Сказала князю:

– Не спеши идти к пленнику. Позволь сперва мне во всем разобраться.

Русским гостям Кури не возбранялось ходить по становищу, и Малфрида пошла в сторону, откуда доносился вой. Но замедлила шаг, услышав приближающийся шум и стук, а затем увидела и печенежских шаманов. Обвешанные амулетами, одетые в какие-то полости из меха, но при этом босые, они, приплясывая и стуча в бубны, двигались небольшой группой, что-то выкрикивали, направляясь к юрте, откуда только что вышли окончившие совет ханы, мурзы и беки. Теперь они стояли и смотрели, как шаманы устроили перед большим костром дикую пляску. По сути, шаманов было немного, не более пяти-шести, но шумели они отчаянно. А самый разодетый из них, лицо которого покрывала длинная раскрашенная маска, при этом еще и кидал в костер какие-то пучки ароматных трав, отчего по стану пошел сильный и терпкий аромат.

– Это мудрый Мараачи – главный шаман, – пояснил русам старый Здыб. – Он очень сильный колдун. Только ему под силу усмирить бешенство пленного Волка. Но сейчас Мараачи и его подручным полагается приготовить Куелю к отправке в иной мир.

У печенегов это важно, для них тело все равно что удобная и привычная одежда. Ее надо сохранить для следующей жизни.

Он еще что-то говорил, когда шаман Мараачи, все так же приплясывая, прошелся мимо русских гостей и вдруг замер. Святославу показалось, что тот сквозь прорези в кожаной маске пристально поглядел на него. Князь оглянулся: шаман пялился не на него, а на Малфриду. Та тоже не сводила с Мараачи глаз. Даже улыбнулась и кивнула, будто старому знакомому.

– Знаешь его? – спросил князь, когда шаман с подвыванием поскакал дальше. – Он ведь в маске, как могла узнать?

– Я его чую. Виделись мы. Давно, еще когда с Игорем у печенегов бывала. Тогда он так себе шаман был. Теперь же силу накопил, колдовать может, да и поворожить, если что.

– Может и поворожить, – как-то задумчиво повторил Святослав, не сводя зора с раскачивающегося и крутящегося в своих тяжелых меховых одеждах шамана.

Оглянулся, а Малфриды уже нет.

Она пришла поздно ночью. Была озабочена, села у откинутого полога на входе в юрту. В небе светил почти полный месяц, в стане было тихо, лишь слышалось, как похрапывают во сне улегшиеся подле рдевших угольями кострищ печенеги, как вздыхают у коновязи лошади да поскуливает неподалеку, выискивая блох, лохматая собачонка.

Малфрида думала, что русичи уже спят, но к ней подошел Святослав, сел рядом, обхватив колени.

– Ну, где тебя носило? Я волновался.

Малфрида медленно повернулась к нему. Взгляд ее сначала казался отсутствующим, потом прояснился, сосредоточился на молодом князе. Он сидел без рубахи, была видна татуировка на крепких плечах, обхватившие колени руки бугрились мускулами. Тело литое, мощное, а ведь мальчишка еще. Но на молодом его лице чувствуется сила, подбородок независимо вздернут. Да уж, князь. А вот губы такие пухлые, чувственные... Малфрида поймала себя на том, что не может отвести от них взгляд. Ее вдруг так потянуло к нему! Хотелось коснуться этой мощной шеи, где на тонком шнуре свисал оберег-зигзагица – знак Перуна Громовержца, хотелось провести рукой по выпуклым квадратикам пресса, поцеловать сильные пластины груди. Он был такой сильный... И такой еще молодой, кожа казалась шелковистой...

У Малфриды в груди разлился жар, и в то же время по спине пошли мурашки, как от холода. Голова слегка кружилась, хотелось склонить ее на это сильное плечо, расслабиться, обнять, притянуть к себе. В этот момент тяга тела казалась ведьме сильнее всех доводов разума. Что ей сейчас колдовская сила? Они ведь в безопасности, сам хан Курия взялся их оберегать. И как приехали, так и уедут беспрепятственно. А она наконец-то погасит неутоленный голод в теле, то брожение под спудом, какое заставляет ее дрожать и задыхаться.

Святослав почувствовал разлитое в воздухе напряжение, повернулся и стал, не отрываясь, смотреть на застывшее лицо ведьмы, на ее горящие глаза под кольцами волос. Она медленно улыбнулась ему – влажные уста раздвинулись, блеснули зубы. Словно обволакивающим теплом веяло от ведьмы. Против такого не устоять. И молодой князь потянулся к ней...

Тявкнула пронзительно искусанная блохами собачонка, и этот звук как будто вернул их к реальности. Святослав отпрянул, даже отсел в сторону. Да и Малфрида подскочила, замерла, сжимая кулаки, успокаивая бурное дыхание.

– Ты это... – бормотал Святослав, еще задыхаясь. – Ты не смей. Ишь какая! Я дочку твою люблю. Мне она милее солнышка ясного, дороже злата червонного. А ты ее... от меня... Знаешь, чего мне это стоило? Я на что только не отвлекался, чтобы тоски моей никто не приметил. А тут, – он прижал широкую ладонь к выпуклой груди, – тут как камень давил. И давит. Мне никто, кроме Малуши, не нужен. Даже ты.

Малфрида слушала, и у самой сердце словно затвердело. То, что с князем она не слюбилась, – это хорошо. Дура, нашла кого приманивать! А вот то, что Святослав ей тут же о чувствах к другой стал объясняться... Даже укол ревности ощутила. Ранее от нее так легко мужчины не отказывались. Ведьмины чары – они особые. А этот все твердит – Малуша мне любя. Обидно.

– Ты о дочери моей забудь! У тебя иные будут, но не Малуша. Знаешь ведь, что отворотное зелье она приняла.

– Так сделай для нее приворотное! А я Малушу не обижу, в тереме поселю, ветру пахнуть на нее не дам.

Малфрида не ответила, ушла в темноту юрты. Святослав слышал, как она укладывается под стенкой, ворочается, вздыхает. Князь запустил пальцы в волосы, даже подергал за них. Во дела! Ведьма Малфрида его любиться потянула! Понятно теперь, почему она ни за что не хочет дочери приворотное зелье дать. Ревнует, нелюдь!

На другой день Малфрида была удивлена, заметив, как Святослав, взяв толмачом черниговца Здыба, о чем-то беседовал с шаманом Мараачи. Тот уже снял свою страшную маску с прорезями и выглядел как обычный ссохшийся старик; бороденка козлиная подрагивала, черт лица не рассмотреть, весь в татуировке. И все же Малфрида узнала в нем того, кто некогда кинулся на нее, когда ей малыша Курю прибить захотелось. Сейчас уже и не припомнит, чем ей тогда Куря не угодил. Да и ныне, когда молодой хан подошел к Святославу, у Малфриды опять как-то беспокойно на душе сделалось. Казалось бы, с чего? Ведь пока Куря слово держал, они были в безопасности в стане. Об этом и сказал Святослав, собрав приятелей в кружок: дескать, злобный Куркутэ вчера занемог и ослаб, а сегодня перво-наперво требует, чтобы русичей связали и бросили в яму, а потом, имея Святослава заложником, они бы могли любые условия выставлять, любой выкуп за князя потребовать.

– Но Куря – он молодец, – говорил Святослав. – Дал слово, пусть и во хмелю, однако держит его. Вы не смотрите, что к нам охрану приставили. Куря пояснил, что это для нашей же безопасности. Однако упредил, чтобы мы были настороже, что даст он нам знак, когда уехать можно будет. А то от этого хищника Куркутэ всего можно ожидать.

Куркутэ и впрямь при виде русичей оскалится злобно, показав желтые, как у матерого волка, клыки. Малфрида неотрывно смотрела на него, глаза ее пожелтели... и Куркутэ вдруг зашатался, зевать начал. Вот-вот, побудь в полудреме до нового солнышка, до нового рассвета. А там она опять...

Но вдруг Куркутэ резко выпрямился, будто сбрасывая наваждение, даже подскочил, завопил, а там и побежал куда-то, голося и размахивая руками. Малфрида лишь на миг удивилась, но потом поняла: кто-то учуял ее колдовство и дал обратный послыл, пробуждающий хана. Ага, это работа Мараачи. Да, видать, перестарался старый шаман и не только сонливые чары Малфриды разрушил, но, снимая заклятие, почти до бешенства того довел. И Куркутэ даже держать пришлось, так он рвался куда-то и буйствовал, а ведь в этот момент мертвого Куелю уже с почетом выносили из юрты.

Почивший был обряжен богато: с его позолоченной островерхой шапки ниспадали пышные лисьи меха, тело облекли в мерцающее нашивками темное одеяние, украшения чеканные прицепили, на ноги – посеребренные сапожки напялили. Его подперли, усадив на носилки, понесли в сторону кургана. Огромная толпа печенегов двигалась следом, люди опять стали кричать и плакать. И так, под вой и рев кожаных труб, мертвеца усадили на земляной насыпи, однако не стали закапывать, а даже расположили лицом к собравшимся, чтобы мертвый Куеля мог наблюдать за происходящим. Перед ним пронесли приготовленные в путь на тот свет дары: положили в яму на кургане богатое седло, оружие с чеканкой, какие-то горшки и связки шкур; потом забили несколько специально приведенных баранов, тоже опустили в большую яму, уложив так, чтобы они находились в ногах хана. После этого Куря перерезал горло любимому коню хана. Мертвый хан наблюдал за всем с закрытыми глазами на оплывшем восковом лице. Так же он наблюдал, когда вывели его наряженную немолодую жену. Она казалась вялой, видно, опоили перед обрядом. Вот и стояла безучастно, когда подпрыгивающий шаман Мараачи с размаху вонзил ей в грудь копьё. Старую ханшу привалили к телу ее мужа, теперь и она должна была мертво наблюдать за происходящим.

Малфриде стало дурно от такого обилия крови. Она чувствовала, как вокруг витают духи тех, кого убивали, особенно взволновал ее мятущийся дух молоденькой рабыни, какую привели на заклатие; девушку хоть и опоили, но, видать, зелье не совсем ее взяло, вот она и рванулась в последний миг, закричала, когда копьё шамана лишь оцарапало ее бок. Но сильные батыры тут же подскочили, добились строптивую саблями. Так же скоро добились и троих невольников, каким надлежало прислуживать Куеле на том свете.

В какой-то миг по толпе прошло некое движение, печенеги посторонились, и стало видно, как несколько сильных воинов тащат на веревках упирающегося витязя в порванной, висевшей лохмотьями рубахе. Он был высокий и сильный, низкорослые печенеги увлекали его с заметными усилиями, а тот упирался при каждом шаге, мотал всклокоченной темно-рыжей головой, сверкал белесыми, казавшимися безумными от ярости глазами.

– Гляди-ка, княже, – произнес подле Святослава Семячка. – Уж не Волк ли это, о котором Претич упоминал?

– Он это, он и есть! – почти пропищал рядом раб Здыб. И залопотал по-печенежски охранительные заговоры – привык уже по-местному.

Святослав вглядывался в пленника. Вот это богатырь! Жилистые руки, ноги, как воротные столбы, плечи сажени две, не менее. Лицо грязное, продолговатое, заросшее всклокоченной рыжей бородой. Пленника почти запеленали веревками и ремнями, только ноги оставили свободными, чтобы идти мог. Однако Волк так рвался, увлекая за собой покрасневших от натуги печенегов, что почти волок их за собой, а люди с криками разбегались, шарахались кто куда. А когда рыжий богатырь издал дикий криквой, печенеги тоже закричали – но в этих воплях было больше страха, нежели торжества над пленником.

Только когда вперед вышел шаман Мараачи и, подняв руки, стал что-то напевно произносить, Волк сдался, поник и на его лице, кроме ярости, появилось еще что-то – тоска, обреченность, даже нечто похожее на смирение. Он опустил голову, позволил подтащить себя к облитой кровью многочисленных жертв площадке перед мертвым Куелей.

Святослав вдруг не выдержал и кинулся к помосту, где с иными знатными печенегами восседал Куля.

– Ты слово свое забыл, хан! Мне обещал Волка отдать!

Куля остался спокоен, а на князя сразу же наскочили его охранники, повалили, скрутили руки. Побратимы Святослава хотели было вмешаться, но Малфрида, раскинув руки, загрозила им путь.

– Стоять! И себя, и князя погубить хотите?

Она оказалась права: пусть Святослава и удерживали, но жизни его пока ничего не угрожало. Подошедший к лежавшему на земле князю Куля поставил ногу в вышитом сапожке ему на голову, но при этом склонился, что-то говорил негромко. Святослав извивался ужом, даже пытался схватить зубами его сапог, но все же, видать, Куля сказал что-то такое, отчего князь притих. После этого его подняли, отпустили, толкнув в сторону зрителей древками копий. Лицо Святослава было пунцовым от гнева и унижения, но он сдержался. Смотрел из-под упавших на лицо прядей на Волка. Тот тоже глядел на молодого князя, потом как-то грустно усмехнулся, словно говоря – ты славный, но тут уж ничего не поделаешь. Они так и смотрели друг на друга, пленник даже не повернулся, когда к нему подошел с копьём шаман, прицелился для удара. На этот раз он бил сильно, почти с разбега, кричал при этом. Витязь Волк умер, так и не повернувшись к нему, будто хотел в последний миг видеть только Святослава, только его желал запомнить, именно ему посылал свой последний привет.

У Святослава окончательно испортилось настроение, и, когда после принесения жертв печенеги уселись пировать, он молча удалился в свою юрту. А вот его товарищи отгуляли со степняками по полной: пили чашами кумыс, смотрели на буйные печенежские пляски, сами плясать с ними начали, веселилась. А чего им грустить? Чужой ведь вожак умер, не их. К тому же печенеги считали, что хорошо проводили

старого хана и он сейчас уже в другом мире, тоже пирует подле великого бога неба Тенгри.

Малфрида сидела среди печенегов, пока совсем не смерклось, потом ушла. Инкмор, которому надлежало охранять княжескую ведьму, хоть и хмельной, пошел за ней. Позже доложил Святославу, что чародейка ходила к открытой в кургане могиле. Проследить за ней было нетрудно, так как туда ходило множество народа, смотрели, как мертвый Куеля сидит, подпертый копьями, привязанный к шесту, чтобы голова его не клонилась. Печенеги разговаривали с ним, воздавали ему честь, поднося чаши с кумысом. Степняки не опасались покойников, по их верованиям, находиться возле мертвых сородичей было даже добрым знаком. Поэтому могила Куели должна была оставаться открытой все то время, пока соплеменники будут справлять по нему великое гуляние, вспоминать его былые подвиги и походы. Правда, когда все захмелели, умершего хана уже мало кто вспоминал. Кто пел, кто похвалялся собственными удачами, кто спаривался с женщинами, прямо здесь же, возле костров. У печенегов, живших большими родами, личные жены были только у самых богатых, а большинство кочующих батыров могли взять себе любую женщину из становища, будь она свободной или же пленницей орды. Ну и среди всего этого – возлияний, плясок и любовных соитий – печенеги также обсуждали намеченные на завтра большие скачки.

Все это объяснял князю раб Здыб, перемежая рассказы мольбами выкупить его у Кури. Куре он не нужен, он уже старик, а ему страсть как хочется умереть среди своих, поест перед смертью сладкой пшеничной каши на меду. Та каша Здыбу едва ли не каждую ночь снится, у печенегов таким не полакомишься, тут в основном молоко да творог, ну и еще мясо по праздничным дням. В итоге старик совсем утомил князя своим нытьем, он выгнал его враз, сам же отправился разыскивать шамана Мараачи. Малфрида увидела их двоих среди дымных костров, смотрела, как Святослав что-то говорил шаману, жестикнул, чтобы тот понял. И, похоже, у них сладилось, ушли вдвоем, причем так спешно, что пытавшаяся проследить за ними озадаченная ведьма даже не смогла их найти среди дыма, огней и спящих вокруг хмельных печенегов.

Почти до рассвета продолжалось гуляние в становище. Потом почти до полудня все отсыпались после буйного веселья, только собаки бродили меж распростертых на земле тел, рылись среди объедков.

Малфрида тоже долго спала в юрте, пока ее не разбудили какие-то крики извне. Она дремотно прислушивалась, заметила, как вышел наружу еще позевывающий со сна Семячка. Вернулся взволнованный, сообщив, что Святослава срочно зовет Куря.

– Да что ему неймется, а, Семячка? – спросил князь, позевывая и потягиваясь.

Сам Святослав пришел, когда уже совсем рассвело. Где пропадал всю ночь, никто не знал, но все же Малфрида заметила, когда князь шагнул под полог. И довольный такой был, напевал что-то негромко.

Но сейчас, услышав ответ Семячки, князь сразу подскочил.

– Такое дело, – говорил новгородец, почесывая бритый затылок. – Пошли проспавшиеся после пира шаманы повыть над прахом Куели, глядь – а тела витязя Волка в кургане нет. Теперь вон Святослава вызвали к ханам, ответа требуют, не наших ли это работа. Ведь все видели, как князь за рыжего Волка просил, даже на Курю кидался.

Малфрида помрачнела, задумалась. Но Инкмор уже спрашивал:

– Это твоя работа, Малфрида? Я видел, что ты не раз к могиле курганной ходила, смотрела на мертвых.

– Думаете, я чарами этого Волка унесла? – расхохоталась ведьма.

Но воины оставались серьезными. Сфангел даже упредил, что если ее рук дело, то это не к добру – они враз могут из почетных гостей стать врагами.

Видя, что от нее ждут ответа, Малфрида отрицательно покачала головой. Даже пояснила, что не на трупы ходила смотреть, а на копье, каким убивали жертвы. Его ведь тоже в вырытую на кургане яму положили, и ведьме надо было проверить, какое у него

острие, насколько глубоко в жертву проникает.

– Ну и на хрена тебе это? – не понял Сфангел.

– Да так. Поглядела. И убедилась, что копышко то было пустяковое.

– Столько крови им пролили – и пустяковое?

– Пустяковое, – будто думая о чем-то своем, кивнула ведьма. – Хоть и жало там длинное, и древко в тело вошло. А древко-то из ясеня сделано. Вот напасть! Неужели эти копченые для такого ритуала не могли осиновое сострогать?

Воины только переглянулись, пожимая плечами. Ну кто из них будет ведьме пояснять, что из мягкой осины никогда древко копий не делается. Твердый яшень тут как раз то, что надо.

Вскоре вернулся Святослав. Еще пылал жаром, говорил, что самим Перуном пришлось перед ханами божиться, доказывая, что не причастен он к похищению тела витязя. Но и тогда ему поверили с трудом, хорошо еще, что шаман Мараачи заступился. А этому мудрому кудеснику тут верят.

«Ого, шамана он кудесником мудрым величает!» – отметила Малфрида уважительное отношение князя к шаману. Ее так и подмывало спросить, за каким лядом князь с Мараачи до утренней зорьки шатался, но отвлекло появление Кури. Тот шагнул в юрту, улыбнулся, весело приглашая гостей принять участие в великих скачках по степи, а потом вдруг понизил голос, отозвал Святослава. Когда переговоры и Куря ушел, князь смурным выглядел.

– Вот какие дела, други. – Святослав сгреб со лба наполозавшие на глаза отросшие пряди. – Куря хочет нам помочь, он пообещал, что целы останемся, а тут такое!.. Куркутэ против нас народ подбивает, говорит, что если русы похитили жертвенного спутника мертвого хана, то стоит нас вместо него в курган положить. И хотя Куря заступился за нас, поручиться за наши жизни он уже не может. Его ведь еще прилюдно не подняли на большой кошме над соплеменниками, так что пока он главный хан лишь на словах. А признают его власть и подадут бунчук с лисьими хвостами только после того, как отгуляют свою тризну... или как там у них эти поминки называются. Вот Куря и намекнул мне, чтобы мы приняли участие в скачках и при первой же возможности постарались скакать куда подальше. Только так и спасемся.

Пока не был дан сигнал к началу конных состязаний, печенеги в стане развлекались то борьбой, то состязанием лучников. Но все же больше спорили, похваляясь своими лошадьми и умением править, только и думая, как погонят коней по степи. Ибо большие скачки на поминальном пиру – важное событие. Куря лично показал соплеменникам большой, расшитый яркими узорами халат, каким наградят победителя. И когда загудела труба, многие батыры направились к своим лошадям, приторачивали седла, проверяли подпруги, что-то шептали животным, будто сговариваясь с ними.

Среди всеобщего оживления русы тоже сели на коней. Они, как и печенеги, уже облачились в доспехи, поправляли шлемы на головах. Их широкогрудые, длинногривые жеребцы казались подле степняцких лошадок мощнее и неповоротливее, но были более рослыми и длинноногими, да и при сшибке такой могучий конь мог свалить более мелкую лошадь.

Когда был дан знак начала скачек, сотни всадников пришпорили скакунов, с криком и гиканьем пустились с места вскачь. Казалось, сама степь загудела, когда множество копыт забило по ней, набирая разбег. Святослав кричал на ходу своим, чтобы держались кучно и ждали знака, когда можно будет всей группой уноситься в сторону.

Всадники проскакали мимо вырытой на кургане могилы, где все так же сидел разряженный труп мертвого хана, будто и впрямь наблюдая за происходящим. Русы погоняли коней только для вида, все больше позволяя иным обогнать себя. Но Святослав уже заметил, что группа всадников – все с волчьими хвостами на шапках, как и у Куркутэ, – скажут недалеко от них, глаз не спускают и тоже не стремятся вырваться вперед, сдерживают лошадей, каких заряжал убыстряющийся ход скачки. И у них у всех луки, копыя у седел приторочены. Пока преследователи особо

не приближались, но и не отставали.

Святослав решил попробовать оторваться, понесся, пригнувшись к гриве своего скакуна; на полкорпуса приотстав, за ним скакал Семецка, потом Инкмор, другие ехали полукругом, заслоняя собой князя от степняков. Святослава волновало, что Малфрида отстает, – порой женщине не хватало крепости для управления сильной лошадью. Но ведь Малфрида чародейка, пусть сделает что-нибудь!

Они ускакали уже достаточно далеко от стойбища, темная масса всадников впереди начинала удаляться, проносились отставшие. Степь раскрывалась все шире, слегка холмистая, безбрежная, лишь кое-где вдали темнели купы деревьев. Святослав, направив коня на один из длинных пологих холмов, увидел сверху густой лесок в стороне и крикнул своим, чтобы сворачивали туда. И сам тут же своего жеребца за правый повод потянул, принуждая развернуться, не мчаться за проносившимися мимо лошадьми печенегов. Но конь по извечной лошадиной привычке порывался нестись со всеми, храпел, так что князю пришлось изрядно повозиться с ним, пока он не принудил животное сойти с вытоптанной иными соревнующимися печенегами степной полосы в густые травы.

Скакать по неезженной земле небезопасно. Кочка подвернется, а то и конь угодит копытом в норку – и сам покалечится, и всадник все кости при падении может переломать. Однако вдали маячил лесок, надо было успеть укрыться в его зарослях, где стрелы копченых будут уже не так и опасны, где можно будет померяться силами. И хоть погнавшиеся за ними люди Куркутэ преобладали числом, Святослав не сомневался в своих воинских побратимах: они еще покажут копченым, что значит с русами тягаться.

Пришпоривая лошадь, пригибаясь к разметанной ветром гриве, Святослав в какой-то миг оглянулся и выругался сквозь зубы, заметив, как вскинулась рука одного из печенегов, на ходу вынимавшего из запячного колчана стрелу. Печенег что-то пронзительно визжал, и, повинувшись ему, другие копченые тоже взяли за луки. Плохо дело: в седле степняк будто сливается с лошадью, он стрелы пускает столь же уверенно, как русич с упора пятой в землю. Но ведь и Святослав недаром уроки конного боя у самого Претича получал, вот и сейчас резко сполз в сторону, почти висел на боку несущейся лошади, защищенный ее телом и прикрепленным на спине округлым щитом. Показалось, что даже слышал, как совсем рядом просвистело каленое жало. «Надо будет и своих так же с коня научить разить, – мельком подумал Святослав. – Ну, если жив останусь». Ибо стрелы свистели в опасной близости, а потом один из батыров, почти нагоняя, вскинул руку с занесенным острым копьем. Это заметил и Семецка, резко послал лошадь вбок, прикрывая собой князя. И брошенное копье вонзилось в крепенького новгородца, застряло в спине, пробив кожаный доспех между лопаток. Семецка пронзительно закричал, какое-то время еще удерживался в седле, но ход его коня замедлялся, и обгонявший его печенег с размаху снес голову новгородцу ударом кривой сабли.

Эх, Семецка!..

Потом князь увидел, как упал еще один из его воинских побратимов, – совсем мало их осталось. А лесок был уже вон, совсем рядом. И, только подскочив к зарослям, князь понял, что вглубь его им не пробиться, не укрыться от степняков, не способных биться среди деревьев. Увы, густо разросшиеся деревья и кустарник стояли стеной, колючие побеги терна оплели все будто сеткой – ни пробиться, ни прорубиться. Посылаемые с насока кони ржали, налетая на них грудью, приседали на задние ноги. Прохода не было.

Князь развернул коня, на ходу сбрасывая из-за спины на руку щит.

– В бой, русы! Перун с нами!

Не успели выехать навстречу, как еще один из побратимов был убит, а там зашатался и стал сползать с коня богатырь Инкмор. Небольшой отряд Святослава выстроился; все уже с мечами, прикрытые щитами, понеслись на копченых, пока те не перебили их стрелами, пока еще можно неприятеля вызвать на сшибку, где не всякий печенег против сильного руса выстоит. Но степняки не желали такого боя и теперь старались разить коней неприятеля, чтобы не дать русичам приблизиться. Вон рухнул саврасый жеребец

Сфангела, с другой стороны вскрикнул, получив стрелу в лицо, его товарищ.

Малфрида тоже развернула свою лошадку несшимся навстречу печенегам, при этом она вскинула руки, стала шептать наговор, но еще задышавшаяся после скачки, сбивалась, поэтому просто отправила посыл, будто отталкивая кого. Сбить печенегов не успела, однако стрелы их попадали, не долетев, словно натолкнулись на невидимую преграду. Хорошо, что расстрелять своих не позволила, но копченые уже были рядом, их оказалось гораздо больше, и они на ходу повыхватывали сабли. Святослав только успел подумать, что на каждого из его воинов придется по пять-шесть степняков, ну да повоюем!

Его обуяло то странное чувство в бою, когда ты и в горячке поединка успеваешь все примечать, когда распаленное тело повинуется рассудочному уму. И как только к нему подскакали сразу три печенега, молодой князь успел уклониться, прижавшись к холке лошади, от рубящего удара справа, подставил щит под размах выпада слева. «Отменные воины у Куркутэ, вон как лихо рубят. Но и русичи не лыком шиты», – промелькнуло в голове Святослава, когда он резко опустил изогнутый клинок на голову третьего из нападающих.

Все же он более привык рубить мечом, печенежская сабля Кури сейчас показалась непривычно легкой, от резкого размаха едва не мимо пошла, только мазнув по лицу противника, однако тот вскрикнул, зашатался, хотя из седла и не выпал. Святослав в пылу просто спихнул его косым ударом щита, только звякнуло щитовой окантовкой по округлому шлему копченого. И тут, разворачиваясь, Святослав заметил, как несколько печенегов надели на Малфриду. На ведьме не было стеганой куртки, ее зацепить легко, однако отчего-то до сих пор не зацепили. Стрелы вокруг так и вжикали, но князю показалось, что острия, будто горох, рассыпаются от взмахов ведьминой руки. Было похоже, что она обеими руками толкает перед собой что-то невидимое. Может, от этого подскочивший к ней печенег рухнул прямо с лошады и теперь барахтался, пытаясь выпутаться из упряжи, а лошадь уже поднялась, прочь поскакала, таща за собой по земле наездника, так и не успевшего высвободить ногу из стремени. Второго всадника ведьма оттолкнула куда сильнее – надо было видеть, как он почти взлетел вместе с конем, пронесся над только успевшими подскатать людьми Куркутэ, свалился где-то за ними. А печенеги даже стали сдерживать ход коней, пораженные, оглядывались, как их собрат рухнул неведь где за ними. И хоть в пылу скачки раж заменяет все остальные чувства, копченые тем не менее сообразили, что происходит невиданное. И если первые еще сражались, наседали на отбивавшихся русов, то последние уже не спешили, изумленно глядели, как растрепанная женщина размахивает руками, а их собратья так и валятся с лошадей, кони падают, встают и мечутся с диким ржанием.

Сперва это была просто заминка, никто еще ничего не понял толком, однако успевшие подняться печенеги бежали кто куда, ловили повод коней, скакали прочь, почти сшибаясь с теми, которые еще не разглядели чародейства.

А Святослав восторженно кричал:

– Ай да чародейка! Давай, вали их, как снопы! Да не всех, позволь и нам душу потешить!

И теперь уже русы направили коней на печенегов, погнались за ними.

Но тут случилось непредвиденное. Из-за лесочка, где они намеревались укрыться, появился новый отряд степняков. И хоть на шапках у них не было волчьих хвостов, вновь прибывшие сразу поняли, что русы бьются с их соплеменниками. Раздался пронзительный, дребезжащий визг, взметнулись сабельки, стрелы засвистели, все смешалось. Печенегов теперь было намного больше, их крик заставил развернуться убежавших копченых, вокруг все смешалось, опять закипела сшибка.

Ведьма и опомниться не успела, только развернулась, только стала наговаривать заклинание, как наскочивший на нее печенег почти столкнулся с ней, их лошади вздыбились, заржали и стали опрокидываться вместе с всадниками. Но если печенег тут же начал подниматься, то оглушенная ударом о землю чародейка задышалась, царапая вмиг ставшими длинными ногтями землю. Видно, в ее внешности что-то изменилось, отчего подскочивший степняк, который уже выхватил клинок, вдруг замер, занеся оружие, потом закричал, попятился. Правда, в следующее мгновение опомнился, опять замахнулся.

Клинок сверкнул на солнце. Малфриде казалось, что он опускается неимоверно медленно. Но тут стремительно пронеслось какое-то темное тело, свалило печенег, и только рык прозвучал громкий и гортанный, когда неожиданный спаситель рванул неприятеля так, что тот, почти разорванный, отлетел прочь. Это было последнее, что заметила чародейка, проваливаясь в небытие...

Очнулась оттого, что кто-то хлопал ее мокрыми ладонями по щекам.

– Эй, Малфрида, ты жива? Это я, Святослав. Взгляни на меня.

Она узнала его продолговатое лицо с высокими скулами, синие глаза под насупленными бровями, небольшой, чуть вздернутый нос. Видя, что чародейка приходит в себя, князь улыбнулся.

– Ну вот, слава богам. А я уже переживал, что погубили тебя поганные.

Малфрида привстала и огляделась. Сначала еще ошалело, потом озадаченно.

– Видишь, что тут у нас. – Князь широко повел рукой. – И это все он подсобил.

Святослав указал на сидевшего немного в стороне полугололого рыжего богатыря. Тот на миг оглянулся, и ведьма узнала это суровое лицо с белесыми, глубоко посаженными глазами. Это тот, кого русичи называли Волком. Она и ранее видела его, еще до их прибытия в становище, когда катала в глухих дебрях по блюдцу яблочко, и уже тогда поняла, кто он.

Волк отвернулся, сидел ссутулившись, весь окровавленный, но это была не его кровь, хотя и забрызган он ею был изрядно, темные потоки покрывали почти все его большое, иссеченное шрамами тело. Застарелые шрамы... От таких ран обычно не выживают, как и не выживают, получив в грудь острие шаманского копья. Этот же выжил. Если был жив и ранее...

Святослав же о том особо не задумывался. Восхищенно рассказывал, что поведал ему Волк: как он ночью выбрался из могилы в кургане, уполз подальше от стана печенегов, потом долго бежал по степи, пока не укрылся в этом непроходимом леске. Как пролез туда? Да такому удалцу все нипочем. Вот и отлежался. А когда услышал шум да увидел, какая схватка идет на опушке, то, будто таран, выбросил сильное тело из зарослей, валил печенегов голыми руками, рвал, грыз, вырвал у кого-то саблю, рубил, крошил. При его неожиданном появлении и русы, и степняки поначалу будто остолбенели, но копченые опомнились первыми, хотели умчаться, а Волк – ну чисто десять сил у него! – кинулся следом, неся так, что последнего всадника настиг на своих двоих, повалил толчком вместе с лошадью, копченого разрубил, а на его лошади погнался за остальными. И никто от Волка не ушел, все полегли. Вот какой витязь! Недаром Претич о нем так похвально отзывался.

– Я так понимаю, – склонился к ведьме князь, – это ты его оживила живой и мертвой водой, когда ночью ходила к кургану. Я ведь за приметил у тебя на поясе калиту, в которой что-то хоронишь. Да и не думал я, что такая разумная женщина, как колдунья моей матери, отправилась на столь опасное дело с малой дружиной без чародейской водицы.

Малфрида сидела, опустив голову. Разумная женщина – так сказал о ней князь. Она же чувствовала себя дура душой, и восхищение Святослава вызывало в ней потаенный стыд. Ну не говорить же ему, что в калите ее бабьи тряпки хранятся, а никак не водица волшебная. Как и не скажешь, что Волк не храбрец, а упырь, живой мертвец из тех, кого простым копьем ясеневым не убьешь, да и стрелой не поранишь. А если он и поляжет, то потом встанет, пойдет искать кровушку, чтобы вновь сил набраться. Но как о таком сказать восхищенному Святославу, особенно учитывая, что все они обязаны упырю своим спасением?

На своем веку ведьма со многой нечистью общалась, никого не боялась... кроме упырей. Хвала богам, раньше ей с ними и встречаться не доводилось. Страшные это существа, всегда себе на уме. И, думая об этом, Малфрида поглядела на Волка, к которому как раз подошел Святослав, сел рядом, едва не обняв за плечо. Ведьме жутко от этого сделалось, холод в душе родился, пошел по телу, даже иней на ладонках выступил. Да, порой

странное с ней случалось, сама не ведала, почему в некоторые моменты она лютым холодом исходит. Но не об этом сейчас думать надо, а решить, как с нежитью в облике рыжего витязя поступить.

Итак, Волк – упырь. Да не простой упырь, а из тех самых сильных, какие и при свете дня появляться могут. Печенеги, похоже, о его странной сущности знали, уж такой шаман, как Мараачи, точно все понял. Теперь становилось ясно, отчего копченые его опасались, страшный враг он был для них, и ранее, когда на порубежье служил, и когда их пленником стал, но не умирал. И вот печенеги задумали убить его и положить в курган. Да, видать, не знали, как это понадежнее сделать, рассчитывали, что дух их мертвого хана удержит подле себя упыря, служить себе заставит и оградит от его зла соплеменников. Но ошиблись, не ведали люди степей, что такого, только осиновым колом проткнув, погубить можно. Вот он и встал, когда время пришло. А Святослав думает, что это ведьма рыжего витязя водой чародейской оживила. И как им теперь быть? Вроде спаситель им Волк. А злость его упыриная – тут дивись, не дивись, – основная лютость Волка направлена именно на степняков. С русами он вон сколько жил, даже прославился, Претич тоже его хвалил. Знать, было в прошлом упыря нечто, что обиду он на степняков затаил. Но кто знает, что придет ему на ум, если он с русами останется? И Малфрида содрогнулась, расслышав, что Святослав зовет Волка к себе на службу, обещается пояс гридня дать за свое спасение. Этого только не хватало! Да чтобы такую нежить подле князя держать! Упыри ведь не живые существа, у них свое понимание, особое... если оно вообще есть. Но что они хотят непрерывно – это пожирать живых, кровь горячую пить. И этот голод у них никогда не иссякает.

В этот миг Малфрида не думала, что и к ней самой многие относятся как к нежити, что часто плюют вслед да за обереги хватаются. Однако в себе ведьма была уверена, а вот как поведет себя упырь Волк, если его вековечный голод и жажда крови помутят его разум?

Волк словно угадал ее сомнения, оглянулся, посмотрел пристально. Сам наделенный особой силой, он сразу понял, что и она непростая баба.

К князю, прихрамывая, подошел Инкмор. Будучи самым разумным и предусмотрительным в дружине князя, он и теперь стал говорить, что нечего им тут оставаться, где сеча недавно случилась, что, не ровен час, Куркутэ или какой иной хан, тот же Куря, отправят доглядников проверить, куда это гости запропали. Вот и надо уезжать, хотя тела своих павших оставлять нельзя. Поэтому русы выбрали погибших сотоварищей, уложили на доставшихся от печенегов лошадок и поехали восвояси. И Волк с ними. Лошадь под ним шла нервно, храпела, становилась на дыбы. Ясное дело, нежить почуяла. Но Волк крепко сжимал ее бока, рвал мундштуком рот, так что несчастное животное, взмыленное и дрожащее, вынуждено было подчиниться.

К вечеру они добрались к месту, где Самарь впадала в Днепр. Вечер выдался тихий, солнце еще не село, но луна уже всплывала – бледная и прозрачная. Пока совсем не смерклось, дружинники занимались похоронами павших товарищей. Сложили поленицу, поместили на нее тела погибших. Святослав очень убивался по Семецке; как-то ранее и отгонял настырного новгородца, и журил за непомерную любовь к возлияниям. А вышло... С собой закрыл князя Семецка...

Волк со стороны мрачно наблюдал за происходящим. Ведьма неслышно подошла к нему из-за спины.

– Жалеешь, что мало крови хлебнул?

– Отчего же мало, – невозмутимо ответил упырь. – Битва получилась хорошая, а глотнуть кипящей крови во время схватки – что может быть лучше?

– Ну, раз наглотался, то теперь прочь убирайся! Пока я все про тебя князю не поведала.

Она смотрела строго и непреклонно.

– Уходи! На тебя печенегов в степи хватит.

Волк слегка скривился – от его ухмылки упыриной у Малфриды волосы на затылке встали, дохнуть трудно было.

- Меня князь покликал, - глухо произнес живой мертвец. - Отпустит - уйду. Позовет - отказываться не стану. Но если ты скажешь ему, кто я...

Его подбородок подался вперед, нижние клыки удлинились, в глубине зрачков полыхнул белесый мертвенный отлив.

Но и у Малфриды полезли клыки, когти выступили, пряди вдоль лица, будто змеи, зашевелились. Казалось, миг - и они сцепятся. Но все же у ведьмы было сил поболее, и упырь отступил первым. Только повторил, что против воли князя не пойдет. Но если тот отпустит его... Волку ведь все равно, чью кровь пить - степняков ли, русичей ли.

Малфрида направилась к сидевшему у воды Святославу. Села рядом, молчала, все не решаясь сказать, что их спаситель нелюдь. О другом заговорила: спросила, о чем это князь толковал с шаманом в стойбище?

И неожиданно Святослав просиял.

- Да про дочку твою рассказывал, как любя она мне... и как отворожили ее от меня, сторониться заставили. А шаман этот... Он ведь сильный. И он согласился помочь мне. Или думаешь, у одной тебя достаточно чародейства, чтобы колдовством влиять на Малушу? Нет, милая. И вот что скажу: выпросил я зелье любовное у Мараачи. И зелье сильное, приворотное, страстью наполняющее. Вот дам ладе моей испить его - враз любовью ко мне восплает, несмотря на все твои отговоры.

Малфрида с трудом проглотила подступивший к горлу ком. Не хватало еще, чтобы ее девочку опаивали колдовским зельем! А ведь зелье шаман сделал правильное, сильное. Когда Святослав показал ведьме стеклянный пузырек, ведьма вмиг заметила в нем тот же розово-желтоватый отлив, какой бывает от приворотного снадобья. Но опаивать Малушу она не позволит! Незачем родную ей душу ломать чародейством. Малфрида и сама на подобное не пошла. Ведь это Ольге и Святославу она сказала, что опоила дочку отворотным зельем, а на деле просто поговорила с ней, настояла своей волей родительской, а потом и просто убедила Малушу, что плохо ей от любви князя будет. Ольга милостей ее лишит, а Святослав поиграет ее любовью, натешится, а там и иную себе возьмет. Малуша же с разбитым сердцем одинокой и никому не нужной останется, кручиной горькой изойдет.

Когда такое предрекает чародейка, трудно не поверить. И хоть расплакалась тогда Малуша горько, но нашла в себе силы отказаться от молодого князя. Малфрида видела, как она держалась потом, и восхитилась силой дочери. Пусть и нет в ней материнского чародейства, но воли и гордости Малуше не занимать. И она вела себя так, что, казалось, без волшебного отворотного зелья тут не обошлось. Потому Малфрида и сказала, что это она чарами отвратила Малушу. Ну, чтобы люди поверили, чтобы Святослав понял, что не сладится у них теперь.

Но говорить князю, что ключница просто отшила его по материнскому наказу, Малфрида пока не решалась. Ее иное заботило: как забрать у него приворотное зелье для Малуши? Вот и стала говорить, что привороженная любовь никогда доброй силы не имеет, ведь само это чувство светлое и свободное, а кто силком любить заставляет, только бедой грозит, счастья не дарит, тяжелой болью оборачивается. И Малфриде это доподлинно известно, навидалась уже подобного. Но от речей этих Святослав только обозлился.

- Как отвратить Малушу - это, выходит, к добру. А приворотное зелье подать - несчастная любовь выйдет? Нет, хитришь ты, чародейка. Жалеешь дочку, думаешь, что позабавлюсь с ней и уйду с глаз подальше? Так вот я скажу тебе: никакой другой мне и не надобно. Это мать мне все о цесаревнах заморских твердит, а что я сам испытываю, ни тебя, ни княгиню не волнует.

Ну что тут скажешь? Малфрида терялась. Но мысли о том, что Святослав отравой приворотной опоит Малушу, не отпускали ее... Нет, надо что-то придумать, забрать зелье.

Пока же Малфрида предпочла о Волке переговорить. После тревоги за дочку это уже не казалось особо сложным. Так и сказала - отпусти ты спасителя нашего восвояси. Пусть едет, куда сам пожелает, но подле князя Руси ему не место!

Святослав смотрел удивленно. Да как она может такое советовать? И это после всего, что Волк для них сделал! Да и раньше как славно он служил на заставе пограничной!

– Да, мы ему обязаны, – соглашалась ведьма. – Волк и впрямь себя на порубежье хорошо проявил. Там ему самое и место. Может, отправишь его на какую из застав? А я за это... Обещаю, что вновь полюбит тебя Малуша. И зелья никакого приворотного не понадобится.

Святослав был озадачен, вертел в руках продолговатый посверкивающий пузырек, говорил, что даже отдал за него шаману свой браслет с чеканкой. Но браслет что – его не жалко. А с пузырьком-то теперь что? Ведьме отдать? Она вон уже и руку тянет. Однако Святослав отстранился.

– Ты все же ответь, пошто Волка невзлюбила?

Ну как тут скажешь? Не может она сказать, кто на самом деле рыжий богатырь. Существовало у таких, как они с Волком, негласное правило – не оповещать простых смертных о том, кто они. Вот и стала говорить, что есть у нее предчувствие недоброе, ведь она ведьма все-таки, может предугадывать неладное. Поэтому пусть князь ей на слово поверит, а уж она ему поможет с Малушей сойтись.

– Так снимешь с дочери чародейство? – настаивал Святослав.

А как услышал, что ведьма просто своей родительской волей отвратила от него красавицу, даже задохнулся от обиды. Да что он для Малуши в одной цене с огневицей или мором, раз им так застрашать можно? Ведь он для Малуши... Кто бы ни стал при нем княгиней, ключница его матери всегда первой для него будет. И он самим Перуном готов в том поклясться, Ладу пресветлую в свидетели призовет, что не обидит милую Малушу. Ибо без нее... У него и слов не нашлось сказать, что без нее. Даже всхлипнул обиженно, как дите малое, какое ни за что обидели.

– Но послушает ли меня Малуша, если скажу, что ты освобождаешь ее от зорока, от наказа родительского?

Ведьма вздохнула. Вспомнился их долгий разговор с девушкой, когда Малфрида, ранее особо и не интересовавшаяся дочерью, вдруг материнской волей своей стала наказывать. Но теперь все надо было назад повернуть.

Малфрида поглядела на князя. Он казался взволнованным, глаза блестели напряженно. И чародейка решила:

– Святослав, скажешь Малуше, что я ошиблась в тебе, что зря на нее давила. А дабы она поверила, что не обманываешь, что даю я благословение на вашу любовь, напомнишь ей, что, когда мы сговаривались с дочкой, на коленях у нее сидел рыжий котенок. И Малуша плакала, прижимая его к себе. О том только нам двоим известно, никого рядом не было. Вот и передашь ей, скажешь, что не запрещаю вам любиться. А за то, что не стану более чинить вам препятствий, ты пообещаешь мне не оставлять при себе богатыря Волка.

Видать, сильно жаждал любви ключницы Святослав, раз сразу согласился услать понравившегося ему витязя. Сам с ним переговорил, сам проводил, наказывая, куда тому ехать, на какую заставу отправиться. А затем, вернувшись к реке, просто отдал Малфриде склянку с приворотным зельем. И даже руки о штаны вытер, не желая знаться ни с каким чародейством, когда самая красивая девушка на Руси его и так любит!

Глава 5

По прибытии на остров Хортица молодой князь едва ли не первым делом побрил голову, оставив на макушке длинную русую прядь, – после схватки с копчеными он имел право это сделать.

Ольга как увидела сына, только и вымолвила:

– Ну, ты чисто хазарин, сыне.

Святослав поморщился: хазар он не любил. Зато очень ждал похвалы от матери за заключенный с ханом Курей договор. Но княгиня перво-наперво высказала ему за то, что оставил дружину, рисковал жизнью, носясь по степи. Князь не должен так поступать, не должен на рожон лезть! Что было бы, если бы его поход к печенегам закончился не так удачно? Кому бы она Русь оставила? И Малфриде Ольга тоже высказала: мол, ведь уже не девочка, а все мутит головы молодцам, все подрывает их невесть на что.

Святослав насупился, смотрел исподлобья. Неужто мать думает, что он будет только с боярами в думе заседать да дела смердов судить-рядить? Нет, он прежде всего воин, глава дружин, как и его отец Игорь! Он так и сказал: «Я витязь, и княжье дело без тебя знаю». Мать должна быть довольна, что он повел себя как истинный правитель, сговорив ряд с печенегами. А иначе и она, и ее визгливые спутницы еще бы покудахтали, когда засвистели бы с берега стрелы копченых.

Ольга позже подумала, что и в самом деле погорячилась. Но Святослав был для нее дороже всего, именно ему она собиралась передать дело всей своей жизни, для него готовила Русь как великую державу, ради этого и к ромеям ехала. Ему ведь надо не только править, но и защищать то, что уже достигнуто. И если о Святославе и впрямь пойдет молва, что он великий витязь, то разве это не будет на пользу Руси?

Оба они были горячи – и мать, и сын. Но были и отходчивы. Святослав вскоре развеселился, встретившись со своими воинами, выпил с ними медовухи за успешное его возвращение из степи, а там по хорошей погоде стал с ними купаться в Днепре, прыгать в воду с высоких гранитных круч на Хортице. Вынырнув, завидел наблюдавшую издали за ним княгиню и помахал ей рукой приветливо. Ольга улыбнулась. Какое же он еще дитя, ее сын-князь! Ибо для матери он всегда останется ребенком, которого она будет воспитывать, пока сама жива.

Сейчас княгиня со свитой отдыхала после утомительных переходов через днепровские пороги. Остров был окружен водами могучей реки, с одной его стороны поднимались огромные скалистые берега, с другой, низинной, – покрывали дремучие леса и глубокие затоны. Исстари на возвышенности Хортицы располагалось святилище Хороса – божества света и самого солнца. И, как сказывали, поклонялись ему тут люди еще со времен, когда почитали только солнце, полагая, что иные боги, даже грозный Перун Громовержец, не так важны для них, как податель тепла, солнцеликий Хорос. Известно было, что место тут обладает особой силой и здесь исстари несут службу волхвы, о которых говорили, будто они великие чародеи, черпающие мощь от древнего святилища, где веками накапливалась волшебная сила. Даже лихие степняки не смели напасть на Хортицу, ибо опасались волхвов и их древнего колдовства. К тому же сам остров, окруженный рекой и взметнувшийся скалистыми берегами, смотрелся как крепость на Днепре. А на горе, окруженная засекой, к тому же еще мощно рубленая, деревянная крепостица имела. Подле нее раскинулось селение, где жили обслуживавшие и кормившие волхвов селяне, которые вспахивали на обширном острове поля, сеяли жито, охотились в островных лесах, рыбачили. А еще принимали и обслуживали прибывавшие на Хортицу суда, останавливающиеся здесь после преодоления порогов, – дабы привести в порядок и подлатать ладьи, отдохнуть после тяжелых переходов, принести благодарственные требы на капище, одарить местных волхвов, чтобы наколдовали им удачный путь.

Вот и теперь с прибытием каравана княжеских судов на острове былолюдно. Но и весело. Местные вышли поглядеть, кто приплыл, да так и остались с гостями: не каждый день столько нарочитых людей прибывает, да еще и сама княгиня-правительница Ольга в сопровождении именитых женщин. Корабелы были довольны,

что провели суда без убытка, дружинники – что предстоит передышка, свита княгини и ее спутницы рады были ступить с палубы на твердую землю, отдохнуть в раскинутых для них шатрах. Да и поглядеть на волхвов с Хортицы, на их обряды и принесение жертв под великим дубом, называемым дубом Хороса, было любопытно. Странно только, почему Хороса? Всем ведь известно, что дуб Перуна древо. Но со своими взглядами к местным волхвам не подступишься. Даже сама Ольга перед ними оробела: уж больно те спесивы, требы от русской княгини принимали, будто великое благодеяние ей оказывали. Да и смотрелись они важно, таких даже на капищах в Киеве не встретишь: все как на подбор рослые, никто не сутулится, хоть головы белы от седины, а волосы их длинные удерживают украшенные хрусталем очелья, обереги поверх длинных бород и на поясах все больше серебряные, а то и чистого золота попадались.

А вот Малфриду волхвы с Хортицы разочаровали. Да, смотрятся величаво, не то что иные старцы-чародеи в глухих чащах, у кого и руки покорежены, и спина горбится, и шрамы на лице, а все же знаний у них поболее, чем у этих. И чародейке даже весело сделалось, когда услышала, о чем они с княгиней разговаривают. Оказывается, гадали, возлагать ли им поднесенного в капище для жертвы петуха или отпустить. Сказали, что они сперва птицу дубу Хороса покажут, послушают по шуму его листвы, резать ли петуха или отпустить до следующего раза. Послушали и отпустили. Малфрида подавила смехок, понимая, что не Хороса то воля, а просто служители не куриным мясом надеются сегодня подкормиться, а ждут, что княгиня их на трапезу к себе позовет. А там и дичина будет, и масляные каши, и пироги с ягодами на пару. Вон уже дымы над кострами поднимаются, куховарят люди, готовятся. Ну а петуха служители в другой раз съедят.

Что ж, обычные люди. И силы в них никакой Малфрида не улавливала. А вот подле самого Хоросова дуба волшебство ощущалось, но легкое и словно бы растворявшееся в воздухе. Чували ли это служители? Может, и так, но, похоже, не ведали, как удержать его, как управлять им и себе служить заставить.

Поэтому, когда вернулись от святилища, Малфрида и заметила Свенельду:

– Сдается мне, что истинных кудесников с тех пор, как древлянских разогнали, и не осталось больше на Руси. Встречала я несколько раз умелых чародеев, но они за почетом и славой, как эти, не гонялись, а постигали волшебство в дальних пределах, где оно еще не замутненное и сильное. Эти же... Ведь есть здесь чародейство, чую я, да как-то не справляются с ними волхвы. И будто утягивает силу волшебную куда-то.

Свенельд ответил почти равнодушно: мол, ей, ведьме, такое лучше ведомо. Его другое волновало: есть ли на священной Хортице живая и мертвая вода? Малфрида пожалала плечами. Будь тут вода – она бы учуяла.

Они с варягом сидели над рекой на выступающих из буйных трав гранитных глыбах, а перед ними разливался могучий Днепр, выступали из вод каменные гряды-острова, сплошь обсиженные стаями чаек. Свенельд расстелил на камне свое корзно, расположился подле чародейки, шурясь от яркого солнечного сияния. Легкий ветер трепал его светлый чуб, бросал на зеленые глаза длинные пряди, а сам варяг казался разнеженным на солнышке ленивым котом. Но Малфрида уже успела заметить, сколько он сделал по прибытии на остров. По его наказу суда свернули в более узкий и спокойный рукав Днепра, там причалили к отмелям, стали в тихих заводях, а свиту княгини Свенельд разместил в стане из раскинутых в безопасном месте шатров, прислугу же отправил рыбачить, а сам еще и с волхвами сговорился, чтобы не мешали людям поохотиться, дабы было чем такую ораву кормить. К тому же пообещал часть добычи отдать волхвам, а пока подарил им бочонок меда стоялого, чтобы выпили, подобрали и не так надменно принимали гостей. Уладив с волхвами, еще и дозоры расставил. И все-то у него было учтено, все он упомянул и отметил – и Ольга хвалила ведьме варяга своего, говорила, что без его опыта походного так быстро и умело они бы тут не управились. Малфрида опять намекнула: если так хорош для тебя воевода Свенельд, если сама отмечаешь, что польза от него, пошто не взглянешь на него не как правительница, а как женщина? Одной-то плохо. А Ольга ответила ей странное: зачем ей связываться с варягом, когда тот, пока Малфриды не было, о ней волновался, ждал, повторял все время, что опасно было Малфриде с малой дружиной отправляться в полные опасностей степи. И как сказала княгиня! Как зыркнула! Или по старой памяти взревновала Свенельда к чародейке?

Малфриду это только позабавило. И все же приятно было узнать, что бывлой ее ладо о ней печется, переживает. Хотя при встрече повел себя не как возлюбленный, а как старый, закадычный друг. Даже пожурил за своеволие, но было все же видно, что рад ее возвращению. И от этого Малфриде с ним было хорошо, тепло, можно сказать, даже уютно. Ибо что опасаться с таким, как варяг? Пусть он сейчас и кажется расслабленным, но и в его небрежной позе чувствуется сила, готовность ко всему. Ведь любой тревожный знак – и Свенельд опять будет на чеку, вмиг все оценит и решит, как поступить. Но пока тревожиться вроде нечего. Сияет над Днепром ласковое солнышко, шелестят травы на ветру, взлетают и садятся чайки на каменистые гряды. Вон и спутницы княгини гуляют вокруг святилища по натопанной за века тропинке, принарядились все, затосковали небось за время пути по своим расшитым жемчугом и самоцветами уборам. У самой воды, на песчаном берегу, гомонят собравшиеся у костра воины Святослава, молодой князь и сам там, так еще непривычно выглядит его оголенная голова с длинным клоком русых волос на темени. Да, хорошо тут, спокойно. Может, еще так хорошо и потому, что рядом сидит Свенельд. Малфриде казалось, что век бы так с ним оставалась, ни о чем не тревожась, доверив все сильному, умному и надежному воеводе Свенельду.

Она так и сказала, что нравится ей тут с ним. Даже придвинулась, склонила голову на сильное плечо варяга. Расслабилась.

Свенельд тоже потерся щекой о ее лоб. Потом вздохнул, отбросив изжеванную травинку.

– Хорошо, говоришь? А ведь сама от меня ушла. И позови я назад – пойдешь ли?

Важное спрашивал, но спокойно, без трепета. И она так же ровно ответила: а зачем? Вот они рады свидеться, рады побыть вдвоем, да только оба понимают, что судьбы у них разные, нравы не подходящие, желания не похожие. Поэтому и не сладилось бы у них, останься вместе. Так что пусть все будет как есть. И им спокойнее, и Ольга не разгневается, не возревнует.

– Это Ольга возревнует? – переспросил Свенельд. Он мягко отстранился от ведьмы, откинулся на спину, заложив руки за голову. И вздох глубокий – так о чародейке никогда не вздыхал. – Да что я Ольге? Она вообще последнее время равнодушная какая-то стала. Посмотрит, бывало, словно и не на человека, а на цапку какую блестящую: иметь приятно, да поднадоела уже. А то, что у меня оттого еще больше тоски, ей-то что? Все ее заботы ныне о посольстве своем. О том день и ночь говорит, только это ее и тревожит. А что собирается сделать то, что для нее никто не совершал, ей даже задора прибавляет. Ибо если Ольга решила, то кажется ей, что и Днепр повернуть вспять в силах. И откуда в ней уверенность такая?

Малфрида улавливала в его голосе восхищение и почтение, а еще нежность затаенную. И подумалось чародейке: как разумница Ольга не поймет, что, сойдись она со Свенельдом, лучшего помощника в делах и более преданного друга ей и не сыскать. А вот самой отчего-то грустно на душе сделалось.

Малфрида пошла прочь. Свенельд со своего места наблюдал, как она уходит – спина прямая, голова вскинута, длинные косы ниспадают из-под удерживаемого ремешком на голове темно-алого покрывала, походка с чуть покачивающимися бедрами соблазнительная и вольная. Вот-вот, первое, что видится в Малфриде, – это ее воля. Захотела – позвала, захотела – ушла. Ранее, когда она еще Малфуткой была, она другой казалась – нежной, ранимой, незащищенной. Ту приголубить и оберегать хотелось. Но не уберег. А с этой полудикой и своевольной они бы не ужились. Такова, видно, судьба.

Малфрида шла к княгине, переговорить хотела, но замедлила шаг, увидев, что к Ольге приблизился ее священник Григорий в длинном черном одеянии, – ну, точно ворон. Ведьме казалось, что она просто осязает идущую от него враждебную силу, даже дрожь по телу пошла. А Ольга ничего, улыбнулась священнику, пошли рядом, княгиня даже на руку его оперлась. Да, странная у княгини новая привязанность. По ней Свенельд тоскует, ждет, когда позовет его пресветлая, а она все с проклятым христианином якшается.

Волхвам тоже не любо было, что правительница вблизи от их святилища привечает почитателя распятого Бога. Они так и сказали Малфриде. И общая неприязнь

к христианину сразу сблизил служителей и чародейку. Они с интересом следили, как она молится у священного дуба, как протянула к нему руки, будто знала, как надо совершать служение. Но особенно поражены и смущены были волхвы, когда чародейка с грустью спросила, отчего так слабо волшебство у столь прославленного дерева Хороса, ведь немало чародейских сил за века собраться должно было?

– Ты тоже почувствовала это? – печально произнес верховный волхв. – Тогда тебе, наверное, – он быстро переглянулся с остальными служителями, – с Жерью повидаться стоило бы. Жерь в последнее время совсем перестала являться в святилище, а ведь раньше она нам помогала. Давно это было... еще когда мы доступ к воде чародейской имели.

– К воде? – заинтересовалась Малфрида. – Да и что это за Жерь такая?

Оказалось, что волхвы сами толком не знают. Жерь – существо странное и могучее. Раньше она очень жертвы человеческие любила, за то и прозвали ее Жерью. Но еще при прежних волхвах, какие подкармливали Жерь, она вдруг отказалась принимать требы. Но тогда же и силы чародейские у древа Хороса стали исчезать. Ведуны пытались вызвать, как такое происходит, но Жерь не стала отвечать.

Малфриду все это заинтриговало. Хотела было попросить, чтобы кто-нибудь проводил ее к Жери, но потом решила, что и сама разберется, куда идти надо. Ибо здесь, подле священного дуба Хороса, она уловила поток силы, какой утекал куда-то в сторону. Вот и пошла по нему, будто хищник по запаху дичи. Даже подумалось по пути: не Жерь ли эта высасывает силу из священного места?

Чародейка сначала шла по обжитым местам, селище и крепостицу местную миновала, тропинка вилась мимо засеянных горохом полей, потом мимо пасеки, где гудели пчелы. Но обжитые места вскоре остались позади, дальше рос лес, густой, мало хоженный, дичи тут водилось множество. Один раз Малфрида повстречала охотника с тушкой фазана на поясе, который предупредил одинокую бабу, чтобы к заводям дальним не ходила, мол, неладно там, и люди, и скотина пропадают, но Малфрида лишь отмахнулась. Ведь она же не была ни скотиной, ни человеком. То есть человеком все же была, но давно уже поняла, что есть в ней нечто особенное, что отличает ее от простых смертных.

Местность становилась все более дикой и глухой; кусты вставали подобно стражам, приходилось просто продираться сквозь заросли бузины и терновника. Ведьма порой раздвигала их силой заклятия, прокладывая себе путь. От этого треска испуганно разбегалась обитавшая в чаще живность, разлетались лесные птицы, испуганно кричала выпь, недовольно хрюкнув, потрусил прочь дикий кабан, раз даже бурый медведь заворчал где-то гневно. Малфрида задержалась, давая пройти косолапому. Отчего-то она страсть как не любила медведей. Была в них какая-то враждебная ей сила, с какой не так-то просто совладать. Уж лучше в стороне держаться.

Солнце все ниже склонялось к верхушкам деревьев, когда она наконец пробралась к заводям низинной Хортицы. Надо же, на острове, в возвышенной части, есть и святилище, и селение, и лады причаливают, а тут словно другой мир – безлюдье, тишь, дремучесть. И повсюду ощущается совсем иная жизнь, чувствуется присутствие существ, не похожих на обычных животных и людей. Малфрида стояла, замерев на месте, прислушивалась, приглядывалась. Вон болотник прошелся по заводи, только тень его корявую и разглядишь, зато слышно, как шлепает по воде лапами-плавниками. А вон водяной дух анчутка появился, тот, что стылый воздух у болота удерживает. Плавников у анчутки не имелось, по сказанию, волк ему их некогда откусил, и с тех пор бродит эта мелкая нечисть по затопленным бережкам на цыпочках, но при этом помогает себе держаться мелкими, быстро машущими крылышками, перепончатыми, как у летучей мыши. Но это Малфрида разглядела лишь после того, как анчутка присел рядом на коряге, стал рассматривать нежданную гостью выпуклыми белесоватыми глазками. Мордочка у него продолговатая, на конце пяточок, как у хрюшки, которым он шустро водит, принюхиваясь. Он наострил ушки – что-то, видать, его обеспокоило, после пискнул, как болотная птица, нырнул в заводь, только круги пошли по тихой воде. Зато вскоре ведьма высмотрела иное диво дивное: будто свет появился за деревьями на противоположном берегу и медленно приближался. Она увидела, как движется сквозь густую чащу всадник на высоком коне, каким-то чудом проходя сквозь кусты и заросли, протекая сквозь них призраком бестелесным. При этом всадник испускал сияние: светился его шлем островерхий, как у витязей Святослава, доспехи чешуйчатые то

мерцали ярко, то гасли. И конь под ним, медлительный и величавый, розовато-прозрачная грива его до самой земли ниспадает, растворяясь в сыром вечернем тумане.

Сияющий витязь ехал, опустив голову, будто в печали или задумчивости; вот стал исчезать во мраке леса, блеснув еще пару раз светом, – словно закатный луч неожиданно пронзил глухую чащу – и исчез, как и не бывало его.

– Надо же! – восхитилась ведьма. – Ранее слыхала о таком, но видеть никогда не видела. А ведь мне сказывали, что только в самых волшебных местах можно встретить трех братьев, сынов Хороса – Зорьку, Вечерку и Полуночку. Вечерку я поглядела вот. Гм. Интересно, если до темноты тут пробуду, то и Полуночку повидею?

– Да ты лучше на меня взгляни, красавица, – услышала она за спиной негромкий мужской голос с придыханием.

Ведьма оглянулась, но после горящего всадника Вечерки только круги света поплыли перед глазами на фоне темного леса. Обычно она хорошо видела во мраке, но теперь даже ее колдовскому зору пришлось привыкать к темноте. Когда же Малфрида вновь стала все различать, она заметила нечто странное: только что проложенная ее чарами тропа исчезла, кусты поднялись, сцепив ветки, а два стоявших позади толстых дуба приблизились, двигались незримо, будто норовя столкнуть ее с сухой кочки на топкую низину.

– Что, страшно тебе, девица? – услышала она все тот же голос с придыханием. – Давай руку, помогу тебе. Мне красавицы всегда любы.

И тут Малфрида заметила, как из находившегося в одном из дубов дупла выглянул улыбающийся раздетый молодец. Казался он ладным таким, пригожим: тело литое и крепкое, только слишком белое, да и лицо с тонкими чертами бледное, светлые длинные волосы, разделенные на пробор, как у какого волхва, откинута пушистой гривой за плечи. Незнакомец подался вперед, протянул руку. Улыбка у него была почти человеческая, но Малфрида знала, что человеком он не был.

Мощные кряжистые дубы уже находились совсем близко, давили, наступали, и Малфрида вскинула руку, ухватившись за длань улыбающегося незнакомца. Но тот неожиданно вскрикнул, как от боли, отпрянул от нее, трясая кистью, будто обжегся. И Малфриде пришлось самой податься к нему, подскочить, пока ее колдовские деревья не опрокинули. Она схватилась за толстую ветку дуба, уселась на ее изгибе, устроившись поудобнее. Это было непросто; невысокий, но мощный дуб словно содрогнулся от верхушки до основания, огромные ветки затрещали, как трещат деревья при сильном морозе. И там, где сидела ведьма, рубчатая кора побелела, покрываясь ледяной корочкой, листья зазвенели в иinee. Малфрида поняла, что опять от нее холод распространяется. Почему это случается, она не совсем понимала, но заметила, что происходит это, когда она сильно волнуется или боится чего-то. Но боится ли она? Малфрида несколько раз глубоко вдохнула, успокаиваясь, заставила себя улыбнуться.

– Что, обожгла тебя? – почти ласково спросила у красавца из дупла. – Ты уж прости.

Незнакомец перестал дуть на покрытые волдырями пальцы и осторожно покосился на нее.

– Да уж, и холодом можно обжечь не хуже, чем огнем. Как же это я сразу не распознал, что ты чародейка, я бы и трогать тебя не стал. Хотя и хотелось... Сказал же, мне красавицы ох как любы.

Малфрида смотрела на недогадливого. Ишь, за девку ее простую принял. А ведь глаза ее мерцают желтым колдовским светом, волосы вокруг лица шевелятся, будто живые. Но теперь, когда не волновалась уже, от нее повеяло обычным теплом, ее ведьмино очарование – жутковатое, но и манящее – вновь было при ней, и бледный незнакомец даже заулыбался, любуясь.

Малфрида приблизилась и заглянула в дупло, будто хотела рассмотреть его наготу. Но, как и ожидала, увидела, что на уровне бедер его тело переходит в длинный чешуйчатый хвост, уходящий куда-то в темноту древа.

– Так-так. Выходит, ты и есть Змиулан, повелитель змей, который с самим Перуном во вражде.

Когда она назвала его по имени, Змиулан даже приосанился. На его челе замерцал богатый венец, на груди и запястьях появились дивные украшения.

– Да, я царь змей. И любитель красивых женщин. Против меня мало какая устоит, ибо я и хорош собой, и ласков, и богатство дарю той, что полюбит меня и родит от меня ребенка.

– Но ведь твои дети рождаются лишь для того, чтобы воевать с Перуном? Ха, что-то давно я не слышала о подобном, чтобы твои порождения не выступали против Громовержца небесного. Или сила твоя любовная иссякла? – дерзко хохотнула чародейка.

Вообще-то, смешного было мало. Та любовь к женщинам, которой гордился Змиулан, несла его возлюбленным не только радость и богатство, но и смерть. Зачинали-то от царя змеиногo смертные бабы легко, жили с ним в любви и согласии, но потом родами все и помирали. Ибо ни одна не выживет после того, как родит огненного змея. Причем змеи были обычно трехглавые, а то и двенадцатиглавые, какие потом разлетались по свету, неся разорение и огонь, осмеливались нападать даже на Перуна, а тот раз за разом убивал их, разя молниями. В древности, как легенды гласили, находились даже отчаянные смельчаки, рубившие гадам головы и получавшие за то особую милость от подателя побед Громовержца; выходили против огненных змеев и чародеи, заколдовывали, заставляли замереть навечно, камнями и даже горами их придавливали. Но в последние годы о таком мало кто на Руси слышал. То ли сильнее почитали Перуна и тот вознесся слишком высоко и стал столь силен, что мог вмиг погубить порождение Змиулана, то ли люди разогнали их, то ли красавицы уже не верили пригожему Змиулану. А может, и впрямь плодородных сил у него поубавилось?

Вот об этом и спросила красеня из дупла ведьма.

– Не твое дело! – огрызнулся Змиулан. – Но вот что я тебе скажу, кудесница: чужую сильную веру стали многие принимать, а к чему это ведет, ты и сама поймешь, если не совсем глупа.

У Малфриды вмиг исчезла улыбка. Лицо стало злым.

– Значит, и ты христиан побаиваешься? Забился тут в дупло, живешь в глуши. Нет бы пойти в селища, в веси дальние да породить столько змеев, чтобы они пожгли огнем христиан поганых!

– Моими детьми хочешь победу над их Богом выложить? – почти по-змеиному зашипел Змиулан. – А что же сама их не трогаешь? В тебе ведь еще горячая кровь, хоть и холодом лютым порой веешь. Что же ты хочешь от меня, холоднокровного змея? Или не научили тебя, что азарт и раж Ярила только смертным дает? А я что? Мне и тут хорошо – тепло и сыро. Что еще пожелать можно?

Сумерки уже почти сгустились, но ведьма с ее острым зрением неожиданно заметила, что Змиулан стареет прямо на глазах. Лицо его стало не просто унылым, но и пошло морщинами, в глазах появилась некая накопленная за века усталость. И от этого Малфриде сделалось грустно. Она перевела разговор на то, зачем сюда пришла: спросила про Жерь, о том, сможет ли Змиулан покинуть свое дупло, чтобы проводить ведьму к Жери?

– А не побоишься Жериной силы? – Старческое лицо Змиулана вытянулось. – Жерь ведь немалую мощь тут скопила. Она и охранительница Хортицы, и ведунья великая, и всем существам тутощним силу дает, подпитывает, когда добрая. Но когда ее зазря тревожат... Ну, не по нраву ей это, скажем так. Потому ее и волхвы солнцели кого Хороса не осмеливаются беспокоить, давно не приходили. А местные смерды сюда и заглянуть опасаются. Ибо Жерь – это Жерь. Пока это диво дремлет, все в ладу на Хортице. Вот и мне тут хорошо подле нее. Правда, баб не хватает. А без плотских утех я стареть начинаю, как все мы, когда теплой крови рядом нет...

Он грустно замолчал. Малфрида даже пожалела его. Вон как пригож лишь недавно был, а теперь... Дивная корона все еще мерцала на голове повелителя змей, но волосы уже

казались не просто светлыми, а седыми, мешки под глазами набрякли, нос повис уныло. Старец старцем, и, похоже, теперь это его истинный вид, а не того светлого красеня, какой изначально хотел приманить ее к себе в дупло.

Змиулан наконец выбрался из дерева, причем, вылезая, для удобства даже хвост в ноги обратил, но перелазил как-то по-старчески, кряхтел, сутулился, колени его распухшие дрожали, длинный уд обвис жалко. Но, заметив взгляд ведьмы, Змиулан будто застыдился своей наготы и немощи, вновь ноги его сошлись хвостом – длинным, чешуей отливающим, сильным. Опираясь на него, змеиный владыка прополз к затаившейся в камышах лодке-долбленке, устроился на ее носу, уютно свернув хвост кольцами, а чародейке жестом приказал садиться и плыть. Она взяла длинный шест, оттолкнулась от берега, но озеро было глубоким, пришлось взяться за весла. Змиулан грести наотрез отказался – все же он царь как-никак.

Грести оказалось неожиданно трудно. За весла цеплялись водоросли и длинные стебли кувшинок, которых тут было превеликое множество. Змиулан поглядывал на отдувающуюся и шлепающую налетевших комаров чародейку с насмешкой, но в то же время с любопытством. Она вскоре поняла, что его интересует: в сумеречном вечернем освещении, в темной, полной водорослей воде порой появлялись худые белые руки утопленников... или кикимор болотных. Одна такая тощая длинная ручища схватилась за весло, стала тянуть, с другой стороны иная кикимора сильно качнула узкую долбленку. И хоть от невольной нахлынувшей жути захотелось истошно заорать, Малфрида сдержалась, а страх перевела в ярость. Поэтому в какой-то миг бросила весло и поймала водяную кикимору за волосатое холодное запястье. Болотные жительницы не сильно увертливые, вот и эта, попавшись, только заверещала пискливо, когда ведьма рывком подняла ее из темной воды, потрясла, как пес треплет тряпку в игре. От крика кикиморы другие сновавшие среди водорослей болотницы кинулись прочь, только забулькало в густой ряске. А пойманная все пищала совиным криком, сучила слизкими лапами, с которых капала вода.

Змиулан остался доволен. Ему в его тихом одиноком существовании в дупле было забавно наблюдать такой переполох. Он только подивился, как это он сперва ведьму за заблудившуюся девку принял. Ну, в шерстяной тканке крашеной она, ну косы, как у девки какой из селища. Однако теперь он понял – она вовсе не человек, в ней иная кровь течет!

Кикимора, перестав криком совиным исходить, вымолвила наконец:

– Я Жери пожалуюсь!

Ее угроза казалась смешной, ведь сама выглядела, как мокрый ком тополиного пуха или пучок растрепанного белого льна, с которого стекает вода. Извиваясь, она вопила:

– Жерь никому шалить в своих владениях не позволит! Он тут хозяин!

«Так Жерь она или он?» – гадала Малфрида, отбрасывая кикимору подальше в заводь.

После этого раскачивать и задерживать лодку уже никто не посмел. Но весть о том, что в низинных заводях острова шалит чужая колдунья, тут же разошлась. Отовсюду слетелись поглядеть на нее беспяточные, мелко машущие крылышками аники – в потемках их можно было с летучими мышами спутать, – мавки местные замелькали за деревьями, где-то вынырнул и опять пошел на дно водяной – зеленый и раздутый, как мех с вином. Наверняка они уже донесли Жери, что гостя чужая едет.

Но даже если та и знала о появлении чужачки, то препятствовать ей не стала. И Малфрида увидела Жерь, когда свернула по протоке за поросший растениями завал из павших в воду бревен. Поначалу просто свет различила в дальнем конце длинного озера, да и какой свет! Уже издали можно было видеть живую и мертвую водицу, отсвечивающую во мраке то розовым, то голубым. А саму Жерь Малфрида сначала приняла за огромный гладкий валун, приваленный к берегу. Да и то не сразу обратила на нее внимание, больше отвлеклась на хороводы, которые водили по мелководью у берега русалки-лобасты. Луна уже появилась, всплывала, и в ее белесом свете были видны бледные силуэты этих камышовых девушек, даже слышалось их заунывное пение. Лобасты тростниковые, в отличие от обычных русалок, имеют не хвост, а ноги, одеянием им служит болотная трава, длинные волосы тоже переплетены растениями, а собой

камышовые девушки кажутся необыкновенно пригожими, вот только если бы не были так печальны, если бы их замершие бледные лица не были такими унылыми. Редко когда лобасту может что-то развеселить, ну разве что полюбит такую человек с настоящей горячей кровью. Ибо от любви смертного лобаста оживает и расцветает, да только ее любовь никому счастья не приносит. Пусть лобаста и любит крепко, но все больше ревниво да с обидой. И в итоге, не столько нарадовавшись, а все больше исстрадавшись, обычно утягивает возлюбленного под холодную воду. А чего страдают? Да трудно им дается людская, полная тягот жизнь – в полутемном подводном мире им лучше. Сейчас же лобасты вели хоровод по приказу Жери, которая даже помахивала толстой округлой рукой в такт их медлительному кружению, поводила огромным белым плечом.

Малфрида глаз от нее не могла отвести. И гадала, как обратиться к Жери, – как к бабе или к мужику? Ибо это огромное, расплывшееся и будто наполненное влагой существо было скорее сродни водяному, чем человеку. А ведь Змиулан по пути все же упредил, что Жерь некогда была человеком, да только живет она столько, что уже давно человеческий облик потеряла. И сейчас Малфрида вглядывалась в ее обрюзгшее и отекавшее лицо, ниспадавшее складками подбородка на плечи и грудь, на ее длинные зеленоватые волосы, больше походившие на тину, да и сама она была вся в тине, казавшейся то ли истрепанной одеждой, то ли позеленевшей от сырости шкурой какого-то дикого зверя. Нижняя половина тела Жери оставалась в воде, а верхняя располагалась между стекавших в воду родников чародейской воды. Жерь сидела между этими светящимися струйками, будто оберегая от всех и всякого.

– Ты привез ко мне гостью, Змиулан? – подала наконец голос Жерь, и был он глухой и низкий. – Зачем?

– Ну, чтобы скуку-тоску развеять, – отозвалась за змеиного царя Малфрида.

Она направляла нос лодки прямо на хоровод русалок, и те потеснились, давая проход к Жери. Теперь совсем близко Малфрида видела ее огромное лицо, растянутые черты, широкий, как ладонь, нос, бледные губы, отекавшие веки, под которыми почти не было видно глаз.

Похоже, громкий голос Малфриды заинтриговал Жерь, та даже подалась вперед, всколыхнувшись своим необъятным водянистым телом. «Баба все же, – подумала ведьма, различив под тиной расплывшиеся округлости груди. – Или все же мужик?» – засомневалась, заметив богатырский размах плеч, мощные, как у хорошего бойца, руки, покрытые густой зеленоватой порослью.

В итоге Малфрида решилась и спросила это чудище, как к той обращаться, – как к женщине или мужчине. – А я уже и сама не помню, – глухо отозвалась Жерь.

«Баба», – удовлетворилась Малфрида, услышав оброненное чудищем слово «сама». Но, похоже, Жерь это и впрямь не интересовало. Она на миг приподняла веки, сверкнув бледно-желтоватым светом колдовских глаз, а потом опять ее лицо приняло потухшее, равнодушное выражение, стало неподвижным, как оглаженный водой (или временем) валун.

Малфриду невольно передернуло. Подумала, что ничего более отвратительного, чем Жерь, она и не встречала. Казалось бы, какой только облик нелюди не имеют – и корявые бывают, и бородавчатые, и лохматые, и слизкие. Но все это казалось нормальным, так как все они были или холоднокровными, как лягушки, либо сухими и бескровными, как дерево или травы. В Жери же чувствовалась остывшая теплая кровь, как будто в заолодевшей до состояния студня наваристой ухе. И это казалось наиболее странным. Вроде как и человек... но какой же она человек?

– Это ты тянешь силу от древа Хороса на Хортице? – сразу приступила с расспросами ведьма, едва нос лодки уперся в берег в паре шагов от огромной Жери.

– Тяну, – глухо согласилась та.

И опять застыла, погружаясь в дрему. Но Малфрида ее не оставляла, теребила, спрашивала, зачем забирает чародейство из святилища, да еще посвященного самому Хоросу ясному? Ведь если Жерь рождена волшебницей, то ей колдовскую мощь должны давать и Перун небесный, и Стрибог ветрами проносящийся, и Леля весенняя, когда та

отогревает землю после холодных дней Морены зимней. Малфрида спрашивала, а Жерь лишь похрапывала в своем сонном полузабытии. Малфрида стала злиться и весьма бесцеремонно ткнула ее в бок деревянной лопастью весла. При подобной дерзости даже тихие лобасты заахали и отпрянули, Змиулан отпрыгнул в сторону и поплыл прочь по воде, только длинный змеиный хвост за ним заструился, а полусухие коряги-пушевики на берегу заскрипели, раскачиваясь. Но Жерь только икнула, повернула громадную, сужающуюся кверху голову.

- Что это было?

- Угадай, раз такая разумница!

Малфриду тут все раздражало: и унылые лобасты с их протяжным приглушенным пением, и эта бабища тупая. Она-то рассчитывала мудрую чародейку встретить, а эта... Просто какая-то глыба застывшего мяса.

- Я сейчас уеду, - сказала Малфрида. - Скучно тут у вас, ни тебе игрищ нелюдских, ни забавных проделок нежити. А у наших костров сейчас ушицу горячую разливают, медовуху пьют, здравицы говорят, песни поют. Тамлюдно и весело, ибо тут остановилась со своим караваном сама княгиня Руси Ольга. Я ей служу, потому что мне любо среди людей, вот и согласилась сопровождать правительницу в дальние пределы, мир хочу поглядеть, пока вы тут в заводях сонно переваливаетесь.

- Подумаешь. - Жерь неожиданно подняла тяжелые веки. - Я тоже бывала в разных пределах, таких, как тебе, чумичка, и не приснятся. Но то было давно... Да и чего еще там смотреть? А тут у меня водица живая и мертвая под рукой, силы со святилища меня подпитывают. И здесь спокойно. Что еще надо? Когда ты, глупая, столько лет, как я, проживешь, тоже поймешь, что вся эта суета людская... одна морока.

- Может, и морока, но это и есть жизнь. А ты хоть и подпитываешь себя, но не живешь. И если была когда-то человеком, то теперь ты нежить.

- И ты такой однажды станешь, - глухо хохотнула Жерь, и в горле у нее заклокотало. - Все такими рано или поздно становятся. Я лишь одного знаю, кто, даже истлев полностью, еще желания не утратил. И он силен. Так ты его дитя? - Будто удивившись, Жерь наконец распахнула желтые глаза. Но они тут же стали гаснуть, ибо Жерь вновь начала погружаться в дрему.

- Чье? Ты знаешь, чье я дитя? - спросила Малфрида тихо и настороженно.

Внезапно ей стало страшно. Она знала свою мать, но ничего не ведала об отце. Ну, нагуляла ее некогда на Купальском гулянии любвеобильная матушка, сама даже не ведала, от кого. А Жерь с ее древней мудростью, похоже, знала. Но сообщать не собиралась, вон даже похрапывать сонно стала. И зачем ей силы колдовские, зачем дающая вечность чародейская вода, если она не живет?

- Нет, я живу. - Вздутая Жерь, будто угадав мысли гостыи, опять подняла свое большое лицо. - Во мне и тела людского уже не осталось, но я живая. А вот ты, если поедешь и дальше с княгиней, можешь и помереть мучительно. А может, и не померешь... Воды жизни никогда не текут единым потоком, часто меняют русло, если кто в силах их одолеть. А вот то, что княгиня твоя едет за великим злом, - этого уже не изменить. Ибо княгиня сама так решила. Или еще решит. Но одно я знаю - она привезет с собой то, что разгонит всех нас. Если ты и впрямь чародейка великая, какой себя возомнила, то вот что сделай: погуби свою покровительницу княгиню.

- Но ведь и ты мнишь себя великой, - склонив голову, заметила Малфрида. - Такой великой, что я для тебя всего лишь чумичка. Почему же сама не разделаешься с княгиней и ее дружиной, ее спутниками и охранниками?

Спросила, а самой страшно сделалось. А вдруг и впрямь Жерь залютует да натворит бед?

- Не залютую, - вяло отозвалась та. - Зачем? К чему все это? Столько усилий... Я уже сделала все, что когда-то хотела. Теперь твой черед. Но если повелительница твоя... Ольгой зовущаяся... Что сказать-то я хотела? Ах да. Погубить она тут нашу силу может. Гм. Даже любопытно, как это будет... Или не будет...

Она говорила все медленнее, все невнятнее.

– Эй ты, чудище! – Малфрида даже потрясла веслом перед Жерью. Так и хотелось огреть им эту глыбу по башке.

Поняла ли ее желания Жерь или окрик ведьмы опять вывел ее из дремы, но она зашевелилась, переваливаясь, вновь поглядела на дерзкую. И что-то все же поменялось в ее застывшем лице – если эту рожу еще можно было назвать лицом.

– Убила бы тебя, – произнесла Жерь, – но не трону. Все же ты порождение того, с кем я в ладах, кого некогда сама же и учила чародейству. Ох, ты! – Она вдруг всколыхнулась всем огромным телом, так что земля заколебалась, заводь тихая пошла волной, а медлительные лобасты ринулись кто куда, спрятались в камышах. – А ведь ты меня разозлила! – произнесла Жерь удивленно. – Очень сильное чувство! Давно уже такого не помню. Что ж, убивать тебя я не стану, а даже расскажу кое-что: некогда я была прекраснее тебя во сто крат. Ты – что? Ты обычная. А из-за меня войны великие начинались, меня называли не иначе, как Прекрасная, в иных краях и вовсе божеством считали, называли Триликой и меняющейся, жертвы клали мне на алтарь. Порой я вспоминаю это... Но больше ничего не хочу...

– Послушай, – прервала ее ведьма, – если не желаешь сказать, кто мой отец...

– Не желаю, – буркнула Жерь. – Я вообще ничего не желаю. Ибо желать – это так трудно! И зачем мне кого-то губить, если знаю, что однажды они сами тут полягут, что кровью покроются кручи Хортицы. И погибнет тут воитель великий, тот, кем Русь в веках будет гордиться и поминать. А дикие люди степей из его черепа сделают чашу для пиров и будут смеяться, лакая из нее. И ничто его не спасет, даже водица живая. Ибо и воды уже тут не будет. И это так безнадежно... так скучно. А княгиня твоя... Э... Спрашивается, зачем ты ищешь для нее чародейскую водицу, если она ей уже надоела? Я вон некогда куда больше продержалась. Но и мне однажды стало скучно... однообразно... спокойно... спасть... спать... покой...

Последние слова Жери вырвались клочкотанием, зоб ее трясся, подрагивая, она осела в воду, пузыри пошли.

«И как такое не захлебнется тиной? – с отвращением думала Малфрида. – Еще и Прекрасной ее называли! Кто на это чудище взглянет без отвращения? Ишь, жить ей еще хочется, воду чародейскую подле себя держит. А сама уже давно мертва!»

Малфриде вдруг нестерпимо захотелось уйти. Она выбралась на берег и, высоко подпрыгнув, уже в воздухе договаривая волшебное заклятие, превратилась в птицу-сову. Летела над притихшей чащей низинного края Хортицы, видела в лунном свете кудрявые вершины деревьев, потом поля засеянные, дымки над шапками кровель избушек, частоколы крепостцы, ограду капища, огни на берегу, где собрались люди княгини. И так радостно было вернуться к своим! Радостно и удобно вновь стать человеком, потянуться всем сильным, молодым телом! Вот это и есть жизнь – с ее стремлениями, неожиданностью, силой! А если без этого... То останется только клочкотание в тине.

И все же Малфрида была слишком поражена тем, к чему столь долгая жизнь может привести. Она никогда не задумывалась об этом, она наслаждалась житьем-бытьем, радовалась и страдала. Вот и сейчас она пойдет к кострам, где слышен перезвон струн и взрывы смеха, сядет подле кого-нибудь крепкого и горячего, прижмется плечом... Это все люди, не какой-то Змиулан хвостатый. С горячим парнем куда слаще любиться, нежели с нелюдью. Однако... нельзя! Она еще службу свою не выполнила, еще княгиню не проводила в далекий край.

Малфриде вдруг захотелось пойти к Ольге, поговорить. То, что в своем сонном полузабытьи клочкотала Жерь, взволновало ее, и надо было предупредить княгиню, чтобы та знала: однажды этот остров может стать гибельным для русов.

Но когда Малфрида вышла к кострам, о дурном думать уже не хотелось. Ее усадили у огня, накормили горячим варевом, она смеялась шуткам, пела со всеми под гусельный перезвон, потом смотрела, как Свенелд повел в танце красавицу Милосладу Смоленскую. Княжна просто светилась, радуясь, что с самым удалым воеводой пляшет, игриво наступала на него в танце, раскинув руки, будто предлагая себя или маня. А что,

она знатного рода, о ее красе песни бояны слагают, а Свенельд вон уже сколько лет хозяйку в свой терем не введет. Пусть же поглядит, какова она, княжна Милослада Смоленская, а там и подумает хорошенечко. Может, и сладится у них.

Но не успела княжна запыхаться от пляски, как по знаку молодого князя игравший гуслир вывел совсем иной ритм, струны его зарокотали урывками, и сам Святослав, бритоголовый, полураздетый, с обнаженным клинком в руке, вышел на освещенное пламенем костров пространство, завертел подаренной Курей сабелькой так, что она превратилась в одно сплошное свечение вокруг него. Это были и танец, и мастерство оружейной защиты. Примеру князя последовали дружинники. А затем пошел новый пляс, посвященный Перуну, когда витязи, без доспехов, с одними клинками, прыгали в высоких скачках, проносились друг против друга, ударяя оружием по подставленным клинкам других пляшущих. Это была полная смелости пляска-битва, в какой воины, войдя в раж, показывали, что им дорого в сече. Дружно выкрикивали они имя Перуна, блестели от пота их тела, и не хотелось останавливаться, ибо все это было им любо!

Вот это жизнь! Малфрида сама оживилась. После того как в чужом обличье столько пролетела, казалось бы, утомленной должна быть. Но какое утомление, если вокруг такое творится! И она с некоторым сожалением отошла от костров, направилась к шатрам, где должна была отдыхать Ольга. Но там княгини не было. Зато Малфрида заметила в лунном свете за одним из шатров обнимающуюся парочку. Надо же, жена Глеба, княгиня Сфандра, упоенно целовалась с пригожим Блудом! Дома-то за ней все следили, все же невестка великой княгини, мужнина жена. А тут, в пути, отчего бы и не расслабиться маленько, не потешиться с красивым дружинником.

– Я княгиню ищу, – сказала Малфрида, когда при ее приближении Сфандра и Блуд отпрянули друг от друга. Заволновались, угрожать даже принялись, что-де если она донесет...

Малфриде стало смешно. Неужто княгиня сама о гулящих проделках невестки не ведает? Но ведь если пьющая годами чародейскую воду Сфандра не может понести, то зачем Ольге и переживать, что нагуляет жена Глеба на стороне?

В конце концов любовники успокоились, сказали, что княгиня опять со своим христианином Григорием, урок греческого берет у него, как обычно.

Малфриде не хотелось встречаться с попом, но, когда шла вдоль кораблей у берега, все же увидела его. И где! Священник и княгиня сидели на «Оскаленном» почти рядом с палаткой Ольги, там, где в заповедном ларце княгиня хранила чародейскую живую и мертвую воду! А там, где христианин и вода...

Ведьма даже взвыла с досады. Кинулась бежать, а как заскочила на ладью, так и налетела на них, княгиню оттолкнула, а на Григория вообще кошкой дикой набросилась. Пока за борт в воду его не столкнула, не успокоилась, даже прибежавшие по оклику княгини стражи не могли ее уговорить. По сути, Малфриде раз плюнуть, чтобы раскидать их, но в гневе и пылу она даже колдовать не смогла. Или это присутствие священника сил ее лишало? Вон, стоит в воде, крестится, бубнит что-то. И что он за человек такой, что и ей с ним трудно приходится? А Ольга его еще сюда, на свою ладью, покликала. Греческий она учит – туды ее, рассуды!

Ругань ведьмы окончательно рассердила княгиню. Стала уже отдавать распоряжения, чтобы наказали дерзкую, но священник удержал.

– Не гневись на нее, Ольга пресветлая, – сказал, выходя на берег и выжимая из подола сутаны речную воду. – Будь милосердна, ибо не ведает она, что творит. Что с такой взять? Дикая она, полоумная.

Наверное, в глазах Ольги Малфрида и впрямь смотрелась дикой и полоумной. Тем не менее княгиня, когда все разошлись, удосужилась спросить поникшую чародейку, отчего та ведет себя, как кликуша подзаборная?

– А ты сама подумай, княгинюшка, – со вздохом отозвалась Малфрида. – Ты ведь едешь великий ряд заключать с ромеями, ты их подкупить живой и мертвой водицей надумала. Но мало ли что с водицей приключится, когда христианин рядом? Сила-то христианская – всему вред.

Ольга медленно поднялась. Стояла в лунном свете, прямая и напряженная, облегающее ее тонкое покрывало будто застыло каменными складками, столь была неподвижна.

– Да неужто?

Она кинулась в шатер, разыскала припрятанный ларчик с волшебной водой, но, как и обычно, без чародейского слова Малфриды открыть его не получалось. А обиженная ведьма слушаться Ольги не пожелала, ушла прочь.

Но ночью, когда на ладье даже стражи уже подремывали, Малфрида сама заглянула под полог палатки, достала ларчик заветный. Распахнула и стала перебирать склянки. Да, и впрямь одна из склянок светиться перестала – не прошло без вреда присутствие христианина. Хорошо, одна только погасла, могло и хуже быть. И хоть Ольга сама была виновата, но гнев на священнике не преминет сорвать. И поделом ему, длиннополому!

Но потом ведьма подумала, что ссориться Ольге с христианином не ко времени, это повредить может всем ее планам. Поэтому достала из калиты напоясной приворотное зелье, какое печенежский шаман приготовил, поглядела на его слабое розовато-желтое свечение. Живая водица немного иначе светит, ну да в этом еще разбираться надо, чтобы различить.

Она налила приворотное зелье вместо погасшей живой воды, уложила в ларчик. На первый взгляд, не сильно оно и отличалось, так что пока сгодится. И хотя ведьма теперь знала, где достать на Хортице настоящую чародейскую водицу, но возвращаться к стылой Жери и ее источникам совершенно не хотелось. Ей вообще хотелось забыть Жерь и все, что с ней связано.

Глава 6

Корабли уплывали все дальше...

Ольга стояла, опершись на высокий борт ладьи, и вспоминала прощание с сыном. Думала: как-то ее молодец править будет? Сумеет ли? Сам молодой князь не волновался. Он переговорил перед отъездом с Малфридой, помахал матери рукой и ускакал.

Княгиня тогда ощутила болезненный укол в груди: почему сын не родимой сказал последнее слово, а чародейке? И что в той Малфриде, почему все дорогие княгине мужчины ведьму предпочитают? Вон и Игорь некогда по ней с ума сходил, Святослав души в ней не чаёт. Свенельд тот же...

Ольга ощутила в глубине раздражение на ведьму. И сама за то себя осудила. Ведь верна ей Малфрида, хорошо служит, советы дельные дает. Хотя порой и скажет нечто непонятное. Когда уплывали с Хортицы, ведьма неожиданно сообщила, что однажды тут сложит голову великий воин-рус, а печенеги сделают из его черепа чашу, будут пить из нее на пирах. Ольгу даже передернуло от подобного. Потом призадумалась: никто из известных ей хоробров на Хортице не служил. Хотя и неплохо было бы своих витязей там расположить да оберегать богатый остров. Но когда до того руки дойдут? Да и позволят ли местные ведуны, не обидится ли местный люд с Хортицы?хлопотно все это. Пока же Ольга спросила, может ли Малфрида поворожить да узнать, кто погибнет на острове? Лицо ведьмы сделалось напряженным. Почему-то ей страшно было узнавать это, не хотелось. Вот и сказала:

– Нет, не могу.

– На нет и суда нет, – отмахнулась княгиня.

И впрямь, чего голову морочить? У нее сейчас иные дела, иные заботы, за всем не уследишь.

Ольга сказала негромко по-гречески:

– Βαριά είναι η ζωή μου, αλλά αυτό είναι δικό μου.

Княгиня теперь все чаще заставляла себя произносить слова на чужом языке. Ей хотелось постичь чужую речь, понимала, что ей это пригодится даже более, чем все переводчики ученые. Поэтому, несмотря на обиду Малфриды, княгиня опять приблизила к себе Григория, усердно занималась с ним, они часто разговаривали на греческом, и Ольге было радостно, когда тот хвалил ее за усердие в овладении языком. Правда, после того как Малфрида дала понять, что именно присутствие христианина может погасить живую воду, Ольга отдала ларец на другую ладью, доверив его невестке Сфандре. Эта сохранит, она давно в семье и проверена верностью. Не той верностью, чтобы Глебу не изменять, а именно роду, от Рюрика идущего, предана. Вот пусть и оберегает ларец. Кажись, и Свенельду можно воду доверить для охраны, но вот именно ему Ольга не решилась такое чудо дать. Этот красавчик всегда выгоду свою блюдет, да и до воды живой больно жаден. Он даже в годы, когда древляне врагами Киева были, не отказывался стоять у них посадником, только бы к водичке чародейской поближе быть. А теперь, когда на Руси вода исчезает, она ему что соколу небо – без этого и жизнь не жизнь. В чем-то Ольга его понимала: тот, кто привык долго молодым быть, страшится измениться. В этом страхе есть нечто слабое, некая зависимость, оторопь при мысли о смерти. И хотя любому из живущих ужасен жизненный конец, но тому, кто знает, как его отложить, невыносимо думать, что все может закончиться. И это при том, что и сама долгая жизнь кажется сном – нет особой радости, нет сильных желаний, страсти утихают. Это Свенельд не научился радоваться жизни, ну да он пока не стар, годочков сорок ему с небольшим, еще жить и жить, хватая каждый миг полными горстями. Вот пожил бы он с ее годы, тогда бы и познал, как от прожитых лет усталость появляется, краски жизни гаснут.

Княгиня поглядела на корабль варяга, увидела подле него чародейку свою. Малфрида перебралась на драккар, едва Ольга объявила, что подле нее на ладье поплывет отец Григорий. Тогда ведьма выглядела обиженной, даже сердитой, а теперь вон хохочет со Свенельдом, оба такие молодые, чародейская вода для них только забава да краса

телесная. А ведь и впрямь хороши: что рослый светловолосый варяг, что смуглянка Малфрида с растрепанными на ветру волосами. Глядя на них, Ольга почувствовала, как в сердце шевельнулось что-то подзабытое и важное. Ревнивое. И опять подумалось: отчего все так к ведьме этой прикипают? Что, девок вокруг краше нет? Вот Милослада Смоленская уж как глазки Свенельду строила, а теперь сидит, надувшись, губы кусает. Ей тоже обидно, что Свенельд не ее к себе на драккар покликнул, а чародейку беспутную.

До Ольги опять долетел веселый смех варяга и ведьмы. Казалось, что и в самом деле обхаживает красавца Свенельда своенравная Малфрида. Она вон от Малка ушла, хотя и твердила, что любит мужа. Да она и Свенельда некогда любила. Может, вновь захотела кого под бок, такого же сильного и имеющего возможность ее защитить? Ибо, как бы ни гордилась своей силой чародейка, Ольга поняла ее страх перед миром. Чужая здесь Малфрида, поэтому и исчезает порой невесть куда. Но и без людей ей неведомо. И Ольгу она ценит как раз за то, что та может ее защитить от людей.

Отец Григорий порой ворчит:

– С кем ты связалась, княгиня? Темная она, разве сама не видишь? И куда с такой в христианскую державу ехать? Разве можно?

Ольга не понимала – отчего же нельзя? Спросила Григория, тот лишь отмахнулся: сама все поймешь, когда в Константинополь приедем. Это озадачило княгиню. Поэтому, тревожась из-за непредсказуемой чародейки, она и надумала взять к себе еще одного ведуна. Это случилось, когда они уже были в землях племени тиверцев, какие жили по нижнему течению вдоль Днепра. Некогда это было свободное племя, но уж больно их печенег били, поэтому постепенно тиверцы согласились признать власть Руси. Это еще при Игоре было, однако с тех пор Русь всегда отправляла сюда отряды, торговала с тиверцами охотно. И, когда впереди появилось окруженное округлым земляным валом тиверское городище, решено было сделать остановку. Ольгу здесь встретили не то чтобы с почтением, больше из любопытства шли поглядеть на княгиню да на ее нарядных спутниц. Вожди тиверцев княгине даже меч подарили, выражая дружелюбие. Какой иной бабе штуку сукна преподнесли бы, а этой – меч. Но иначе тиверцы и не мыслили: в их полной войн и набегов жизни любая женщина была тем же воином, почти все носили у поясов тесаки, даже беременные с оружием расхаживали.

У тиверцев караван Ольги сделал долгую остановку: впереди было море, следовало подготовиться к плаванию, вновь осмотреть ладьи, потрепанные на порогах, заделать пробоины, заново установить и закрепить мачты. В пути по безбрежному морю готовить придется прямо на кораблях, поэтому сколотили помосты для жаровен, в них наложили дерна, обмазали его глиной, дров запасли в дорогу. Пока шла подготовка, княгиня отправила Свенельда обследовать подходы к морю, но почему-то в его отсутствие места себе не находила. И с чего бы это? Разве и ранее не отправляла верного воеводу на самые непростые задания? Но пока его не было, то и дело поднималась на сторожевую бревенчатую вышку, смотрела на эти залитые жарким солнцем плоские земли. Вот уж действительно глазу не за что зацепиться – одна ровная поверхность до самого горизонта. Или до моря. Тиверцы говорят, что море совсем рядом, они частенько отправляются туда – то рыбачить, то торговать, а то и разбойничать. Всем известно: днепровский лиман – место опасное, тут ушкуйники из всяких беглых шалют не хуже, чем на волоках речных. А жара такая... Ольга не помнила, чтобы когда-нибудь ее изводила такая духота. Вот и расхаживала в одной беленой рубахе, словно теремная девка, но подумать о бархате или парче по такому пеклу было просто неведомо.

Однако когда Свенельд вернулся, княгиня вышла к нему принаряженная: накинула богатое голубое корзно с серебристой каймой, надела чеканное очелье с длинными мерцающими колтами, звенящими браслетами запястья украсила. Явилась такая нарядная, что тиверки, сбивавшие масло в избе (не палаты, чай, все скопом тут жили), даже глазами захопали на нее. А тут и Малфрида вбежала. Этой полудикой все одно как выглядеть – носится по округе в беленой тиверской одежде срамной – в рубахе с разрезами почти до бедра, чтобы продувалась, рукавов и вовсе нет. И сама вон загорела, потемнела, высоко заколотые волосы успели до рыжины выгореть под солнцем.

– Ты только погляди, княгиня, какого гостя привез наш варяг. А... знаешь уже, – поняла она по взгляду Ольги. – И когда ты успеваешь про все подумать?

Ибо Свенельд привез не кого-нибудь, а печенежского хана. Но не хан это был, а волхв-кудесник Коста. И было такое ощущение, что только одежда на нем от ханского облика и осталась: висела мешком, будто, став самим собой, Коста вмиг истончился, и теперь болтался на его худом теле засаленный печенежский халат с бляшками, как мешок на шесте пугала огородного.

Княгине волхв Коста поклонился по-русски, касаясь рукой земляного пола.

– Спасибо, княгинюшка, что дала отдохнуть от облика чужинского.

– И охота тебе было изводить себя чужим обликом? – спросила Малфрида, еще до того, как Ольга успела ответить на приветствие. – Вон как извелся весь, на себя не похож.

Коста и впрямь выглядел стариком: непосильное для него чародейство тянуло из волхва силы. Тут и живая вода не поможет. Ну, спрашивается, отчего бы не жилось ему где-то в глубинке, врачевал бы понемногу, ворожил, общался с духами. Так нет же, решил стать кудесником самой княгини. Но все же преданность Косты правительнице вызывала уважение. Малфрида понимала, что так всю себя отдавать служению она бы не смогла.

А вот Косте и в голову не приходило послушаться наказа княгини. Несколько лет назад они сговорились, что он примет на себя облик хана орды Талмат, уведет степняков до самого моря и его люди только на иных степняков будут совершать набеги. С заданием Коста, бесспорно, справился, но тяжело ему давалась постоянная ворожба, иссох весь, глаза потускнели, в руках дрожь появилась. Но встрече со своими был рад. Да и Ольга его приняла как дорогого гостя, сама чашу ему поднесла, потом увела к себе, долго о чем-то совещалась. Создалось впечатление, что именно Косту и ждала тут долго княгиня, ибо едва они переговорили, как сразу же был дан приказ собираться в дорогу. Люди оживились. Прозабывание у тиверцев в их пустой, выжженной земле уже всех раздражало. Да и любопытно было поглядеть, какое оно – море.

Море поразило всех, даже Ольгу, хотя ранее она бывала на побережье Варяжского моря. Это же было совсем иным – удивительно синим, блестящим, бескрайним. Но едва они вышли из устья Днепра, едва прошло первое ликование, как началась качка. Попутный ветер быстро надул паруса, море поднимало и опускало ладьи, отчего почти половина из тех, кто только что восхищался лазурным безбрежьем, слегли от морской болезни. Не избежала этого и княгиня. Сфирька, правивший кораблем, говорил, что вскоре они пообвыкнутся, что это пройдет. Еще сообщил, что поведет суда вдоль берега, ибо не стоит доверяться стихии и пересекать большие водные просторы. К тому же они смогут рассматривать проплывающие мимо земли. Пусть прямой путь по Греческому морю и сокращает время плавания, но это опасно, и лучше, если они будут держаться у побережья.

Ольга впервые не вмешивалась в дела, позволив себе отлеживаться под тентом в палатке. Малфриду же как раз в закрытом пространстве у мачты и начинало укачивать. Зато как же славно было стоять у штевня на носу корабля, позволив ветру трепать волосы! Корабль слегка поскрипывал, паруса вздымались на ветру, ветер был попутный, и так любо было смотреть по сторонам. Мимо проплывали незнакомые берега, и, когда корабли приближались к ним, можно было увидеть небольшие селения, темные заросли рощ на холмах, пасущихся на склонах овец. Потом берега удалялись, вокруг пенились гребни волн, а у бортов появлялись из воды проворные «морские свиньи» – так корабли называли дельфинов. Дельфины будто гнались за кораблем, плыли наперегонки, выскакивали, выгибая мокрые темные спины, и это казалось забавным для тех, кто не слег от качки. Кто-то даже захотел подстрелить такую чудо-рыбу, но бывалые корабли не позволили. Нельзя, не к добру это. Пусть себе играют, в том никому вреда нет.

На открытом морском просторе караван судов уже не шел, растянувшись цепочкой, теперь плыли привольно, кому где сподручней, только следили, чтобы держаться стайкой, не удаляясь далеко друг от дружки.

На третий день плавания мореходы достигли Днестровского лимана. К вечеру, когда море и небо окрасились в пурпурные тона и раскаленное солнце коснулось горизонта, Сфирька решил дать измученной качкой княгине немного передохнуть и приказал причаливать к берегу. Свенельд волновался: что это за земля? Кто тут владыка, не грозит ли им опасность? Но Ольга была согласна на все, лишь бы хоть немного

отдохнуть от качания на хлябях. И как же славно было ступить на земную твердь, просто посидеть на камне, среди снующих туда-сюда верных людей, а потом смотреть на огоньки разведенных костров! Корабелы в самом деле справились быстро – и суда приторочили умело, и со стряпней поторопились. На берегу было совершенно тихо, травинка не шелохнется, хотя море шумело по-прежнему, пенные валы набегали на берег. Костров от большого каравана правительницы Руси было немало, в котлах варили похлебку из толченого ячменя, жарили рыбу, какую успели наловить сетью во время плаванья. Когда совсем стемнело, к огням из темноты приблизились местные жители – в основном пастухи, бородатые и полуголые, но все в овчинных накидках и с посохами в руках. Поняв, что обосновавшиеся на берегу не желают им вреда, пастухи принесли им сыр и ключевую воду в шерстяных бурдюках. Ольга была тронута таким радушием и приказала в ответ выдать местным полный бочонок медовухи. Торговый боярин Сфирька только качал головой на такую щедрость княгини.

Когда все уgomонились и легли почивать, Малфрида отошла подальше в темноту, стала напряженно вглядываться в мрак, чтобы уловить присутствие местных духов. Но сколько бы она ни бродила по окрестным холмам, так ничего и не ощутила. Тихое место, пустое, если духи тут и жили когда-то, то теперь ушли. Почему? И зачем они русской ведьме? Да просто тоскливо без них и все.

На следующий день флотилия русов вновь тронулась в путь по морю. Теперь, набрав достаточно пресной воды, корабелы вели суда без задержек, когда ловя нужный ветер, когда садясь за весла. Огромное жаркое солнце висело на безбрежном голубом небе, море плескалось за кормой, постоянно меняя цвет от лазурного до молочно-серебристого в ранние часы. По ночам русов дивили непривычно яркие и большие звезды, украшавшие алмазной россыпью небо до самого горизонта. Постепенно с качкой свыклись почти все, и теперь больше смотрели на берега, порой становившиеся столь прекрасными, что напоминали сновидения. За все время плаванья только один раз от берега показались незнакомые суда, небольшие и верткие, с непривычными для русов косыми парусами. Их было немного, они пошли было в сторону русской флотилии, но потом, видимо, поняли, что корабли эти им не по зубам, и опять свернули к берегу. И русы пошли мимо. Плыли даже ночью, зажигая на носах факелы, чтобы не потерять друг друга в безлунной звездной темноте.

Несколько дней ветер был попутный, но в одно утро совершенно стих, паруса обвисли. И началось такое безветрие, что море стало казаться застывшим озером. Грести можно было, но стояла жара, и гребцы выбивались из сил до срока. Вот Свенельд и велел двигаться только по ночам, а днем отдыхать. Чтобы не скучать, люди занимались кто чем хотел: рыбачили, рассказывали всякие истории, пели песни, а то и просто спали, закрывшись рукой от яркого солнца. Нашли себе занятия и знатные спутницы Ольги. Хозяйственная черниговка Долхлаба перебирала свое добро в сундуках. Полоцкая княгиня Тура все больше вышивала – она была известная мастерица, а ее подружка Предслава Псковская почти с умилением наблюдала, как у Туры из-под иглы по ткани, словно живые, появляются изогнутые в прыжке дельфины или остро изогнувшие крылья чайки. Красиво получалось. Невестка Ольги Сфандра предпочитала молчать, глядя вдаль, будто о чем-то грезила. Блуда ли вспоминала, с которым целовалась страстно, а потом холодно простилась, когда войско Святослава поворачивало коней на Русь. Но Сфандра умела держать себя княгиней, не показывала, что на душе, и ее белое личико будто окаменело, но под жарким солнцем вскоре пошло пятнистым румянцем, и хлопотливая княгиня туровская Божедарка намазала ее особой мазью от ожогов. Хорошенькая княжна Милослада Смоленская играла в зернь с дружинниками на поцелуи. Ей так нравилось целоваться! Даром, что никто ей не пенял, княгиня была на другом корабле, а красавец Свенельд будто и не замечал ничего. Что ж, не по нраву она ему, так кто же ей возбранит строить глазки и подставлять губки пригожим добрым молодцам? Ее дело молодое, а большего она не позволяла, понимая, что никто из них не годится ей в суженые.

Малфрида прикинула к борту, наблюдая за морем. Так хотелось углядеть в его глубинах нечто такое... Ей было непривычно, что мир тут обыденный, без чудес, грустно становилось при мысли, что все заманчивое чародейство осталось где-то позади, в далекой Руси. Свенельд вон как-то сказал, что давно идет молва о том, будто только в их краю еще так сильно проявляет себя волшебство. Поэтому даже купцы иноземные опасаются на Русь из-за этого приезжать, говорят, что только дикие русы могут уживаться с подобной нечистью. И все же купцы приезжали на Русь! Малфрида сама

видела в градах иноземцев, прибывших из других краев – из Хазарии, из варяжской земли, видала и болгар черных в чалмах, и ляхов с их длинными усами. Но как подумает, что всех их пугает чародейство, – даже смешно становилось. Люди ведь могут потягаться с нечистью, тот же Свенельд не раз выходил победителем из единоборства со всякими страхами.

Корабли дрейфовали вдоль незнакомого побережья, люди поглядывали на небо – белесое и раскаленное. Умелым кораблям оно не нравилось. Но вроде пока все тихо было. Малфрида, устав глядеть в глубины, даже задремала. И может, приснилось ей... Она резко выпрямилась, стряхивая сон. Но ведь и в самом деле волна пошла, корабли подняло и опустило плавно. Затем опять стало тихо, море казалось гладким и спокойным. И все же у Малфриды осталось ощущение, что ее взгляд, направленный в пучину, ее немой чародейский призыв не остались незамеченными. Показалось ей, будто появилось из глубин большое темное лицо с непривычными чертами – с ровным от самой переносицы носом, пухлым, широким ртом, глубокими провалами глаз и отлетающей, сливающейся с подводными тенями бесконечной бородой. Лицо всплыло, и Малфриде почудилось, что подводный мужик глядит на них... на нее. Потом оскалился недобро, метнулся, весь в облаке теней-волос, развернулся, всколыхнув глубину. Да, да, вон не только она заметила, как застывшие в стороне друг от друга корабли поднялись и опали на зыби моря, хотя и ветра никакого не было. Но потом опять замерли, тихо стало...

– Что тебя встревожило, Малфрида? – спросил Свенельд, заметивший, как ахнула и отшатнулась, будто в испуге, чародейка.

Она ничего не могла понять, только озиралась.

– Тут был кто-то чужой, – молвила негромко. И, поймав руку варяга, спросила: – Какую жертву викинги приносят морскому духу, когда идут в дальнее плавание по морю?

Свенельд от ее вопроса оторопел. Он ведь не викинг, не ходил в морские походы, не покидал пределов Руси. Да и мать Свенельда была славянка, кровь варягов в нем только по отцу. Так откуда же ему знать?

Но оказалось, что среди гребцов на его драккаре была пара-тройка свеев, вот они и стали пояснять, что владыкой северного моря является великан Эгир; он заправляет стихией, колышет пучину, и при выходе в море его надо задобрить, принеся жертву – когда петуха, когда бочонок с пивом, когда даже человека не грех отдать, если погода ненастная и можно ожидать от потрясателя глубин любой подлости. Но море, где хозяйничает Эгир, уж больно далеко, сами свеи не очень-то верили, что в этих тихих, спокойных водах он может притаиться, жарко ему тут, говорили. Да и Свенельд не сильно рвался жертву приносить. А когда стал переключаться с княгиней, спрашивая, мол, будем ли жертвы приносить, то священник Григорий только посмеялся над суевериями. Сказал, что все они в руках Господа, что только Его воля, как им плыть, и Создателю ничего не нужно, кроме чистых помыслов да искренней молитвы. Сам он и впрямь начал молиться. И, как заметила Малфрида, к нему еще кое-кто из спутников княгини примкнул. Ну что же, пусть испытают удачу, так она и сказала Свенельду. Но самой ведьме было неспокойно. Уж больно ужасен был облик того, кого она рассмотрела в глубине. Что урод, не сказала бы, но жуткий. И чужой. Как узнать, как к такому обратиться, как задобрить?

Свенельд на все это смотрел со своей точки зрения. Молитвы – это хорошо, но если Малфриду и впрямь что-то так напугало, то стоит быть осторожным. И он перестал подремывать под навесом из парусины, всматривался в тихое небо, глядел на медленно дрейфовавшие по водам суда. Сейчас «Оскаленный» Ольги был совсем недалеко, варяг видел ее, устроившуюся подле своего яркого шатра у мачты; она переплетала косу, спокойно наблюдая, как молится на корме священник Григорий. Да и Коста был с ними, тоже смотрел на священника, как будто ожидая от него чего-то. Вокруг было тихо. Правда, вскоре Свенельд заметил, что куда-то исчезли не так давно кружившие над ними крикливые чайки и теперь только буревестники носились над водой, едва не задевая ее длинными крыльями. Обнаружил он и то, что горизонт помутнел, будто там начала скапливаться некая дымка. Ох, и не понравилось же это варягу! Словно какая-то подспудная память предков-викингов настораживала, предостерегала. Свенельд стал переключаться со Сфирькой, который вел корабль Ольги, указал на взволновавшие его приметы. Сфирька понял, почесал затылок и тоже решил – нужно

причаливать.

Они успели укрыться за длинным мысом, когда туча на горизонте стала только появляться, когда подул ветер и понесло брызгами от волн. Но солнце все еще светило, и, казалось, ненастье пройдет мимо. Как бы не так. И хотя священник говорил, что это Господь надоумил Свенельда пристать к берегу до того, как началась буря, воевода на него только глянул хмуро.

– Ее благодари, длиннополый! – Он указал на стоявшую в стороне ведьму.

Ночь они провели сравнительно спокойно, укрывшись в заветрии за длинным мысом, разожгли в низине костры, слушали, как лютует рядом море. Все говорили, мол, хорошо, что христианин помолился, что нашли они укрытие перед самой бурей. И хотя берег был пустынный и к кострам, как раньше, никто не подходил, все же и подумать было страшно, что бы приключилось, если бы не успели обосноваться тут и налетевший шквал бросил бы корабли на прибрежные камни.

Буря бушевала всю ночь, да и утро выдалось хмурым, беспокойным.

Малфрида была задумчива. Она теперь не сомневалась, что разглядела в пучине некое древнее божество этого моря, что именно оно решило напустить на корабли ненастье. Но общаться с заметившей его ведуньей чужое божество не пожелало... или уже прошло то время, когда оно могло идти на общение со смертными.

Отец Григорий по-прежнему горячо молился. Малфрида наблюдала за ним издали со злорадной усмешкой. Да, дождь и впрямь пошел на убыль, но море все еще бушевало, волны наваливались друг на друга, исходили пеной, набегая на побережье. Малфрида подумала, не отогнать ли ей тучу, как некогда ее учили ведуны. Но одно дело – отгонять тучу, когда она только появляется, когда ветры еще могут поиграть ею да услать в сторону, но если небо затянуто до самого горизонта, любое волшебство будет напрасной тратой сил. К тому же Малфриде казалось, что присутствие священника, его упрямая вера ослабляют ее умение. А показать себя бессильной ведьма не желала.

Ночью опять грохотал гром, мелькали молнии над морем, освещая далекий горизонт. Малфрида стояла на берегу, смотрела на небесные всполохи и чувствовала – не ее Перун эти стрелы огненные посылает. Другое тут небо, другие духи в нем носятся. Такое ощущение было, что привычные ей небожители остались там, дома, на Руси, где люди им поклоняются и молят, давая тем силу.

Застывший на небольшом холме над морем силуэт ведьмы был хорошо виден укрывшимся в ложбине людям. Она стояла недвижимо, только одежды отлетали на ветру и развевались длинные волосы. Такой она и вернулась к кострам, метавшимся под растянутой и хлопающей на ветру парусиной – растрепанной, хмурой, молчаливой. Поглядела туда, где по-прежнему молился Григорий, и даже позавидовала его упорству, его вере. Она же не была в себе уверена и как будто опасалась, что привычное чародейство не подчинится ей. А ведь раньше в такое ненастье колдовская мощь ее словно переполняла.

Наутро мир опять был тих и прекрасен. Люди принялись проверять, не повредила ли буря корабли, а когда успокоились, стали переносить тюки, поднимать паруса. Поплыли по гладкой лазурной воде.

– Что-то у христианина лучше получилось с небесным воинством справиться, – заметил ведьме Свенельд, привычно налегая на рулевое весло.

Она недобро зыркнула темным глазом. Молвила: может, и Свенельд теперь в распятого Бога уверует?

Варяг не ответил. Вымолил ли и впрямь Григорий попутный ветер или море устало штормить после ненастья, но все было спокойно, корабли летели, и, сколько бы Малфрида ни вглядывалась в глубь пучины, никто более так и не являлся. Ну, кроме веселых дельфинов, опять затеявших у бортов ладьи свою веселую игру наперегонки.

На исходе третьей седмицы караван судов Ольги вошел в устье синего Босфора, откуда до Царьграда великого было уже рукой подать.

Глава 7

Флотилия Ольги величественно вошла в залив Суд, или, как его еще называли, Золотой Рог. На кораблях трубили в гудки, поднимались ряды весел, пышно вздувались вышитые паруса. Свенельд умело расположил корабли клином, сам, как и раньше, вел свой драккар во главе флотилии; большой струг Ольги с оскаленной мордой на штевне двигался следом, по бокам и позади, словно охраняя ладью правительницы, шли остальные корабли русов. Красиво получилось. Недаром столько народу столпилось на стенах Царьграда, на пристанях, на берегах предместий Сики и Хрисополиса.

Ольга стояла на носу корабля в специально приготовленном русскими умельцами для этой поездки жемчужном венце, за ее плечами развевался ярко-синий плащ, светилось, облекая стан, белоснежное парчовое одеяние. Ее знатные спутницы тоже принарядились, многие даже нацепили опушенные мехом головные уборы. Пусть и жарко, ну да меха – известная слава Русской земли, вот пусть ромеи и полюбуются.

Но ромеи не только любовались – прибытие столь крупной чужой флотилии многих взволновало. Хорошо, что быстрые хеландии еще в Босфоре встретили караван судов, переговорили с корабелями и поспешили доложить, что это с Руси прибыло мирное посольство. Поэтому, несмотря на то что к морю сбежалось немало ромейского люда, постепенно, когда прошло время, горожане стали понемногу расходиться по своим делам. Что они, раньше русских лодок тут не видели? Не менее чем два раза в год эти скифы появлялись тут, к ним уже стали привыкать.

Корабли же простояли у причалов в заливе Суда до самого вечера, люди оставались на местах, так как вдоль побережья выстроились облаченные в доспехи охранники, давая понять, что сходить гостям со стругов пока не надобно.

– Чего они там тянут? – мрачно вопрошала Ольга у Сфирьки, который лучше иных знал обычаи ромеев. – Долго ли мне ожидать императора? Вон и солнце уже садится, а Константин Багрянородный не спешит встретить гостью.

Маленький боярин мял рукой бородавку, раздумывая, как лучше пояснить правительнице, что у ромеев базилевсы так просто к иноземным гостям не спешат.

– Тут такое дело, княгиня пресветлая. Ромеи-то, они народ заносчивый, но и предусмотрительный. Они все у нас проверят, всех перепишут, товары учтут. И это не самоуправство их, это по уговору, какой еще при Олеге делался, да при Игоре в том подтверждение было. А ромеи, они к законам уважительно относятся, по любому поводу их не нарушают.

– Что значит «по любому поводу»? Чай, я не купчиха какая, на торги прибывшая. Я сама государыня! Мне можно и особую честь оказать.

– Ну вот и подождем, когда к нам из Палатия придут. Думаю, скоро уже.

Ждать пришлось долго. Только когда уже совсем смерклось, к русским судам приблизилась ладья с государственными чиновниками. Сфирька поспешил заверить Ольгу, что это сам епарх Феофил явился, а он градоначальник константинопольский и очень высокий чин в Византии. Но княгиня все же с трудом сдерживала раздражение. Смотрела надменно на этого холеного хлыща в богатой парче, а его спутников и вовсе едва удостоила взглядом. И хоть епарх держался уважительно, улыбался, бормотал приветствия, Ольге хотелось знать лишь одно: когда базилевс Константин пригласит венценосную гостью в свои палаты?

– Увы, великая госпожа, – развел руками епарх Феофил, – я не правомочен назвать вам время приема у базилевса. Светлейший и божественнейший Константин Багрянородный почти ежедневно принимает послов со всего света, и он уделит вам время, когда оно у него появится. Но вы не должны гневаться. – Грек протянул руку, видя, как затрепетали ноздри этой красивой девицы в венце (епарх Феофил был в глубине души поражен, как молодо выглядит правительница варваров с Руси). – А пока наисветлейший посылает вам эти дары, а также свое приветствие и надежду на скорейшее свидание. Однако это случится немного позже. Пока же вам надлежит оставаться на корабле. Мои люди посчитают, сколько спутников с вами, определят, куда

их поселить, и займутся переписью товаров.

Ольга молчала, слушая священника Григория, который переводил сказанное. Она и сама уже все поняла, поэтому в какой-то миг резко произнесла по-гречески:

– Но ведь все это займет немало времени?

Эпарх только смотрел на нее, не выказывая удивления, что гостя из Руси его речь поняла, и не смущаясь, что в голосе ее слышался гнев. И опять стал повторять, что все должно быть учтено, что просто так дела в Богом хранимом Константинополе не делаются.

Княгине пришлось смириться. А ее спутницы даже захныкали: так утомились в дороге, так хочется отдохнуть под крышей, а не болтаться на волнах. Да и поглядеть, что за диво такое Царьград, хочется. Вон и с ладьи видно, что там, за оградами мощными, нечто невиданное и непривычное для них располагается, а им сиди тут...

Ольга понимала своих женщин, но молчала. Не хотела показывать, как рассержена. Она давно уже считала себя достойной и великой правительницей, привыкла, что люди при ней смиряются, уважают ее волю. А тут – пусть и выразили почтение, но держат остронь – будто недостойную, будто одну из многих, кто является в Константинополь. Но ведь и впрямь все стремятся к этому чудограду, называют его Столицей Мира, стараются добиться милости от византийских правителей. Ольга поняла, что шуметь и требовать от ромеев особого расположения для себя все равно что гоголем вышагивать перед плетнем – сколь угодно выпячивайся, но реакции не дождешься. Что ж, придется принять их условия. Ну не для того же она проделала такой путь, чтобы разобидеться и поворачивать назад. Да и наслышана была о высокомерии ромеев. Ладно, подождем.

Пока же она угощалась дарами с императорского стола. После того как в пути столько питалась вяленным мясом да рыбой, изысканные яства из дворца пришлись как нельзя кстати. В больших плетеных корзинах слуги эпарха вносили на корабль всевозможные кушанья, давая тем самым понять, что прибывшим предстоит ужинать на кораблях. Феофил перед уходом подтвердил это: гости с Руси появились у стен Константинополя столь неожиданно, что они теперь должны приготовить в городе для них постой и обустроить княгине полагающиеся покои...

– Не иначе как в предместье при монастыре Маманта нас поселят, – заметил Сфирька, разламывая сочный фиговый плод. И пояснил: – Там всегда русов селили, и это наши ихнего святого Маманта в просто Маму перенарекли. Так и говорят – у Святого Мамы. А что, там вполне удобно, есть где расположиться. И, видать, чтобы проследить за всем, забрали они с собой твоего Григория, ему отдадут распоряжения – грек все же, единоведец. Но, думаю, они у Григория много будут вопрошать о твоих планах, так у них тут заведено.

– Пусть, я то понимаю, – отозвалась Ольга, откидывая крышку очередной корзины. – О, матерь Макошь, да что они, за коз нас принимают, что столько травы передали?

Действительно, у ромеев было принято поглощать немало всевозможной зелени во время трапез. Но все же был среди гостинцев и запеченный до хрустящей корочки молочный поросенок, тонкие копченые колбаски; особо русы обратили внимание, что дичь была преподнесена в собственном оперении, но, когда они под общий хохот ощипали этих перепелов и фазанов, оказалось, что приготовлены они совсем недурно. Понравился русам и вкусный пшеничный хлеб, по которому за время пути все очень соскучились. Однако больше всего среди подношений было всевозможных фруктов: дынь и винограда, фиг, гранатов, апельсинов – все это было незнакомо, узнаваемыми оказались только груши и яблоки. Зато все порадовались, обнаружив три больших кувшина с вином – темным и густым, легким розоватым, сладким светлым.

Русы с удовольствием выпили за счастливое прибытие, вскоре охмелели, громко распевали песни над затихающим к ночи Золотым Рогом.

В какой-то миг Свенельд заметил стоявшую на корме корабля ведьму. Она мало принимала участия в общем веселье, больше смотрела на громадные строения Константинополя, на купола церквей, на выступающие на небе кресты над храмами.

– Ну, что скажешь, краса моя? – Варяг подошел к ней, держа в руке чашу со светлым вином. – Как по мне, то пусть и странно приняли нас ромеи, но не пожадничали. А у них тут, – он сделал жест, – богато.

– И все такое чужое, – негромко отозвалась ведьма. – И мы здесь чужие.

– А то, конечно, чужие. Земля-то ромейская.

– Христианская земля, – холодно уточнила ведьма. – Я словно чую, как нечто враждебное и не принимающее меня окружает, обволакивает... давит.

Свенельд повел плечом, озадаченно нахмурился. Нет, не давит ничего, нормально все.

Малфрида лишь ответила:

– Это не мой мир. Я тут слаба.

Ведьма еще по приближении к Царьграду ощутила это – непривычную слабость, как будто питавшая ее чародейская сила сникла, притихла, затаилась. Ну как у обычного смертного при хворобе порой случается: падать вроде не падаешь, но делать ничего неохота. Хотя Малфриде и самой отчего-то страшно было попробовать тут поколдовать, опасалась, что не выйдет ничего, а проверить – будто побаивалась.

Но заметила она и другое: когда Свенельд слегка пошатнулся во хмелю и приобнял ее – не то игриво, не то просто оперся на ее плечо, – она не отшатнулась от его пластинчатого доспеха. Раньше при касании железа ее оторопь брала, а тут – ничего. Стоит спокойно, даже провела пальцем по бляшкам его нарядного доспеха, какой Свенельд по приезду надел для значимого вида.

– Ты это чего? – не понял Свенельд, приняв ее жест за негаданную ласку.

Но Малфрида лишь скривила губы в усмешке. Не о том воевода думает. Пусть лучше ответит, не это ли главный христианский храм? И указала рукой туда, где на фоне принявшего фиолетовый оттенок южного ночного неба, взмывая над многочисленными кровлями и башнями града, реял округлый гигантский купол с крестом. Он казался и пугающим своей грандиозностью, и одновременно прекрасным, как диво.

Свенельд подтвердил: да, сказывали, что это и есть великая София – премудрость Божья по-местному. Говорят, кто войдет в этот храм, вмиг захочет креститься и поклоняться распятому Богу. Ну да байки все это. Так он думает.

Русских гостей почти седмицу продержали на водах залива. Пусть их и кормили хорошо, но все же словно в полоне себя чувствовали. Только когда сошли на берег, успокоились. В предместье Святого Мамы им понравилось – чисто, дома добротные, да и соотечественников там встретили. И хотя по уговору с ромеями купцы-русы должны были покидать Царьград, окончив тут дела, однако лазейки, чтобы остаться и поселиться, славяне все же находили. И на родину возвращаться не спешили. Вот и содержали постоянные дворы для своих. Когда Ольга со спутниками вступила в предместье, местные русы кинулись встречать ее и посольство, как дома принято – хлебом и солью, в ноги кланялись. Но разговоров, что хотят вернуться и побродить под родимыми березами, не заводили. Ибо им тут, в богатом Царьграде, удобнее жилось. К тому же все они были уже христианами.

Ольга даже спросила, отчего русы хотя бы одно изваяние старых богов тут не установили? Но те даже руками замахали: да кто позволит-то? Ромеи их тогда язычниками будут считать, а это тут низшие люди, по сути зверье. Ольге такой ответ не понравился. Вон когда ромеи приезжали в Киев договор с князем Игорем заключать, то сами настаивали, чтобы русы старыми богами клялись, ибо понимали, что своим они больше поверят и не нарушат клятву. Но на то они и ромеи, чтобы все понимать, но поступать по-своему, отвечали ей на подворье Святого Мамы. Ну хорошо, продолжала Ольга, но ведь ей рассказывали, что не только свои храмы христианские возводят греки в Царьграде, а и синагоги иудейские тут стоят, и мусульманские мечети. Да, такие имеются, отвечали ей, хотя их немного, и все больше в пригородах или в предместьях расположены. К тому же иудеи и магометане молятся все тому же единому Богу, которой сотворил мир и людей. Ольга видела, что люди говорят убежденно,

не сомневаясь, что именно все так и было, что Создатель – истинный отец всего, а не Род, породивший людей, не Хорос, давший им свет и тепло, не Дажьбог, податель плодородия.

У княгини было много вопросов, но за ней уже прибыли. Явился к дому, где ее поселили, этаким пухлый ромей в длинной беленой тунике, сам завитой, как барашек, и непрестанно улыбающийся; представился как спафарий Агав Дрим. Он довольно неплохо говорил по-русски, но Ольгу подивил его тонкий, как у иной бабы, голос. Сфирька ей пояснил – евнух это. У ромеев часто свои же оскотляют мальчиков в детстве, считая, что так они чище останутся, не предаваясь греху. Вот и вырастают такие скопцы, тонкоголосые, как дети.

Ольгу даже передернуло от подобного. Надо же, так детей своих сизмальства калечить, не давая им жениться, детей заводить. Что есть важнее для человека, как не породить потомство, не оставить росток после себя в этом мире? Но ей пояснили, что скопцов, какие слывут безгрешными, охотнее берут на службу, у них больше возможностей сделать карьеру, получить более доходное место. Но все равно княгиня смотрела на нарядного Агава Дрима почти с состраданием. Однако тот выглядел довольным, важным, манеры его были учтивыми. И он перво-наперво поинтересовался, кто это великолепный муж, который сопровождает и охраняет княгиню? И уж на что Ольга была готова ко всяким каверзным вопросам от ромеев, но и она смутилась, когда этот писклявый толстяк выделил среди ее сопровождающих именно Свенельда. Ишь, заметил евнух, что не отпускает княгиня от себя своего воеводу. Не станешь же говорить, что ей тут, в чужом окружении, в чужой стране, просто спокойнее, что рядом надежный и преданный варяг. Вот и сейчас она стояла, опершись на его руку, жалась к нему. Но спафарий ждал ответа, и Ольга просто сказала, что это ее близкий родич, высокородный муж, какого она очень почитает.

Свенельд, услышавший ее слова, как-то невесело усмехнулся. Спафарий же Агав повернулся к своим спутникам и произнес: это – анепсий. Ольга то поняла: значит, кровная родня великой княгини, племянник ее. Ну, пусть уж так считают, чем решать, что Свенельд ее полюбовник, через которого смогут на нее влиять.

Княгиня перевела разговор на предстоящий прием. Но Агав Дрим только сокрушенно покачал своей завитой головой, языком зацокал. Не назначил ей еще время встречи величайший Константин, других послов пока принимает – вон франки ныне у него, германцы своего часа дожидаются, в ближайшее время еще послов от арабов будут звать в Палатий. Так уже запротоколировано, вставил он неизвестное Ольге слово. Но тут же добавил, что даже то, что его, столь высокого сановника, приставили прислуживать ей и повсюду сопровождать, – знак великой милости светлейшего Константина. И сейчас он проводит благородную Эльгу – так выговаривал ее имя ромей – в великолепные термы. Бани то есть. Агав Дрим уверял, что это роскошные бани, построенные из светящегося розового мрамора еще при императоре Юстиниане Великом.

Помыться в бане было неплохо, даже необходимо. Когда Ольга сообщила о том своим людям, те сразу повеселели, женщины особенно возрадовались. После столь долгого пути и нескольких дней ожидания в заливе они, потные и немытые, не очень-то хорошо чувствовали себя, когда прохаживались под взорами разглядывающих их ромеев. Конечно, все оделись побогаче, не желая пасть лицом перед местными щеголями, но все равно баня для русов была обязательным ритуалом, образом жизни, ибо русы издревле считались чистоплотными.

Правда, при въезде в город сразу же вышла заминка. Предмесье Святого Мамы находилось вне стен Царьграда, войти внутрь гостям полагалось через величественные Харисийские ворота, но с русской княгиней было слишком много сопровождающих, а по договору русы могли проникать в град только небольшими группами и обязательно без оружия. Ольга сначала и слышать не хотела, чтобы ехать без охранников, но Агав Дрим успокоил княгиню, объяснив, что для ее безопасности выделен отряд луцинариев, рослых воинов в блестящих латах, к тому же темнокожих наемников из Африки. Ольга же, едва взглянув на свою новую стражу, с трудом сдержалась, чтобы страха не выказать. Что это за существа такие темные и безобразные? Да и спокойнее ей будет со своими.

И все же казаться дикой и перепуганной она не могла себе позволить. Вот и села в носилки подле Агава, смотрела, как ее женщин устраивают на нарядных мулах. Сидеть

тем приходилось боком, в специально притороченных на спинах животных сиденьях с подлокотниками и подножками. Из такого положения почти невозможно было править животными, поэтому каждого мула вел под уздцы отдельный слуга. Слышавшая хорошей наездницей Божедарка Туровская даже хотела презрительно отказаться от подобной услуги, требовала подать обычное седло. Нельзя, сказал Агав. Нескромно это, колени могут быть видны, щиколотки из-под подола покажутся. И он предосудительно поглядел на запашные юбки спутниц княгини, не скрывающие подола нижних рубах, да и их открытые шеи и ключицы в вырезах вызвали у него неудовольствие. Как можно открывать тело, которое, как известно, есть средоточие греха и соблазна? Разве не приличнее укрыться достойными одеждами, оставляя доступным взору только лицо, на коем проступает душа человека, его истинная сущность? А эти же... И одежда у них короткая да нескромная, и глазают по сторонам без приличествующей женам стыдливости. Дикарки, одним словом.

Да, тут все было по-иному, другой мир, иной уклад. Надо было привыкать. Ольга старалась держаться спокойно, одним лишь взглядом утихомирила ворчавшую Божедарку. Не выказывала она волнения и после того, как они въехали в великий город и стали смотреть по сторонам.

А ведь вблизи стен Феодосия, ограждающих городские постройки от предместья Святого Мамы, районы были еще скромными. И все же высота домов поражала: пяти- и шестизэтажные, они высились вдоль мощенной камнем Месы – главной улицы Константинополя, выстраивались рядами, оштукатуренные бледно-желтым или розоватым, с портиками и колоннами, и почти все с обязательной кирпичной полосой, перемежающей камень стен. Агав пояснил, что такая кладка лучше удерживает здания при землетрясениях, какие порой случаются в ромейской столице. Сами улицы были довольно чистыми, и спафарий с гордостью сообщил, что их по ночам убирают от мусора, какой все едино накапливается за день. А дома, расположенные близ стены Феодосия, все больше доходные, где комнаты сдаются внаем. Ольга подивилась – даже из этого ромеи умеют извлекать выгоду, делают богатство. Не сеют, не пашут, не ткут, а богатеют, потому что сдают жилища. На Руси же принято, чтобы знатные люди селили у себя постояльцев, – в этом их высокое положение проявляется; тем они показывают, что достаточно богаты, чтобы кормить гостей и за так... ну разве что за гостеприимство им положено подарки от постояльцев принимать, если те уважаемы и могут отблагодарить хозяев.

Ольга поневоле все сравнивала с Русью и вскоре приуныла – великолепие Царьграда ее подавляло. Какими маленькими, затерянными среди лесов и болот показались русские грады, даже привольный Киев. А люду-то сколько тут! У Ольги голова кружилась от столпотворения, от снующей беспрестанно толпы, прохожих, всадников, торговцев и изобилия товаров. Нигде – ни на шумных торгах Подола киевского, ни среди торговых рядов Новгорода – княгиня не видела такого разнообразия продаваемых и покупаемых вещей, столько выставленного напоказ богатства. И чем далее они углублялись в город, тем лавки становились богаче, тем наряднее и важнее люди, тем красивее строения. Здесь уже были не только доходные дома, тут высились богатые особняки с колоннадами и лепниной, величественно возвышались многокупольные храмы, били струи фонтанов, взмывали ввысь покрытые сверкающей позолотой изваяния великих людей. Какое богатство!

Но при этом была и великая скученность, порой приходилось останавливаться и ожидать, когда рассосется очередной затор на Месе, когда стражи разгонят толчею, доводилось тесниться, если дорогу преграждали носилки с очередным вельможей или сановником. Нет, все же на Руси привольнее и спокойнее, и воздух там куда чище, думала Ольга, вдыхая аромат специй у очередной лавки, а то и смрад завалявшегося мяса, дымный угар и подгоревшее оливковое масло у харчевен, где собиралась толпа праздных гуляк. Но и на гуляк было любопытно поглядеть: они были нарядны, женщины щеголяли невероятными украшениями, мужчины держались с достоинством, детей вели за руку няньки, и за порядком на улицах следили облаченные в блистающие доспехи городские стражи. И всюду камень, камень... Каменные дома, церкви, на века сложенные оборонительные сооружения, каменные маски зверей с разверстыми пастьми, откуда бежала вода, которую женщины набирали в высокие кувшины и несли на плече. С привычным на Руси коромыслом тут никого не встретишь, зато зачастую полные сосуды подвешивают на спины и бока ушастых осликов, направляя их по шумной улице к жилищу.

Однако, как оказалось, в этом окруженном с трех сторон морями городе с питьевой водой было туговато. Некогда, как пояснял по пути Агав Дрим, Константинополь просто задыхался без воды, поэтому тут и построен огромный акведук, – он указывал Ольге на внушительное сооружение из каменных арок, по которому вода поступала в столицу от самых отдаленных гор. И все одно нехватка воды тут ощущается по-прежнему, поэтому ее водовозы привозят и в каждом доме имеется цистерна для дождевой воды; есть и огромные подводные водохранилища. Человек многого может добиться с Божьей помощью, если он трудолюбив, умен и хочет лучше устроить свою жизнь. А потому, даже испытывая нехватку воды, Константинополь может позволить себе фонтаны, канализацию и бани.

К одной из таких и проводили русских гостей. Банитермы были обязательными в жизни византийцев, мыться в них, особенно перед походом в церковь, считалось едва ли непреложным правилом. Причем были дни, когда в определенную баню-терму приходили мыться мужчины, а в другой собирались женщины. Однако не только омовение тела считалось поводом для посещения терм: там общались, назначали встречи, проводили долгие часы за беседой. Агав Дрим пояснил иноземке Ольге, что в термах имеется зал, где течет горячая вода – кальдариум – и где можно размякнуть и пропотеть; есть зал с холодной водой – фригидариум, – где остывают после парилки; а есть просто с теплой водой, называемый трипидариум. Именно там можно окончательно помыться, намаститься маслами и благовониями, позволить размять тело умелым массажистам. Спафарий настоятельно советовал гостье прибегнуть к услугам массажистов – это и полезно, и красоту тела сохраняет, к тому же, чтобы массажисты не смущали нагих женщин, они все без исключения слепые.

Агав Дрим все это подробно рассказал княгине, волновался, отпуская ее под мозаичный порттик входа в термы, и все объяснял служащим, как держаться с гостями. Ну просто нянька хлопотливая! Однако советы его оказались необходимы, так как в такой бане русские еще никогда не бывали. Здесь не было полока и березовых веников, парились в небольших комнатках, куда воздух поступал через сделанные в стене отверстия. Пар в такой парилке был сухой и ядреный, после него следовало войти в холодный зал, фригидариум, ополоснуться у фонтанчиков. А вот наготы тут и впрямь не было видно. Ромейские матроны мылись в легких длинных рубашках, накинув шали, сидели на широких мраморных скамьях, прямо через ткань натирая себя мыльной пеной, а потом ополаскивались в бассейне. А так как византийские матроны страсть как любили украшения, то и мылись едва ли не в них. И при этом с интересом поглядывали на прибывших гурьбой иноземок, шептались, бросая на них косые взгляды.

Ольга была молчалива. Богатство Царьграда ее потрясло, она замкнулась, но при этом старалась не показать своей подавленности. Русь сейчас казалась такой далекой, такой дикой. Да и бани там были не то что эти... Конечно, ее женщины стали говорить, что, мол, все тут не так, мол, дома у них из пара можно прыгнуть сразу в речку, освежиться в холодной водичке. А тут и пар не тот, да и что за причуда купаться в одеяниях? Вон иные матроны даже в воду спускаются в рубашках, сидят, млеют под тихое журчание струй из пастей каменных зверюг. Молоденькая княжна Милослада даже решила сверкнуть наготой, плюхнулась в бассейн, поплыла в чем мать родила. Однако византийские женщины сразу расшумелись, стали возмущаться. Ольге пришлось прикрикнуть на княжну, велела прикрыть срам. Не на купальских игрищах, чай, пусть считается с местными обычаями.

Но все же, напарившись, разнежившись, восхитившись мозаикой на сводах, наплескавшись в мраморных бассейнах, чувствуя приятную легкость в теле после работы массажистов (действительно слепых), русские женщины остались чрезвычайно довольны. Только при выходе Предслава Полоцкая подняла шум: в нише в аподитерии, где она оставила верхнее одеяние, не оказалось ее пышной лисьей шапки. Предслава едва ли не с кулаками пошла на банщиков, требовала вернуть. Еле удалось усмирить ее: Агав объяснил, что кражи в банях не редкость, но он сообщит о воровстве самому епарху.

– Все равно тебе было бы в ней жарко, – успокаивала расстроенную родичку княгиня. – Да и вообще, не стоит вам сейчас в мехах по граду разгуливать. Жара, духота, солнце печет, будто изжарить хочет.

– Но разве не ромеи покупают меха с Руси по немалой цене? – отвечали ей.

Стоило объяснить, что и тут бывают ветренные холодные дни, когда знобит кутается

в роскошные меха. Потому и цена на них немалая держится. Однако летом бродить в подобных одеяниях под солнцем не принято.

С этим пришлось согласиться. Хотя и расстроились все. Они-то навезли сюда столько пышных уборов из соболя, рыси нежной, куницы шелковистой, а тут... жара. Ничего, утешал вернувшихся на подворье женщин Сфирька. Пусть лучше продают свои меха, купцы-перекупщики все у них примут втридорога, а сами княгини и боярыни за полученные деньги могут приобрести себе наряды по ромейской моде. Ведь тут необязательно иметь при себе рукодельниц, какие будут шить хозяйкам от зари до зари, тут можно пойти по лавкам и купить уже готовую одежду, и каждая, выбрав себе наряд, примерит, а то и подгонит прямо на месте. Торговать готовым платьем в Царьграде давно принято, а цены тут вполне умеренные, это в Киеве наряд заморский несусветно дорого стоит, ибо стоимость по пути вырастает.

Да, все здесь было иным. Изю дня в день доводилось в подобном убеждать. Но было в этом и нечто хорошее: в проходящих в ожидании приема днях Ольга как-то отвлеклась от всех обычных забот и планов, от вечно гложущих проблем, расслабилась, наполнилась новыми впечатлениями. Она каждый день гуляла по граду, дивилась на красивые здания и дворцы, наблюдала за ромейскими обычаями, посещала лавки, покупала, приценивалась, торговалась. Где они сейчас, зеленые просторы Руси? Вокруг же были кварталы ткачей и портных, чеканщиков и ювелиров, юристов и менял, живописцев и оружейников, и везде царил кипучее оживление.

Как-то через седмицу, уже укладываясь почивать, Ольга вдруг спохватилась: где ее чародейка? Ей ответили, что Малфрида так и не сошла на берег. Осталась на «Оскаленном», заявив, что чужие берега ее не приманивают, а на корабле хоть борта из русской древесины сбиты, парусина, вытканная на Подоле, своя. На берегу же чужом ей тяжело делается.

– А мне вот не тяжко, – заметила Ольга, уже сонная и утомленная после впечатлений очередного дня, полного событий. – Даже интересно на это чужое глянуть. Есть чему поучиться.

Но когда на другой день Ольга проснулась, первая мысль была о ведьме. И отчего-то княгиня смутилась. Вон Малфрида чувствует, что тут все не их, все для других создано, а Ольга, словно девчонка из дальней веси, впервые прибывшая в град, носится повсюду, все ей любопытно, на все поглядеть охота.

Когда на подворье явился спафарий Агав, чтобы сопровождать княгиню на очередную прогулку, Ольга встретила его вопросом: когда ее с подворья в Палатий препроводят? Агав опять стал раскланиваться да пояснять: вот только-только сирийские послы отбыли, теперь Константин гостей из далекой Иберии принимает. Если бы позаботилась русская госпожа сообщить заранее о своем приезде, и ей бы свое время наивысочайший базилевс назначил. Ибо он весь в делах, его время ценно, на нем все мироздание держится.

– Смотри, чтобы не надорвался в держании мира наивысочайший-то, – заметила Ольга. – А то в какой-то миг разверну свои струги – только меня и видели.

– Зачем же великая архонтесса гневается, – замахал пухлыми ручками Агав. Голос его вообще писклявым от волнения сделался. – Базилевс о тебе не забывает, дары шлет, желая умиловить. Но послы-то иберийские дольше тебя дожидались приема. Вот и их очередь теперь. А тебя велено провести по храмам, чтобы поглядела и поняла, как сильна наша вера, наше поклонение Создателю.

Спафарий уже не единожды звал Ольгу посетить церкви города, но она не спешила. Пусть и хороши эти церкви, куполами увенчанные, однако пойти туда означало бы показать ее интерес к их вере. К тому же на Ольгу произвела впечатление вернувшаяся из огромной Святой Софии черниговская Долхлаба – восхищенная, умиленная, потрясенная. И теперь что ни день, она отправлялась по церквям, молилась там чужому ей Богу. Священник Григорий Долхлабу хвалит, говорит, что она ему как сестра стала, что он готов даже просить о ее крещении.

Но Ольга не спешила стать такой, как ее черниговская спутница. Конечно, она пойдет поглядеть, что там в храмах делается, самой взглянуть любопытно... Однако это потом, потом. А сегодня княгиня пожелала, чтобы Агав Дрим (она его имя так и произносила

одним словом – Агавдрим) провел ее к прославленным Золотым воротам Царьграда. Эти ворота обычно держали закрытыми, отворяя только в особо торжественных случаях для процессий или прибытия какого-то значительного лица. От подворья Святого Мамы до них нужно было проехать вдоль всей длинной стены Феодосия, ограждавшей Столицу Мира с суши. Это был довольно долгий проезд, по пути Ольга смотрела на двойные ряды мощных стен, на огромные квадратные башни и про себя дивилась смелости и дерзости русов, какие некогда штурмовали эту громаду, напугав ромеев настолько, что те вышли к Олегу с дарами, согласились заключить выгодный для Руси договор. Однако когда она упомянула о том, спафарий Агав только снисходительно усмехнулся и промолчал. Мало ли что болтает эта русская архонтесса – пусть себе, только бы опять о встрече с базилевсом не заговаривала. Ну а об упомянутых ею событиях в Византии говорить было не принято. За это могли и к штрафу за оскорбление величия ромейской державы привлечь.

Торжественные ворота Царьграда и впрямь казались золотыми. Ольга разглядывала эти огромные створки из позолоченной бронзы с множеством накладных барельефов, расположенные между двумя стройными колоннами и укрепленные квадратными башнями по бокам, дивилась на гигантское изваяние наверху. Спафарий пояснил, что это изображение древней богини Фортуны, подательницы удачи. И хотя жители Царьграда давно почитают только Христа, статую не захотели сносить, веря, что удача все же им необходима. Да и как украшение старинная богиня совсем не плоха.

Он еще что-то рассказывал, но умолк, увидев бегущую к Золотым воротам толпу, заслышав приближающиеся громкие звуки труб. А там и позлащенные створки начали отворяться. К ним со стороны предместий приближалась пышная кавалькада: вышагивали по дороге одетые в блестящие медные доспехи копьеносцы-дориворы, следом шли трубящие в круто загнутые рога воины в посеребренных лориконах и накинутах на головы и плечи шкурах полосатых диковинных зверей. За ними, восседая на высоких конях, ехали прославленные на весь мир непобедимые конники византийского войска катафрактариев, закованные в чешую до самых шпор. И в середине этого воинства на богато убранном белоснежном скакуне гарцевал внушительного вида суровый воитель.

Агав не удержался, чтобы с важным видом не сказать Ольге:

– Это сам Никифор Фока, прославленный военачальник, равных которому нет во всем мире!

«Так уж и нет», – подумала Ольга, рассматривая этого Никифора Фоку. Он и впрямь смотрелся внушительно, хотя в отличие от своего помпезного войска был одет довольно скромно – без головного убора, в серой накидке поверх простого, но удобного воинского доспеха, в поножах из твердой грубой кожи. С собой Никифор Фока был широкоплечий, с густой и кудрявой шевелюрой цвета воронова крыла, но с налетом седины на висках. Густые брови придавали его лицу несколько угрюмое выражение, горбатый нос казался хищным, но темные глаза смотрели живо и внимательно.

К удивлению Ольги, прославленный Никифор попридержал скакуна возле стоявших в толпе русов, стал их разглядывать. Сперва показалось, что с особым вниманием он смотрит на рослую Предславу Полоцкую. Та даже приосанилась. Но потом стало ясно, что не русская красавица привлекла его внимание, а заинтересовал стоявший за ней Свенельд. Варяг вышел немного вперед, расправил плечи в светлой русской рубахе и дерзко глядел на сурового Никифора, даже подмигнул ему в какой-то миг. Тот никак не отреагировал и невозмутимо поехал через шумящую и прославляющую его толпу.

Как оказалось, эта встреча не прошла бесследно для Свенельда. Уже к вечеру его вызвали... в Палатий.

Ольга была озадачена и оскорблена. Что же это, княгиню и на порог не пускают, а ее так называемого анепсия удосужились принять в самом дворце императора? Расстроенная, она мерила шагами покой, нервно покусывала печатку на перстне, а когда с очередной прогулки по городу вернулись ее знатные спутницы, стали делиться новостями да хвастаться обновлениями, Ольга весьма неприветливо выпроводила их. Сама же велела доложить, как только появится Свенельд. Если вообще появится. Мало ли чем прельстят его ромей?

Свенельд вернулся, когда Ольга уже подремывала. Но вмиг очнулась, лишь заслышав его голос, кинулась к окошку.

– Немедленно ко мне! – крикнула.

И косу теребила, как девчонка. Но едва варяг появился, склоняясь под низкой притолокой, уже спокойной смотрелась. Только бровь выгнула значительно, ожидая пояснений.

– Ты уж не гневайся, государыня, – приложив руку к груди, примирительно произнес Свенельд. – И перво-наперво доложу, что встреча моя была не обычным церемониальным приемом, а просто для беседы меня вызвали. Причем пообщаться захотел тот самый Никифор Фока, какого видели сегодня и какой ныне проживает в одной из палат ромейского дворца.

Свенельд рассказывал, что Никифор при встрече сразу стал хвалить русов, говорил, что ранее немало из них служило в его воинстве, что хорошо себя проявили. Правда, Никифор не больно различает, где варяги с севера, а где сами русы, – все они для него едины, все северные варвары, какие хорошо умеют сражаться. А потому он хотел договориться со Свенельдом, чтобы тот прислал ему побольше таких витязей с Руси. Причем обратился к Свенельду, решив, что именно он, анепсий русской архонтессы, может ведать такими вопросами, никак не женщина, пусть и облеченная властью. Да и не сильно-то тут, в Византии, привыкли к тому, что женщина править может. Вон императрица Елена, супруга Константина Багрянородного, пусть и живет в чести и холе, но в дела государственные вмешиваться ей не позволяют. А ведь она, как сказывали, помогала мужу изначально, поддерживала его руку и против отца своего Романа Лакапина, против братьев своих, какие рвались к престолу, желая упразднить Константина. Вот и вышло, что, свергнув Лакапинов, Константин оставил женой Елену, сделал их общего сына соправителем, когда тот еще мальцом был. Ну, так у них, у ромеев, принято, чтобы Роман стал наследником рода уже при отце, дабы иные не оттеснили от власти. Но, став взрослым, Роман к власти не рвется. Он недавно женился, да не на какой-то достойной деве, а на приглянувшейся ему дочери трактирщика, настолько пригожей, что люди говорят, что она краше всего, что только рождалось под солнцем. И родители были вынуждены признать выбор Романа. Так-то у них при дворе.

– Я погляжу, ты неплохо стал разбираться в делах ромейских правителей, – заметила Ольга.

– А то! – прищелкнул пальцами Свенельд. – Я даром время не тратил. Я и про Никифора все вызнал еще до того, как он меня заприметил. Он и впрямь великий воин, немало воевал с агрянами, отвоевывал у них земли для империи, так что базилевс и его родня весьма почитают Никифора. Та же императрица Елена его отличает и дарами одаривает, чтобы ее мужу служил верно. Ибо она для мужа на все готова.

Свенельд еще рассказывал о семье императора, но Ольга невольно о своем подумала. Вспомнила, как, прогуливаясь по городу, однажды увидела императрицу Елену, ехавшую в золоченых носилках на богомолье в некий отдаленный храм. Правда, княгиня видела ее лишь мельком, отметив, что та уже немолода и лицо ее полно какого-то тихого смирения. Ну, у ромеек высшим украшением женщин считаются скромность и послушание. Они вон рядятся в каменья самоцветные, шелками себя украшают, а все же священники их учат, что жены должны являться «в приличном одеянии со стыдливостью и целомудрием» и украшать себя не роскошными цацками, а добрыми делами. Священник Григорий читал Ольге эти строки из «Послания святого Павла», а когда она заявила, что нигде не видела более нарядных и роскошно украшенных женщин, чем в Константинополе, Григорий сказал, что так мужья одаривают женщин за радость семейного счастья. Княгиня согласилась с этим, сказала, что и на Руси воины любят богато одаривать своих избранниц, что чем более богато убрана какая жена, тем заметнее высокое положение ее мужа. Однако Григорий ответил, что все не так. И браки на Руси ненастоящие, а просто сожительство, не освященное брачным таинством. Ольга же заспорила с ним, они вообще часто спорили. И тогда Григорий сказал, что Ольга слишком привыкла к власти, потому и одинока. Ибо властной женщине не суждено познать радости любовной, и только послушной, почитающей своего избранника женщине дается счастье в супружестве.

Ольга тогда вспомнила Игоря. Разве она когда перечила ему? Нет, всегда послушной была, а если и хотела на своем настоять, то только уважительными уговорами располагала мужа принять ее желания. И Игорь всегда прислушивался, считался с ней. Ее же и править оставлял, когда отправлялся в походы. Причем ни боярам своим, ни удельным князьям никогда такой воли не давал, как жене. Все то знали, все с этим сжились. И, может, почитая ее, он и не взял в терем иную жену, меньшицу. Даже его последняя любовь к чародейке Малфриде не сделала ту соперницей Ольги во власти. Да что там говорить, ведь потому, что Игорь так суложь свою возвысил, иные князья своих жен тоже величали. И все от Игоря пошло...

Ольга вдруг ощутила укол в груди при воспоминании о нем. Скольким же она ему обязана! Не диво, что и по сей день с теплотой вспоминает, и не было в ее жизни никого значительнее его, любимее...

– Ты ведь не слушаешь меня, княгиня пресветлая! – ворвался в ее думы резкий голос Свенельда.

Она поглядела на него. Хорош. И на Руси, и в державах заморских таких красавцев еще поискать надо. А этот еще и любит ее. Но ее он любит или положение ее высокое?

И она спросила с прохладцей в голосе:

– Ну и что ты ответил обласкавшему тебя Никифору? Обещался ли доставить русов в войска его?

Свенельд заложил пальцы рук за блестящий наборными пластинами пояс, тряхнул ниспадавшими на плечи светлыми волосами.

– А то и ответил, что не правомочен я решать. Сказал, что пусть они меня и кличут анепсием твоим, но главное слово в таких вопросах только правительнице надлежит сказать. Вот когда покличут тебя ко двору, когда уложат ряд о нашей вечной дружбе с Византией, тогда и будет то решено.

У Ольги потеплело на душе. Ишь, не возгордился от оказанной милости, на нее сослался. И захотелось вдруг подойти, положить руки на его широкие плечи, заглянуть в зеленые, как болото, глаза.

Они стояли друг перед другом, разделенные покрытым яркой скатертью столом, на котором мерцал бронзовый светильник со многими фитилями. Было светло, но все же в этом неровном освещении Свенельд не заметил, как по-особенному глядит на него обожаемая княгиня. Да и думал, похоже, об ином, потому что сказал:

– Раз пропустила, о чем ране сказывал, я повторю. Меня еще про Малфриду расспрашивали.

Ольга медленно перевела дыхание, провела как бы невзначай рукой по вышитой кайме на рукавах.

– А что Малфрида? Какое кому до нее дело? Я брала ее с собой в надежде, что от нее толк будет. А она вон даже на берег сходить не пожелала. Сидит себе среди тюков с товарами на ладье, уж сколько раз я велела прийти – не идет. Ишь, а в Палатии о ней уже знают.

– Знают, – кивнул Свенельд, – и это меня тревожит. Спрашивается, откуда только прибывшему полководцу о ней известно? Но и он спросил, правда ли, что русская архонтесса привезла с собой ведьму, которая темные силы может нагнать на град. И кто такое ему поведал? Не иначе как христианин твой проболтался.

– Тут, куда ни глянь, христиане. А Григорию я о чародейке своей молчать не приказывала. А бояться ее – экое диво. Пусть думают, что есть у меня некто могущественный и великий, кто служит мне верно.

– Эх, Ольга! – Свенельд резко махнул рукой. – Тут все не так, как в наших краях, где чародейство привычно. Тут священники любого, кто колдует, не одобряют, а то и озлятся на него. Вот тот же Никифор вроде с интересом спрашивал, но глаза у самого колючие были. А присутствовавший при нашей беседе священник даже плевать

и креститься стал, когда я о Малфриде отвечал. Я говорил, что она никакого зла ромеям не несет, однако, пока толмач речи мои переводил, священник все гневался и лицо у него недоброе было.

– Ха! Я давно заприметила, что эти длиннополье только прикидываются ягнятами смиренными. Что, на Малфрид у им поглядеть любо? Так я прикажу ей явиться, пусть увидят и успокоятся.

Свенельд ответил не сразу. Когда заговорил, в голосе его звучала неуверенность:

– Стоит ли ромеям нашу Малфриду показывать? Хотя, может, и придется. Вон тот же Никифор дал понять, что, пока наша чародейка не посетит храмы, пока не убедятся, что зла от нее нет, тебя вряд ли допустят ко двору базилевса.

– Как не допустят?

Ольга опешила. Выходит, сама она тут никто, и что приехала договор продлевать, тоже никого не взволновало, а про чародейку уже выznали и условия свои выставляют! Впору обозлиться, ну да делать нечего. Знала ведь, что ромеи только себя уважают, а остальные будто и живут для того, чтобы с Византией считаться. Однако считаться все же придется. Ольге важен договор, а значит, нужно уступить.

– Завтра же Малфриде быть тут! – воскликнула княгиня. И поглядела выразительно на Свенельда. Пусть даст понять ведьме, что это приказ.

Он и впрямь привел чародейку на другой день. Ольга как раз прихорашивалась перед зеркалом. Священник Григорий уговорил все же княгиню посетить сегодня Влахернскую церковь Богородицы, а спутницы уже поведали ей, что в церкви ромейки ходят нарядные и прикрашенные. Вот Ольга и не хотела предстать среди них какой-то замухрышкой: старательно уложила косы на голове, как в Византии носили знатные патрикии, вдела в уши мерцающие узорами ажурные серьги, велела нарумянить себя, брови подсурмила. Глядела на себя с удовольствием, пока не заметила в отражении чародейку. И резко оглянулась.

– Да ты хвораеть никак?

Малфрида и впрямь выглядела неважно. Тусклые глаза, под которыми залегли тени, сама исхудавшая, будто истаявшая, стоит, понуро опустив голову. Но, в отличие от уже давно вырядившихся в византийские наряды боярышень и княгинь Ольги, Малфрида была одета, как на Руси ходят: рубаха с вышивкой на рукавах, понева запашная клетчатая, из-под короткого подола видны поршни с оплетающими голень ремешками. Волосы ее выглядели неухоженно, заплетены кое-как, надо лбом кудрявыми прядями на глаза спадают.

– Я в церковь с тобой не пойду, княгиня, – молвила негромко.

Кому бы иному Ольга приказывала, но знала, что с Малфридой так нельзя. Вот и уговаривала. Мол, она и сама не так уж рвется в эти храмы христианские, да только все там побывали и все в один голос твердят, что красиво там, что как ни хороши церкви снаружи, но главные их богатства и украшения внутри расположены. А про храм Влахернский вообще всякое сказывают. Дескать, хранится там дивный лик Матери Господа, который всякому в душу заглядывает, а еще там покрывало ее берегут, выносят в самых редких случаях, и все христиане молятся и прикладываются к нему благоговейно. Говорят, что это покрывало не единожды охраняло Царьград от всяких бедствий. Даже когда из Киева Аскольд с Диром пришли набегом, ромейский патриарх вынес на берег моря покрывало Богородицы и буря тогда великая случилась: корабли русов были разбросаны и стали тонуть, а выплывавших славян ромеи захватывали в полон. Вроде и самого Аскольда поймали, как рыбу, неводом, хотя потом, когда он принял крещение, отпустили с миром.

– Я креститься не буду, – глядя исподлобья, отозвалась Малфрида.

– Да кто тебя заставляет? Просто пойдешь в моей свите, посмотрим с тобой на эти дива. Я сама хочу глянуть да понять, отчего эта святыня великая ничего не совершила, когда Олег под Царьград явился с воинством. Может, придумывают все хитрые ромеи? Вот ты

и поможешь мне разобраться, что там и как. Может, и впрямь это сила великая, а может, кошуны просто рассказывают.

Влахернский храм находился не так уж далеко от предместья Святого Мамы, по сути за стеной, куда вели мощные Влахернские ворота. Ну а до самой церкви было уже рукой подать. Во дворе перед храмом было чисто, плиты перед входом выметены, немного в стороне журчал аккуратно обложенный камнем источник. Священник Григорий задержался подле него, даже склонился, будто выражая почтение чудодейственной воде, которую почитали слезами Божьей Матери.

Приближаясь к воротам храма, русы слышали долетавшее изнутри мелодичное многоголосое пение. Снаружи казалось, что в церкви темно, только бесчисленные огоньки свечей плыли во мраке звездочками. Но когда вошли под украшенный барельефом высокий свод, поняли, что в храме достаточно светло. Солнечные лучи проникали сюда в высокие округлые окна, и был виден плывущий на свету голубоватый дымок ладана, отовсюду веяло ароматами, можно было различить негромкое бормотание молящихся прихожан. В почитаемом Влахернском храме их было довольно много, но Григорий стал увлекать княгиню к алтарной преграде, на которой в мерцании лампад висели в богатом обрамлении иконы.

Ольге сначала хотелось оглядеться, окинуть взором дивную роспись на стенах, мощные полукруглые своды, посмотреть на прихожан, понять, насколько они веруют, больше ли в их лицах благоговения, чем у ее соотечественников, когда те наблюдают за священнодействиями волхвов у капища, но Григорий уже шептал ей восхищенно:

– Посмотри, да посмотри же на Нее, Ольга. Это и есть Богоматерь Никопея, что значит победоносная. Такие иконы считаются тут палладиями, то есть защитницами. И вот она перед тобой!

Ольга подняла глаза. Лик на иконе показался ей слишком темным, черт не разглядеть, но можно понять, что это укутанная в плат женщина-мать, нежно удерживающая на руке ребенка – Иисуса Христа. Золотистый отсвет окружал ее голову, лицо казалось спокойным, а вся она – ушедшей в ощущение своего материнства. Ольга ее понимала. Что небесной женщине все эти толпившиеся и молившиеся тут прихожане, если она со своим дитятей? Ольга помнила, как сама забывала обо всем, когда держала маленького Святослава на руках. Но княгине так мало было отведено времени на нежности с младенцем! Может, и Божья Матерь тоже должна думать не только о ребенке, но и о людях? Может, она и впрямь слышит все, понимает, о чем ее молят? И так же печется о них, как и княгиня о своих подданных, так же вникает в их чаяния. И, подумав об этом, княгиня Руси невольно прониклась симпатией к этому темному лику, за которым угадывалась женщина-покровительница.

Хор пел:

– Пресвятую, Пречистую, Преподобную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувше, сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим!

Песнопения в церкви были протяжными и мелодичными. Пели не только мужчины, но и женщины, голоса их сливались и множились, звуки расходились под куполом, будто взлетая и опять опускаясь. И это было так красиво... Пока их пение не прервал чей-то взволнованный возглас. Потом раздались и иные крики, толпа всколыхнулась. И все отчетливее стало раздаваться глухое долгое рычание.

Ольга оглянулась, увидела, как заматались прихожане, и, когда толпа потеснилась, поняла, что так взволновало всех.

Малфрида стояла, как-то странно сгорбившись, опустив голову; она водила в воздухе руками с растопыренными пальцами и глухо рычала. Причем этот рык был неожиданно громким, нарастающим, переходившим в крики и стоны. Затем она стала извиваться, как будто мучилась от какой-то боли, и рухнула, покатила по полу, все так же рыча, глубоко и страшно, с подвыванием. Вопли ее становились громче, перекрывали ропот изумленной, напуганной толпы.

В церкви стали гаснуть свечи, заматались какие-то тени, словно некто темный заслонял

собой проникавший в окна свет. А на полу по-прежнему билась и рычала чародейка, тело ее странно изгибалось, она дергалась, то припадая к полу, то вскидываясь. Когда в какой-то миг Малфрида выгнулась, Ольга увидела ее лицо и сама едва не закричала от ужаса. Ибо это был не знакомый облик ее советчицы и подруги Малфриды, а жуткая оскаленная маска кого-то чужого, жуткого и безобразного. Вылезшие из орбит глаза, закатившиеся, белесые, оскаленный рот, из которого текла пена, вздувшиеся на лбу жилы, отвратительная гримаса то ли смеха, то ли мучительной боли. Малфрида опять припала к полу, опираясь на руки, будто собралась прыгнуть и напасть на кого-то, но вместо этого покатилась, сотрясаясь от крупной дрожи.

Сквозь толпу к ней пробивался христианский игумен, за ним архидьяконы, все с поднятыми крестами.

– Изыди, сатана! – кричал священник, воздев руки. Но отступил, когда Малфрида со стремительностью ящерицы поползла в его сторону.

– Несите святую воду! – кричали в толпе.

Какой-то дьякон поспешил в ризницу, но в это время к беснующейся чародейке кинулся Свенельд. Он растолкал священнослужителей, потом сбросил с себя плащ и накиннул на бесстыдно оголившуюся в метаниях ведьму, сам упал сверху, придавил ее своею тяжестью, что далось ему нелегко, ибо Малфрида билась и порывалась высвободиться. И все же он ее одолел, поднял, понес прочь, по-прежнему извивающуюся и кричавшую каким-то низким незнакомым голосом...

Ольга без сил прислонилась к каменной колонне. Она дрожала. Но все же различила странно спокойный, даже грустный голос священника Григория подле себя:

– А ведь я подозревал, что она одержима бесом. Вот он и проявился. Да смируется над этой несчастной Небо!

Извне все еще долетали пронзительные крики ведьмы. Потом их не стало слышно за возбужденным гомоном собравшихся, за привычным городским шумом.

Глава 8

Будучи по рождению греком, священник Григорий мог бы возликовать, что его пригласили в покои самого божественного императора. Не госпожу его Ольгу позвали, не кого-то из ее окружения, а именно его, скромного пастыря Божьего, какой много лет провел среди варваров, выучил их язык, стал, по сути, своим. Но все же своим он не был, как и не мог уже считаться своим в Византии. Может, поэтому Григорий не удержался и приподнял голову еще до того, как было дано повеление подняться с пола, на котором он и приведший его Агав Дрим распростерлись ниц в покоех базилевса, совершая положенную проскинезу.

Григорий увидел невдалеке от места, где они лежали, подол длинного одеяния базилевса, украшенный вышивкой в виде важно шествующих в ряд львов, мог даже заметить пальцы августейшего императора, выступающие из мягких кожаных сандалий. Что ж, Константин Багрянородный тоже человек, и ему вышагивать в сапогах в такую жару тоже не великое удовольствие. Хотя сейчас, когда над Константинополем опустилась ночь, было уже не так душно. К тому же от жары спасала мощная толща стен богатого покоя в Священном дворце.

– Подымитесь! – прозвучал спокойный и словно бы усталый голос.

Тучный Агав Дрим стал с кряхтением привставать. Выпрямился и Григорий. Увидел, как восседающий в удобном широком кресле базилевс сделал кистью жест, словно отсылая кого-то, и догадливый спафарий, не переставая кланяться, попятился к двери. Григорий же остался.

В покое кроме императора были еще три человека. По правую руку от него сидел патриарх Полиевкт. Григорий видел его седую пышную бороду, умные темные глаза, высокую черную скуфью с расширяющимся верхом. И первым порывом его было кинуться к владыке и просить благословения, но его остановил голос третьего из присутствующих, в котором священник узнал виденного ранее Никифора Фоку.

– Сколько лет вы провели в варварской Скифии, авва?

То, что Никифор заговорил до того, как получил соизволение Константина Багрянородного, указывало либо на его непомерное влияние в кругу базилевса, либо на непринужденную обстановку в этом небольшом, но дивно роскошном покое. Григорий быстро замечал все: и устилающие плиты пола пушистые ковры, и облицованные белоснежным мрамором стены, мозаику под сводом в виде золотых звезд и луны на темно-синем фоне, обратил внимание и на выходящие в благоухающий сад полукруглые арки больших окон. Это был не официальный зал дворца, а внутренний покой – значит, не зря его привели сюда ночью и тайно, словно желая что-то вызнать без оглашения.

– Я пробыл на Руси немногим менее осмнадцати лет, – смиренно поклонившись, отвечал Григорий. – Отбыл туда еще молодым миссионером, после того как меня, рукоположенного священника из обители Сергия и Вакха, отправили в те края нести язычникам слово Божие. И я никогда не чаял, что служба моя однажды увенчается такой наградой – лицезреть вблизи божественного базилевса и владыку Полиевта.

– Аминь. – Патриарх слегка улыбнулся и взглянул на императора.

Лицо Константина оставалось неподвижно, казалось спокойным и гладким, как мрамор. Базилевс так привык к этой маске церемониальной важности, что даже в непринужденной обстановке личных покоев сохранял выражение отстраненного величия. И все же в лице императора читалась мудрость прожитых лет. Константину было уже за пятьдесят, в его темных волнистых волосах и ухоженной бороде светлели нити седины, плечи были широкими, но какими-то поникшими. Гладкими, тоже будто изваянными из мрамора, были и его красивые тонкие руки, праздно лежавшие на подлокотниках, сделанных в виде круто изогнутых лошадиных голов.

Заговорил император сразу о деле. Сказал, что им отрадно, что их подданный смог стать приближенным архонтессы Эльги, что оказывает на нее влияние и надоумил прибыть в Константинополь, дабы выразить базилевсу свое смиренное почтение. Григорий хотел

было вставить, что не только из почтения прибыла в Царьград его госпожа, но не смел перебивать августейшего, да и стоявший за креслом Никофора Фоки четвертый из присутствующих – невысокий юноша с воинской выправкой и ниспадающими на плечи кудрями – сделал предостерегающий жест, призывая к молчанию.

«Я совсем отвык от почтения к божественному, – подумал Григорий. – Наверное, я так долго находился близ великой повелительницы варваров, что сжился с более простыми отношениями, и нет во мне смирения перед императором Византии. Прости меня, Господи».

Он опустил голову, слушая слова базилевса о том, что Григорию бы следовало изначально отписать в Константинополь, предупредить о приближении флота архонтессы, что надо было объявить, что она заинтересована в христианстве и стремится понять веру...

Григорий опять открыл рот, но снова смолчал, бросив взгляд на ранее предостерегшего его юношу. Ибо тот уловил, что Григорий хочет вмешаться. Но на этот раз это заметил и Константин. Темные глаза императора под густыми бровями гневно сверкнули.

– Я вижу, благородный Иоанн Цимисхий, что вы сами хотели бы общаться с нашим гостем, раз вам отказывает выдержка в нашем присутствии.

Но за молодого человека вступился Никифор Фока. Сказал, что, дескать, пусть августейший не будет строг к молодости его племянника, ибо все они должны понимать, что проживший столько лет среди варваров священник Григорий утратил привычные среди ромеев манеры, а Иоанн просто хочет упредить, чтобы тот не оскорбил случайным жестом или словом богоданного императора.

– У меня и в мыслях не было ничего подобного, – осмелился подать голос Григорий. – Но я был бы плохим подданным наивысочайшего, если бы оставил его в заблуждении относительно планов архонтессы Ольги. Не только выразить ему свое почтение прибыла она сюда, преодолев опасности пути и бурное море, не только интересом к истинной вере вызвана ее поездка. Моя госпожа намеревается миром подтвердить тот договор, какой ранее был уложен силой оружия. И это проявление ее добрых намерений, желание избежать новой войны, ибо на Руси многие недовольны, что в последнее время Византия не спешит выплачивать Руси дань, какую обещала по договору с Игорем Киевским.

То были дерзкие слова, Григорий это понимал, как и понимал, что он вызовет недовольство автократора, однако не хотел оставлять его в заблуждении.

– Так Ольга не помышляет о христианстве? – задал вопрос патриарх Полиевкт.

– Я бы так не сказал. Она мудрая женщина и много расспрашивала меня о вере, однако окончательного решения еще не приняла. И все же я очень надеюсь, что влияние и мощь империи будут восприняты ею как данность жизни народа, познавшего Бога, когда на него проливается великая милость нашего Создателя.

– А Русь настолько ужасна? – спросил император Константин. – Погрязшая в язычестве, в неверии, в глуши своих дикий степей и лесов?

Григорий помедлил, прежде чем ответить. Что ж, Русь действительно дикая страна, но не настолько, как можно представить отсюда, из сверкающих чертогов Палатия. Ибо при госпоже его Ольге Русь сильно изменилась в лучшую сторону: прекратились войны внутри державы, жилища стали строить не только как убежища, но уже с намеком на красоту и уют. Наладилась и торговля, сглаживаются различия в говорах, люди начали лучше понимать друг друга, подчиняться единой правде – так на Руси называют основной закон. И все же, несмотря на все успехи правления Ольги, ее страна по-прежнему разьединена. Григорий видит причину этого в том, что каждое племя русов еще поклоняется своему божеству. Кто почитает Дажьдбога солнечного – в основном это земледельческие племена, кто Велеса, покровителя богатства, – его особенно чтут в градах, где идет торговля; воинство же возвеличило громовержца Перуна, и этот бог ныне особенно велик, так как воины на Руси считаются лучшими мужами. А вот на окраинах, в глухих селениях, по-прежнему поклоняются идолу, какой воплощает в себе Рода – создателя людей и кровного родства, заботящегося о том, чтобы в любую

годину люди держались вместе, переживая лихолетье. Есть и другие боги, и, пока славяне будут почитать их и приносить им жертвы, они не только останутся в невежестве и разобщенности, но никогда не станут единым государством. Вот в этом и убеждал Григорий свою госпожу, ибо она умна и практична, а он надеется заинтересовать ее принять христианство, потому что уверен, что, войдя в купель, она получит милость и благодать от Господа, проникнется к Нему всей душой. И если подобное случится, то кто знает, может, Ольга Русская и станет однажды подобно Святой Елене поборницей веры настолько, что даже люди ее крестятся, и тогда над варварской Русью воссияет на века свет истинной веры.

Константин слушал Григория, не перебивая. Этому багрянородному наследнику империи, столько лет отстраненному от престола при временщиках, долгое время приходилось утешаться занятиями науками. Отсюда было и его стремление узнать побольше об иных краях. И сейчас, слушая прибывшего откуда-то с конца света Григория, он испытывал неподдельный интерес, в то время как другие присутствовавшие уже проявляли нетерпение. Наконец Никифор Фока не сдержался и спросил: если Русью сейчас правит женщина, то достаточно ли она уделяет внимания русскому воинству, ибо им необходимо заняться вербовкой варягов, какие всегда приходили с Руси. Или через земли Руси – подсказал его племянник Иоанн Цимисхий. Григорий заметил, что уже упомянул, что витязи на Руси всегда считались лучшими людьми, и это стало особенно важно сейчас, когда вырос и встал во главе войск сын Ольги Святослав. Он еще молод, но уже понятно, что это будет великий воитель. А вот куда он направит свои отряды – это еще надо предугадать.

– В ваших словах кроется угроза? – Никифор Фока нахмурился.

– Это можно считать предостережением, – уклончиво ответил Григорий. – Русские князья не единожды поднимали оружие против богохранимой Византии. Но если союз с Русью останется в силе и в дальнейшем, витязи скорее станут служить в войске императора, чем пойдут против нее войной. Поэтому сейчас, когда княгиня в Константинополе и есть возможность убедить ее принять истинную веру, такой союз может продлиться долгие, долгие годы.

– Мне не совсем любо, – начал патриарх, – как вы склоняете архонтессу войти в купель, прибегая к помощи корыстных убеждений. Но, как говорится, пути Господни неисповедимы. Может, и впрямь стоит изначально просто убедить ее в принятии веры как к выгодной сделке, а там она и сама поймет, что христианская вера – единственно истинная. И пусть Бог довершит остальное!

Присутствующие произнесли «аминь», а потом Полиевкт стал читать «Отче наш», и все вторили ему, опустившись на колени.

Однако не было еще закончено моление, как откуда-то извне послышалась веселая музыка, а затем распахнулась невысокая посеребренная дверь. Сначала в покой вбежал огромный пятнистый дог и, помахивая тонким хвостом, стал ластиться к встававшим с колен высокородным особам. Потом, держа в руке виноградную кисть, зашел нарядно одетый белокурый юноша, а следом появилась очень красивая молодая женщина. Она же и закрыла за собой дверь, отчего в помещении стало тише, звуки музыки и голоса свиты вошедших стали удаляться. Белокурый юноша бесцеремонно уселся в одно из кресел, в то время как его прекрасная спутница примостилась на небольшом табурете у его ног.

– Только не начинайте ругать меня, отец, – поднял руку наследник Константина Роман. – Я ведь ваш соправитель и имею право быть в курсе событий. Так что нам с Феофаном желательно узнать все, что поведаст ваш шпион, – он слегка кивнул в сторону Григория, – о своей госпоже из дикой Скифии, а также проведать, правда ли, что она ничего не опасается, пока с ней ее могущественная ведьма?

Роман говорил, продолжая покусывать виноградную гроздь, и при этом ласково трепал по загривку прильнувшего к нему дога. Было похоже, что его вопросы скорее подсказаны кем-то другим, и этот другой – вернее, другая – была тут же. Григорий видел, как горят темные очи юной жены Романа, как внимательно она смотрит.

Священник сразу понял, кто этот веселый белокурый юноша с румяными щеками и атлетической фигурой и кто его дивно прекрасная спутница с огромными глазами

и черными косами, уложенными короной на голове. О ней многое рассказывали в Царьграде. И хотя после брака с наследным царевичем она взяла благородное имя Феофано, многие помнили ее простой прислужницей в трактире, когда она ходила с подносом и отзывалась на плебейское имя Анастасо. Но однажды эта чернокобая красота приглянулась легкомысленному Роману и завладела его сердцем настолько, что он вопреки воле родителей сделал ее своей венчанной супругой. Еще говорили, что Феофано не только дивно красива, но и очень умна. По крайней мере то, как она смотрела на Григория – внимательно, изучающе, цепко, при этом прикрывая интерес известной долей спокойного высокомерия, – указывало, что эта дочь трактирщика знает, как себя вести, чтобы произвести впечатление и не вызвать нареканий. А еще Григорий отметил, что если Константин и патриарх почти не обратили на Феофано внимания, то Никифор и его племянник Иоанн Цимисхий смотрели на нее с немим восхищением. И, видит Бог, она стоила того!

Тем не менее особо об этом Григорий не задумывался. Появление молодой венценосной четы подсказало священнику, что его призвали не только для того, чтобы вопрошать о готовности или неготовности язычницы Ольги к вступлению в купель. Их интересовала ее странная спутница – ведьма. После того, что недавно случилось во Влахернском храме, весь город только и говорил о чародейке русской княгини. Причем эта новость уже обросла самыми невероятными подробностями: мол, ведьма прямо в храме превратилась в крылатого демона, летала над головами верующих, пока не погасила все свечи, не осквернила все иконы, и лишь тогда выпорхнула в окно, и теперь никто не ведает, где она.

Император при неожиданном появлении сына и невестки не выказал волнения или возмущения, только его мраморные щеки слегка порозовели, что указывало на сдерживаемый гнев. Ибо хоть император и давал понять, что Григорий, будучи греком по происхождению и священником христианской Церкви, остается его подданным, но все же был достаточно проницателен, чтобы уразуметь – тот слишком долго служил при русской архонтессе и слишком был к ней приближен, чтобы не стать ее человеком. Поэтому он и сказал без обиняков:

– Каково бы ни было наше почтение к мудрой правительнице варваров Эльге, как бы мы ни желали лицезреть ее при нашем дворе, мы не можем допустить встречи, пока при ней ее демон.

Это же подтвердил и патриарх:

– Святая Церковь всегда боролась с нечистью. А спутница архонтессы явила себя многим взорам именно как дьяволица, которая смутила и напугала наших подданных и осквернила наш храм. Так что пока досточтимая Эльга не отдаст ее на суд Церкви, не может быть и речи о том, чтобы ее приняли при дворе нашего богоизбранного императора.

Григорий покорно склонился, сказав, что передаст эти слова своей госпоже.

Его выводил из покоев все тот же спафарий Агав, по бокам шли охранники в алых палатийных накидках поверх доспехов. Григорий подумал, что в подобном лабиринте переходов вполне можно заблудиться. Они проходили через освещенный светильниками коридор с рядом малахитовых колонн, попадали в темные помещения, где даже роспись на стенах казалась призрачной, спускались по улиткообразной лестнице и шли через округлый зал, вдоль стен которого светлели мраморные скамьи. Именно тут они увидели, как отворилась какая-то из выводивших в зал дверей и им навстречу вышел рослый человек, в котором Григорий узнал только что бывшего с императором Никифора Фоку.

Сопровождающие Григория стражи вмиг остановились, прижав одну руку к груди. Никифор жестом велел им выйти вместе с Агавом, и они повиновались, оставив полководца и священника посередине круглого зала.

– Вот что, авва, – сразу же заговорил Никифор, – я хотел бы расспросить у вас об этой русской ведьме. Правда ли, что она демон?

– Правда, благородный.

– А насколько правдивы те слухи, что силы этого демона достаточно, чтобы развеять любое войско?

В глубине души Григорий был поражен суеверию победителя Киликии и Финикии. Поэтому стал уверять, что слухи о неимоверной силе ведьмы весьма преувеличены. Действительно, одно время на Руси поговаривали, что именно благодаря ее помощи Ольга смогла завоевать самое непокорное из славянских племен – древлянское. Причем эта чародейка сама из древлян, а они все там слыли колдунами и волхвами, знавшими с темными силами. Однако за все то время, что Григорий состоит при Ольге, ее ведьма никаких опасных действий не предпринимала, скорее она служит княгине из собственных побуждений, советует ей, ворожит.

– Так она ворожея? – заинтересовался полководец.

– О том говорят, о великий. Я слышал, что именно она предрекла Игорю, супругу Ольги, что его второй поход на Византию будет удачным... хотя и без особой славы для него.

– Как это без славы? – удивился Никифор. – Помнится, это было двенадцать лет назад, я тогда воевал в Келесирии, когда пришла весть, что надо спешно возвращаться в Царьград, ибо русы идут на нас несметным воинством, да еще и печенегов уговорили примкнуть к своему походу. Но тогда все обошлось мирно, и держава откупилась от варваров огромной суммой.

– Так и было, о великий. И договор, выгодный для Руси, был составлен именно тогда. Игорь вернулся победителем, да только на Руси люди больше склоняются к мысли, что воспевать надо воинов, а не политиков. И то, что госпожа моя Ольга возвысилась благодаря уму, а не воинской славе, – в том особая ее заслуга. Она вообще очень мудрая и разумная правительница, и для Византии было бы выгодно...

– Да, да, я это уже понял. Так, говорите, эта чародейка – умелая ворожея? Она умеет предсказывать будущее?

Григорий вздохнул. Увы, в Константинополе, несмотря на то, что этот город был центром великой христианской веры, в чести были и знахарство, и ворожба, и наведение порчи, и все в таком роде. Официально это сурово порицалось и наказывалось, но люди все равно предавались суевериям и обращались к гадалкам и всяким шарлатанам-колдунам.

Священник убедился в этом еще раз, когда после ушедшего Никифора его остановил Иоанн Цимисхий. Он тоже справлялся о ведьме, спрашивал, правда ли, что она сейчас на одном из русских кораблей и к нему никто не осмеливается приблизиться. Получив утвердительный ответ, Иоанн, как и его великий дядя, полюбопытствовал, насколько ведьма может заглянуть в грядущее или, еще лучше, наворожить удачу и славу, изменить судьбу по желанию обратившегося к ней человека? Григорий не мог ответить ничего конкретного, но признался, что Ольга всегда советуется с чародейкой, та всячески ей помогает и до сих пор все их начинания были успешными.

Его опять вели по переходам и залам. В какой-то момент они вышли на длинную террасу, откуда открывался вид на сады Палатия и блестевшее вдали море. В темном небе плыл тонкий молодой месяц, сверкали звезды, тополя и кипарисы в саду казались застывшими вдали стражами. Жара уже спала, роса увлажнила гладкий мрамор балюстрад, и они выглядели глянцевыми в призрачном ночном освещении. Картина была настолько дивной, что Григорий даже не удивился, когда впереди появился тонкий силуэт прекрасной женщины с высоко уложенными короной косами. Ее светлое платье с пурпурной каймой, казалось, отсвечивает во мраке, за складками одеяния невозможно было рассмотреть, какова ее фигура, но двигалась она легко и грациозно, словно в танце. Григорий увидел, как его стражи, тоже прижав руки к груди, застыли, выражая почтение, а потом отступили, повинуясь ее жесту.

Григорий склонился, стараясь скрыть улыбку. Он не ошибся – прекрасной Феофано тоже было интересно узнать про ведьму. Но эта возвысившаяся с низов девушка спрашивала не только о том, умеет ли предсказать будущее чародейка: ее волновало, умеет ли та готовить, к примеру, любовное зелье, выпив которое человек никогда не перестанет любить и не будет глядеть ни на кого иного? Что ж, дочери трактирщика, получившей высокое положение августы, и впрямь было важно, чтобы ведьма помогла ей в этом.

Но священнику совсем не понравилось, когда Феофано спросила, может ли чародейка готовить быстродействующие яды? А медленно действующие? Станные мысли бродили в хорошенькой головке этой так неожиданно и невероятно возвысившейся трактирщицы.

Дальше Григорий шел, уже гадая, кто из его недавних могущественных собеседников захочет узнать про ведьму. Патриарх или развеселый кесарь Роман? Самого его пока вели не к центральному выходу дворцового комплекса, а в сторону, к небольшой калитке в стене у моря, где их с Агавом должна была ожидать лодка, на которой они прибыли. И только после того, как они уже миновали сады и оказались у самой стены, дорогу им преградила высокая фигура в плаще с наброшенным капюшоном. Хотя в темноте укрывшегося под капюшоном было не рассмотреть, но спутники Григория снова отступили, едва он приблизился.

– Следуйте за мной, – приказал священнику Константин.

Они медленно двинулись по песчаной дорожке, вдоль подстриженных кустов жимолости.

– Ответь-ка, любезный, – начал базилевс, – правда ли то, что на Руси есть столь редкое чудо, как вода, продлевающая жизнь?

«Ну хоть этот не спрашивает про Малфриду», – отметил Григорий, стараясь идти немного позади императора. Однако то, о чем спросил Константин, священнику совсем не понравилось. Он готов был отвечать на вопросы о ведьме, но подсознательно опасался именно вопроса о чародейской воде.

Но признаться пришлось: да, такое чудо имеется. И то, что его госпожа, которая вышла замуж за десять лет до того, как родился сам Григорий, и спустя столько лет выглядит молодой и цветущей, явное тому подтверждение. Имеются и некоторые другие могущественные люди на Руси, какие живут непомерно долго, при этом оставаясь в силе. Для иностранца это выглядит как великое чудо, а народ на Руси поговаривает, что это мудрые ведуньи-волхвы изыскивают для высокородных в глуши источники живой и мертвой воды. Григорию неприятно в это верить, но все же... Да, он знает, что волшебные источники – великая тайна Руси, но и великое ее богатство. Куда более выгодное, нежели все ее меха, сильные рабы, конопляные ткани, лес, воск или мед. И все же русы не торгуют с иноземцами волшебной водой, хотя, насколько знает Григорий, некоторые византийские вельможи предлагали немалое богатство за один ее глоток.

– Я это знаю, – произнес Константин. – И все же, если такая вода у русской княгини имеется... – Увы, это так, всемилостивейший.

Император резко обернулся. В лунном свете стало заметно его удлиненное породистое лицо с прямым носом, блеснула обвивающая чело узкая диадема.

– Но если это так... Видит Бог, я уже не молод, а труды мои еще не окончены. И я вновь бы хотел стать молодым и сильным, получив хоть немного такой воды.

– Это грех великий, государь, – негромко, но твердо произнес Григорий. – Грех противиться воле Господа, который каждому отмерил срок его жизни. Трудом и молитвами мы соизмеряем наш век, а вода чародейская вносит в нее изменения. Причем чаша удачи, какая отмеряна нам Всевышним, бывает уже испита человеком, и он продолжает жить с остатком своих горестей без Божьей милости, без радости. Но самое главное в том, что душа его умирает и теряет надежду на вечное спасение.

– И все же известно, что узурпировавший власть Роман Лакапин принимал такой дар от русской архонтессы, – несколько сухо заметил Константин.

– Да, я слышал, что, когда Роман захворал, он прислал посольство на Русь и княгиня согласилась выслать к нему своих чародеев с живительной водой. Император и впрямь тогда выздоровел. Но принесло ли ему это счастье? Разве не отвернулась от него удача? Разве не собственные сыновья свергли его с престола и постригли в монастырь? Где он и умер, всеми забытый и проклинаемый.

Григорий не добавил, что сам Константин потворствовал заговору сыновей против отца, а после добился, чтобы их тоже арестовали и сослали к родителю. И как поговаривали,

горькой была встреча свергнутого базилевса и предавших его детей.

- Это не вашего ума дело, милейший, - холодно произнес после паузы император. - Ваше же дело - сообщить русской архонтессе, что мы примем ее, если она доставит нам упомянутую воду.

- Но моя госпожа хочет за эту воду просить у вас руки одной из ваших дочерей для своего сына Святослава.

- Что? Выдать порфирогениту за язычника!

- Таково ее условие, всемилостивейший.

Константин какое-то время молчал. Потом сказал, что пусть Эльга будет рада приему в Палатии, а там они поговорят при личной встрече.

При этом Константин ни словом не упомянул о ведьме. Похоже, императора это мало тревожило. Куда меньше, чем то, что про его интерес к живой и мертвой воде может стать известно патриарху. Базилевс так и сказал Григорию: если тот желает добра себе и своей госпоже, то даже на исповеди должен молчать об их разговоре. Когда же Григорий сам спросил, как быть с ведьмой, Константин ответил, что пусть этим занимается Полиевкт. Причем Константин не видел в поимке ведьмы особой преграды для встречи: наверняка архонтесса Эльга сама поспешит выдать ее властям, желая быть принятой в Палатии.

Глава 9

Ольга была поражена, узнав, что ее встреча с императором зависит от того, отдаст или нет она чародейку церковникам. Вместе с тем княгиня понимала, что не может теперь, когда она преодолела такой путь и уже в Царьграде, вдруг неожиданно уехать не солоно хлебавши. Это перед Агавом Дримом она могла грозиться отбытием сколько угодно, но сама знала, что, если уедет, это будет выглядеть как ее поражение, крах всех надежд. Ибо ей, как правительнице, необходимо подтвердить уложенный ранее договор, необходимо, чтобы русских послов приняли в Столице Мира, чтобы о Руси узнали все народы и перестали считать ее дремучей страной, внушающей только страх.

– Что ждет Малфрид у, если я соглашусь ее выдать?

– Ее предадут церковному суду, допросят с пристрастием, и, если удостоверятся, что она дьявольское отродье, ее ждет очищение через боль. То есть после пыток ее сожгут на костре.

– Что! – встрепенулась Ольга. – Да не пошли бы они все...

И она сделала неприличный жест, умаляющий ее высокое достоинство.

Григорий притворился, будто не заметил грубости княгини. Стал говорить, что Малфрида и впрямь раскрыла свою истинную сущность в храме, где святая сила выявила то, что скрывается под человеческой наружностью ведьмы, что Ольге даже опасно держать подле себя подобное существо. К тому же теперь молва про чародейку княгини разоидется повсеместно – и каковой будет слава о Руси? Если она вообще будет...

– Уйди, Григорий, – как-то устало приказала Ольга.

Она села у окошка, посмотрела на улицу, на покрытые штукатуркой стены строений подворья, мощенные камнем переходы между домами, в которых поселились русские купцы. Сейчас там шла мена-торговля, совершались сделки, прибывали торговые посланцы. Вон одетые в богатые хламиды ромеи договариваются с суетливым Сфирькой о поставках воска, другие прицениваются к связкам нежной куницы. У следующего прилавка стоят купцы в чалмах и полосатых халатах, разглядывают мерцающий желтоватым отсветом янтарь, торгуются. Дальше видны непривычные для вида русов латиняне в узких вязаных штанах, они пришли на подворье Святого Мамы, дабы прикупить редкий в Европе мех соболя, а еще моржовую кость и кожи. Ну а вокруг торгующих как ни в чем не бывало бегают дети, прошла женщина, неся на голове корзину с поклажей, прохаживается водовоз, ведя под уздцы ослика, обвешанного кувшинами с водой. На всю улицу слышен его громкий окрик:

– Кому воды? Свежая вода! Прохладная вода!

Ольга ничего этого не видела, ничего не слышала. Она думала, что если не пожелает выполнить условия патриарха и уедет, то это может разорвать мирные отношения с Византией, да и купцы не успеют распродать товары, которые в таком случае будут просто изъяты в пользу казны. Не исключено, что за строптивой княгиней даже отправят военные суда и принудят принять условия базилевса. Да, неважные дела складываются. Однако отдать на пытки и казнь Малфриду!.. Свою советницу и помощницу!

Ольга уже поняла, что допустила ошибку, позвав с собой в путь чародейку. А ведь как лучше хотела! Княгиня всегда с Малфридой чувствовала себя увереннее, всегда полагалась на ее советы, на умелую ворожбу. Это началось еще в походе Ольги на древлян. А потом... Малфрида и после ей помогала: гадала, предсказывала, умела разобраться в людях, если кто-то казался Ольге подозрительным. Умела она угадывать недосказанное, знала, что посоветовать, если дело не ладилось. К тому же то, что княгине служит могущественная чародейка, увеличивало на Руси почтение к княгине, против нее не осмеливались идти, ее опасались. И если Ольга порой сама побаивалась ведьму, когда замечала в той нечто странное, то тогда просто старалась не смотреть на нее, отворачивалась. А еще Малфрида всегда – всегда! – находила для княгини живую и мертвую воду, даже тогда, когда иные ведуны возвращались после

долгих поисков с пустыми руками. И Ольга знала – пока с ней Малфрида, ей не страшно состариться, всегда она будет молодой и полной сил.

Но помимо всего этого княгиня чувствовала, что дикая и своевольная ведьма привязалась к ней как к доброй подруге. А доверяющего тебе человека труднее всего предать. Демоническое ли отродье Малфрида или просто дар у нее особый, но она всегда приходила на зов Ольги, всегда ей помогала.

А ведь были времена, когда княгиня ненавидела и опасалась чародейку. Это еще когда жив был Игорь, когда Ольга ревновала и переживала, что колдунья захочет власти и потеснит от великого князя его жену. Это позже Ольга поняла, что Малфрида слишком дикое существо, чтобы мечтать о высоком положении и подчинении людей. Она была как сама природа – стихийная и свободная. И самое странное, что, поняв это, Ольга даже порой разговаривала с Малфридой о погибшем муже. Ведь они обе некогда любили Игоря, обе хорошо его знали, а такие воспоминания о любимом, когда делить уже некого, даже чем-то сближали женщин. И отдать ведьму на пытки? Да что о ней скажут на Руси, кто ей поверит после этого, если узнают, что Ольга отдала на растерзание ту, которая столько времени верой и правдой служила ей.

Княгиня провела по влажному лбу платочком. Ну и жара в этом Царьграде! Нет того вольного духа, как на берегах Днепра, как на болотистой земле Новгородской. А тут, среди раскаленных улиц... Сейчас бы прекратить изводить себя, просто пойти на берег Золотого Рога, посидеть у воды на камне, вдыхая солоноватый влажный запах моря и наблюдая, как волны выкидывают на берег ракушки и цветные камушки, как рыбаки полощут свои сети и радуются свежему улову... Но нельзя. Тому, кто облечен властью, некогда отвлекаться на простые житейские радости, надо решать проблемы... Проблему.

Княгиня велела позвать Свенельда. После того, что случилось во Влахернской церкви, варяг почти все время проводил на «Оскаленном» в гавани Золотого Рога, на берег редко сходил, следил за Малфридой и оберегал ее. Но по приказу княгини сразу явился. Был растрепанным после вольного морского ветра, в расшнурованной на груди рубахе, вышитой славянскими узорами-оберегами. Ольга невольно залюбовалась им: загорел, волосы выбелились на солнце, отчего так контрастно смотрятся темные изогнутые брови над слегка раскосыми зелеными глазами. А вот на щеке ссадина.

– Подрался поди? – спросила княгиня.

– Было дело, – усмехнулся варяг, касаясь кровоподтека. – Это тут я анепсий твой признанный и мне все в пояс кланяются, а на борту судна, да еще когда попы эти чернорясые прибыли...

– Что, уже прибывали? За Малфридой?

– А ты как думала? После того, что с ней сделалось в этом храме... И понесла же ее туда нелегкая!

– Это я повелела ей явиться.

– Зря.

Он смотрел на княгиню исподлобья, на глаза падали светлые пряди.

– Для Малфриды там губительно. Ее беречь надо.

– Вот и береги. То мой наказ.

Свенельд хотел идти, но Ольга задержала. Спросила, как он отнесется к тому, если они назавтра уже расправят паруса и отправятся восвояси.

– А уговор с ромеями как? Или опять быть войне?

Да, он все понимает. Потому и помрачнел, когда Ольга сообщила, что их примут в Палатии, только если они отдадут на расправу церковникам чародейку.

– Плохи дела, – подытожил варяг. Сказал, что сам о чем-то подобном стал догадываться, когда лодки монахов начали кружить вокруг стоявших на якоре у предместья Святого

Мамы русских судов.

– Пусть хоть Малфрида перед ними не показывается, – встрепелась Ольга. – Нечего злить псов, дразня костью.

Свенельд кивнул. Сказал, что чародейка и сама это понимает, из шатра на «Оскаленном» выходит только когда стемнеет. Порой по ночам Свенельд даже катает ее в лодке по заливу. Надо же Малфриде хоть воздуха глотнуть, а то она по такой-то жаре и духоте в палатке совсем завяла. Хотя он помнит, какой принес ее из церкви... После ледеи и то краше выглядят. А Малфрида хоть и обливалась потом, но холодна была, как сосулька. У Свенельда даже руки инеем покрылись, когда нес ее.

– И ты это заметил! – Ольга резко повернулась. – Знаешь, Свенельд, я часто с Малфридой общалась, но в последнее время мне стало казаться, что от нее порой идет особый холод. Мне страшно от того...

– А что же ты хотела? Она ведьма как-никак. Княгиня пресветлая, Малфрида ведь некогда моей женой была, я многое о ней знаю, но и меня всегда воротило, когда в ней это колдовское проявлялось. Оттого и не смог любить ее как человека. А все же жалко ее... Потому и хочу охранить от всех этих ромеев с их христианскими заботонами.

И вдруг заговорил об ином: сказал, что, катая ведьму по заливу, он обратил внимание, что византийцы не только на ночь цепью выход из Золотого Рога перекрывают, как у них принято тут, дабы никто не вышел или вошел без дозвола во град, но еще и дроммоны свои при выходе из залива поставили, как будто к бою готовятся. Видала ли Ольга эти корабли ромейские? Это же целые плавучие крепости! Говорят, что на них имеется тот самый греческий огонь, каким был побежден князь Игорь в своем первом походе на ромеев. И хотя Свенельд считал, что в бухте близ града ромеи вряд ли решатся применить эту горючую жидкость, но все же понял, что сделают все возможное, чтобы русы не ушли, не заключив договора.

– Что ж, выходит, и им тот договор выгоден, – заметила Ольга.

Она провела пальцами по прическе: ее косы, уложенные высоким округлым венцом, были перевиты блестящими цепочками с самоцветами, а сверху еще была приколоты дымчато-голубая вуаль, отчего голова княгини казалась несколько крупной. Ольга, как и ее женщины, уже переняла местную моду, она ей шла, а цвет вуали сейчас красиво оттенял ее прозрачные серые глаза. Свенельд смотрел на княгиню с восхищением и нежностью, Ольге от этого стало хорошо на душе. Не только же ей в заботах жить, хорошо и покрасоваться перед мужчиной. Хотя сама же себя и одернула: не об этом ей думать надо, не мешаться собственной красотой. Вот и спросила варяга: не может ли Малфрида при помощи чародейства как-то обмануть охрану ромейскую, вырваться из окружения, бежать, исчезнуть?

Свенельд помрачнел.

– Тут вокруг все христианское, а это губит ее, лишает колдовских сил. Конечно, она копит силу понемногу после того, что во Влахернах случилось, но все одно это не та сила, какой она древлян подавляла некогда. Хотя... Вон, когда от патриарха за ней прибыли стражи да забрать хотели, она все же смогла их челн опрокинуть. Да так, что те даже не поняли, что к чему. Нам же потом пришлось этих длиннорысых из воды вытаскивать, чтобы не потонули. Однако на том силы Малфриды истаяли. И когда святоши эти и на другой день прибыли, вновь требовали, чтобы выдали им ведьму, она уже ничего не могла. Пряталась в палатке и жалкой такой выглядела. А монахи опять принялись распевать свои псалмы, послали своих людей на «Оскаленный». Ну и пришлось нам с ними разбираться.

Свенельд опять коснулся ссадины на скуле, поморщился.

Ольга отпустила его. С тем же наказом – оберегать ведьму от длиннорысых. А заодно подумать, как сделать так, чтобы ведьма тайно исчезла. Не станет ее, ну и с Ольги взятки гладки. И если раньше Ольга рассчитывала, что ведьма в чужом краю будет ей охранительницей и защитой, то теперь стала... обузой для нее. И уже княгиня должна была оберегать свою чародейку.

Глава 10

Еще когда Свенельд только подошел к берегу залива, он понял, что там что-то изменилось: челны, в каких за ведьмой прибыли люди патриарха, теперь не кружили вокруг, зато у борта «Оскаленного» покачивалась на волнах длинная лодка с богато облаченными стражниками. Причем те не спешили подняться на «Оскаленный», просто сидели и смотрели на русский корабль. Но Свенельд все равно заволновался, вскочил в ожидавший его челнок с гребцами, велел налечь на весла. Правда, еще по пути гребцы сообщили, что это к Малфриде прибыл некий важный византийский чин, который и повелел длиннорысым убраться, не мешать ему. Сам же сейчас в палатке с ведьмой укрылся.

Однако Свенельд успокоился только после того, как сама ведьма вышла из-под полога. Ее, чтобы не гневить греков-христиан, одели, как местную матрону, в зеленую длинную тунику и такого же цвета пенулу, мягкий капюшон которой сейчас был надвинут на лоб, почти не давая рассмотреть лица. Так же закутан в плащ был и появившийся подле нее человек. Это было смешно, ибо даже на расстоянии Свенельд узнал в нем великого ромейского полководца Никифора Фоку. Подумал было, что к нему, анепсию Ольги, явился Никифор, но тот при виде варяга даже как будто пригнулся и торопливо спустился в ожидавшую его лодку, сразу приказав отчаливать.

– Чего это он? – подивился Свенельд.

– Видать, нарочитый армянин не желает, чтобы его видели в обществе дьяволицы, как они меня тут называют, – хохотнула Малфрида.

Свенельд был рад, что она уже не киснет, как ранее, даже довольной выглядит. И они вместе посмеялись над наивными попытками Никифора оставаться скрытным, когда набережная Золотого Рога полна зевак и все они видят, что их величайший полководец и защита империи посещал ведьму на русском корабле.

– Чего же хотел сиятельный Никифор? – спросил Свенельд. – И гнева патриарха не убоялся.

– Ему нечего опасаться церковников, – произнесла Малфрида, усаживаясь на настил корабля и упираясь подбородком на сложенные на досках борта руки. – Ему вообще ничего ныне не стоит опасаться, ибо его великое будущее только грядет. О том я ему и поведала.

Свенельд негромко присвистнул. Оказывается, непобедимый воитель приезжал, чтобы ему поворожили!

– Ну и что ты такое ему предрекла, голуба моя? – полюбопытствовал Свенельд.

Он смотрел на Малфриду с улыбкой. Видел, что она постепенно отходит от причиненного ей в церкви вреда, вон уже сошла бледность со щек, глаза вновь сверкают. Может, она и впрямь оклемается, может, сила еще вернется к ней? Вот тогда она однажды и исчезнет... И пускай люди патриарха ловят ее, если смогут.

– Ты знаешь, я не люблю ворожить, – шурясь на солнечные блики на воде, отвечала Малфрида. – Будущее так зыбко, так неточно, так непонятно... даже мне. Оно не любит открываться, и разгадать грядущее весьма сложно. К тому же будущее может меняться.

– Эээ, голуба, ты зубы-то мне не заговаривай. Этот Никифор не последний человек в империи, и если есть нечто, что мне, как воеводе и послу, полагается знать, то не тай!

Малфрида какое-то время размышляла. А потом подивила Свенельда сообщением, что не только воинская слава и победы ждут Никифора, ибо однажды наступит миг, когда люди поднимут его так высоко, что он облачится в пурпур владыки ромейского. Да, да, кивнула Малфрида на удивленный взгляд Свенельда, Никифору суждено однажды стать императором. А плохо ли для Руси то, что Византией будет править базилевс-воин? Этого Малфрида Свенельду не могла поведать. Зато знала, что недолгим будет время блеска и величия Никифора. Вскорости умрет он страшно, причем от рук тех, кого любит и кому доверится. Но этого Никифору ведьма не сказала. Зачем? Известно ведь, что пришедший погадать о будущем только сладких известий ждет. Зато

она обещала поворожить Никифору еще раз, вот тогда и расскажет все более подробно. И произойдет это не ранее, чем луна в полную силу войдет.

– А ты и впрямь такое можешь? – взволнованно спросил Свенельд. – Может, и мне... ну это, наворожишь удачу, подскажешь грядущее?

Малфрида бросила на него быстрый взгляд и расхохоталась. Смех ее был... и в самом деле чародейский. И в кого бы она недавно не превращалась, веселье ее могло любого очаровать. Варяг тоже стал смеяться, потом потянул ведьму за косу, дурашливо приобнял. Малфрида же отпихнула его и произнесла серьезно: нет, Свенельду ворожить она не станет. Ибо уже уразумела, что ворожба не только открывает будущее, но и привносит в него несчастья. Так что не стоит ворошить то, что еще не состоялось, не стоит гневить Долю, которая еще не выросла. А то вон некогда Малфрида гадала Игорю, предрекая удачу в походе на ромеев, вроде и не обманула его... да только вышло все не так, как изначально ей виделось.

– Ну ты же и Ольге ворожишь! – встрепенулся Свенельд.

– Так, – отмахнулась Малфрида, – помаленечку. Далеко не заглядываю.

– Ну а свое будущее можешь определить? – волновался варяг. И вспомнил, что Ольга поведала, какие тучи над головой чародейки сгущаются.

Малфрида повела плечом, оправила складки низко надвинутого капюшона.

– Нет, свою судьбу я видеть не могу. Да и не стану. Себе ворожить вообще запретно. Потому что это верный знак беду приманить. Но одно я сейчас и без ворожбы могу сказать: пока луна растет, этот ромей Никифор все сделает, чтобы никто мне зла не причинил. Ведь ему ох как хочется еще про удачи свои послушать.

– Ты хитра! – восхитился Свенельд. – Да только до полной луны не так уж долго ждать. – Он указал на всплывающий с востока блеклый в лучах заходящего солнца серпик молодого месяца. Могла бы чародейка потребовать, чтобы Никифор похлопотал, чтобы патриарх и иже с ним отступились от нее, отпустили ее на все четыре стороны. Вот тогда бы она и уехала отсюда, вернулась бы на Русь, не ожидая, пока княгиня дела свои уладит с ромеями.

– Я так не могу поступить, – решительно отрезала Малфрида. – Как же я уеду? Как оставлю княгиню?

Свенельд отвел взгляд. Ну как ей скажешь, что у Ольги как раз из-за Малфриды не ладятся дела? Что по сути они обе теперь – и Ольга, не принимающая условия ромеев, и Малфрида, тут оказавшаяся, – стали пленницами Византии, и чем теперь дело обернется, еще не ведомо. Поэтому варяг только и буркнул, мол, могла бы Малфрида принудить Никифора и до осенних холодов охранять ее от церковников.

Ведьма не понимала, зачем такое требовать. Ведь базилевс со всеми его отговорками не может так долго откладывать прием русской правительницы. Полтора месяца суда Ольги стоят в Золотом Роге, купцы торги ведут, а по договору они вправе тут три месяца обитать и Византия им никакого зла чинить не может. Даже месячину на содержание выдает и охраняет их, пока срок не минет. Так что до холодов тут им ждать не придется. И уж как не тешится своей гордыней базилевс Константин, но княгиню вскоре примет. А уж до полной луны Малфрида охрану себе обеспечила. Потом же, глядишь, и настанет срок уплывать. Ибо какая охота ромеям и княгиню, и свиту ее немалую так долго на хлебах своих держать? Разорительно, однако.

Рассуждала-то она разумно... но не как ведьма. Будь в ней прежняя сила, она бы опасность почувствовала. Свенельд спросил: а если Малфрида даже в граде христиан может ворожить, значит, силы в ней какие-то имеются? Может, она тогда того... поднимет цепь, закрывающую Золотой Рог, откроет кораблям проход в Босфор да пошлет попутный ветер до самого устья Днепра?

– А договор как же? – удивилась чародейка.

Свенельд даже сплюнул сквозь зубы. Ну, чисто дите малое. Стал уверять, что ранее русы силой оружия вынуждали Византию принимать их условия, а из этого посольства может

и не выйти ничего. К ромеям как-никак княгиня прибыла, правительница целого края, а они ее как простую купчиху у порога держат да всякими проволочками изнуряют.

Малфрида со вздохом ответила после некоторого молчания: нет у нее прежней силы. Ворожить-то она может – тут и особого умения не надобно. А вот колдовать, как ранее, – нет...

– Ты только погляди вокруг, сокол мой, Свенельд. – Она указала на высившийся над водами залива город. – Сколько там церквей, храмов – и везде кресты, кресты, кресты. И повсюду люди, почитающие этот проклятый крест. И они все молятся, все вопиют к своему распятому Божеству. В колокола вон бьют... Я места себе не нахожу, когда они ударяют в звонницы. И все эти моления... Они словно душат меня. Тянут силы... Я будто в кольце тягучем, враждебном. И нет в этом краю волшебства дивного. Христиане молениями своими все тут уничтожили. Ни русалок не водится в этом море, ни водяных. Я вот по ночам в берега вглядываюсь, думаю, может, призрак хоть какой неуспокоенный там появится? Так нет этих призраков... Порой, когда ночь настает, мне иногда кажется, что кто-то наблюдает за мной, рассматривает. Но потом понимаю, что нет тут ничего. И как они живут без колдовского мира?

– По-людски живут, – отозвался варяг, выпрямляясь и разминая тело после сидения на настиле корабля.

Ну не скажешь же ведьме, что и без чародейства простые люди могут существовать, да и сам Свенельд порой думает, что без этих темных сил людям было бы спокойнее. Насмотрелся он на своем веку, каковы эти силы колдовские и к чему они приводят. Даже схлестываться с ними приходилось. И сохрани боги еще раз подобное пережить! Зато другое его тревожило: как в таком мире христианском может не погаснуть волшебная живая и мертвая вода?

Малфрида успокоила: ларчик-то с водой тут, на судне, припрятан. И пока она его хранит, пока шепчет заговоры, мерцает чародейская водица. Да и то, что от христианского берега морской волной они отделены, тоже оберегает чародейскую силу воды. Хорошо бы еще монахи со своими молениями и псалмами подальше держались. И чего им приспичило кружить вокруг места, где русские суда стоят на якоре?

Свенельд ничего не ответил. Разве сама не догадывается, что после того, что с ней во Влахернах сделалось, монахи так просто от нее не отстанут? Он спрашивал Малфриду, чего это она такое вытворять в церкви начала, она же в ответ – не помню ничего. Плохо ей сделалось, душно, боль разлилась в теле... И все, сплошной мрак, беспамятство. Даже сама спросила варяга, как ей удалось выбраться из храма. Свенельд лишь ответил, что, когда она упала, он вынес ее и доставил на корабль. А какова она была в тот миг, рассказывать не стал. Жалел ее, видел, что ведьма была напугана. Ну а что ее за дьяволицу тут приняли, она и сама должна понять, что такое тут не приветствуется.

Зато ее затея взять в охранники Никифора Фоку какое-то время и впрямь срабатывала. Его люди кружили на челнах вокруг «Оскаленного», отгоняли людей патриарха. И спокойно было... несколько дней. А потом как-то под вечер, когда Малфрида мыла голову нагретой на солнце водой, к кораблю неожиданно, обогнув челны с охраной, подплыла лодка с монахами, и те, словно темные тени в своих длинных одеяниях, беззвучно полезли на борта, едва не схватили ее, полуодетую, мокрую. Свенельд с охранниками был как раз за палаткой, в другой части ладьи, – ушли, чтобы ведьму не смущать, позволив поплескаться, – но тут ее крики услышали, возню какую-то, корабль закачался. Луна уже достаточно подросла, русы кинулись на шум и увидели, как монахи волокут извивающуюся женщину к борту, пытаются передать ожидающим в лодке сотоварищам. Но не успели, когда на них наскочили русы. Опять вышла потасовка с мордобоем. За оружие браться было нельзя, ибо за убийство своих в Царьграде разбирательств потом не оберешься. Вот и пошли лупить кулаками христиан, только выкрики да стоны стояли. Монахи, ясное дело, не соперники русам в кулачном бою, да только много их прибыло. А Малфрида вырвалась во время потасовки, метнулась туда, где оружие лежало. Она про запрет кровопролития не догадывалась, поэтому так и наскочила с мечом, растрепанная, полуголая, визжащая. Хорошо, что Свенельд успел ей подножку подставить до того, как она пустила в ход булат. Но и монахи, уже достаточно получившие, от визжащей бабы с мечом шарахнулись, стали прыгать с корабля в воду, цепляться за борта отплывающих лодок.

– Дьяволица! Бесовское отродье! – кричали.

– Сами вы... отродье! – погрозил им вслед кулаком Свенельд.

Но тут к «Оскаленному» подоспела лодка с охранниками Никифора Фоки. Люди патриарха связываться со стражами не стали, хотя и укоряли тех, что-де неладно, что они мешают священнослужителям выполнить свою миссию, покрывают озлобленное порождение тьмы. Правда, вскоре перестали шуметь, заметив среди охраны племянника Никифора, молодого Иоанна Цимисхия. И когда тот скинул капюшон и зычно выкрикнул свое имя, то уже ни о каком споре с прибывшими не могло быть и речи. Уплыли восвояси, громогласно распевая псалмы. Иоанн же неожиданно приказал гребцам своей остроносой монеры причалить к русскому судну.

Он взошел на борт и, откинув плащ, из-под которого сверкнула богатая одежда полувоенного, полусановничьего покроя, шагнул к палатке Малфриды. С ним был толмач, который перевел еще бурно дышащему после драки Свенельду, что Никифора ныне нет в городе, он проводит смотр войск, а потому приказал оберегать чародейку племяннику своему. И вот Иоанн Цимисхий тут... и ему желательно, чтобы колдунья поворожила.

Иоанну пришлось обождать, пока Малфрида приведет себя в порядок, успокоится и покличет его. Цимисхий стоял в стороне, невысокий, с ниспадающими на плечи темными кудрями, с надменно вскинутой головой, будто ему хотелось выше казаться. И так же надменно шагнул он со своим толмачом в палатку.

Долго они разговаривали. Свенельд прислушивался. Голос Малфриды был то тихий, то вдруг становился громким, почти пронзительным. И тогда варяг мог понять, что и Цимисхию предстоит облачиться в пурпур и надеть корону базилевса.

«Ну, эти мне ворожеи, – беззвучно посмеивался варяг. – Дай им волю, они всякому нагадают царский венец и славу. Да, знает наша Малфрида, как голову заморочить. А эти остолопы и готовы верить».

Когда голос Малфриды стихал, можно было различить негромкое бормотание толмача. Порой слышались редкие вопросы Цимисхия. Свенельд подумал: вон ведь собой коротышка этот Иоанн, а голос у него, как у какого воеводы – зычный, решительный, твердый. Однако и этот повелся на наветы ведьмы. Вышел взволнованный, дышал бурно, смотрел куда-то вдаль, а потом руку вскинул, будто собираясь совершить крестное знамение. Хорошо, что Свенельд успел удержать его, схватив за запястье. Сказал, чтобы толмач перевел, что пусть благородный Иоанн в своих церквях крестится, а здесь он может и развеять то, что ему наворожили. Цимисхий не стал перечить, ушел торопливо, не оглядываясь.

Малфрида сидела в палатке, потряхивая перед вошедшим к ней варягом мешочком с монетами.

– Щедро расплатился ромей. Я глянула – все желтый металл, ценный, золото. Я ранее столько и не видывала.

И впрямь, то было не абы что, а настоящие византийские номисмы. Такой дар – целое состояние. Свенельд так и сказал Малфриде. Потом же перевел разговор на другое: дескать, хорошо она сделала, что нагадала доброе Цимисхию, теперь он вдвойне охранять ее станет.

– Но ему и в самом деле суждено однажды стать императором, – заметила ведьма.

– Что, и Никифору, и племяншу его?

– Да, им обоим. И оба они потянутся как за властью, так и поддадутся на уговоры женщины. Я углядела ее в видениях обоих воителей. И хороша она, скажу тебе, как сама Заря Зареница. Да только не светла, а черна, как ворон, и душа ее отвратительна, как нутро гадкой летучей мыши. Много бед они от нее получают. Первый вообще сгинет в крови, а второй будет от мести ее умирать долго и мучительно и лишь перед смертью узнает, кто погубительница его. Так что, каков бы ни был их высокий удел, кончат оба страшно. Но сам понимаешь, Свенельд, того я им не сказывала. Пусть уж лучше

тешатся, что слава их ждет, и оберегают меня.

– А они поверили?

– Да. Я ведь каждому сказала то, что только им ведомо, вот они и уверовали. Но есть нечто, что меня смутило... Этот Иоанн надменный не будет другом Руси. Может, пока не уплыл далеко, пошлешь ему вослед стрелу, чтобы бед не было? Ибо много он прольет русской кровушки.

– Как же так? – опешил Свенельд. – Он тебя охранять вызвался, а ты его погубить думаешь? Да и знаешь, что с нами будет, если мы такого вельможу порешим?

Малфрида пожала плечами. Потом поиграла мешочком с номисмами и сказала с улыбкой:

– Может, поедем да погуляем от души вон туда. – И указала на противоположный от стен Царьграда берег за заливом. Там располагалось предместье Сики, где было множество постоянных дворов и таверн, где селился простой люд, не сильно вникавший, что церковникам надо поймать чародейку. И когда Свенельд наотрез отказался, ведьма даже взгрустнула. Она ведь, почитай, второй месяц на воде живет, забыла уже, каково это – по твердой земле ходить.

– Ништо, – отмахнулся варяг. – Я тут с тобой тоже на волнах качаюсь. И ничего. Ну, если и впрямь так намаялась, хочешь, покатаю тебя в лодке?

Но и это оказалось уже не так-то просто. Едва они поплыли мимо стоявших вдоль берега залива судов, как за ними одновременно двинулись ладьи охранников. Варяг решил не рисковать, повернул обратно, смотрел за идущими лодками преследователей. Те не приближались, но и не отставали. А чьи люди – охранники ли Никифора Фоки или люди патриарха? – не поймешь.

И тут из-за носа одного из пришвартованных кораблей появился еще один небольшой челнок, стал стремительно приближаться. Свенельд особо не волновался, разглядев, что в нем сидели только двое – один греб, сильно налегая на весла, другой устроился на носу. Но хорошо видевшая во мраке ведьма сказала, что это монахи. Ну ладно, не бойцы эти длиннорылые, Свенельд уже понял, однако сам грести не перестал.

И тут сидевший на носу монах в темной скуфье поверх длинных светлых волос подался вперед и произнес... по-славянски:

– От друга привет тебе, Малфутка. Упредить велел – беда грозит тебе. И если совсем плохо станет, то выпусти светлого голубя.

От неожиданности Свенельд бросил весла. Борта их лодок почти соприкоснулись, и монах передал что-то в руки растерявшейся чародейке. Миг – и его сильный гребница уже развернул челнок, скрылся за кормой стоявшего рядом струга.

Малфрида и Свенельд застыли. Немного в стороне прекратили бег и суда охранников. Малфрида машинально скинула с удерживаемого в руках предмета темное покрывало и увидела перед собой плетенную из лозы клетку, в которой слабо бил крыльями голубь.

– У монаха был древлянский говор, – медленно произнесла ведьма. – А ведь древляне как никто ненавидят христиан. Этот же... Сказал бы ранее кто, ни в жизнь не поверила, что древлянин может стать священником!

– И он назвал тебя *Малфуткой*! – пораженно добавил Свенельд.

Назад они плыли молча. Слишком были удивлены, чтобы обсуждать происшедшее. Зато оба подумали, что и впрямь есть тут, в земле ромейской, некто, кто знал ведьму, когда она еще была простой девушкой, не ведавшей о своих чарах, и откликнулась тогда на древлянское имя Малфутка.

Свенельд подвел лодку к борту «Оскаленного», помог ведьме подняться на корабль. В вышине светил месяц, тихо мерцали яркие звезды, серебрилась бликами темная вода залива, на которой четко выступали корабли со спущенными парусами. Целый лес мачт выстроился вдоль берега, здесь стояли корабли почитай со всех концов света:

итальянские и критские суда везли сюда мрамор и пшеницу, из Сирии доставляли серебро и дивные благовония, из Греции – шерсть и рогатый скот, из Таврики – кожи и соль. Все стремились в великолепный Константинополь, христианский град, какой считался «золотым мостом» между Европой и Азией. И те, кого принимали тут, словно получал отличительный знак, что и он причастен к центру мироздания, к обжитому миру, где нет ничего таинственного и колдовского... того, что, как поговаривали, было присуще дикой Руси, что пугало и заставляло держаться в стороне. Красивейший город выступал в ночи на огромном мысу между Пропонтидой и Золотым Рогом, но Малфрида ощущала тут страх, слабость и отчуждение. Ах, где те вольные разливы Днепра, поражающие даже сильнее, чем изогнутый, зажатый берегами Золотой Рог? Где бескрайние степи и глухие чащобы, в которых она могла слиться с тем, что так отвращало христиан от языческой Руси, – с дикой магией, колдовством и загадкой непостижимого – всем, что питало ее силы, делало сильной ведьмой, бывшей лишь наполовину человеком, но одновременно и некой непонятной сущностью, уверенной в себе и неуязвимой? Здесь же она была чужачкой, осажденной недругами. Она это чувствовала, а Свенельд знал. Поэтому и повторил, когда они стояли на борту ладьи:

– Бежала бы ты отсюда, краса моя. Мы с Ольгой тут как-нибудь и без тебя управимся.

Легко сказать. Свенельд и сам понимал, насколько это невозможно. Вон нередко люди собираются на берегу и шумят всякий раз, когда чародейка показывается из палатки. Они грозят ей кулаками, порой и камни кидают. Да и охрана градская следит за русскими судами. Поэтому попытайся Малфрида сойти на землю – вмиг растерзают. Уплыть же тоже не позволят. Вот и выходит, что Малфрида тут в западне, а Ольге за нее отдуваться приходится. Оставалось только надеяться, что, заручившись благими предсказаниями, сами вельможи помогут чародейке скрыться. Но как к ним обратиться с подобной просьбой? Никифор в столице бывает только наездами, а Иоанн Цимисхий все больше в Палатии вращается, куда русам доступ закрыт. Оставалось лишь ждать. А пока спафарий Агав Дрим по-прежнему являлся к княгине почти каждый день, сообщал новые отговорки, отчего ее не принимают, но, похоже, он знал, в чем причина задержки, потому и глядел на строптивую язычницу Ольгу с нескрываемым осуждением.

Впрочем, столь долгое пребывание княгини в Константинополе имело и свои положительные последствия. Так, Ольга теперь стала лучше разбираться в ценах на рынке, и свои уже не обманут, когда будут мыто платить; вникла она и в то, чем денежные торги отличаются от принятой на Руси меры товарами. Она уже не была столь ослеплена величиной Столицы Мира, осознав, что богатство роскошных кварталов скрывает за собой и ужасающую нищету окраин. Вглубь трущоб княгиня, конечно, не заходила – не к чести, да и опасно, – но то, что она увидела на узких клочках за особняками, ее поразило. И хотя пьяных в Царьграде можно было встретить куда реже, зато Ольга испытывала брезгливость, видя заигрывающих с прохожими растрепанных баб, а то и юнцов полураздетых. Ну, женщины – это еще можно понять, такие и в градах Руси к богатым людям пристают, предлагая себя за плату, но когда спафарий Агав нехотя пояснил, для чего эти мальчишки вихляют бедрами перед нарядными вельможами, княгине едва не сделалось дурно. И уж совсем она ужаснулась, проведав, что бывают любители и с животными совокупиться – с ослом там, с собакой. Нет, все же на Руси нравы были чище, разврата такого не наблюдалось. И пусть молодежь порой беснуется в праздник Ярилы или любят беспорядочно на Купальскую ночь, пусть девки рожают потом нагулышей, но все же знают, что о детях их потом позаботится род и не придется оставлять подкидышей в приютах при монастырях, а то и просто на улице.

Даже великолепие парадных шествий в Царьграде, как оказалось, не было явным проявлением могущества Византии, а больше показухой. Это выведal для княгини Свенельд во время военного парада, куда однажды пригласили русскую архонтессу и ее анепсия, желая продемонстрировать мощь ромейского воинства и произвести на гостей впечатление. Сначала они и впрямь смотрели пораженно и даже будто смущенно, но потом наблюдательный Свенельд заметил, что во время шествия облаченных в богатые доспехи воинов он узнает одни и те же лица, будто, промаршировав в строю, воины переодевались в новые доспехи и вновь выходили, дабы создалось впечатление, что воинство ромейское неисчислимо. Ну, чисто игры с ряжеными! А на деле Никифор Фока все не оставляет своих надежд пополнить воинство наемниками, теми же варягами или русами.

Да, денег на наемников у Византии хватало, а вот людей опытных да умелых маловато было. Свенельд выяснил, что в войсках зачастую служили не опытные воины, а так называемые стратиоты, крестьяне, каких вынуждали к службе за право пользоваться землей. Воины они были не весть какие, да и при любой возможности старались отказаться от службы, предпочитая внести налог в казну, только бы их не отрывали от привычного занятия на земле, заставляя выступать куда-то с оружием.

Так что истинных воинов в отрядах Византии было мало. Зато деньги водились. Может, потому империя предпочитает чаще откупаться от нападавших, ибо сами не имели достаточно сил противостоять врагам.

Об этом и рассказывал Малфриде Свенельд, когда в очередной раз возвращался на борт «Оскаленного», чтобы присматривать за чародейкой и оберегать ее.

– А еще я слышал, что и во время приемов в Палатии сановники выдают придворным чинам богатейшие, сверкающие золотом наряды, какими те должны ослепить приезжих во дворце. А когда прием оканчивается, все это сдается в казну до следующего раза, а чины возвращаются в город, кто в чем пришел.

– А Ольге ты о том сообщил? – спросила Малфрида.

– Как не сказать! Ну да она еще ранее то разузнала. Она ведь, расхаживая по подворьям Царьграда, успевает многое высмотреть и проверить. Ведь Ольга – разумница, каких еще поискать надо.

Свенельд говорил о княгине уважительно, но чародейка угадывала в его голосе скрытую дрожь, потаенную нежность, неуголенную, исполненную печали любовь.

– Хочешь, я опую княгиню любовным зельем, – как-то предложила ведьма взгрустнувшему варягу. Усмехнувшись, она покосилась на ларец, где среди живой и мертвой воды лежала полученная от шамана склянка.

Свенельд отрицательно покачал головой. Сказал, что ему ценна любовь, которая от сердца – не от чар.

В те дни, когда Свенельд оставался на берегу с княгиней, Малфриду охраняли по очереди то Коста, то Сфирька. Последний уже давно, быстрее иных купцов, с выгодой распродал свои товары, успел и закупиться в дорогу, а теперь все больше скучал. Говорил, что на Русь ему хочется, и эта тоска по дому как-то сблизилась ведьму и маленького боярина.

– У нас на Руси уже и серпень через середину перевалил, – с какой-то мечтательной печалью говорил Сфирька. – Хлеба убирают, снопы вяжут, оставляя только полосу жита на бороду Велесу. А там и последний снопок лентами обовьют, праздновать время придет, гулять по вечерам после трудов. Да и мед в бортах уже свезли, наверное, ягоды замачивают, грибы солят в кадках. Как думаешь, чародейка мудрая, отгуляли ли уже день Стрибога или нет? А то я по тутошней жаре не пойму, когда у нас Стрибожьин внуки первую тоску по лету уходящему пропустят. И свадьбы уже наверняка принялись справлять. Самое время этим заняться, когда урожай собран и закрома полны. Я-то надеялся, что успею вернуться к этому сроку. Думал отгулять по этой поре загодя обговоренную свадьбу моей любимой младшей дочери Пульхерии. Она в день Стрибога родилась, с ней сладу обычно нет, а тут жених попался хороший. Но без меня, отца родного, какая же свадьба? Вот и останется неугомонная Пульхерия в невестах, а она такая, что за ней только глаз да глаз.

Малфрида усмехалась, глядя, как Сфирька теребит в жмени свою жидкую русую бороденку. Надо же, о праздновании Стрибогова дня затосковал! А сам доченьку любимую христианским именем Пульхерия нарек. Да и на груди вместе с амулетами-оберегами еще и медный христианский крестик носит, кланяется, когда в церквях колокола звонят, даже признался, что и сам некогда получил в крещении имя в честь святого Мирона, и это имя – МIRON – очень нравилось Сфирьке, хотя он толком и не отзывался на него, не привык как-то. Боярин МIRON-Сфирька умел рассказать обо всем этом цветисто, даже прихвастнуть любил, однако особой веры в распятого Бога Малфрида в нем не чувствовала. Потому только и спросила, как это он веру в прежних богов с верой к Христу смешивать может?

Сфирька хитро подмигнул.

– А ты как думаешь? Я торговый человек, мне надо почитать богов тех стран, где торги веду. Ромеям же лишний раз показать, что и я крещеный, не грех. Тогда они у меня охотнее товары приобретают.

Когда же с Малфридой на заливе оставался Коста, они о другом говорили. Малфрида спрашивала у волхва, как на его волховские способности оказало влияние христианство? Коста сначала не отвечал, отмалчивался. Он вообще тут, в Царьграде, будто хотел оставаться незаметным: никуда не ходил, все больше среди своих держался. Поэтому о том, что и он волхв-кудесник, никто и не прослышал. Даже княгиня как будто позабыла, не покличет никогда. И зачем брала с собой?

– А ты бы предпочел опять со своими печенегам в образе пузатого хана на коне гарцевать? – съехидничала Малфрида.

Коста не отвечал. Но как-то все же обмолвился, что просто старается не думать о вере Христовой, не замечать, что вокруг делается, отгородиться, погрузившись в себя. Вот и хранит так свое волховское умение потихонечку. Даже заметил, что с ростом луны его сила как будто прибывает. Причем Коста поглядывал на Малфрид у осуждающе, как будто винил, что та свою колдовскую сущность при людях проявила. Ведьма и сама все понимала. Но как объяснить, что она не ожидала, что с ней такое во Влахернском храме делается? Хотя... Опасалась ведь подобного. Она и Свенельду не призналась, что было у нее тогда ощущение, будто кто-то другой в ней появился, чужой и властный, что силы христианские разворошили в ней такое, чего и сама о себе не знала. А теперь знает. И страшно ей. Но и ярость некая будто тлеет, злость растет. А со злостью и силы возвращаются. Как раз с ростом луны – тут Коста правильно все подметил. Но если сам он таился, то Малфрида, обуреваемая тихо поднимавшейся силой, все же как-то не сдержалась. Заметила один раз, как по заливу Золотого Рога плывет судно с каким-то важным священником на борту, и выпустила накопившуюся против христиан силу злобную. И вот при свете дня, на глазах у множества людей корабль священника вдруг словно поднялся на волне, закачался под вопли корабелов, затрещал и стал погружаться в воды. А волны вмиг стихли, как будто и не было ничего, лишь кричали, взывая о спасении, попадавшие в залив священнослужители и корабель. К ним со всех сторон устремились лодки, вылавливали мокрых людей, вытащили и нахлебавшегося соленой воды сановного священника. А Малфрида, глядя на подобное, лишь хохотала торжествующе. Это многие видели, как и узрели, что, когда вечернюю службу начали в храмах отзванивать, лохматая чародейка вмиг поникла, сгорбилась по-старушечьи и поспешила укрыться под пологом палатки.

Когда ночь настала, к пришвартованным русским судам прибыл Свенельд. Заскочил на борт «Оскаленного», весь облитый лунным сиянием, даже светлые волосы будто сияние испускали, однако лицо было темное, гневное, брови сошлись к переносице.

– Пороть бы тебя, да некому, – процедил сквозь зубы.

Малфрида вскинула голову, тряхнула разметавшимися, как грива кобылицы, волосами.

– Может, ты осмелишься отстегать меня, соколик?

– Может, и я. Но думаю, что теперь и иные возымеют подобное желание. Ты что же, дурища, не понимаешь, что опять весь Царьград бурлит, как растревоженный улей, во всех церквях только и твердят, что ты настоятеля обители Святого Фоки погубить хотела! А как снова явятся за тобой люди патриарха, как окружают со своими песнопениями и молитвами, да еще мощи святые привезут?

– Что привезут? – не поняла ведьма.

Свенельд махнул рукой. Сказал, что плохо ей могут сделать, не отвертится. Малфрида слушала его гневную речь, но отчего-то не боялась. А потом огорошила Свенельда заявлением, что пока опасаться ей нечего, ибо еще на исходе дня к ней приплывали из Палатия, предупредив, чтобы ожидала сегодня одну знатную особу.

– Кого это? – подивился Свенельд. – Кто не убоился явиться после того, что ты наделала?

Малфрида лишь пожала плечами. Варяг не стал расспрашивать, уселся в стороне на борт корабля, обхватив руками колено, смотрел на переливающуюся под луной воду.

Ясная ночь сияла над Царьградом, мерцали большие и малые звезды, высоко плыла огромная белая луна. Порой с берега, нарушая тишину, долетал шум случайной драки или песни пьяного корабельщика. Ветер стих, вода негромко хлюпала под днищем ладьи. Может, потому что было так тихо, а может, благодаря своему острому и в ночи зрению ведьма первая увидела приближающуюся к гавани у предместья Святого Мамы большую лодку-монеру. Та плыла по изогнутому заливу оттуда, где на мысу высились дворцы и кровли Палатия, и можно было различить, как склоняются и разгибаются фигуры гребцов, ускоряя ход монеры. Видны были и поблескивающие металлом шлемы на головах охранников, за которым темнел чей-то закутанный в темные одеяния силуэт. Причем и Малфрида, и проследивший за ее взором Свенельд заметили, что преградившие было путь монере лодки с охранниками Никифора Фоки при сближении замедлили ход, а потом и вовсе удалились к противоположному берегу.

– Что это служивые Никифора оставили свой пост? – заволновался Свенельд.

Но, как оказалось, никто не собирался на них нападать. Более того, когда таинственный незнакомец поднялся на борт «Оскаленного» вслед за уже бывавшим тут с Иоанном Цимисхием толмачом, то по движениям и хрупкой стати можно было заподозрить, что не гость это, а гостья. Причем знатная гостья, если судить по поблескивающим в лунном свете украшениям вдоль ее лица.

– Падите ниц! – приказал толмач обступившим гостью русам. – Ибо перед вами сама несравненная Феофано, супруга порфирородного Романа.

Ну, само собой разумеется, что ниц на корабле никто не улегся. Только поклонились почтительно и молча смотрели, как царица Феофано вслед за Малфридой скрылась под пологом ее палатки вместе с переводчиком.

В темноте палатки Малфрида послала легкий огонь на плававший в плоске с маслом фитиль, поглядела на гостью. Лицо у той было подобно цветку, нежное и словно озаренное каким-то внутренним светом. А глаза – темные, просто смоляные. На ведьму царица смотрела спокойно, с интересом. По возрасту совсем девчонка, не скажешь, что эта юная особа смогла совершить немыслимую карьеру – поднялась от прислужницы в трактире до супруги наследника трона огромной Византии. Однако же было в ней нечто такое, что Малфрида поняла – эта с любым делом управится. Ибо в этом нежном цветочке угадывалось... Малфрида даже подумала: родись эта девушка там, где властвуют чары, она бы, несомненно, стала бы ей соперницей в искусстве колдовства.

– Ты носишь под сердцем дитя, – прищурилась на гостью ведьма.

Та вздрогнула, но потом улыбнулась довольно. Что-то сказала толмачу. Голос – как музыка.

– Пресветлая госпожа спрашивает – это будет сын? – перевел тот.

– Сын, – подтвердила Малфрида.

– А будут ли у госпожи еще дети? – перевел очередной вопрос толмач.

Ведьма взяла руки царицы в свои, долго смотрела на линии на ее ладонях, потом попросила царицу надрезать палец и дать ей каплю своей крови. Тогда она сможет сказать, что ожидает Феофано в будущем.

Толмач даже вздрогнул, задохнулся возмущенно. Чтобы августейшая особа резала себя по приказу презренной чародейки! Но когда перевел ее слова, Феофано лишь усмехнулась. И вдруг быстро достала из складок одеяния длинный, остро заточенный нож. Такой тесак более пристало иметь разбойнику, из тех, кто подкарауливает запоздалых гуляк в темном закоулке, а в ручках благоухающей ароматами и шуршащей шелками красавицы он смотрелся почти кошунственно. Но управлялась с ним бывшая служанка умело. Сверкнуло лезвие, на тонком пальчике показалась струйка крови, потекла. Малфрида смотрела на нее, глаза ее расширились, стали желтеть...

Свенельд оставался снаружи, ждал, поглядывая на терпеливо сидевших в монере охранников. Те тоже приглядывались к нему, но на борт, где обитала страшная дьяволица, никто подниматься не собирался. Госпожа так повелела. По сути, появление тут невестки императора было неслыханным. Одно дело, когда ведьму посещали вельможные мужи империи, другое – член семьи богохранимого базилевса. Причем породнившаяся с ним через скандал, поразивший всю империю. Простолюдинка, облачившаяся в пурпур венценосцев, теперь осмелилась рисковать своим положением ради столь предосудительной встречи. Даже язычник Свенельд, чужак в империи, был этим поражен. Не знал, то ли восхищаться дерзкой смелостью Феофано, то ли ужасаться. Но одно понял: если Малфрида нагадает той, что царица пожелает, – охрана ведьме обеспечена.

Почему-то на этот раз Свенельд не осмеливался подслушивать, даже наоборот, отошел подальше, велел своим людям перейти по сходням на пришвартованные рядом суда. Сам же устроился на носу ладьи, подле высокого штевня с оскаленной мордой наверху. Теперь на корабле никого не было, и прилегший у штевня Свенельд казался неясной тенью. Ждал он довольно долго, даже подремывать начал под звуки хлопающей под днищем воды, однако вмиг вскинулся, когда уловил какие-то странные звуки, долетавшие из палатки: какой-то вскрик, стон, потом суета, возня. Варяг приподнялся, гадая, что там внутри происходит. Потом стремительно подскочил, откинул полог. В отблесках метавшегося пламени, в свете полной луны увидел двух сцепившихся женщин. Малфрида оказалась опрокинутой, а Феофано лежала сверху, занеся для удара тесак. Ведьма успела перехватить ее руку, и теперь они боролись молча, тихо, только дыхание бурное слышалось.

Свенельд подскочил, рывком заломил руку царицы с ножом за спину. Феофано вскрикнула, нож выпал из ее пальцев, а в следующий миг варяг быстро поднял ее и почти вышвырнул наружу. И это на глазах оторопевших охранников! Те, конечно, отсиживаться в лодке не стали, повскакивали, принялись карабкаться на корабль. Свенельд только и успел подхватить уложенное вдоль борта длинное весло, замахнуться, отбив первый натиск, повалив в воду успевших вцепиться в поручни. Феофано же не стала ждать, когда ей помогут, вспрыгнула на одну из скамей гребцов, оттуда – на борт, а затем с размаху в воду. Ее тут же стали ловить, протянулось множество рук, охрана расшумелась, раскачивая лодку. Свенельд наблюдал со стороны, по-прежнему удерживая длинное весло, и успел заметить, как один из охранников царицы занес для броски копьё. Еле смог уклониться, когда оно просвистело почти возле самого уха.

Все это происходило неимоверно быстро: вылавливали и втягивали в лодку Феофано, тут же метали копьё, лодка раскачивалась. Свенельд успел оглушить кого-то веслом, опрокинув в воду, по сходням с соседних кораблей с криками спешили вооруженные дубинками русы... И вдруг все вмиг умолкло, застыли и только онемело глядели, как по воздуху стал медленно плыть неподвижный силуэт человека в темной хламиде со странно склоненной набок головой.

Свенельд в пылу заметил это едва ли не последним. Просто в какой-то момент обратил внимание, что все стоят, открыв рты, смотрят в одну сторону. Варяг резко оглянулся и в последний момент отпрянул, когда почти над его головой проплыло неподвижное тело – на варяга даже кровь сверху капнула. И еще он увидел стоявшую у входа в палатку Малфриду. Ее руки были протянуты ладонями вперед, будто она удерживала на весу или толкала по воздуху мертвого толмача царицы; волосы ведьмы извивались, почти встав дыбом, а губы слегка шевелились, наговаривая заклятие. Потом она быстро опустила руки – и мертвец рухнул сверху прямо на Феофано. Царица взвизгнула, оттолкнула его и быстро стала что-то кричать, указывая на ведьму. Но та уже опять подняла руки, глаза ее вспыхнули, и она зашипела по-змеиному, в горле ее заклокотало, послышалось рычание... И тут же лодка с цесаревной и ее свитой закачалась на волнах, закружилась, будто угодив в водоворот, потом ее понесло прочь, только волна пошла, брызги полетели, люди закричали, попадали, вцепившись в борта.

– Малфрида, не смей! – Свенельд кинулся к чародейке, коснулся ее и сам упал навзничь, когда его словно оттолкнуло от нее плотным холодным потоком.

Однако и монеру Феофано перестало крутить и топить. Люди на ней уже не желали испытывать судьбу, налегли на весла, быстро уплывали прочь.

Малфрида сидела на досках настила, опершись на руки, голова ее свесилась на грудь,

волосы занавесили лицо. Когда к ней подбежали и стопились вокруг, Свенельд осмелился приподнять за подбородок ее голову, убрал всклокоченные волосы. Лицо Малфриды было обычным, только утомленным казалось, да и дышала она тяжело.

– Ну, не смогла я сдержаться, уж прости, Свенельд, – молвила наконец. – Но уж больно эта сучка разозлила меня.

Все еще были возбуждены, а вот ведьма, будто утомившись после колдовства, легла прямо на настил корабля и заснула.

Проспала она недолго. Очнулась от ощущения, будто на нее опустился некий холодный покров, а изнутри, словно сопротивляясь, поднимались согревающие силы. Малфрида открыла глаза, и в ее черных зрачках отразился свет висевшей высоко в небе луны. Так и есть – сверху холодит луна, в тело возвращаются силы. Хорошо! Малфрида приподнялась, огляделась. По-прежнему была ночь, вокруг тихо, даже вызванный во время ее чар переполох уже сошел на нет.

Она увидела Свенельда: упершись руками в борт корабля, он смотрел на город. Малфрида окликнула его, спросила:

– А где все?

– Кого ты имеешь в виду? – угрюмо отозвался варяг.

Но Малфриде было даже весело, как всегда, когда возвращалось чародейство. Ведьма похвалила Свенельда, что не стал ее будить-тормозить, дал от луны силу набрать.

– Под прямыми лучами ночного светила мне всегда лучше становится. Правда, лишь до той поры, пока поутру опять не начнут в колокола звонить, – закончила она уже не очень весело.

Свенельд опустился рядом. Ругать ее? Без толку. Ведьме скрывать свое чародейство все равно что ему свою силу и ловкость не выказывать. И все же ему легче. Его за умение воина никто не пожурит, а ей проявление колдовства грозит гибелью. Ольге – неприятностями. Да и патриарх не простит, а уж что в Палатии цесаревна наговорит...

– Она молчать будет, – резко оборвала его Малфрида.

Свенельд так не думал. Поэтому и распорядился, чтобы охранники на ладьях были ко всякому готовы, чтобы глаз не смыкали.

– Да отпусти ты их всех. – Ведьма махнула рукой. – Пусть люди отдыхают. Говорю же, Феофано молчать о случившемся станет и слугам своим так повелит. Более того, царевна первая позаботится, чтобы нас не тревожили. Уж не знаю, кого там она уговорит, муженька ли порфирородного, свекра державного или еще кого, но сделает все, чтобы меня к церковникам не отправили. А то как скажу им, что про нее узнала...

Малфрида не договорила, тем самым только еще больше возбудив любопытство Свенельда. Но он по ее совету отпустил людей, позволив им отдыхать до рассвета, а там уж поглядим, что будет. Сам же стал расспрашивать ведьму.

– Просто я ей поворожила, – отвечала та.

Она сидела, глядя на светившееся лунным отблеском небо, на млечно отливающую на фоне города воду. Светло было как днем, хоть вышивать садись. В этом свете выступали округлые купола церквей, высились мощные зубчатые стены града, вдали виднелись стройные копыя кипарисов. Легкий ветерок слегка покачивал корабль, под днищем булькало, сверкающие водные блики мерцали на деревянных бортах ладьи, скользили полосами по мачте, по внимательно замершему лицу варяга. Он ждал ответа, и Малфрида сказала:

– Я правду ей поведала. Обо всем. И что она родит троих детей, двоих сыновей и дочь, и каждый из них будет во славе и величии в свой срок. Переживет великое величие и славу и сама Феофано. На этом мне бы следовало окончить свой рассказ, как ранее я и делала, когда иным судьбу предрекала. Но эта прокравшаяся во дворец трактирщица

поняла, что я недоговариваю. Она очень умна, вроде как и сама ворожить умеет... многое знает. Вот во мне и выиграло, не хотела ее насмешку видеть. И я поведала все. Сказала, что власть и величие она заслужит страшными преступлениями. Что даже Константин Багрянородный пострадает от нее, опойт его красавица ядовитыми зельями, да еще так, что никто ни о чем не догадается. Только жена Константина будет подозревать правду, однако хитрая Феофано сумеет так повлиять на мужа, что тот и мать, и сестер своих ушлет в дальние монастыри лить горькие слезы. А эта с мужем своим воцарится, да только страх, что тот к иным пригожим бабам будет страсть иметь, не даст ей покоя, и она однажды изведет и Романа, как до того свекра извела. А сама при малых детях пожелает царствовать как мать-правительница. Однако не выйдет у нее. Ибо власть от народа получит воитель Никифор Фока. Теперь, когда все видения передо мной сложились в одну картину, я смогла все сопоставить и обо всем поведала нежной Феофано с ее каменной душой.

Однако царевну ничем нельзя было пронять. Слушала меня, улыбалась, как сытая кошка. Особенно просияла, когда сообщила ей, как Никифор, полоненный ее чарами, женится на ней и будет править, пока Феофано не решит, что иной ей люб. И знаешь кто?

– Иоанн Цимисхий, – сдавленно произнес Свенельд.

Теперь и он все понимал. И что Никифор станет однажды базилевсом, поддавшись чарам прекрасной базилисы Феофано, и племянник его. Но обоих она же и погубит.

– И что, все это ей боком выйдет? Никто не прознает про злодеяния ее?

Малфрида грациозно потянулась, отбросила за плечи разметавшиеся волосы.

– Ну, не совсем. И ей придется горюшка хлебнуть... в свое время. Я даже пожалела ее, не сообщив, что умрет она в неизвестности и забвении. А все сделанное ею прахом пойдет.

– Вот-вот, этого ты ей не сказала, а судьбу, выстроенную на преступлениях, поведала. Зачем? Сама же говорила, что будущее зыбко, что гадания всегда беды несут тому, кто узнать его пожелает. Хотя... Такой удел, как у этих троих... – Свенельд сокрушенно покачал головой. – Лучше и впрямь ничего не ведать да жить сегодняшним днем, самому свою жар-птицу удачи за хвост ловить, не заморачиваясь, что там Доля с Недолей наплетут.

– Все верно, сокол мой. Да только будь на месте Феофано кто иной... Говорю же, она сама ворожить может, сама многое углядела. И власть, и смерти, какие не побоится совершить. Вот уж гадюка, клянусь светлыми молниями Перуна! А сюда она явилась больше из любопытства, ибо обо мне тут слава злая идет, а ей это любо. Хочется пообщаться с тем, кого иные страшатся. Феофано вообще нутром черна, но при этом высокого мнения о себе, люди для нее – тьфу. У нас иная баба-погребальщица на похоронах, когда жертву убивает, и то больше жалости к ней испытывает, чем эта милая дева с душой мерзкой твари – к окружающим и поверившим в нее. Феофано все темное близко, хоть она молится и храмы посещает. Ведь она, по сути, чародейка с рождения, да только в этом христианском краю ее крылья перепончатые расправить не дано. Но яды она составлять умеет мастерски, как и приворотные зелья. Вот и опоила таким легкомысленного сына базилевса. И я ей об этом сказала, чтобы знала она, что не всякое злодеяние можно таить под спудом.

– Погоди, погоди. – Свенельд вдруг встрепенулся. – Так это поэтому она на тебя кинулась?

По пухлым губам Малфриды промелькнула улыбка.

– Ты или не заметил, Свенельд, что не вдвоем мы с Феофано были? Толмач-то с нами сидел, переводил. И он в таком ужасе был, что больше блеял, чем толково говорил. Но что ей надо, Феофано все же уразумела. И первое, что она сделала, это зарезала толмача, едва вызнала все от меня. Честно говоря, даже я от нее такого не ожидала. А она как полоснет его тесаком по горлу, едва голову не снесла. А потом и на меня кинулась. Оно и понятно, не хотела красавица, чтобы о делах ее темных кто-то проведал. Ни толмач, ни я. Хотя кто бы мне поверил? И все же Феофано уразумела, что если

потянут меня к патриарху, то уж мне будет что порассказать. И если она не убила меня, то теперь все сделает, чтобы я к церковникам на суд не попала.

– Да она велит погубить тебя! Она даже русские корабли заставит жечь греческим огнем!

– Думаешь? – усмехнулась ведьма.

Свенельд поразмыслил и понял, что глупость сказал. А вот то, что для Феофано теперь важно, чтоб чародейка убралась восвояси, – это дело. На этом и сыграть можно. А потому даже хорошо, что Малфрида силу свою показала. Пусть знают, что ежели она такое с полной гребцов и стражей монерой вытворяла, то и иное ей под силу.

Свенельд снова глубоко задумался, пока в какой-то миг не заметил, что Малфрида придвинулась и смотрит на него с какой-то особенной улыбкой.

– Что?

– Да вот подумалось мне, что опять ты меня спас, сокол мой ясный. Благодарю тебя от всего сердца.

Свенельд хмыкнул, но улыбка сама собой появилась. Он даже пошутил – ну и хлопот же ему с Малфридой! И была бы еще своя баба, а то чужая мужняя жена, а он все о ней печется.

Только что сиявшая улыбкой ведьма враз помрачнела.

– И зачем мне о муже напомнил, – буркнула, отворачиваясь.

Прислонилась спиной к доскам борта, смотрела на небо, на блики водных отсветов на мачте.

– Я ведь как ни уговариваю себя Малка забыть, а душа все одно болит. Но он предал меня, предал так страшно, как ты и представить себе не можешь. Да я бы скорее простила его, если бы он с девкой какой потешился в Купальскую ночь, нежели отверг все, что мне важно и дорого.

Свенельд с досады хлопнул себя ладонью по колену. Ну говаривал же и ранее, что не предавал ее Малк, что не стал христианином. Более того, пусть же знает, что любит он жену свою непутевую по-прежнему, а как ушла она, то он места себе не находил. И как только Малфрида вернется, примет ее с распростертыми объятиями, обнимет, поцелует...

– Не надо, – почти взмолилась ведьма. – Не хочу думать об объятиях его. А то... грустно мне делается. Он ведь знаешь какой ласковый...

– Ну, откуда ж мне это знать? – хохотнул Свенельд. – То тебе виднее. Как и виднее, будете ли вы еще жить ладком или разойдутся ваши стежки-дорожки. Но все же повторю, неразумница ты моя: если ты сама решила Малка оставить, то в том лишь твоя вина будет. А ведь Малк за тебя на что только не шел. Жизнью рисковал, терял все, что имел, на пустом месте опять начинал. А ты... «Изменил, предал то, что мне дорого...» Ну а ты сама какова? Думаешь, почему я с тобой не ужился? С тобой трудно. И убегаешь дикой кошкой, когда приспичит, не занимаешься ни домом, ни хозяйством, на детей едва взглянешь. Какой муж это потерпит? А Малк терпел. Детей вон твоих как родных принял, любил их уже потому, что они порождение твое. А сама ты ему дорога, как весь белый свет.

Малфрида притихла, ей приятно было слушать речи Свенельда. И грустно. Может, и впрямь поторопилась она, оставила Малка зря? Жила бы сейчас с ним, на кой ей посольство это княжеское понадобилось? Да и дети оставлены ею небрежно. Она поди и не думала о них, а тут вдруг сердце забилося, когда вспомнила.

Какое-то время они со Свенельдом говорили о Малуше, о том, что воеводу тревожит любовь к ней Святослава. Но Малфрида пыталась объяснить так поздно вспомнившему о своих родительских чувствах варягу, что, видать, на роду суждено Малуше быть подле князя, да и любит он ее так, как и не подумаешь с первого взгляда. А когда Малфрида

сказала, что колдовством отвратила от него дочь, князь даже решил к шаману печенежскому обратиться, только бы те чары скинуть с желанной. Вот и пришлось ведьме признаться, что Малуша его не разлюбила, что тоскует за ним.

Однако Свенельд ужаснулся, узнав, что Малфрида благословила союз дочери и князя Руси. Стал ругаться, даже кулаком ей под носом тряс. Она же ответила, что нет ему дела до Малуши, раз сам некогда не пожелал признавать ее своей. Свенельд же упрекнул ее в том, что хорошая мать не отдала бы Малушу в челядинки княгине, а она еще и под князя дочь подкладывает. Он же, Свенельд, думал по возвращении Малушу в тереме своем поселить, наградить богатым приданым да просватать за какого молодца нарочитого. Но Малфрида сказала – забудь. В Малуше все же ее кровь течет, она понимает дочь и знает, что та зачахнет без любимого. И даже говорить нечего, чтобы девушка послушала отца, которого и отцом-то не считает. Да и поздно им спорить, когда они тут, у стен Царьграда сидят, а Малуша сейчас на Руси с князем.

Поругались они, пошумели, а затем оба притихли и перевели речь на Добрыню. Уж к нему-то Свенельд никакого отношения не имел, но нравился сын ведьмы варягу, видел, что витязем тот растет. А Малк его все при себе держит в глуши, травы в порошок растирать заставляет. Но ничего, пусть Малфрида узнает, что Свенельд перед отъездом все же настоял, чтобы Малк отпустил Добрыню к нему в Киев. Правда, в дружинную избу он паренька не отправил, ибо там таких навязанных сверху отроков не больно любят, обижать начнут. Поэтому Свенельд мальчишку пока на конюшню пристроил. Добрые скакуны всем любы, вот пусть Добрыня пока и состоит конюхом, верхом ездить научится, ну и одновременно присмотрится, что и как в дружинной жизни. А там Добрыня сам решит, что ему больше по нутру: в знахарстве разбираться или начинать непростую, но славную жизнь воина.

Для Малфриды то, что ее сын уже в Киеве, было новостью. Но подумала, что и ей ведь казалось, что сын ее более к ратному делу тянется, нежели отцу с зельями и примочками помогать. Отцу... Ведь не был родной кровиночкой Малка Любечанина сынок ее. Она и сама не ведала, чей он... Но то, что по стопам Малка Добрыня вряд ли пойдет, понимала. Иной он. Более дерзкий, смелый, рвущийся куда-то.

И вдруг ахнула.

– А Малк как же? Совсем один-одинешенек останется?

Рядом беззвучно смеялся Свенельд.

– Это уже тебе решать, сердобольная ты моя. Но послушай совета: вот будут боги милостивы и вернемся мы беспрепятственно на Русь, так ты сразу к мужу отправляйся, если жалеешь его, если не хочешь, чтобы не жил Малк бирюком. Ты же стань ему супругой доброй и ласковой. А еще лучше прекрати на какое-то время воду чародейскую пить, избавься от бесплодия и роди Малку пару-тройку крепких мальчишек. Он этого вполне заслуживает. Понимаю, что трудно для такой, как ты, женой обычной жить. Но ведь в жизни нам все дается только через трудности, – молвил со вздохом варяг. – Таков закон жизни. И только если не убоишься трудностей, если справишься, тогда жизнь богато одаривает.

Малфрида молчала, размышляя. Сейчас Свенельд сказал ей немыслимое: призвал отказаться от чародейства, бабой обычной стать, детей рожать от мужа. Да разве сможет она? Но, наверное, это и есть счастье, от которого она так долго отказывалась, подчиняясь своей воле дикой ведьмы. И только ей решать, как у них с Малком в дальнейшем сложится.

И все же картины, какие вдруг представила – дом, муж любимый, полные страсти ночи, дети малые, тихие вечера у огня, – всколыхнули что-то в ее душе. Ведьмой жить – это не только сила, но и постоянное одиночество, а она в нем уже извелась. Да и подавляемая Удова страсть ее доминает. Она-то уже привыкла, но, может, потому что столько сдерживается, и поселились в ней этот холод внутри, тоска и озлобленность неожиданная. А чего злиться, если жизнь пусть и сложна, как верно сказал Свенельд, но все же много хорошего и радостного несет? Она же будто и не замечает ничего.

Малфрида поглядела по сторонам. Вон как луна светит ярко, город затих в ночи, теплый ветерок несет свежие запахи. И все вокруг сияет – и небо, и вода, и... длинные светлые

волосы Свенельда. Он по привычке подрезал их над бровями, а сзади они ниспадали длинной густой массой. Да, это все тот щеголь Свенельд, какого Малфрида давно знала. А еще он первый воевода на Руси, витязь прославленный, к слову которого сама правительница Ольга прислушивается. А чего и не прислушаться, если мудро порой так говорит? Закон жизни в преодолении трудностей? И только одолевший их добивается чего-то и получает награду? Все верно.

Малфрида вдруг залюбовалась варягом. Ее витязь, ее защитник, друг преданный. Как же он хорош! Ястребиный профиль, крепкий подбородок, мощная шея, плечи такие широкие, такие надежные. Она посмотрела на сильные руки Свенельда, выступающие из закатанных рукавов и схваченные у запястий кожаными наручами. И вдруг так захотелось забыть все свои страхи и волнения, избавиться от своего плотского голода, довериться этим сильным рукам. Стать слабой и податливой, нежной...

У Малфриды пересохли губы. Она ощутила нечто вроде удара в грудь, сердце стукнуло и подпрыгнуло, а потом упало куда-то, и тут же нестерпимый пламень возгорелся во внутренностях. По ногам пошло тепло, но от этого тепла она и стала мелко дрожать, дыхание участилось. Голова же стала бездумной, откинулась на доски борта ладьи, и лежать так было даже удобно, если бы в душе не было этого волнительного беспокойства... Потому что рядом... так близко... сидел этот сильный светловолосый мужчина. Надежный. Привлекательный...

- Что? - спросил варяг, почувствовав ее взгляд.

Она не осмелилась ответить, опасалась, что голос ее выдаст. Это же Свенельд! Она знает его много лет, была его женой... и не забыла еще, как с ним может быть сладко!.. Свенельд. Даже имя его казалось ей сейчас манящим и обещающим. Пылкий парень. Огненный.

Но Свенельд все же заметил ее волнение, поглядел более пристально. Она улыбнулась, медленно и зовуще. Грудь ее вздымалась. Но теперь и Свенельд не мог отвести от нее глаз. Тоже улыбнулся - так понимающе, ласково. Только глаза его остались серьезными.

Они долго смотрели друг на друга в лунном свете, под чужим небом, в чужом краю... Но при этом ничего не замечали, словно забыв, и где они, и что уже давно не пара, что сами отказались от этого... И все же когда Свенельд склонился, Малфрида была не в силах сдерживаться. Резко подалась вперед, прильнула к его теплым улыбающимся устам. И глухо застонала, когда он накрыл ее губы своими, когда языки их встретились, а руки варяга медленно и сильно прижали ее к себе. Близкое дыхание опалило... Стук сердца оглушил...

Утром, когда совсем рассвело и смолк звук колоколов, на «Оскаленный» прибыл сменить Свенельда боярин Сфирька. Корабельщики подали ему руку, помогли взобраться на борт.

- Что тут у вас приключилось? - спросил маленький боярин. - Вон к княгине опять люди от патриарха прибыли и гnevаются шибко. Опять шалила, что ли, Малфрида?

Выслушав ответ, Сфирька привычно смял в кулаке бородку.

- Надо же. А ведь княгиня ведьме своей наказала строго-настрога не злить этих святош.

- Да они сами того... лезли, куда не просят, - ответили ему. - Зато сейчас Малфрида угомонилась. Ну, когда Свенельд ее приласкал и утихомирил. Вон спят еще.

Сфирька сообразил, о чем речь, хмыкнул. Прошелся, перешагивая через скамьи туда, где на настиле высилась палатка у мачты.

- Да оставь ты их, - сказали ему. - Они только под утро угомонились. И в кои-то веки чародейка не скрежетала зубами и не подвывала, покуда колокола звонили. Отвлек ее воевода, утешил.

Но Сфирька решил сам убедиться. Осторожно отодвинул край полога у входа в палатку, глянул. Так и есть, спят. И сладко спят, даже проникший внутрь солнечный луч их не побеспокоил. Малфрида, нагая, прикрытая лишь до бедер, лежала на своих разметавшихся темных волосах, руки беспечно раскинуты. Варяг спал рядом, обнимая ее, и его сильная рука покоилась на округлой груди чародейки.

Сфирька осторожно опустил полог и дал знак приблизить к кораблю лодку. Перебрался через борт, устроился на корме и велел плыть назад.

– Нечего мне торчать тут, – бормотал под нос. – И без меня обойдутся.

Глава 11

Патриарший дворец владыки Полиевкта находился неподалеку от храма Святой Софии. Русскую княгиню уже не в первый раз приглашали на прием к его святейшеству, особенно после того, как Григорий уверил Полиевкта, что Ольга уже достаточно хорошо владеет греческим, чтобы общаться без переводчика. Вот патриарх и пожелал наладить отношения с правительницей Руси. Причем ему понравилось разговаривать с этой мудрой женщиной, да и Ольга стала получать удовольствие от бесед с главой христианской Константинопольской церкви – ей всегда было интересно с умными собеседниками, к тому же общение с патриархом в глазах Ольги несколько умалило ее досаду от того, что доступ в Палатий для нее по-прежнему был закрыт. И все же одна неприятная деталь не давала ей покоя: Полиевкт не оставлял своих намерений убедить княгиню отказаться от ведьмы. Он уверял, что прибывшая с Ольгой чародейка – темное и злое существо; архонтесса сама должна это понимать, так как видела, как проявилась истинная сущность Малфриды, едва та оказалась в храме, где хранились чудотворные иконы и великая святыня – покров самой Божьей Матери. Полиевкт доказывал, что Ольге небезопасно держать подле себя столь непредсказуемое и опасное существо. Но когда он начинал особенно настаивать, Ольга делала вид, что недостаточно владеет речью ромеев, не совсем понимает его. Полиевкт легко угадывал ее хитрость, но настаивать прекращал. Лишь ограничивался заверением, что Ольга сама вскоре убедится в правоте его слов.

Русская княгиня продолжала упорствовать. Далась им эта выходка Малфриды в храме! Вон Полиевкт на свои святыни ссылается, а того не поймет, что если у святынь свое чародейство, то у ведьмы свое. Сама Ольга больше думала о Малфриде как о верной подданной, а не о дьяволице, как уверяли ее священники. Вот отец Григорий тоже только и твердит, что из-за Малфриды Ольга может свести на нет все планы посольства. Как будто княгиня сама этого не понимала. Но понимала она и то, что, не допуская ее встречи с императором, византийцы также дают понять свое превосходство. Что ж, пусть они считают ее дикаркой, однако Ольге было чем гордиться, чтобы оставаться верной себе. Разве не она взяла под свою руку воинственные племена славян, заставила их вождей почитать себя, покарала недовольных, но при этом дала мир и процветание целому краю! А тут ей все чаще намекают, что она всего лишь гостья, видят в ней не равную, а просто одну из просительниц. Это оскорбляло княгиню, делало ее все более упрямой. Может, поэтому она ни разу не вошла в храм, являющий собой величайшую гордость ромеев, – в Святую Софию, Премудрость Божию.

Патриарх вновь пригласил княгиню к себе для беседы. Ольгу поднесли к резиденции патриарха в богатых носилках под балдахин из тисненой кожи, удерживаемым над головой четырьмя угловыми стойками, под которыми располагалось похожее на трон кресло. Княгиня грациозно сошла с него, опираясь на руки служителей, – красиво причесанная, облаченная в богатые одежды, намащенная розовым маслом. Как и в юности, ей нравилось наряжаться, производить впечатление. И теперь она величаво поднималась по мраморным ступеням, шелестя складками темно-синего одеяния, по подолу которого серебром были вышиты завитки виноградных лоз. Перед ней расступались, давали проход, пока из украшенной барельефом двери не вышел навстречу важного вида сановник, поклонился, учтиво прося немного обождать в приемной. Ольга не любила ждать, хотя именно так, в ожидании, и проистекала ее жизнь в Царьграде.

В патриаршей приемной ждали и иные посетители – византийские патриции, иноземные гости, священнослужители христианской Церкви. Группами и поодиночке они заполняли весь длинный приемный зал, стояли у желтовато-белых мраморных ступеней лестницы, увидевших во внутренние покои, или ожидали, когда позовут, устроившись на покрытых коврами длинных скамьях вдоль стен. Ольга отошла к высокому распахнутому окну, откуда хорошо было видно грандиозное здание храма Святой Софии. Его увенчанный большим золотым крестом купол, казалось, реял под самыми облаками, удерживаемый светлыми монолитными стенами. Те из прибывших с Руси спутников Ольги, кто уже побывал внутри, в один голос уверяли, что внутри храма просто немыслимо прекрасно, а свод огромного купола кажется невесомым, парящим так высоко, как могут летать только птицы небесные. И все, кто видел это чудо, начинали дружно говорить о величии христианского Бога, уверяли, что он и впрямь велик, если люди смогли возвести в его честь столь величественное чудо, ибо иначе, чем чудом,

Святую Софию и не назовешь.

– Все в мире устроено разумно. – Ольга вспомнила недавнюю беседу с патриархом о вере. – С наступлением холодов замирает природа, отдыхает и вновь начинает оживать, когда приходит весна. И тогда распускаются цветы, к которым слетаются насекомые, разносят цветочное семя, и оттого завязываются плоды, которыми мы питаемся. Идет дождь, орошая землю, дуют ветры, солнце и луна сменяют друг друга – и это происходит вечно, это неразрывно связано, и так было и будет до скончания веков. Какой же мощный ум должен был быть у Создателя, чтобы сотворить все в такой полной гармонии! Не думаете же вы, благородная Эльга, что все в этом разумном мире создано из хаоса? Что все вышло случайно, без чьей-то созидательной воли, а просто само по себе?

Нет, она так не считала. Поэтому говорила, что по славянским верованиям мир сотворен богами, каждый из которых отвечает за свое творение: Сварог дал земле огонь и тепло, ясный Хорос освещает землю, Дажьбог посылает урожай, Род создал людей и кровную связь между ними. Богов множество, но они не единый создатель, а работают каждый на своей ниве.

– И никогда не ссорятся? – усмехался Полиевкт.

Ольге не нравилась его насмешка. Понимала, что владыка намекает, что если люди не могут жить в согласии между собой, то как могут ужиться надменные боги, чтобы не ввязаться в споры и войны, не нарушить порядок жизни? Ранее она сама порой думала об этом, и подобные размышления вызывали в ней сомнение и... неверие. И постепенно она, княгиня и верховная жрица Руси, все реже стала бывать во время обрядов на капищах – поднадоело, устала, привыкла, разуверилась... Может, поэтому ее и стала интересовать новая вера, какую приняли столько народов. Что же такого в этой христианской вере, раз она торжествует и покоряет столько людей?

Но почему-то именно перед патриархом Ольга не хотела сознаваться в своих сомнениях. Говорила, что если между богами и впрямь порой идет вражда, то всегда до какого-то предела. Извечные соперники Перун небесный и Велес подземный, как бы ни бились, все одно сдерживаются, когда понимают, что их борьба может привести к потрясениям в мире – мире, который им должно оберегать.

Патриарху это становилось интересно. Спрашивал: неужели у славянских богов есть судья, который напутствует их, если те заходят слишком далеко в своей ссоре? Ответа княгиня не знала. Конечно, главным божеством на Руси считается именно Перун – грозный бог-воитель, покровитель дружин. Да только она помнит рассказы, что не всегда Перун ставился выше иных славянских божеств, что его возвысили именно люди, причем случилось это в те времена, когда на Русь явились варяги, создавшие воинскую правящую знать и ценившие только тех, кто может защищать и добывать оружием богатство. Вот им и полюбился Перун, вот и принялись возносить ему великие требы, поставили выше иных небожителей, как и они сами стали над людьми, которых держали силой страха, но и оберегали, получая за то дань. И в их глазах грозный Перун, метатель молний, был высшим божеством. А там и остальные смертные начали так думать.

Но говорить о таком чужаку ромею княгиня не собиралась. Ответила вопросом на вопрос: коль тот спрашивает, кто судит богов, то отчего не ответит, пошто ведающий обо всем на свете Господь не судит созданных им людей? Говорят, что все свершается по Его воле. И преступления? И кражи? И разбой? Ведь Ольга давно находится в Царьграде и уже поняла, что и тут живут люди, которые, пусть и твердят о Христе милосердном, но сами грешат, не задумываясь.

– Отец Небесный не карающая инстанция, – поднял указующий перст патриарх. – Он дал нам заповеди, как жить, но не спешит карать каждого, если тот совершает злодеяние. Ибо Он милосерден и надеется на раскаяние, на исправление грешника. Но если такое не происходит... У нас говорят: «Мельницы Господни мелют медленно, но верно». Поэтому никого не минет возмездие за совершенное. Как не минет и награда за праведную жизнь, за верное служение и чистоту души.

– Да, многие уверовали в это, я уж наслушалась тут. Но если у вас столько молящихся, то почему ваш Господь не придет к ним, отозвавшись на мольбы, не явит себя?

Патриарх медленно перебирал зеленые малахитовые четки с подвешенным к ним

простым деревянным крестиком.

– После Великого потопа... Вам ведомо о таком? – спросил он и, когда Ольга кивнула, продолжил: – После Великого потопа Господь не вмешивается в людские дела. Он не приятель, чтобы приходить по зову, но Он все видит и обо всем знает. И каждому однажды достанется по заслугам, по Господнему разумению. Ибо Он лучше простых смертных знает, что кому нужно. И у каждого свой крест.

– Даже у некрещеных? – вопросительно изгибала соболиные брови Ольга.

Но патриарх ушел от ответа. Он вообще был осторожен в речах, когда она вызывала его на полемику о тех, кто еще не прошел крещение. И все же Полиевкт к вопросам религии обращался постоянно. Зазывал в храмы. Ольга заходила. Но только не в Святую Софию! Говорила, что ступит туда только после встречи с императором. На это Полиевкт отвечал, что она сама, упорствуя в выдаче ведьмы, откладывает их встречу. Ибо император милостиво относится к архонтессе: ее послы и свита не испытывают ни в чем нужды, их хорошо кормят, охраняют, они вольны бывать где им вздумается. И Полиевкт опять предлагал благородной Эльге пойти на службу в храм Софии.

Ольга вздыхала. Что ж, разговоры все время шли по кругу. Однако она не решалась сказать патриарху, что ее как будто что-то пугает при мысли о посещении Софии. Что? Возможно, тревожилась, что если войдет в главный ромейский храм, то предаст тем богов, в которых верила еще сизмальства, когда и грозы опасалась, и холода, и голода, насылаемого Мореной, когда ее пугали буйные и шумные ветра, Стрибожьи внуки... Это было все равно что кощунство из детства, дорогие ее сердцу. Тем не менее в старых богов Ольга верила уже не со столь истинным убеждением, сколь со снисходительностью. Она будто переросла это, как переросла старинные сказы, любимые в детстве. Теперь познавшей жизнь Ольге хотелось изведать нечто новое, ощутить... узнать, сможет ли она еще убежденно во что-то верить? Да, новое всегда привлекательнее старого. И Ольга была готова признать себе, что ей очень интересно постичь другую веру, душа ее трепещет в преддверии чего-то иного... неизведанного.

От размышлений княгиню отвлекли громкие голоса позади. Оглянувшись, она увидела, как по лестнице из патриарших покоев выходят латинские священники. Их одеяния рядом с темным облачением константинопольских священнослужителей были более яркими – лиловые и алые. Латиняне были чисто выбриты, волосы коротко подстрижены и покрыты плоскими шапочками под цвет сутан. И пусть они тоже христиане, но сразу становилось понятно – иноземцы. Ольга знала, что патриарх Полиевкт признал власть их главного священнослужителя – Папы Римского Иоанна XII. В Константинополе, граде куда более великом и значимом, чем далекий Рим, многим такое решение патриарха не понравилось. Сейчас княгиня даже расслышала, как кто-то из стоявших неподалеку ромейских священников произнес презрительно:

– Латиняне. Причащаются опресноками!

Ольгу это смешило. Да какая им разница, чем причащаться? Пресным хлебом или дрожжевым, как предпочитают тут, в Царьграде. Скорее всего, служители просто ревностно относятся к влиянию на верующих. Одни уверяют, что именно Папа является наместником Бога на земле, другие отрицают это. Но Полиевкт все же решил признать верховенство Папы. Говорил, что великая сила в едином христианстве, а не в спорах между служителями Иисуса Христа. Но сейчас Ольга не особо об этом задумывалась. Она встретила взглядом с шествующим во главе латинских священников высоким, худым епископом, и они улыбнулись друг другу.

Ольга понимала, что многие это заметили. Как и знала, что патриарху уже донесли о ее встречах с германским епископом Адальбертом из Магдебурга. Они познакомились во время посещения Ольги состязаний колесниц на ипподроме – еще одно из чудес Царьграда, азартное зрелище, к которому мало кто остается равнодушным. Но если княгиня и впрямь была восхищена великолепием и размерами константинопольского ипподрома, то бега квадриг не сильно ее подивили: показались чем-то схожими с русскими гонками на тройках в предместьях Оболены близ Киева. Там тоже возницы показывали редкое мастерство управления, зрители азартно бились об заклад, гадая, которая из упряжек победит, ну совсем так же, как ромеи делали ставки на ту или иную из квадриг.

Зато Ольге понравилось, что в ее ложу пришел этот германский епископ Адальберт, и они долго разговаривали во время перерыва между скачками, обсуждали торговые дела, возможность поездки купцов из владений Оттона I на Русь, а также возможный прием в Киеве германских миссионеров христианства. Ольга была настроена благосклонно к тому, что предлагал епископ, они оба остались довольны беседой, но главное, как она заметила, ее встреча с представителем западного духовенства озадачила и взволновала ромеев. Уж наверняка присутствовавший в ложе Ольги Агав Дрим поспешил сообщить, что архонтеσσα Эльга заручилась поддержкой германца, дала добро на приезд его священников. Может, поэтому так скоро патриарх Полиевкт и вызвал ее в свою резиденцию? Пусть он и ратует за сближение латинской и восточной христианских церквей, но ведь мог бы уразуметь, что если Русь не получит поддержки от Константинополя, то уж германцы своего не упустят.

Княгиня оказалась права. Полиевкт сразу завел речь о том, что Русь и Византия состоят в долголетних договорах, разрушать их не стоит, какие бы выгоды ни сулили архонтессе иноземцы. Княгиня тут же спросила: когда ее примут в Палатии, дабы подтвердить упомянутые владыкой долголетние договоры? А то германцы тоже не прочь заключить с Русью долговременный союз, с нажимом добавила она. Или достопочтенный Полиевкт против дружбы между Русью и германцами? Иначе, пока он упорствует и настаивает на выдаче подданной Ольге чародейки, она может и с латинянами заключить союз.

– Но ведь ваша ведунья – опасное зло, – взмахнув рукой, заявил Полиевкт. – Оставьте ее при себе – беда будет! И я просто обязан поступить с этой вашей... Малфридой, если не ошибаюсь... я должен поступить с ней соответственно своему долгу, какой велит мне искоренять все, что исходит от дьявола.

Сказано это было как-то мрачно, и Ольга вскоре поняла почему.

Оказывается, ныне, когда Константин Багрянородный отбыл на ловы среди Месемврийских лесистых холмов, его соправитель и наследник Роман и августа Феофано настояли, чтобы Церковь оставила именуемую Малфридой ведьму в покое. Они-де потребовали, чтобы ведьма удалась восвояси, не осквернив своим появлением землю богохранимого града.

– Очень разумное решение услать ведьму, – сразу поддержала Ольга.

Полиевкт так не считал. Говорил, что он искренне печется о судьбе достойной Эльги, он все еще надеется склонить ее к крещению, что было бы благом как для нее, так и для ее страны. Ибо тогда она будет почитаться едва ли не равной самим базилевсам!

– А смогу ли я после этого сватать за моего сына и наследника одну из дочерей наисветлейшего Константина? – тут же задала волнующий ее вопрос княгиня.

Полиевкт помрачнел. Ольга ждала ответа.

– Мы ни о чем не можем говорить, пока эта нечисть живет в городе. – Он отвел взор. – Ибо люди уже стали опасаться выходить из домов по ночам. Идет слух, что с наступлением ночи в переулках стали появляться странные тени, что даже из цистерн для воды вылезают какие-то твари, а свечи гаснут в церквях, словно кто-то незримый задувает их.

– Все это пустые домыслы, владыко, – отмахнулась Ольга. – Вы же знаете, что людям свойственно болтать подобное.

– Но ведь все видели, как ваша чародейка едва не потопила корабль игумена монастыря Святого Фоки! Да и позже она своим колдовством расшвыривала лодки. Не так давно, как этой ночью, одна весельная монира подверглась ее силе, и это видели люди на побережье. Столько стражи сбежалось... И после этого я вдруг получаю из Священного дворца приказ убрать своих людей от корабля с ведьмой... – закончил он уже так тихо, что Ольга еле разобрала его слова.

Но именно это ее и развеселило.

– Похоже, в Палатии и впрямь кто-то хочет избавить Константинополь от чародейки,

просто выслав ее из города, – с улыбкой заметила она. – Но да будет вам ведомо, моя Малфрида на многое способна. И при этом послушна мне. Поэтому, если вы не тронете ее, она не будет проявлять свои силы. – И добавила: – Я не велю ведьме делать того!

Полиевкт долго смотрел на нее своими темными глубокими глазами. Потом сказал, что ему грустно, что столь разумная и приветливая женщина оказалась в дьявольской ловушке. Но пусть знает: какова бы ни была сила, приписываемая упомянутой чародейке, ей не совладать с силами верующих христиан. Он же, Полиевкт, в свою очередь, готов пойти против воли Романа и Феофано и будет по-прежнему настаивать, чтобы ведьму отдали Церкви. Иначе он не сможет чувствовать себя защитником веры и добрых христиан в этом граде!

Его велеречивые слова не произвели впечатления на княгиню. И она даже посмеивалась, покачиваясь в носилках по пути в предместье Святого Мамы. Да, пусть эти ромеи и считают себя обладателями истины, но все же они опасаются Малфриды, думают, что та только Ольгу послушает, смирится, если госпожа ее отдаст им на суд. А может, просто следуют закону и не смеют схватить ее, не упредив о том княгиню? Хотя с такого, как Полиевкт, станется направлять против Малфриды все новые силы, независимо от того, какой приказ он получит из Палатия. Но в одном он все же угадал: ведьма слабеет от христианской силы. И как то проведал? Ольга не думала, что кто-то из его людей сообщил об этом владыке. Просто есть в нем некая убежденность. А может, и вера его так сильна. Но в любом случае теперь, когда Роман и Феофано убрали сторожей от ведьмы, Малфриде легче будет ускользнуть от преследования. И тогда в Палатии уже не останется причин и далее отказывать княгине в приеме. Поэтому надо срочно переговорить со Свенельдом, чтобы подготовил бегство чародейки.

Ольга рассчитывала тут же все обсудить с верным варягом, но оказалось, что тот еще не прибыл на подворье, остался на корабле. Зато подле дома Ольги крутился Сфирька, какому сегодня надлежало сменить Свенельда на «Оскаленном». Но боярин и не упомянул о том. Помог княгине сойти с носилок, стал рассказывать, как ему сегодня повезло, – он прикупил на форуме Тавра просто замечательного сирийского коня редкой игреневого масти. Это тебе не какая-то толстоногая лошадка степняцких кровей или полудикий тарпан. Это конь-огонь! Скачет – из ноздрей просто жар пышет, дым из ушей идет!..

– Да погоди болтать-то, – остановила его словоизлияния княгиня. – Чего это ты сегодня на форуме Тавра торговался, когда должен был службу на «Оскаленном» нести?

Сфирька чему-то вдруг заулыбался, смял на затылке опущенную сободем шапочку, носимую им и по такой жаре.

– Да не нужен я на «Оскаленном». А вот Свенельд там остался в охотку. Куда ему от Малфриды теперь деться, если она его того... Удовой страстью заманила. Я сам их вместе видел, усталых, спящих нагими в обнимку, как наутро после Купальской ночи.

По лицу Ольги прошла тень, более похожая на судорогу. Отчего-то показалось, что ясный день меркнет, а небо нависает, давит, пригибает. Но она осталась стоять прямо, слушала, что говорил Сфирька. Дескать, он с утра, как и было приказано, отправился к чародейке, а она того... со Свенельдом... Корабельщики же говорят, что эти двое вволю налюбили, а угомонились только под утро, когда светать начало. До этого же всю ночь...

– Замолчи! – Ольга резко сжала руку боярина. Низко склонилась и вдруг прошипела прямо в лицо: – К Ящеру... убирайся к Ящеру!..

И, подхватив подол длинного византийского одеяния, стремглав взбежала к себе.

Больше она не позволила показывать чувства. Да и какие чувства... Что ей до того, что варяг ее с ведьмой опять слюбился? Она и сама не раз посылала его к ведьме, зная, что все, что было между ними когда-то, уже и быльем поросло. Свенельд о том не раз говорил. И Малфрида то же самое сказывала. А Ольга им верила.

Со стороны княгиня казалась спокойной. Служанки, вынув булавки из ее уложенных в замысловатую прическу кос, отстегнули длинную шелковистую вуаль с серебристой

полосой по краю. Спрашивали: может, водички подать? Она не отвечала, не замечала ничего.

Ольга думала, что ей уже слишком много лет, чтобы испытывать какие-то чувства. Ну увлекалась когда-то пригожим варягом, слушала речи его пылкие. Что с того? Вот Игоря, мужа своего, она всегда любила, до сих пор о нем порой на душе саднит.

А Свенельд? Так, балаболка и вертопрах, который все больше мальчишкой шустрым казался. Ну посмотрит, бывало, на княгиню с лаской, ну за руки возьмет... Ну поцелует порой нетерпеливо, страстно... и сладко. Большого она не позволяла. Знала ведь, как Свенельд честолобив, как власти хочет. Поэтому и не верила ему в глубине души. Нет, все она правильно сделала, удержав красивого и хитрого варяга на расстоянии. Никогда о том не жалела. Да и сердце, одно время так бившееся при его появлении, успокоилось вроде. Так ей казалось. До сего мига...

Сейчас же Ольга сидела и тупо смотрела на оштукатуренную стену перед собой, разглядывала деревянные балки под потолком и больше всего страшилась разрыдаться. Глупость какая! Она не плакала со времен, как справила тризну по Игорю... Ну не из-за Свенельда же ей слезы лить? Ведь знала, что у него немало любушек по градам и весям, что всегда найдется кому приголубить красивого варяга. Но что он опять к Малфриде потянется... Да что в этой ведьме проклятой такое, что ее выделяют и любят именно те, кто дорог самой княгине? Игорь ее любил, как никого никогда, теперь вон Свенельд.

Душу Ольги опалил гнев. Ведь она верила Малфрид е! Как отстаивала ее перед патриархом! Готова была переговоры сорвать, только бы подругу верную не тронули, не погубили. А та... предала! И это несмотря на то, что знала хитрая ведунья, что если кто и нужен княгине, то только Свенельд. Или не нужен? Сама ведь отсылала его от себя, смотрела как на чужого. А Малфрида говорила: позови его, он придет. И вот теперь ведьма сама же и сошлась с ним, причаровала... Проклятая!

Прислужницы Ольги давно заметили, что княгиня вернулась сама не своя, и отошли тихо, не смея беспокоить. Она же сидела, вскинув голову с упавшими за плечи длинными косами, потом молча стала вынимать из ушей длинные ажурные серьги. Когда клала их на стол, заметила, как дрожит рука. Слабость? Ярость? Уж лучше пусть ярость, чем полное поражение и бессилие горестное. Глаза княгини оставались сухими, но было ощущение, что в горле комом стоит крик, давят невыплаканные слезы, мешая свободно вздохнуть. Сердце билось какими-то болезненными толчками, грудь распирало. Только бы никому не пришлось в голову обратиться к ней – она не сможет ответить. Да и не должна никому ничего отвечать. Она – княгиня! Ей незачем размениваться на мелочные переживания.

Однако Ольга не назвала бы свои переживания мелочными. В ней словно klokотал какой-то ярый котел страстей. И в мозгу крутилась одна и та же мысль – предали, предали, предали!

Какой-то звук стал слабо проникать в ее сознание. Ольга еле сообразила, что это плавный напев дудочки, простой русской сопилки, на которой кто-то играл под ее окошком. Эти звуки успокоили, но и разжалобили. Домой вдруг так захотелось, на Русь... Чтобы и в помине не было никакой Византии, где ей надо решать столько вопросов, но она не решает, потому что хочет охранить своих... которые предали.

– Да кто же это так душу надрывает! – все же прорезался сквозь ком в горле голос Ольги – хриплый, глухой, ломающийся.

Она поднялась и медленно, тяжело подошла к окну. Пошатывалась, как будто и не пила все эти годы даящую молодость живую и мертвую воду, словно этот доносившийся отовсюду звон колоколов развеял чары воды и Ольга вмиг превратилась в древнюю старуху, которой уже много лет... Бабками таких на Руси кличут.

Но она по-прежнему оставалась статной и молодой, ее пунцовые гордые губы алели, шея была высокой и гладкой, чело – без единой морщинки. Такой и увидел ее волхв Коста, сидевший на ступеньках крыльца и наигрывавший на сопилке плавный русский напев, который не могли заглушить и многоголосые колокола огромного Царьграда.

Правда, при виде княгини Коста перестал играть, поглядел вопросительно. Что ж,

он ведун, ему положено ведать. И он подошел к окошку еще до того, как княгиня поманила. Она же склонилась к нему так низко, что ее длинные русые косы свесились, почти коснувшись его лица.

– Коста, если ты мне как чародей понадобишься... сможешь помочь?

Он кивнул.

– Я силу свою таю и коплю. Что угодно госпоже?

– Будь рядом. В любой миг поκληчу.

Сама же позвала Сфирьку, какой все не мог налюбоваться на своего сирийского скакуна. Но Ольга приказала – хватит дурнем маяться! Отправляйся сменить Свенельда, да передай воеводе, что княгиня срочно видеть его желает.

Да, Свенельд – ее воевода и советчик верный. Она его за это и ценит. А то, что переспал с Малфридой... С него не убудет. И как служил Ольге ранее, так и будет служить. Малфрида же иное дело. Она своевольна, упряма, дерзка, с ней трудно.

Ольга не понимала, что ее злость к колдунье сейчас сродни обычной женской ревности, когда прежде всего винят в измене соперницу, а не мужчину. Поэтому для себя княгиня просто решила: если Малфрида так легко ее предала, то и она не станет рушить свои государственные планы ради какой-то темной твари... как говорил о ведьме Полиевкт. А ведь он предупреждал княгиню, что беда будет, если дьяволицу при себе оставит. Про Косту же Полиевкт ничего не знал.

Когда на подворье прибыл Свенельд, Ольги уже не было в предместье Святого Мамы. Спросил где – ответили: отправилась со своими спутницами в собор Святой Софии. Это подивило Свенельда. Неужто Ольга сдалась на уговоры церковников? Неужто все эти речи об истинности христианской веры и ее привлекли?

Но отчего-то на душе варяга было беспокойно. Ждал Ольгу – той все не было. Уже и колокола отзвонили, и вечер стал наползать лиловыми отсветами. Свенельд ожидал княгиню, раздумывая, зачем та позвала, а сама ушла, так и не дождавшись? Не случилось бы чего.

А еще было неприятно от шуточек, какими его выпроваживал с «Оскаленного» Сфирька. Мол, хорошо варягу тут с милкой-ладушкой тешиться, а службу при княгине все одно нести надо. Свенельд знал, что Сфирька болтлив и хитер. Ну, что болтлив, это понятно. Ведь был же с утра на ладе, наверняка узнал, что они с Малфридой этой ночью любили, вот и успел разболтать всякому. Ольге наверняка. А это уже хитрость Сфирьки, который не откажет себе в удовольствии очернить в глазах княгинюшки верного ей варяга. Но вот как Ольга отреагирует? С одной стороны, Свенельд давно сжился, что княгиня холодна к нему, и то, что он с ведьмой сошелся, Ольге должно быть без разницы. Но без разницы ли? Да и кто их, этих баб, поймет?

За Малфриду было тревожно. Ведьма-то она в ведьминой силе, пока с мужиком бабой обычной не станет. И хоть в христианском граде чары Малфриды были не так и велики, но все же их было достаточно, чтобы напугать преследователей. Вон сколько шума было, когда Малфриду корежило во Влахернском храме, и хоть напуганы все были, но каждый день стекались на набережную, желая на страшилище это поглядеть. Кричали, кулаками грозили, а как только полог ведьминой палатки приподнимался – разбегались, из-за углов робко выглядывали. Даже люди патриарха не сильно-то и рвались взять ведьму. Хотели бы всерьез, давно бы схватили, и Свенельд с охранниками не отстоял бы чародейку. Это варяг давно понял. Зато сегодня видел, как быстро и с охотой уплыли кружившие все это время неподалеку от «Оскаленного» лодки со священниками и стражами. Видать, Малфрида была права и приказ оставить ее получили из Палатия. Она-то умница, все правильно предугадала. Умница, да и любовница сладкая... И все же Свенельд сожалел о том, что сделал. И Малфриду сил лишил... и, похоже, Ольге это не понравилось.

При последней мысли варяг заметил, что улыбается.

Уже совсем стемнело, когда Свенельд увидел идущего по улице священника Григория.

Варяг вышел ему навстречу, загородил дорогу.

– Ты сопровождал княгиню в храм Софии?

Священник как-то легко улыбнулся, глаза его потеплели.

– Были мы с ней там, были. И матушка наша прониклась величием и славой христианской. Сам видел слезы на ее глазах. Дай-то Бог теперь...

– Погоди, поп. Скажи лучше, где сейчас княгиня?

– Патриарх ее лично провожал из Софии. А пошли они к нему в палаты.

Итак, Ольга согласилась на уговоры патриарха выдать ведьму – догадался Свенельд. И так страшно вдруг ему сделалось! Тяжесть в сердце разрослась и залила тело, как свинцом. Еле смог вздохнуть.

Когда и куда пошел дальше священник Григорий, он и не заметил. Зато увидел сидевшего у крыльца Косту. – А ты не пошел со всеми на службу, волхв?

Тот отрицательно покачал головой. Свенельд в вечерних сумерках различил его продолговатое, покрытое морщинами лицо, высокие залысины на лбу, откиннутые назад волосы, побитые сединой. А ведь воевода помнил его еще совсем юношей. Некогда Коста в отряде Свенельда состоял, до того, как ушел к чародеям учиться волхованию.

Неожиданно Свенельд схватил его за руки, встряхнул, будто пробуждая.

– Коста, ты в моей дружине служил, да и потом немало нами с тобой было пережито, выстаивали и против нечисти плечом к плечу. Мы же, по сути, воинские побратимы с тобой. Выполнишь ли мою просьбу?

Коста какое-то время смотрел на него, потом медленно кивнул.

– Если просьба твоя не пойдет вразрез с волей княгини – выполню.

– Не пойдет! А ты поспеши сейчас на корабль «Оскаленный», там Малфрида, да скажи ей, чтобы выпустила белого голубка. Она догадается, о чем я.

– А сам почему не передашь то?

Свенельд вздохнул. Как тут объяснишь, что он Малфриде и в глаза теперь смотреть не сможет. Он ведь все же Ольгин человек. А княгиня уже приняла решение сдать церковникам чародейку.

Коста ушел. Свенельд ждал. Медленно стихал городской гомон. Постепенно возвратились все спутники княгини, женщины ее прибыли. Свенельду говорили, что великая София на Ольгу произвела необычное впечатление, она слушала службу и лила слезы. Все то видели, даже патриарх.

Вернулся Коста. Подходя к Свенельду, кивнул утвердительно. Обычно немногословный, он даже сказал:

– Лодка за ней прибыла. Я видел, как увезли.

– И никто этого не заметил?

Тут на обычно невозмутимом, даже унылом лице Косты появилось какое-то подобие улыбки.

– Не до того им было. Малфрида ведь хитрая. Перед тем как сесть в лодку, какая прибыла сразу, как только голубок взлетел, она рассыпала по кораблю немало монет. Да не каких-то, а настоящих номисм. Я и сам подобрал парочку, – добавил волхв, не устоявший перед силой золота. – Что же говорить о стражниках, прибывших на «Оскаленный», едва ведьма отчалила? Они явно хотели полонить Малфриду, – говорил Коста. – Должны вроде были спохватиться, куда она подевалась, но вместо этого принялись ползать под лавками на «Оскаленном», толкались с нашими и все монеты с ликом Константина Багрянородного выискивали. Ну а лодка с чародейкой тем

временем уплыла.

Так вот на что пошло заплаченное за гадание золото! Но сейчас обычно внимательный ко всякому обогащению Свенельд и не подумал сожалеть о нем. Зато при мысли, что Малфриде удалось ускользнуть, ощутил столь сильное облегчение, что даже ослабел. Сел на ступеньку крыльца, усмехнулся довольно. Так, теперь оставалось только ждать, когда явится Ольга.

Она приехала уже в потемках. Шла через двор стремительно.

– Свенельд! Ко мне иди! А вы все, – это уже к свите обратилась, – прочь пойдите!

Но оказалось, что позвала княгиня своего воеводу затем, чтобы с ходу отвесить ему пощечину. Потом еще одну. Хотела и третью, да Свенельд успел поймать ее руку. Поймал и за другую, завел их Ольге за спину, удерживал. Она же сначала билась, сердито сопела, рвалась. Потом застыла, все еще тяжело дыша.

– Ну, будешь еще драться? – спросил Свенельд.

Она отрицательно покачала головой. Удерживая ее руки, Свенельд будто обнимал княгиню, смотрел на нее сверху вниз. Мягкий капюшон пенулы сполз ей на плечи, и Ольга с ее заплетенными в косы волосами вдруг показалась варягу не великой правительницей, грозно карающей и подавляющей своей властью, а запутавшейся в своих ошибках юной девой. Но знал – она не такова. Поэтому спросил глухо:

– Что, справилась? Отдала им чародейку?

Ольга вздрогнула, но промолчала.

– И каково это, когда близкого человека на расправу отдаешь?

Теперь княгиня напряглась и лишь через какое-то время тихо произнесла:

– Ты ведь понимаешь, что выхода у меня не было. Упорствуя, я не только могла бы порушить все связи Руси с Византией – могла и заложницей тут стать. И тогда бы Святослав с пылу молодости таких дел натворил!.. Рано ему еще князем быть.

– Понимаю, – ответил Свенельд, отпуская Ольгу и отходя.

Она смотрела ему в спину, видела, как он заложил назад руки, нервно их сжал. И вдруг выпалила:

– А ведь это ты помог мне решиться отдать им Малфриду!

Он резко повернулся, смотрел острым взглядом. В покое горела одинокая свеча, в ее отсветах лицо его было бледным, застывшим.

Ольга вскинула голову. Заговорила быстро:

– Только не думай, что взревновала тебя. Хотя, – она махнула рукой в широкой накидке пенулы. – Думай что хочешь. Но одно я скажу: не лиши ты Малфриду сил, она бы такого тут натворила, что нам с тобой и не представить. Были бы беды. А так... Ну, случилась с одной из моих женщин падучая во Влахернах... Я им так и говорила. И пока они разберутся, что и как... Гадалок ведь и у них в Царьграде немало, но всех на костер не волокут. Я же еще поборюсь за чародейку. Они и сами учат – не судите, да не судимы будете. Вот я и возьмусь ее защищать, поспорю с ними. И тогда...

– Ольга, – прервал ее быструю, нервную речь Свенельд. – Малфрида уже не на «Оскаленном». Пусть люди патриарха ищут ее, но что найдут... Я очень надеюсь, что не найдут.

Он смотрел на княгиню и видел, как она медленно прикрыла глаза, вздохнула облегченно. Потом как-то устало опустила на ларь под стеной, будто ноги не держали.

– Ты помог укрыть ведьму? – спросила негромко.

– Нет. За мной бы следили.

- Понимаешь то... Но все же слава Богу, если Малфрида успела скрыться.

Свенельду показалось, что он ослышался. «Слава Богу» - молвила княгиня? Но она подтвердила:

- Да, слава Господу великому и милосердному. Ибо именно о защите ведьмы я просила Его сегодня, опустившись в храме на колени как простая моельщица.

И подняла руку, когда Свенельд стремительно подошел. Будто заслонила, чтобы удержать его на расстоянии.

- Все. Все, говорю! А теперь уходи.

Глава 12

Ночь была такая же лунная и ясная, как и предыдущая, только Малфрида уже не любовалась ее сиянием. Она была напряжена, сидела на корме быстрой лодки, глядела на раскинувшееся впереди море. Порой на круглый диск ночного светила наплывало легкое облачко и все вокруг сразу темнело, но проходил миг, другой, облако уносило воздушными потоками, и опять впереди мерцало, отливая опаловым светом, широкое Мраморное море.

Небольшая парусная лодка легко разрезала носом водные хляби. Малфрида, спрятав руки в рукава темной монашеской рясы, поглядывала из-под полуопущенного на лицо островерхого куколя. Вот уж никогда не думала, что придется носить одеяние ненавистных ей христиан. Ну да делать нечего, пришлось вырядиться, когда прибывший за ней по знаку странный, неизвестно откуда объявившийся близ Константинополя древлянин протянул ей эту темную одежду.

– Вот, Малфутка, надень, чтобы неузнанной быть.

В его древлянской речи слышался легкий иностранный выговор, но все же по виду он был не грек, скорее и впрямь родился в лесном древлянском краю: серые глаза под белесыми бровями, ниспадающие на плечи гладкие светлые волосы. На голове островерхая скуфья, худое длинное тело облачено в темную рясу, на груди светлел крест на бечевке. Монах. Христианин. Чужак. Однако теперь Малфрида доверилась ему, ибо иного выхода у нее не было. Она уразумела это еще, когда прибывший на ладью Коста передал ей наказ от Свенельда: немедленно выпустить голубя. Значит, варяг не мог более оберегать ее. Да и она сама не могла за себя постоять. Она вообще ничего теперь не могла...

То, что она допустила оплошность, поддавшись страстному влечению к Свенельду, ведьма осознала, когда проснулась поутру в его объятиях. До этого она была как шальная: тянулась к варягу, изгибалась в его сильных объятиях, упивалась его поцелуями, таяла и содрогалась от переполнявших ее ощущений. Криков сладострастия не могла сдерживать... Упоительная была для нее та ночь. Да и сон, накрывший ее, утомленную и расслабленную, безмятежную, был как награда. А проснулась... и испугалась того, что сделала. Ранее, пусть и угнетала ее неутоленная плотская тяга, она все же сильной себя чувствовала. И как бы мало сил ни утаивала в себе во враждебном христианском граде, все же понимала: она еще в состоянии постоять за себя. Но после того, как беспечно отдалась варягу... Вместе с успокоением голодного тела чувствовались слабость и опустошенность. И колдовских чар не было даже на простой чародейский посыл.

Свенельд тоже понял, что натворил. На Малфриду будто и глядеть боялся. Сидел на носу «Оскаленного» и смотрел на берег. А когда его вызвали по приказу Ольги, он лишь сказал ведьме, не поднимая глаз: мол, не опасайся, ранее тебя не тронули, может, и теперь не пристанут. Но все же оба они понимали, что без сил своих ведьма совсем беззащитна. И когда варяг уплыл, Малфриде вообще горько и страшно сделалось. Свенельд-то, конечно, защищал ее. Но до определенного момента, пока его воля поперек указаний княгини не шла. А вот что решит Ольга, когда про них со Свенельдом проведает? Малфрида была слишком догадлива, чтобы не понять, что при всей своей внешней холодности Ольга все же милостива к ним со Свенельдом, пока они не переступили некую черту.

Ну а потом вдруг прибыл Коста и передал наказ Свенельда отпустить голубя.

Самому Косте и дела не было до этого голубя. Просто проследил взглядом за вспорхнувшей с ее рук и растворившейся в наступающих сумерках птицей. И куда полетел-то? В сероватой вечерней мгле его и рассмотреть трудно. Но оказалось, что те, кто ждал сигнала, были неподалеку.

Когда Малфрида сходила в прибывшую за ней лодку и облачалась в монашескую рясу, волхв Коста только наблюдал равнодушно. А затем, когда она уплывала, ему уже не до того было, он вместе с остальными стал ползать по кораблю в поисках раскатившихся номисм. А тут еще с другой стороны подплывали длинные челны с воинами – Малфрида уже издали видела, как на их округлых касках отсвечивали

последние отблески далекого заката. Она сразу отвернулась, поглубже натянув на лицо куколь, сидела на носу лодки, склонившись и поджав под себя ноги. Увозившие ее явно принадлежали монашескому клиру, но не похоже было, что это люди патриарха. Тот, кто походил на древлянина, сказал тогда:

– Не опасайся ничего, Малфутка. Друг за тобой послал. А мы его воле послушны.

Второй же – здоровенный детина, тоже в рясе, с кучерявой черной бородой – только молча налегал на весла. Малфрида размышляла, кто тут может быть ее другом, чтобы позаботился о ней и увез от преследователей. Насколько понимала – нет у нее друзей среди христиан. И все же ведьме ничего не оставалось, как понадеяться на чье-то расположение. Она попробовала обратиться по-древлянски к светловолосому монаху. Тот только глянул с кроткой улыбкой, промолчал. И Малфрида не стала изводить себя догадками. Рано или поздно сама все узнает. Сейчас ее больше даже волновало, что станет с чародейской водой, какую все это время оберегала для Ольги, заговаривала особым словом, чтобы та не погасла среди этого христианского мира. И кто теперь вместо нее скажет слово заветное? Ну разве что Коста. Да вот хватит ли у него сил? Сможет ли справиться для княгини? Малфрида и теперь думала о делах Ольги. Хотя пора бы уже отвлечься, позаботиться о собственной доле, о том, что ее ждет.

Малфрида не ведала, куда ее везут. Почему-то не спрашивала, а ее спасители были немногословны. Удалившись от «Оскаленного», они ловко повели лодку прочь, маневрируя за бортами пришвартованных вдоль берега залива судов, сумели вовремя скрыться от людей патриарха. Молчаливый бородатый гребница сильно налегал на весла, они легко прошли по выгнутому Золотому Рогу, миновали огромные дроммоны у его выхода и свернули в воды Пропонтиды. Справа оставался Константинополь с его кубами башен заградительных стен над водой, в лиловой вечерней синеве выступал купол Святой Софии, пирамидальные кипарисы, высившиеся ярусами строения храмов и дворцов. Когда совсем стемнело, они уже ушли далеко в море, стал сильнее ощущаться ветер, и молчаливый монах-гребец отложил весла, принялся поднимать парус. Треугольное полотнище так и выгнулось, наполнилось воздушной силой, и они поплыли легко и скоро, только брызги порой вспенивались на волнах у носа лодки.

Теперь они двигались вдоль азиатского побережья Византии, удаляясь все дальше и дальше от Царьграда. В небе зажигались огромные звезды, стала всплывать луна, огромная и ясная, залившая все вокруг своим белесым сиянием. Малфрида видела на берегу слева от себя холмистые возвышенности с темными зарослями на вершинах, кое-где стали светлеть в лунных лучах постройки жилищ, можно было различить дальние огоньки. Но их было немного. Ромеи, встававшие обычно к утренней молитве, рано отправлялись на покой.

В душе Малфриды была странная смесь успокоения (все же избежала пленения) и тревожного ожидания. Она по-прежнему сдерживалась, не приставала к спутникам с расспросами, которые так и теснили в ее голове. Куда везут? Кто послал? Почему светловолосый древлянин-монах избегает ее взгляда и порой осеняет себя крестным знаменем? Боится ее? Зря. Сейчас она была обыкновенной женщиной, слабой и беззащитной. Когда чувствовала в себе силы колдовские, обычно смелее держалась. Теперь же словно потерялась. Потерялась в нагаданной и ненужной любви к Свенельду, потерялась в чужом краю, среди чужой веры. Стала робкой, замкнутой, даже какой-то равнодушной. Собственное бессилие угнетало ее.

Луна опять скрылась за облаком, потом вновь появилась – и все вокруг засияло. Малфрида увидела впереди выступающие из моря выгнутые, будто гигантские рыбины, острова. Нос лодки разрезал волну как раз в их направлении.

– Мы туда плывем? – спросила она.

Не ответили. И Малфрида опять сжалась, засунула руки в рукава рясы, будто зябла.

Первый остров они миновали, но дальше снова высилась гигантская глыба острова. Можно было даже различить, как светлеющая пеной волна набегаёт на пустынное песчаное побережье. А справа все так же проплывали высокие берега чужой враждебной державы, где почитают Христа. Казалось, что острова – такие же холмистые и поросшие лесом – просто часть этой державы, только унесенные волнами в море.

– Тебе не стоит волноваться, – все же обратился к беглянке монах-древлянин, когда они стали подплывать к одному из островов. – Говорил же, друг за тобой послал. Он ждет тебя уже давно. А с ним тебе ничего не будет угрожать. Это так же верно, как истинная вера.

И он перекрестился.

Они подплывали. Малфрида смотрела на высоко вознесшийся над островом пик, сердце ее сжималось...

А ведь ничего страшного, по сути, не происходило, ничто не тревожило взора. Лежащие на берегу лодки, выступающие далеко в море причалы, какие-то строения на побережье над скалистыми обрывчиками, а в них – отсветы огней, уютно отражавшиеся в воде.

Пришвартовались. И пока бородатый детина возился со снаряжением лодки, молодой древлянин выбрался на дощатый настил причала, протянул ведьме руку. Она ступила за ним, прошла на берег острова, огляделась. Тихо. Воздух был легкий, пахло приятно – хвоей и сладким ароматом цветов, перемешанным с запахами водорослей под молом.

Стояла глухая ночь, людей не было видно. Никакой охраны, никого. Свет мерцал только в расположенной неподалеку башенке, но оттуда никто не появился, и они прошли незамеченные, оставив крепкого монаха возиться с лодкой.

– Не вихляй бедрами, когда ходишь, – несколько грубо приказал древлянин. По голосу чувствовалось, что он все же нервничает. – Ступай широко, будто ты мужчина. И не озирайся. Вон за нами из башни смотрят, заподозрят что – не отвяжемся.

Сам же он поднял руку, помахав кому-то во мраке.

Они шли долго. Малфрид у переполняло теперь не волнение, а любопытство. Хотелось только быть уверенной, что соплеменник все же не отдаст ее катам. Да он бы и не спасал ее от людей патриарха, если бы задумал дурное. Малфрида знала, что монахи почитают своего главного, а этот белобрысый как бы пошел против его воли. Спасал зачем-то.

Они миновали селение, какие-то схоронившиеся за глухими стенами усадьбы. Через заграждения свисали ветви со сладко пахнущими цветами, под ногами поскрипывал гравий. Где-то залаяла собака. Обычный людской мир.

Вскоре они оказались в пустынном месте, тропа уводила все дальше в гору, пока не привела на холм, заросший сосновым лесом. Здесь было тихо, сквозь раскидистые игольчатые ветви просачивался лунный свет. Между деревьями виднелась находящаяся внизу бухта, за светящимся под луной морем выступали берега византийского побережья. И отчего-то в этой тиши стало легко на душе.

Древлянин, остановившийся неподалеку, переводил дыхание после крутого подъема. Молодой был, но хилый, дышал с присвистом. Все еще с одышкой сказал:

– Чувствуешь, какое вокруг благолепие? Сколько тут живу, а все на душе хорошо.

Малфрида постаралась понять, что это такое – благолепие? Но тут какой-то звук заставил ее резко оглянуться. Словно удар колокола. По привычке по спине пошли мурашки, как будто иголочками закололо. Но это была не та прежняя ломка, гнувшая ее, когда она слышала звон колоколов. Хотя теперь она отчетливо рассмотрела за деревьями строения монастыря: светлые стены из камня, массивная церковь, прорезающие мощные стены узкие проемы окон, округлый купол сверху, увенчанный крестом.

– Это ударили в било, – произнес древлянин и перекрестился. – Скоро служба... Всенощную запойот.

В его голосе угадывалась радость. Малфрида же напряглась. Неужели этот святоша решил привести ее в обитель?

И все же пошла за ним. Они поднялись немного вверх по выложенной камнем лестнице с широкими ступенями, но двинулись не к воротам монастыря, а вдоль каменной стены, окружавшей его постройки. Здесь вилась небольшая тропинка, которая вскоре стала уводить куда-то в сторону, в лес. И опять они долго шли под соснами. Малфрида

обрадовалась, когда отдаленное пение монахов осталось позади, звучало все тише, пока его совсем не стало слышно.

Наконец они оказались на поляне среди пустынного соснового леса. В лунном свете показался довольно большой дом, сложенный из огромных камней, вокруг шла невысокая, не больше человеческого роста, ограда, тоже каменная. В ней имелась калитка, куда и постучал монах.

- Отче, открывай! Свои.

Малфрида только подивилась, что он не перешел на ромейский. Но и ответили ему через время понятно:

- Ты, чадо? Получилось у вас?

- Как ты и велел - все сделано. Со мной чародейка. Удалось увести ее от беды.

Последние слова он произнес, когда калитка уже отворялась. Малфрида увидела перед собой рослого монаха в островерхом, накинутом на лицо куколе. В тени черт было не разглядеть, только светлела длинная седая борода, струившаяся по темной рясе. Луна очерчивала силуэт встречавшего, он был неподвижен, но Малфрида ощутила на себе его пристальный испытующий взгляд. Ей стало не по себе, и она невольно поискала на груди оберег. А еще... вот странно... показалось, что она как будто уже слышала этот спокойный, глухой голос с властными интонациями.

- Отче Евсевий! - негромко произнес приведший Малфрид у древлянин. - Отче, как мне теперь?

Тот, кого называли Евсеем, медленно повернул голову. Лицо его все еще оставалось в тени клобука.

- Ты хорошо справился, Исаия. Благодарю. Теперь можешь идти на свои послушания, брат. До обедни ты мне не понадобится.

Сам же повернулся и пошел к дому - высокий, но сутулый, явно немолодой, однако величавый. Ступал он медленно, опираясь на посох, за ним по тропинке тянулась его темная длинная тень.

Малфрида постояла какое-то время, потом осторожно двинулась к дому, где Евсей оставил приоткрытую дверь. Внутри теплился огонек, будто приглашая войти. И ведьма прошла к монаху. Огляделась.

Сперва была тесная прихожая, на лавке у стены стояла деревянная кадка с водой, на другой лавке - расстеленная овчина. Дальше - арка прохода, куда удалился священник Евсей, там помещение просторнее, освещенное золотистым светом двух высоких свечей. Свод невысокий, вокруг голые каменные стены, земляной пол, покрытый плетеными циновками. В углу - узкое деревянное ложе с плоской подушкой, покрытое темным шерстяным одеялом, у полукруглого окна стол и стул, у стены небольшой шкаф с книгами - вот и все убранство жилища. А еще Малфрида увидела икону Богородицы с лампадой в углу. Ведьма враждебно посмотрела на нее. Не забыла еще, что с ней при иконах-то делается. Но сейчас, когда в ней не было чародейских сил, она ничего не почувствовала. Просто смотрела на темный лик Божьей Матери, удерживающей перед собой младенца Христа.

- Кириотисса, - проследив за ее взглядом, сказал монах. - Это означает всемогущая, владычица.

Его голос по-прежнему казался знакомым... Где Малфрида могла его слышать?

- Кто ты, человеке? - спросила она негромко. - По речи сужу, одного племени мы. Но древляне всегда гнали христиан. А ты тут... Как такое вышло?

Он медленно повернулся, выпрямился - и свет упал на его лицо.

У Малфриды вдруг стало сухо во рту, горло сдавило. Из-под темного монашеского клобука на нее смотрели светящиеся, почти белые глаза. Это было так жутко... Но и узнаваемо.

Только раньше ведьма не помнила, чтобы в глубине этих светлых, будто слепых, глаз были зрачки. Теперь же черные точки зрачков были направлены прямо на нее.

– Вот как нам довелось свидеться, девочка моя, – негромко молвил кудесник. Ибо ранее, когда Малфрида училась у него в древлянских лесах, он был чародеем.

– Великий Никлот!..

Неожиданно ослабев, она прислонилась к стене, смотрела в эти светящиеся под темным куколом светлые очи с темными зрачками. Эти глаза казались и нелюдскими... и ставшими почти человеческими.

– Никлот! – повторила ведьма побелевшими от напряжения губами.

Пораженная, она не могла шелохнуться. Никлот глядел на нее, и ей казалось, что эти мгновения тишины заполнены только глухими ударами ее сердца и едва слышным дыханием, вырывавшимся из ее сведенного горла.

Никогда, ни в каких видениях, гаданиях или просто помыслах Малфрида не могла представить, что может *таким* встретить своего учителя колдовства. Ибо давным-давно – так ей казалось – в какой-то иной жизни, когда она только постигала свою колдовскую силу, волхв Никлот был ее наставником, помогал понять живущие в ней силы, учил управлять ими и колдовать. Жил он тогда в глухой древлянской чаще, слыл верховным волхвом, и говорили, что сила его такова, что перед ней склоняются самые мудрые ведуны; даже непримиримая к людям нежить подчинялась силе могучего чародея, живущего так долго, что даже глаза его выцвели до белизны. Все почитали Никлота, считались с его волей и решениями. Но однажды верховный волхв пропал. И никто, даже самые знающие ведуны, не могли сказать, куда делся великий чародей. Он исчез, словно никогда его и не было, а следы его растворились, сгинули. И сколько бы ни ворожили, не могли разгадать его загадку. Тогда-то и решили, что чародей Никлот сам захотел уйти и наложил заклятие, не позволявшее проследить его путь.

И вот Малфрида встретила его... в облике монаха! У нее не было слов. Она просто молчала, глядя, как он, перестав ждать от нее слов, склонился над книгой, стал негромко читать:

– Престол Твой, Боже, в век века: жезл правости – жезл царствия Твоего. Возлюбил Ты правду и возненавидел беззаконие: сего ради помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более участников Твоих.

Малфрида ничего не поняла. А Никлот посмотрел на нее и промолвил:

– Если ты так спокойно воспринимаешь слова из Псалтыря, значит сейчас ты просто женщина, без своих чар. Повлияло ли на тебя, древлянка, сила христианства или ты была с мужчиной, как простая жена?

Малфрида не собиралась отвечать на этот вопрос, ибо у нее самой было немало вопросов. И она только произнесла слабым голосом:

– Почему ты оставил нас, Никлот?

Он не ответил, и она продолжила:

– Много бед случилось у нас с тех пор, как не стало твоего мудрого правления. Останься ты... можно было бы избежать стольких несчастий!

– Я ушел, когда понял, что больше не могу так жить, – спокойно произнес Никлот, опускаясь в кресло подле стола.

Пламя свечи осветило его лицо, и стало видно, что некогда пивший живую и мертвую воду вечный чародей теперь постарел, но, как это ни странно, в его лице появилось больше жизни, исчезла прежняя величавая неподвижность, и только эти светлые глаза еще напоминали, как долго он жил некогда... А вот темневшие в них зрачки указывали, что он стал больше человеком, чем когда был волхвом.

– Я не мог оставаться более, – вновь сказал Никлот. – Ты говоришь о случившихся бедах?

Но я не судьба, я не мог влиять там, где люди решили поступить, как им было угодно.

– Какие люди, Никлот?

– Множество людей. Могут быть предсказания, могут быть видения и гадания... Ты ведь мудрая ведьма, ты знаешь, что будущее можно предвидеть и пытаться изменить, но лишь у немногих есть силы повлиять на него. У меня таких сил не было. Ни сил, ни желания. Ибо я уже становился тем вечным, какие превращаются в нелюдь, для которых все человеческое чуждо. А тогда либо приходят бездушные и зло, либо исчезают любые желания. Я был близок к этому. Меня ничего уже не волновало. И мне стоило превеликого труда собрать остатки сил, чтобы уйти в иную жизнь.

– Но ты пошел к христианам! – воскликнула Малфрида и даже подалась вперед, будто хотела наброситься на священника. Однако ее остановил взгляд с иконы на стене – строгий и укоризненный. Это только еще больше рассердило ведьму. Она заметалась по келье – и ее тень тоже заметалась, заплескала по стенам, будто темный дух.

– Успокойся, Малфрида, – произнес старец. – Выпей воды, передохни, а потом мы потолкуем.

Чародейке было непросто справиться с волнением. Она была возмущена. Какое кощунство! Оставить мир волшебства и служения великим богам, предать древнюю мудрость предков, оставить тех, кто верил своему верховному волхву и шел за ним!.. И все ради того, чтобы стать святошей! Принять чужую веру!

Она пила воду, и зубы ее лязгали о край глиняной чаши. Спокойствие Никлота, который не глядел на нее, а что-то просматривал в лежавшей перед ним книге, оглушало Малфриду. Она смотрела на него, а потом внезапно вспомнила... Она катала яблочко по серебряному блюдечку, она просила показать того, кто всегда думает о ней, и чудо чудное явило ей его на краткий миг... Да, теперь она не сомневалась, что рассмотрела тогда Никлота в этой келье. Она узнала и этот каменный свод над головой, и эту икону с лампадкой перед изображением.

– Ты много думал обо мне, Никлот? – произнесла чародейка с легким удивлением.

Он отложил перо, повернулся к ней.

– Да, дитя мое. Я волновался за тебя. Ибо ты была моим последним недобрым деянием. Ты была юной девушкой с великой внутренней силой, а мы учили тебя не только постигать науку чародейства. Мы учили тебя убивать.

Да, она это помнила. Ее хотели сделать убийцей тех, кто мог посягнуть на племя древлян. Но вышло так, что она не выполнила возложенного на нее волхвами задания, даже ушла из племени, а когда вернулась... то свои же соплеменники не приняли ее и едва не погубили. И она примкнула к тем, кто пошел на древлян. Тогда ей это казалось правильным, было ее мстью. Да и по сей день она не жалела о том, что сделала.

Малфрида подумала, что не должна чувствовать своей вины, не должна ничего объяснять Никлоту, превратившемуся в христианского монаха. Кто больше виноват из них перед своими родами? Она, примкнувшая к врагам соплеменников, или Никлот – верховный волхв, оставивший племя в трудную годину?

– Но почему ты ушел к христианам, волхв? Они ведь губят все, что было нашим...

Сказала и осеклась. Она и сама помогла войскам Ольги погубить то, что было ее... ее племенем.

– Ты знал, что со мной было за это время? Ах, конечно же, знал! – Малфрида взмахнула рукой. – Ты всегда был великим ведуном. Хотя... – Она внимательно вгляделась в монаха. – Ведь христианство убивает все чародейское?

Она сказала это с надеждой. Ей совсем не хотелось, чтобы Никлот знал, что она помогала мстившей древлянам Ольге.

– Да, вера во Христа отдаляет нас от того, что мы зовем старой верой. Как и лишает нас возможности колдовать, прибегая к чарам, – задумчиво и спокойно произнес бывший

волхв. – Но, видимо, воля Божья была в том, чтобы я остался ведуном. Здесь меня считают чудотворцем и провидцем. Я не могу колдовать, как ранее, мои руки уже не посылают чародейство, как мне вздумается. Но многое мне было и оставлено. Когда же я вспоминал тебя, Малфрида, когда думал о тебе – а таковое случалось довольно часто, – мне были ниспосланы видения. Да, милая, я знаю, что тебе легко было идти убивать. Как и знаю, что ты многому училась, многое постигла. Не только приобрела умение убивать, насылать врагов и сеять зло, к чему мы готовили тебя в древлянских чащах, увы... Ты пошла гораздо дальше: теперь ты умеешь творить разные заклинания, предсказывать и ворожить, можешь превращаться в другое существо, способна зачаровывать и готовить колдовские зелья. Обычно колдунам дается какой-то один особый дар: кто-то насылает падеж, кто-то нагоняет ветры, кто-то особо остро чувствует присутствие нежити или силен в наведении порчи. Но у тебя получалось все. Это вызвало во мне гордость за тебя, мою ученицу, хотя я и понимал, что это не моя... не наша заслуга. Просто ты иная, чем простые люди, в тебе много темной силы, нелюдской, и она все возрастает. Если бы ты не была рождена женщиной, способной чувствовать привязанность, эта темнота давно бы поглотила тебя. Но ты все еще человек, в тебе есть и светлая сущность, ты удерживаешься от того, чтобы стать полностью ведьмой.

– Ладно, ладно, хватит! – перебила его Малфрида. – Что со мной – я и сама ведаю. А вот что мне неведомо, что меня поражает и возмущает, так это твое решение принять чужую веру! Почему не отвечаешь на этот вопрос? Стыдишься предательства?

– Нет. Я стал христианином потому, что понял, что христианская вера и есть истина.

– Да ну? – хмыкнула, выгнув бровь, чародейка. – А как же наши боги? Горячий Сварог, могучий Перун, щедрый Дажьбог. Они не истина?

Никлот поднялся, подлил масла в лампадку, поправил фитиль.

– Здесь их считают демонами, – произнес он негромко. – Сперва меня это возмущало. Потом понял – они считают демоническим все, что рождается от страха и незнания. Так и старые боги. Они появились издревле, когда наших пращуров пугало необъяснимое, вот люди и создали себе богов, олицетворяющих то, что казалось им непостижимым. Так было и у нас, и в других землях – везде, где люди наделяли силой все непонятное себе. А ведь то, во что начинаешь верить, может однажды и появиться. Другое дело, что к своим богам люди испытывали не столько благоговение, сколько страх. Боги должны быть великими, их надо опасаться и задабривать, чтобы они не лишили жизни, не послали ненастья. Отсюда и это поклонение, жертвоприношение, требы, надежда, что грозные боги помилуют... а то и помогут. И божества привыкли к поклонению, какое возвысило их и дало столько силы. Они ждут жертв, чтобы взамен дать вымоленную милость. А вот Христос... Он пришел на землю, он воплотил в себе суть самого Господа, но знал, что ему самому однажды суждено стать жертвой. Да, смертные люди, привыкшие почитать высшие силы, до такого не додумались бы. Но меня поразило, что христианский Бог, даже пострадав от людей, не требовал мести, не грозился, а только просил за них Создателя. «Прости им, Господи, ибо не ведают они, что творят».

– И что, поверившие Ему ничем не обязаны своему заступнику? – недоверчиво спросила Малфрида. – Неужели Он, как балующий родитель, только награждает своих погубителей?

– Совсем нет. Но все же Христос обладает силой, которая больше дает. Если веришь в Него душой. Конечно, и в этой вере есть свои требования, подчас суровые. Но они ближе к тому, чтобы поддерживать мир и продление жизни. Не укради, не убий, не возжелай – это для многих приемлемо. Христос учит милосердию, созиданию. Поэтому многие поверили в Него. А когда столько людей верит – это великая сила! И пусть мир несовершенен, пусть люди несовершенны, но вера меняет их к лучшему. А лучшее и есть истина. По крайней мере для меня.

– Но не для меня! – Малфрида так потрянула головой, что куколь сполз с ее головы, волосы рассыпались. – Истина в том, что чувствуешь и видишь. И для меня истина открывается, когда я превращаюсь в зверя или птицу, когда поднимаюсь в воздух и ощущаю, как гроза удесятерит мои силы.

– Но ты не совсем человек, Малфрида. Обычные люди этого не могут.

– Но ведь ты мог! Ты был могучим чародеем и отказался от этого, чтобы... чтобы сидеть тут! В темноте и над книгами! А жизнь проходит мимо.

– Жизнь... – Никлот вздохнул. – Да знаешь ли ты, женщина, что только тут я наконец-то и начал жить!

Теперь Никлот бурно задышал, голос его повысился. Малфриде было странно видеть таким взволнованным ранее всегда спокойного, будто отстраненного от всех в своем мудром величии волхва. А он вдруг стал рассказывать, как некогда, даже зная, что ожидает древлянское племя – его племя! – не сделал ничего, чтобы попытаться помочь своим. Не хотел, не стремился. Некая равнодушная лень владела им, он знал, что многие погибнут, что темнота воцарится в его земле, что кровью великой заплатят древляне за своевольство, – но его это не волновало. Так же безучастно отнесся он к тому, что иной волхв, звавшийся Маланичем, набирает мощь, опираясь при этом на темные, враждебные миру людей силы. Да, Никлот это видел, но ничего не сделал, чтобы помешать подавшемуся к темным волхву. Ибо все тогда казалось ему мелким, суетой, не стоящей внимания. Не спокойнее ли существовать просто так, забыв обо всем?... И надо прочувствовать, чтобы понять, насколько сладко подобное бездействие.

Малфрида вдруг вспомнила Жерь. Опять возникло гадливое ощущение, как и тогда, когда находилась рядом с ней.

– Никлот, ты знаешь про Жерь?

Он кивнул. Его глаза белесо светились под капюшоном. Он по-прежнему внушал некое почтение своей древностью и величием.

Малфрида сказала:

– Но ведь до того, чтобы стать таким, как Жерь, тебе было далеко.

– Да. Жерь – самое древнее существо, полное вырождение. Вечная жизнь убивает в живущем все человеческое, превращает его в нелюдь. И я бы пришел к чему-то такому. Можно сказать, я был уже почти таким... Если бы не нашел в себе сил уйти.

Он вдруг оживился, стал рассказывать, как вышел однажды на тропу, побрел по ней, никого не упредив, куда направляется. Просто шел, заставляя себя двигаться вперед. Лишь на миг он остановился, навевая чары, чтобы его не могли разыскать. Почему? Он ведь знал, что его будет угнетать чужое вмешательство, вот и не хотел, чтобы просили о возвращении, чего-то требовали, хотел лишь, чтобы оставили в покое. Ушел в темную ночь и метель. Колдовская сила грела его, а человеческие силы от движения по снегу против ударов ветра стали постепенно таять. Но он продолжал идти, ибо понимал, что если расслабится, то окружит себя привычным магическим кольцом, схоронится в нем, чтобы не погибнуть. Ибо погибать вечно живущий Никлот не собирался. Тот, кто так долго живет, страшится уйти за кромку. К тому же волхв двигался по пути, где, как он знал, имеются источники живой и мертвой воды. Думал воспользоваться ими, когда иссякнут силы, да и набрать в дорогу чудотворной водицы тоже собирался. А вот куда он тогда направлялся – не ведал. Просто надо было на что-то решиться... Заставить себя решиться.

Никлот сказал, что был миг, когда он пожалел, что поступает так неразумно. И был великий искус вернуться, обрести прежний покой. Но именно тогда он и вышел к древнему алтарю, какие люди порой устраивают на перекрестках, чтобы можно было принести требу богам, не прибегая к услугам волхвов, не платя служителям. Ведь волхвам, как и божествам, нужна плата за волхование. А придорожные алтари люди придумали, чтобы приносить жертву в надежде, что боги и так ее примут. И вот у такой каменной плиты придорожного алтаря Никлот увидел сжавшегося от холода отрока. Тот лежал, прислонившись к камню, ноги и руки его были оплетены ремнями, сам уже спал, занесенный снегом. Но Никлот разбудил его. Развязал и велел идти за собой. Он чарами прибавил ему сил, приказал не отставать. Нет, он не пожалел жертвенного мальчика, просто решил, что будет неплохо иметь при себе в пути прислужника. Но, как оказалось, этот отрок и стал причиной, почему Никлот не вернулся. Ведь

паренек шел, повинаясь его силе, но плохо шел – терял сознание, горел весь, задыхался. Никлот еще тогда понял, что хворого паренька родовичи отдали в жертву темной Морене, дабы ее недобрая сила пощадила остальных в роду. Люди всегда стараются отдать богам что похуже, надеясь, что те не поймут их маленькой хитрости. Ведь когда волхвы жертву выбирают, то лучших стараются взять. А тут – отдали слабосильного в жертву и со вдохом облегчения уселись греться у рдеющей теплом каменки.

Но мальчик спасение от волхва принял с благодарностью. Если кудесник его выбрал – значит, воля рода была ошибочной и самому ему не стоит покорно губить себя для спасения родни. Особенно он в этом уверился, когда Никлот привел его в лесную заимку, лечил, пока парень не поправился. И он пошел за ним, служил верно, никогда не предавал. Когда же Никлот примкнул к христианам, счел за благо последовать его примеру.

– Это он привел тебя сюда, – закончил свой рассказ Никлот. – Исаиа, келейник мой. Имя свое он принял при крещении, а как раньше его звали, уже и не припомню. Стар становлюсь. – Волхв добродушно и как-то светло улыбнулся.

Малфрида размышляла какое-то время. Выходит, Никлот решил отказаться от волховства, чтобы не превратиться в нелюдь. Он стал христианином, отказался от чар, приобретя за этот отказ обычную человеческую жизнь. Получается, что это своего рода сделка. Она могла его понять. Но когда сказала бывшему волхву о своих выводах, он только посмеялся.

– Да, наверное, ты воспринимаешь это именно так. Но Господь читает в наших душах, и Он знает, что принять крещение для меня было не только спасением от превращения в будущем в страшную нечисть. Дело в том, что я уверовал. Я ведь сказал, что для меня это стало истиной. Великой истиной.

Волхв поведал о своем прибытии в христианский Корсунь, куда он пришел как обычный врачеватель. Живя среди смертных, он должен был как-то питаться, зарабатывать на хлеб. Вот он и стал лечить людей, используя свои многолетние познания в травах, вправлял суставы, заговаривал кровь. Жители Корсуни считали, что он просто слепой знахарь, относились к нему терпимо, но их волновало, что он не посещает храмы. Для христиан это очень важно, и Никлот однажды решился войти в одну из их церквей.

Малфрида напряглась. Думала, Никлот поведает, как и его ломало, кружило в забытьи... Ничего подобного. Никлот не единожды побывал в церквях чуждых ему иноверцев и в итоге проникся их верой. Он опять повторил: когда столько людей верит – это великая сила. Вера вообще сила – если она искренняя.

Они еще долго разговаривали. Малфрида поначалу сдерживала свою неприязнь и неверие, чтобы не оскорбить учителя, не прервать его рассказ. Потом просто заслушалась и узнала, как постепенно Никлот проникся верой христиан, даже сам крестился, приняв новое имя – Евсевий. Да, колдовать, как раньше, он уже не мог, не мог наслаждаться присущей ему когда-то силой. Более того, Никлот узнал, каково это, когда от непогоды ноют его старческие суставы, как быстро он утомляется, как ухудшается зрение. Но наряду с этим он вновь начал чувствовать радость и огорчение, стал смеяться, получать удовольствие от вкуса хлеба или удовлетворение, когда его подопечные хворые исцелялись.

– Погоди, Никлот. – Малфрида подняла руку. Называть его новым именем Евсевий она так и не решилась. – Ты хочешь сказать, что христианство, сделавшее тебя опять простым смертным, принесло тебе более радости, чем вся та могучая сила, какой ты владел ранее? Когда чувствовал себя великим и неуязвимым?

Монах глубоко вздохнул и опустил голову. Тень заслонила его лицо, но у Малфриды опять появилось ощущение, будто очерчивающий его свет образует вокруг него некое сияние.

– Ты не поймешь, моя девочка. Это надо почувствовать и пережить. Но у нас с тобой еще будет время для разговоров. Ибо я намерен укрыть тебя здесь, у себя, пока не пройдут гонения. Да, по местным меркам ты демон, и, попади ты в руки стражей Церкви, тебе бы несдобровать. Но ты моя ученица, и я ответственен за тебя. Поэтому ты останешься тут. Я живу на положении монаха-отшельника, меня не тревожат, только когда ко мне

приходят просители – а это бывает раз в седмицу, в начале недели, в воскресенье, – тогда тебе надо будет удалиться. В остальное же время тут бывает только мой келейник Исаия и послушник Нил – тот глухонемой, который помогал келейнику привезти тебя. И раз в тебе сейчас нет чародейства, то только от тебя будет зависеть, насколько долгим и укромным станет твое пребывание подле меня.

– А тебе грозит опасность, если меня найдут?

Никлот ничего не ответил, только улыбнулся чуть смущенно и в то же время обезоруживающе. Малфрида поняла, что Никлот рискует. Что ж, пусть в душе ее и не улеглось возмущение, вызванное его переходом в иную веру, но она была благодарна ему.

Никлот опять склонился над книгой, давая понять, что разговор окончен. Но у Малфриды было еще столько вопросов! И она долго ворочалась на скамье в прихожей, не могла заснуть. Порой она слышала, как монах ходит по келье, один раз даже вышел, зачерпнул воды в кадке, попил. А потом опять до нее доносилось его бормотание, молитвы... И как бы Малфрида ни была возбуждена происшедшим, она заснула под эти звуки глубоко и спокойно.

Проснулась Малфрида далеко за полдень. Даже подивилась, как долго проспала. Но ведь с Никлотом они почитай всю ночь проговорили. Сейчас же в келье монаха было тихо, чародейка не осмелилась его побеспокоить и вышла наружу.

Через двор шел давешний келейник Исаия. Малфрида вспомнила, что говорил о нем Никлот: мол, хворого богам отдали. Каково это жить, зная, что из-за тебя может пострадать кто-то из отдавших его божествам родовичей? Но, может, как раз и благословляет Долю, что его спасли? Исаия не смотрелся особо здоровым – худой, сутулый, правда, загорел на местном солнышке. Он приветливо улыбнулся чародейке, потом сказал:

– Ты бы куколь не снимала. И хотя сюда редко кто заглядывает, не осмеливаясь тревожить покой святого старца Евсевия, все же...

Малфрида помогла ему полить грядки, потом они перекусили ломтем мягкого белого хлеба, запили его родниковой водой из протекавшего неподалеку источника. Вода была непередаваемо вкусной, хлеб тоже замечательный, жить можно было. Малфрида даже повеселела, болтала с Исаией о том, что его древлянский говор звучит, как у иноземца, что и не диво, учитывая, что большую часть жизни он прожил в чужих краях, да и по-гречески ему общаться уже привычнее. Потом келейник отправился в обитель, а Малфрида пошла гулять по острову. После долгого сидения на корабле в бухте Золотого Рога так приятно было пройтись, размять ноги, поглядеть с высокого берега на воду, удивительно лазурную и прозрачную, сквозь мелкое дрожание которой просматривалось дно.

И потянулись дни чародейки на острове. Ей сказали, что остров этот, носивший греческое название Принкипос, не особо большой, но и не малый, тем не менее был самым крупным среди расположенных в водах Пропонтиды Принцевых островов. На его вершине располагался Свято-Георгиев монастырь, куда ходил на службы Исаия, были тут еще несколько монастырей – из светлого камня, с глухими оградами. Проживавшие там монахи редко выходили за пределы обителей, проводя дни в молитвах, трудах, переписывая святоотческие книги, чтобы приумножать и распространять божественную премудрость. Малфрида не ходила в том направлении. Изю дня в день она отправлялась в дальние пределы острова, бродила в монашеском одеянии под соснами или спускалась к воде. Берега в основном были обрывистые, но все же она нашла песчаную косу, где так приятно было войти по щиколотку в воду, наслаждаться ее ласковыми наплывами, смотреть на отдаленные берега, где высились прекрасные дворцы и храмы. Малфрида видела проплывающие мимо большие корабли, смотрела на множество рыбацких суденышек. Рыбы тут водилось превеликое множество, ее можно было рассмотреть сквозь прозрачную воду. И хотя стояла душающая жара, Малфрида нашла, что ей тут нравится. Только бы о монастырях не думать – близость священников и церквей все еще вызывала в ней содрогание. Зато когда опускались быстрые южные сумерки, ведьма могла скинуть с себя одежду, войти в воду, насладиться тем, как легко держит ее тело на плаву соленая вода Мраморного моря. Малфрида смеялась в темноте, плескалась и думала, что в жизни есть немало радостей помимо чародейства. Просто она как-то

не привыкла жить без чар.

Освежившись, она возвращалась к хижине отшельника, вела с ним разговоры. Такое получалось не всегда – один раз в неделю к почитаемому старцу Евсевию приходили люди, просители, которые рассчитывали получить от него ответы на волнующие их вопросы, надеялись на его помощь.

Он выходил к людям, провозглашая: «Христос воскрес!»

Они отвечали: «Воистину воскрес!», а потом опускались на колени и просили у бывшего волхва благословения.

Малфриде непривычно было на это смотреть. Затаившись в зарослях, она внимательно наблюдала за происходящим. Видела, как просители сидели на земле, ожидая, когда их позовет Никлот, которого они величали святым старцем. Для Малфриды же он оставался великим чудесником. Пусть Никлот и говорил, что после крещения чародейская вода его не берет, пусть уверял, что только часть дарований осталась при нем, но все же они были, и христиане считали их чудотворными. Вот и сходились к нему, прибывали даже издалека. Раньше Малфрида и представить не могла, чтобы великий Никлот нисходил ко всякому. А тут... Разные тут были люди – хромые, скрюченные, одноногие; приходили и женщины с изможденными лицами, некоторые с детьми на руках, кашляющие отроки, воины с повязками на теле. И Никлот-Евсевий принимал каждого. Один раз Малфрида видела, как в келью занесли на носилках неподвижного человека, а потом он появился сам, шел с блаженной улыбкой, еще покачиваясь, опираясь на плечи принесших его, но прямо-таки светился от счастья.

После приема паломников Малфрида не решалась побеспокоить Никлота. Он садился на лавке подле грубой стены хижины, вид у него был такой спокойный и счастливый, что казалось кощунством тревожить его. Но он заметил нерешительно стоявшую в стороне чародейку, жестом велел приблизиться.

– Сегодня у меня был хороший день, Малфрида. Я молился, я просил Всевышнего исполнить чудо – и Он отозвался на мои мольбы.

– Ты слынешь тут святым чудотворцем, Никлот, – задумчиво произнесла ведьма. – Ответь же мне, ты слышишь Господа, когда он обращается к тебе?

– Нет, я не слышу, – улыбнулся монах, – но знаю. Подобный ответ не удовлетворил Малфрид у.

– Ты только и делаешь, что ссылаешься на своего Бога. А разве сам ты уже ничего не можешь? Ну, я имею в виду, без молитв.

По спокойному, умиротворенному лицу Никлота прошла легкая улыбка. Малфрида до сих пор не могла свыкнуться с тем, что его лицо, пусть и сильно испещренное морщинами, стало таким живым и открытым, без былой величавой отстраненности.

– Я ведь говорил, что, когда уверовал, мне была дана Божья милость сохранить некие мои дарования. Человек все же – великое творение Божье, и каждый имеет свои возможности, свой дар. Но если ставишь перед собой непростую задачу, если хочешь исполнить нечто непривычное в миру, нужна помощь свыше.

Малфрида насмешливо хмыкнула.

– А вот я знавала людей, которые многого добивались, рассчитывая только на свои силы.

– Да ну? Нет, моя милая, пусть человек и бывает силен и уверен в себе, но всегда наступают мгновения, когда он надеется еще на что-то, на какую-то высшую поддержку. Люди то и дело восклицают: «О, Перун великий!» или «О, Господи!», приговаривают: «Ну, с Богом!» или же, словно обращаясь к кому-то, говорят: «Ну что за незадачливый день сегодня!» Вольно или невольно они призывают к кому-то, кто выше их. Ибо так уж люди устроены, что в глубине себя ждут некой сторонней помощи. А во что кто верит? Кто в удачу, кто в разум или хитрость, кто в некие, самому не совсем ясные силы – в магию, в счастливый случай, в науки, в судьбу, в приметы. И эта вера подпитывает их уверенность в себя. Я же ощутил настоящие силы, только когда поверил в Господа.

– Но разве ты не отдаешь себе отчета в том, что то, чем ты владел ранее, было куда мощнее, чем все нынешние твои умения?

Легкий вздох был ей ответом. Они посидели какое-то время молча.

Было тихо, лишь птицы выводили вечерние напевы, приветствуя последние лучи заходящего солнца. Закаты над морем тут казались особенно прекрасными.

Никлот чувствовал на себе пронзительный взгляд ведьмы. Она ждала ответа. Но он повторил лишь то, о чем говорил ранее: да, у него некогда были великие силы чародейства, а когда они пропали, он понял, что можно жить и без них. Человек таков, что всегда получит радость от того, что он делает. Никлот же ранее не имел этой радости. Его душа была убита волшебством, но ожила, когда он отказался от магии. А без души жизнь не может быть жизнью. Пропадают желания, исчезает интерес.

У Никлота и впрямь ныне было немало интересов, на которые ранее величественный волхв не обратил бы внимания. Так, ему были любопытны люди, приходившие к нему, волновала их жизнь, их заботы. Ему нравилось следить за полетом облаков, за отсветом неба, определяя погоду на ближайшие дни. Порой он просто получал удовольствие, помогая Исаие и Малфриде возиться на огороде, наблюдал, как растут бобы и сельдерей, сам пропалывал грядки свеклы. И хотя питался он в основном растительной пищей, но ел с удовольствием, словно лишь недавно начал чувствовать вкус, с наслаждением смаковал соленые оливки или тушенную с луком фасоль, попивал вино, разбавленное водой из источника. Иногда у Исаии Никлот вызнавал новости из монастыря, но сам на службу никогда не ходил – ему было позволено не являться. Зато Никлот очень любил посидеть на скамье, установленной для него немим прислужником Нилом над обрывом, откуда открывался вид на бухту внизу и на пологий склон холма, где возле беленых домиков копошились крестьяне. Часто он брал с собой книгу и подолгу читал, порой делая на полях для себя отметки.

Как-то Малфрида спросила:

– Что такого мудрого в этих книгах, что ты уделяешь им времени куда больше, чем наши волхвы созерцательному изучению мира?

Она сидела подле монаха на земле, на нагретой за день хвое и смотрела на легкое марево на горизонте: было похоже, что жара не спадет и в ближайшие дни.

Никлот отвечал, что не только созерцание мира постигают кудесники в чашах. Они заучивают наизусть заговоры и заклинания, чтобы передать эти словесные знания тем, кто придет после них. Самые сложные знания они записывают на древесине специальными резами. Это непросто: знаков-резов множество, они очень сложны, их трудно постичь, трудно ими пользоваться, так что эту науку постигают лишь немногие.

– Но я жил достаточно долго, чтобы понять ее и самому оставлять надпись резами, – поведал Никлот. – И уж поверь, кто осилил премудрость резов, довольно легко справится с текстами христиан. Алфавит куда проще, по сути, он рассчитан, чтобы над ним не мудрствовать долгие годы, чтобы знание было доступно многим. Так что я выучился на удивление быстро. А уж читать мне пришлось потом много. И это такое наслаждение...

– Что ты сейчас читаешь? – перебила его Малфрида. Ей было неприятно, что он с восторгом превозносил все чужое, отмахиваясь от знаний волховской старины.

Оказалось, что это труд некоего Платона под названием «Пир». В нем говорилось, что в древности обитали на земле особые существа, андрогины – перволюди, являвшиеся одновременно и женщинами, и мужчинами. Соединяя в себе оба человеческих пола, они были совершенны настолько, что решили, что они лучше богов, и захотели обойти их, получить власть над миром. Но боги разгневались на андрогинов, разделили их пополам, уменьшив их совершенство и их наглость вдвое. Так, по легенде Платона, и появились люди обоих полов, мужчины и женщины. Однако люди с тех пор беспокойны, они ищут по свету свою половинку и, если находят, счастливы в браке и любви и тогда долго живут в гармонии.

– А ты, моя девочка, – обратился Никлот к чародейке, – нашла ли ты по жизни свою идеальную половинку? Ты так мало рассказывала о себе.

Малфрида действительно не спешила поведать, как жила все это время. Она поняла, что Никлот мог чувствовать, когда его ученица колдовала, потому и знал о ней так много, даже уловил, когда она его в серебряном блюде увидела. Очень сильный тогда был посыл, даже в уединенное жилище отшельника проник, но Никлот сразу же уловил его и одним взмахом скинул чародейство. А вот чего бывший волхв не мог знать, так это как она жила обычной жизнью в миру. Так почему бы не рассказать? Особенно сейчас, когда слова Никлота что-то затронули в ее душе. Идеальный друг, возлюбленный, ее половинка... Она подумала о Свенельде – и тут же отбросила эту мысль. Свенельд не для нее, они оба это понимали, а то, что произошло той лунной ночью... Ну, бывает и такое, когда два одиноких сердца находят в краткой любви такую же краткую уладу. А вот Малк... И она сообщила отшельнику, что стала женой того, кто тоже обучался в древлянских лесах, но давно покинул их, что они с ним прожили немало счастливых лет на берегу Днепра подле града Любеча.

Никлота это известие обрадовало.

– Ты сделала достойный выбор, чадо. Малк – он особенный. Ему дано доброе и отзывчивое сердце. Что он полюбил тебя, я видел еще тогда, когда обучал вас. Но не думал, что из этого что-то получится. Ведь вы были такие разные! Ты жаждала чародейства, Малк – любви. Но у него была широкая душа, он мог решиться на любые безумства из тех, какие мы называем отвагой. И если он все же смог приручить такую недоступную девушку, если ты оказалась способна разделить с ним это безумие, то вы – пара. Надо только, чтобы ты поняла, какое счастье выпало тебе. И оно, возможно, стоит того, чтобы отказаться от чародейства. Говорю же тебе – и без колдовства можно жить, и счастливо жить! Да будет на то воля Божья!

«Ну, это у меня вряд ли получится», – подумала Малфрида, с тоской вспоминая, какую упоительную силу и уверенность испытывает, когда ощущает себя ведьмой.

Однако она все же как-то смирялась с тем, что тут, на острове, где молятся Христу и Его Матери, где почитают святых сподвижников, ей нельзя колдовать. Радости это не приносило, просто она старалась не думать о доступной ей ранее силе чар. Как избегала думать об этом, живя в браке с Малком. Свенельд вон недавно сказал, что для женщины это и есть счастье – жить с милым обычной жизнью. Но она не была создана для обычного житейства, она была ведьмой, потому и начинала маяться, будучи даже, на первый взгляд, счастливой с мужем. А Малк... Надежный, добрый, понимающий, ласковый... Что еще надо для того, чтобы жить с ним в любви и согласии? А вот Малфриде порой начинало казаться, что она та самая нелюдь, которая пробует сжиться с окружающими, но вскоре начинает изнывать от их обыденной неинтересной жизни. Она давно была наслышана о мавках лесных, которые влюбляются в смертного и идут под дымный кров ради любви. Порой и русалки, оставив заводь и променяв рыбий хвост на пару ног, тоже пытаются стать женами и матерями. И что? Ни одна из таких историй добром не оканчивалась. То же самое, похоже, и с ней.

Когда Малфрида призналась в своих сомнениях Никлоту, тот помрачнел.

– Надо же, а я, честно говоря, обрадовался за тебя, узнав, что вы сжились с Малком. Даже понадеялся, что ваша любовь спасет тебя от тьмы. А тебе, оказывается, нейдет без чар... Представляю, как Малку непросто приходилось. Он ведь мысли читает. И наверняка понимает, что его милая несчастна с ним, что ее иное манит...

– Я научилась скрывать мысли от него! – резко прервала его Малфрида. – Я не мучила его своей тоской по колдовскому умению. Просто когда уже становилось невозможно... уходила. И он никогда не гневался.

– А что на душе у него было при этом, ты не догадывалась? Разве ему было любо, что жена уходит и приходит, когда пожелает? И зря он не настоял на своем, не проявил волю мужа. Ведь он мог держать тебя при себе лаской и страстью, ты бы жила с ним, постепенно забывая, каким необычным даром наделена. Да, видно, Малк слишком любил тебя, не хотел лишать свободы, жалел. И это плохо. Ибо, видит Бог, лучше бы он покрывал тебя даже силой, чтобы загнать твоё умение вглубь, как болезнь. Да, какое-то время ты, может, и потосковала бы, побесилась. А потом... Пойми, ты почти человек,

а люди ко всему привыкают.

Глаза Малфриды потемнели от гнева.

– И что же, мне бы всегда покоряться пришлось?

– Как и положено жене покоряться мужу. Ты вот что учти, девочка моя: если жена хочет лада в семье, она слушает мужа.

– Даже если муж не прав?

– А с чего ты взяла, что он не прав? Потому что сама так решила? А вот я знаю, что женщины по своей сущности суевее мужчин, им свойственно метаться, шуметь и переживать, чего-то искать и добиваться. Причем зачастую напрасно. Уж лучше ей покориться мужчине, который спокойнее и разумнее ее. И раз она согласилась стать его женой, то ей надлежит жить за мужем – сделав его своим защитником, главой и руководителем. Уважать его. Ведь уважение в семье появляется именно из любви. И ты, как я понял, согласилась пойти за Малка по любви. Зачем же ты мучила его, не интересуясь, чего он желает?

Малфрида горько улыбнулась.

– О, уж поверь, Малк нашел, как отомстить мне. Он... – Она набрала в грудь побольше воздуха: – Он сошелся с христианами... А я ведьма. Поэтому думаю, что Малк возлюбил их куда больше меня. И что я ему теперь?

Но, сказав это, Малфрида сразу же пожалела. Незачем знать Никлоту про связь мужа с христианами! Он не поймет, а только порадует за бывшего ученика. А еще вспомнилось, как Свенельд недавно говорил, будто Малк все еще ждет ее. Но дождется ли? Как же ей вдруг захотелось к нему! О, она бы слушалась его и уважала, только бы вновь ощутить себя любимой в его объятиях.

Никлот о чем-то размышлял, потом спокойно произнес:

– То, что Малк с христианами, – это еще не конец вашей любви. И вот что я скажу: слишком долго я прожил, но лишь недавно постиг то, к чему ранее относился с некоторым равнодушным недоумением. Я понял, что любовь между двумя – благое чувство. И ее нельзя погасить одним дуновением, как светильник. Поэтому, если ты еще готова послушать старого учителя, – возвращайся к Малку. Может, он и будет твоим спасением.

Никлот не единожды уже говорил о том, что ее надо спасать. От кого? От по-прежнему разыскивающих ее людей патриарха, от неверия в Бога христиан, от одиночества? Она не стала уточнять. И хотя мудрость Никлота, ставшего монахом, только возросла, он стал чужим Малфриде. Слишком часто говорил о Боге, о том, что все рано или поздно склоняется к Его воле. Эти речи утомляли и раздражали чародейку. Она ушла. Почти двое суток не возвращалась, бродила по дальним окраинам острова голодная и злая. Как-то, купаясь, руками поймала рыбу и даже рассмеялась от радости. А так как была голодна, думала съесть ее тут же. Но не смогла. И удивилась подобному. Вон не так давно пойманную в речке Самарь щуку сгрызла сырую, да еще урчала от удовольствия. А тут сырое гадким показалось... В итоге чародейка предпочла вернуться к избушке отшельника, где Исаия накормил ее сыром с орехами и хлебом. Вкусно было. Не то что холодная мокрая рыбина.

Малфрида ела и глядела на ночной мир вокруг. Луна уже пропала, настали дни новолуния, и теперь темное небо мерцало огромными, удивительно прекрасными звездами. Море вокруг острова было тихим, звезды отражались в глубине его вод. А еще можно было услышать доносившиеся с проплывавшей мимо острова хеландии звуки музыки и смех, увидеть отблески огней, светящихся вдоль длинного борта корабля. Исаия пояснил, что это прибыли в расположенный на берегу против острова Принкипос Врийский дворец сын императора Роман с супругой и гостями. Малфрида восторженно сказала, что ей следует переговорить с Евсевием о царевне Феофано. Но войти к нему не осмелилась, слышала, как тот молится:

– Суди мне, Господи, ибо я не злобою моею ходил, и, на Господа уповаю, не изнемогу.

Малфриде пришлось ждать, пока он закончит молиться. Только позже, когда Никлот позвал ее, она поведала ему то, что узнала про Феофано.

– И пусть цесаревна ходит в храмы ваши, – запальчиво говорила она, – но все равно эта Феофано самая настоящая ведьма.

– Я знаю, – со вздохом отозвался монах. – Когда Роман только заявил, что берет в жены девицу из простолюдинов, ко мне приезжала императрица Елена, просила погадать и помочь. Но что я мог? Поведать, что сия девица не пара порфирородному Роману? Сообщить, что она опоила его любовными зельями, что в ней есть тяга ко всему темному и запретному? Я бы так только огорчил благородную Елену, однако изменить ничего бы не сумел. Плохо, когда в роду только один сын, на которого вся надежда и упование. Такого воспитать трудно, такой сам, подрастая, надевает узду на родителей. И как бы ни огорчали Константина и Елену выходки их любимого Романа – его буйство, нежелание вникать в дела управления, его бесшабашность и самовольство, – изменить уже ничего было нельзя. И я не сказал доброй Елене о своем знании. Ибо помыслы Господни неисповедимы, не нам вмешиваться в то, что грядет.

Малфрида даже топнула. Как все же смиренны эти христиане, как верят, что каждому воздастся по его заслугам – и добрым, и недобрым. Она хотела возразить Никлоту... но не стала. Ведь, по сути, какое ей дело до того, что творится в семье императора? Она помощница своей княгини, а не этих чужаков. Поэтому, уже открыв рот для возмущенной тирады, Малфрида поведала учителю о другом – как не смогла съесть сырую рыбину. И с чего бы это? Ранее ведь доводилось. И ничего, вкусно было.

К ее удивлению, Никлота это известие встревожило и огорчило.

– Ты порой рассказываешь пугающие меня вещи, девочка. И на сырое мясо тебя порой тянет, как зверя, и холод ты выпускаешь, и булата каленого не решаешься коснуться... будто нелюдь... А когда вошла в храм, с тобой вообще беда случилась. Слишком много тьмы таится в тебе. Но пока ты здесь, под моим присмотром, пока ты на благословенной земле, где почитают Христа, тебе ничего не грозит. И я надеюсь, что, может, и ты... однажды примкнешь к нам... Ведь на все воля Божья.

Малфрида отшатнулась. Он уже и ранее предлагал ей прислушаться к тому, что говорит о своем Боге, порой в голосе его таилась слабая, почти молящая надежда, что и она может проникнуться истинной верой. Нет, это, право, смешно!

Она так и сказала – мол, не смей меня, я не предаю свою веру, не предаю тот мир духов и природной нежити, какой губит ваше христианство.

Никлот поглядел на нее как-то странно.

– Отчего же ты решила, чадо мое, что христианство губит природных духов?

Малфрида даже разозлилась. Металась по келье, задевая лапами ряссы скамейки, сбивая обутыми в сандалии ногами плетеные циновки по полу. Да как Никлот может сомневаться в том, что христианство губит чародейский мир! Или ему молитвы вообще память отшибли? Забыл, как некогда сам жил в древлянских лесах и сам же учил, что там, где молятся христиане, даже где просто проходят, неся на себе крест, и вода чародейская гаснет, и мавки исчезают, и русалки не появляются у берегов, даже пушечики ходячие становятся обычными корягами. И леса остаются пустыми... обычными. Нет в них волшебства, как нет и волшебных созданий. Разве не так?

Она остановилась, тяжело дыша, и заметила, что Никлот слушает ее с легкой улыбкой.

– Все ты верно говоришь, девочка моя. Да, там, где молятся, мы не видим тех, кто появляется из чащ или водит волшебные круги на траве. Но лесные духи не гибнут. Просто исчезают для глаз людей. Скажи, Малфрида, ты ведь жила одно время в волшебной Навьей роще? Помнишь ее? Так вот, Навья роща – это некий чародейский мир, который существует как бы рядом с нашей жизнью. Там все такое, как у нас, но и совсем отличное. И именно там обитают все эти духи листвы и травы, вод и грозы, там их основная жизнь, а к нам они только приходят оттуда. Явятся, покажутся, напугают, пошалят, а то и зло где принесут. Как те же русалки, какие заманивают неосторожных в заводи, или же лешие, какие легко проходят между мирами, увлекают

путников в глухомань, в топи и болота. Для них это шалости, желание развеселить свою скудную душу... Потому что душа у них проста и бесчувственна. Я знаю, что говорю, ибо сам был близок к этому, вот почему все эти существа чародейские и не трогали меня, считая почти своим. Я же к ним входил беспрепятственно. Люди ведь сильнее нежить, более страстно и ярче, чем духи, умеют жить. Ты и сама знаешь, что как бы ни ликовали и ни веселились нелюдские существа, истинную радость они редко испытывают. Как и истинные чувства. Поэтому их и тянет к людям. Смертные им интереснее, горячее, человеческая душа более подвержена переживаниям и чувствам, от которых любит подпитываться бездушная нежить. Страх людей, их удивление, радость или гнев – все манит духов, наполняет переживаниями. И пока люди верят во все волшебное, оно остается рядом, а то и само выходит на людей. Если же начинают верить в Единого Создателя, то христианская вера – более мощная и искренняя – побеждает верования во множество существ, божеств и волшебство. И духи исчезают, потерпев поражение. Они удаляются, уходят в свой зачарованный мир и не появляются более. Однако гибели им нет.

Малфрида слушала с замиранием сердца. Поведай об этом кто иной, а не бывший великий волхв, – не поверила бы. Но Никлот многое знал о том мире, в который она верила, он не мог ошибаться. И ведьма только сказала задумчиво:

– Хорошо, пусть духи и удалятся в свои миры от людей. Но ведь источники воды остаются. Однако уже без своей чародейской силы.

– Да. Просто исчезают питающие живую и мертвую воду волшебные истоки. Но это и хорошо. Я уже говорил тебе, что вечная жизнь убивает душу. А без души жизнь не имеет особой ценности.

Малфрида молчала, осмысливая услышанное. Волшебный мир, который всегда был рядом, казался ей естественным и дорогим, и поэтому она заявила, что тоже является частью волшебного мира. Но ведь при этом она человек!

– Нет, чадо, нет, – со вздохом молвил монах. – Ты не совсем человек, только наполовину. И если ты не избавишься от своей темной сути, если не уничтожишь в себе все темное, что все больше и больше овладевает тобой... Ты превратишься однажды в чудовище.

Он горестно замолчал. Молчала и Малфрида. Ей вдруг стало так жутко, что показалось, будто застыла кровь в жилах. И словно холод пошел... Столь сильный, что даже изморось выступила на пальцах.

В келье было полутемно, но Никлот, вернее монах Евсевий, тут же ощутил идущий от нее холод. Взмахнул широким рукавом рясы, воскликнув:

– Изыди, сатана!

Малфрида отшатнулась, как будто ее толкнули, упала. Ее стало трясти, нервно и сильно, даже зубы застучали. И она не пошевелилась, когда Никлот положил ей руку на голову, стал быстро читать молитву.

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, ради милосердия Твоего и молитв, ради Пречистой Твоей Матери и святых Твоих помилуй создание Твое, прими покаяние его и огради от всякого зла. Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Малфрида даже представить не могла, что будет вот так покорно сидеть под рукой священника, терпеть его молитвы, вслушиваться в них. А ведь ранее едва ли не бормотанием бессмысленным казались...

Когда Никлот отошел, она поднялась, посмотрела на него прямо и непреклонно.

– Что ты знаешь обо мне, монах? Ты уже надоел мне рассказами о том, что я не совсем человек, что во мне есть темная сила. Что это за сила? Откуда?

Впервые она назвала его монахом, а не волхвом, что обычно вызывало на лице Никлота горькую усмешку. Но сейчас он никак не отреагировал на то, что она признала в нем христианина и готова принять это.

– Наверное, мне давно надо было сказать тебе это, чадо. – Он медленно опустился

в кресло у стола. Стал снимать оплывший со свечей воск. – Я надеялся, что ты избежишь уготованной тебе участи. В тебе было столько добра, любви, преданности тем, кто тебе дорог, что я думал – человеческое в тебе победит. Да, тебя родила женщина, древлянка, и ты долгие годы жила среди людей, даже не подозревая, что в тебе таится нечто чуждое для людей. Но отцом-то твоим был не человек. Это был мощный чародей, который уже давно потерял в себе все людское. И от него в тебе и этот нарастающий холод, когда ты чего-то опасаясь, и та ломка, когда темная кровь мучает тебя, если рядом молятся или бьют в колокола, и то, что ты постепенно превращаешься в зверя, в нелюдь. Да, ты меняешься, Малфрида. Ешь сырое мясо, не смеешь коснуться выкованного смертными булата. Отцовская кровь все явственнее проявляется в тебе, превращая тебя... не в человека. И от этого тебя спасет только две вещи: плотская любовь и... жизнь среди христиан. Если же признаешь нашу веру, будешь спасена окончательно.

– Прекрати! – Ведьма схватила за голову. Потом бросила на Никлота страшный взгляд. Будь в ней хоть искра силы, глазами бы его прожгла. – Я не поддамся твоим уговорам, монах, не предам то, что мне дорого. Не смей меня увещавать! Я не верю тебе! Я – человек, но я и ведьма. И такой останусь!

– Нет, не останешься... Может, лишь пока тут живешь. Тут твоя сила мощи не наберет.

– Скажи лучше, кто отец мой, – отмахнулась чародейка. – Ну чародей, ну нежить – это я уже поняла. Но кто он? С каким ведьмаком сошлась моя матушка? С оборотнем, с лешим, с кикиморой? С самим Змиуланом?

– С Кощеем Бессмертным.

Малфрида сначала просто смотрела, потом расхохоталась. Громко, презрительно... и недоверчиво. Но постепенно смех ее стал замирать. Она застыла, взгляд ее стал отрешенным. Она вспомнила...

Давно, когда Малфрида только постигала свои силы, но уже вышла из-под опеки древлянских кудесников, она часто уходила к иным ведунам, бывала в иных краях, где старательно искала колдовское знание. Именно тогда она и стала замечать, что стоило ей совершить какое-нибудь заклятие помощнее, как появлялось ощущение, будто к ней приближается некто сильный и могущественный, зовет, утягивает куда-то. Мощь его была так сильна и ужасна, что, дабы избежать этого неподвластного ей, пугающего чародейства, Малфрида кинулась в объятия князя Игоря. Она понимала, что любовь мужчины, тем более могущественного князя, оградит ее от темного, который тянет к себе. Поняла она и другое: темный мог приблизиться к ней, только когда она колдовала на севере. А ведь всем ведомо, что познавший вечное бессмертие Кощей, обитающий за кромкой, между миром Яви и миром смерти, может порой выходить оттуда в мир людей, но только в северном краю. Вот Малфрида и переехала в южные земли Руси, где сила Кощея не была столь явной. Почти не была... Ибо ей все же довелось встречаться с Кошеем: то на гульбище колдовское близ Киева он заглянул, то общался с ней через некое пространство, даже потребовал от нее еще не рожденного сына Добрыню. Но тогда сына ей спасли Малк и Свенельд. Кощей же после того и не проявлял больше к ней интереса. Вот Малфрида и решила, что рассталась она с нечистой поганой. И не ее заслуга, что Кощей, не одолев упрямых храбрецов, исчез из ее жизни. Теперь вон сидит себе за кромкой, оберегая злато, какое так дорого его неживой душе...

– Послушай, Никлот, – слабым голосом начала Малфрида, – мне непонятно, как может столь мощный и давно живущий чародей, как Кощей Бессмертный, еще чего-то желать? Ты же сказал, что нелюдь, не имея души, не может испытывать желаний. А для Кощея злато... ну что для иного пища и вода. Он без него не может, оберегает в своих глубинах, требует новых подношений.

– И не только злато, но жертвы он требует, да не какие-то обычные, а самые лучшие. Этим он и подпитывается. И пока он будет получать золото и жертвы, у него сохранится жажда жизни. Порой он даже принимает облик человека и приходит в этот мир. Так было, когда он зачал тебя. Ему самому это странно было. Я это знаю, я выяснил, кто твой родитель, еще когда был волхвом и мог заглядывать в неведомое. И меня еще тогда это поразило, хотя особого трепета не вызвало. Ну, прорвался в мир смертных древний бессмертный чародей, ну, смог так преобразиться, так увлечься и распалиться,

что сам породил жизнь... Но позже я, уже став христианином и по-другому взглянув на все, стал опасаться за тебя. Ведь в тебе кровь Кощеева. И я волновался за твою судьбу, часто думал, гадал, зачем ты в мир пришла, что натворишь еще. Но ты пока с людьми, пока имеешь привязанности и теплую кровь своей матери, поэтому в безопасности. Однако Кощей не оставит тебя, ты нужна ему, он тебя ждет. И однажды ты к нему придешь, когда в тебе останется слишком мало человеческого. И все же я молю Господа, чтобы ты оказалась сильнее своего темного родителя. Вон ты любишь Малка, у тебя есть дети, и ты еще можешь остаться в этой жизни. Я надеюсь на это. Особенно если ты... Если изменишь свою сущность. Как – ты знаешь.

Голос Никлота стих, но слышалось его дыхание, взволнованное и напряженное. Похоже, ему было страшно. Страшно было и Малфриде. Но она вскинула голову.

– Я и раньше уходила от темного Кощея, смогу делать это и впредь. Но не жди, что я стану поклоняться Богу, который бродил среди простых смертных и позволил себя распять.

Она повернулась и вышла.

По морщинистому лицу Никлота промелькнула легкая печальная улыбка.

– Ошибаешься, девочка моя. Если Господь смиростивится, я дождусь этого часа!

Несколько последующих дней они не общались. Малфрида уходила на дальний конец острова, спускалась к песчаным пляжам, смотрела на прозрачную, как воздух, голубовато-зеленую воду. По морю катился пенный вал, разбивался о камни у берега, с шорохом обрушиваясь на зернистый песок. Смотреть на это можно было бесконечно, под шум волн хорошо думалось. И, глядя на красоту мира, на все, что радостно глазу, Малфрида думала, что никогда темнота не победит в ней человека. Слишком много было того, что она любила, – рассветы, запах хвои, отдаленные крики чаек... И еще хорошо было думать о том времени, когда она вернется на Русь. Ибо, несмотря на красоту окружающего ее сейчас мира, душа ведьмы тосковала по глухим чащам родной земли, по дымам над капищами, по хороводам в дни празднеств. Там она полностью становилась собой. Здесь же вокруг жили молящиеся Христу люди, здесь не было возможности колдовать. Хотя Никлот мог. Он говорил, что это благодаря соизволению Божьему. У Малфриды такого соизволения не было, но она понимала, что именно тут ей никогда не стать чудовищем. Ее спасет этот мир с его верой в Единого Создателя. И все же она тут не останется. Ей нужны ее земли и ее боги. Она уже поняла, что Перун и Дажьбог здесь не существуют. В них тут не верят, а богам нужна вера, чтобы иметь силу, чтобы просто быть.

Однажды Малфрид у разыскал на берегу Исаиа.

– Старец тебя кличет. Идем!

Молодой келейник был взволнован, отчего акцент в его древлянской речи стал слышен еще сильнее. Дивно, что он вообще не забыл родную речь.

– Ты хоть помнишь, где ты родился, помнишь свой род? – спросила его Малфрида, когда они поднимались наверх, цепляясь за кусты и выступающие из склонов корни сосен.

Исаиа пожал плечами. Для него этот голубоватый сосновый лесок с посвистывающим в ветвях ветром был куда ближе и важнее далеких заснеженных чащ древлянского края. И если он еще помнил древлянский говор, то лишь потому, что Евсевий с ним на нем разговаривал, – так сказал Исаиа, присаживаясь передохнуть на горячий мох земляного уступа. Причем никак не мог отдышаться. Он был слаб грудью, а от слабых в древлянской земле обычно старались избавиться, отдать богам, чтобы хворые не погнали нездоровой кровью род, чтобы только крепкие и здоровые жили в племени. Здесь же хилого послушника никто в слабости не попрекает. Однажды Исаиа рассказал Малфрид е, как они с Никлотом-Евсеем жили в иных землях византийской державы, при разных монастырях, где он служил своему спасителю, гордился им и был доволен, что и другие поняли святость, какой наделен его покровитель. А потом они прибыли сюда, на остров Принкипос. Такова, видать, была Божья воля.

Малфрида почти не запыхалась, когда они одолели подъем и оказались возле хижины

отшельника. Сам он стоял на пороге в своем черном, выгоревшем на солнце до рыжины одеянии, клобук его был откинут, позволяя лучам освещать величественное старческое лицо, светлые глаза и такие же светлые длинные волосы. На шум их шагов Никлот повернулся. Малфрида ощутила на себе взгляд его темных зрачков. Но само морщинистое лицо монаха выглядело взволнованным и радостным. И ее Никлот встретил счастливой улыбкой.

– Свершилось, Малфутка моя, – обратился к ней монах, назвав ее прежним древлянским именем. – Я узнал, что княгиню Ольгу решено принять в Палатии сразу после празднования Рождества Богородицы. И – слава Создателю! – теперь многое может измениться.

– Что? Что изменится? – отнюдь недружелюбно буркнула ведьма. – Думаешь, как падет княгиня в ножки базилевсу, так и веру вашу поспешит принять? Этого ты ждешь?

– Так и будет, – уверенно отозвался монах.

– Нет, Ольга не поверит в вашего Бога! – Голос Малфриды стал срываться. Она вдруг вспомнила, что Жерь ей сказала: Ольга привезет из Византии нечто, что изменит мир Руси. И это могла быть только вера, которая развеет все чародейское.

– Не будет она креститься! – упрямо повторила ведьма. – Хотя, что там говорить, и на Руси некоторые уже стали поклоняться Христу. Однако их все же слишком мало, чтобы чужая вера победила нашу, исконную. Княгиня это понимает. Она мудрая правительница. А еще, – Малфрида вдруг улыбнулась некой своей мысли, – еще у нас есть князь Святослав! И никто так не почитает Перуна, как этот князь-воин.

– Мы мало говорили с тобой о сыне Ольги и Игоря, – заметил после некоторого раздумья Никлот. – Но ты много мне поведала об Ольге. И я понял, что она и впрямь великая правительница. Женщина – а сумела подчинить такую воинственную державу, принесла ей мир и процветание. Одного только она не осилила: Русь в мире не признают, ее опасаются. Опасаются русской воинственной религии, опасаются ее чародейства. Ты сама знаешь, как мало иноземных купцов решаются приехать на Русь. А без торговли Русь так и останется отдаленной полудикой землей, отрезанной от всего иного мира. И мудрая Ольга это понимает. Поэтому она будет креститься хотя бы из расчета. А там... Там, с Божьей помощью, все уладится.

Малфрида молчала. Она не считала, что все уладится. Ей была дорога Русь такой, как она есть: с ее богами и жертвоприношениями, с ее тесно живущими рядом со смертными нелюдскими духами, Русь с ее страхами и колдовством. Это была ее, ведьмина, Русь!

Но она смолчала, когда Никлот повторил, что Ольга обязательно будет креститься. А после этого с почетом и славой отправится домой. Он же, Никлот, пока, как и прежде, будет укрывать у себя Малфриду, но когда все уладится – он ни на миг не сомневался в этом, – сделает все возможное, чтобы ведьма вернулась к своим.

Глава 13

Ольга разглядывала свой жемчужный венец. Киевские умельцы славно потрудились, создавая столь великолепное украшение: мелкий речной жемчуг тут сочетался с привозным, более крупным морским, вставки бирюзы надо лбом придавали молочно-матовым жемчужинам некий холодный оттенок, сами скатные бусины были нанизаны так, чтобы создать узорчатое плетение, где над двойным очельем поднимались завитки и волнообразные линии, переходящие в высокие ажурные зубцы. Казалось, что этот венец принадлежит не простой смертной, а некоей морозной владычице и сделан не руками людей, а будто самой природой создан из инея и льда. Особенно княгине нравились располагавшиеся по бокам белоснежные гроздья подвесок, обрамлявшие лицо и ниспадавшие ниже ключиц. Да, хороша работа. Сейчас, когда Ольга повидала в Царьграде творения ромейских ювелиров, считавшихся непревзойденными мастерами, она все же находила, что ее русский венец не уступит местным украшениям. И хотя однажды она уже надевала это жемчужное ажурное чудо – тогда ее корабли только вошли в гавань Золотого Рога, – именно в этом венце Ольга решила пойти на прием к императору.

Такова была традиция – иноземцы должны предстать перед базилевсом в одеяниях своей земли. Когда Агав Дрим своим тоненьким голосом евнуха оповестил о дне приема русских, среди женщин княгини началась едва ли не паника. За два проведенных в Царьграде месяца все они переняли местную моду, ходили в длинных парчовых туниках или бархатных, расшитых узорами далматиках, украшали себя сверкающими камнями и вышитыми оплечьями, покрывались легкими, полоскавшимися на ветру мофориями. После такой роскоши и разнообразия славянкам вовсе не хотелось вновь облачаться в свои суконные или полотняные рубахи, где только шелковистая тесьма у подола или у горла указывала на богатство и высокое положение женщины. Не хотелось и цеплять огромные фибулы, казавшиеся такими тяжелыми и грубыми после изящных брошей из перегородчатой эмали с гранеными мерцающими камнями. И даже так любимые на Руси опушенные мехом шапки уже не казались достойным украшением, да еще в такую жару, да еще в Палатии... Уж лучше они украсят себя ажурными диадемами, какие прикупили, обменяв на меха. Так все говорили, и Ольге пришлось битый час успокаивать своих княгинь и боярынь, с каждой обсуждать ее наряд, соглашаться, когда женщины настаивали, что раз уж так обязательно облачаться в привычные ферязи и рубахи с цветной русской вышивкой, то все одно наденут на себя длинные и легкие византийские серьги и эмалевые застежки-медальоны. В итоге даже шапки согласились надеть, когда поглядели, как богато смотрятся пышные меха с ажурными подвесками и легкими тканями.

Когда возбужденные обсуждением нарядов женщины разошлись, к Ольге заглянул Свенельд. Сначала только посмеивался, намекая, что не менее споров с боярами в думе утомили государыню эти капризные бабы, но перестал улыбаться, когда Ольга спросила о Малфриде.

– Вестей как не было, так и нет, – ответил.

Ольга вздохнула.

– Ну, может, это и к лучшему. Во всяком разе мы будем надеяться, что она в безопасности, а не в руках людей патриарха. Благочестивый Полиевкт вон и по сей день упрекает меня, что мы укрыли от его власти чародейку.

Свенельд смолчал. После того как Малфрида сбежала, Ольга так и сказала людям Полиевкта: покинула меня колдунья. Хотите убедиться – ищите. А найдете – воля ваша, хватайте, перечить не стану. И уж как те старались, как рыскали повсюду! Почти за каждым из русов соглядатаев поставили, только бы выследить, не видится ли кто с дьяволицей Малфридой. Не нашли. Вот тогда-то Полиевкт самолично и просил Константина Багрянородного почтить уважением гостью, принять как полагается.

Ольга даже со Свенельдом не говорила о ведьме, словно той и не было никогда в ее свите. Но оба они волновались, гадая, где она. Свенельд особенно переживал, даже расспрашивал о ней украдкой, но при Ольге предпочитал не упоминать чародейку. Хотя, с другой стороны, и волноваться было некогда: его то приглашал Никифор Фока, то вдруг Полиевкт зазывал на переговоры, спрашивал, не готов ли почтенный анепсий

креститься? Если надумает – многого может добиться в Византии. Патриарх даже представил ему служащих при Палатии в должности эскубиторов варягов, которые все как один были христианами. И, как обычно бывает с новообращенными, вчерашние язычники слыли особо ярыми приверженцами веры в Христа. Полиевкт позволил им пообщаться с анепсием Эльги, наблюдал, как обряженные в византийский доспех светловолосые эскубиторы убеждают Свенельда в истинности христианской веры. А Свенельд про себя думал: дать бы им в рожу да поглядеть, с какой радостью будут другую щеку подставлять. Да и патриарху не объявишь, что он по-прежнему носит на груди знак Перуна Громовержца и с ним ему как-то привычнее и спокойнее.

Но все же, пообщавшись с эскубиторами, Свенельд выяснил и кое-что полезное. Потом рассказывал Ольге, какие дива есть в Палатии, чтобы поразить гостей приезжих. К примеру, у трона базилевса сидят золотые львы, какие открывают зева и издают громогласное рычание, да только все это не чародейство, а называется механизмом, созданным местными умельцами и приходящим в движение, когда надавливают на особый рычаг.

Да, много мудреного и хитрого было тут, в Византии. Ольга уже начала в этом разбираться, и ее восхищение Византией если не пропало, то стало во многом более критическим. Ее, например, и по сей день впечатлял огромный акведук Валента – канал над городом, – но она уже понимала, что ей такое сооружение было бы ни к чему. Ведь это в Царьграде туго с пресной водой, а в Киеве такое мощное течение Днепра, что и самому Босфору не уступит.

И все же в ночь перед приемом во дворце Ольга волновалась и долго ворочалась с боку на бок, ее донимали тревожные мысли. Одной из таких было недавно полученное от Косты сообщение, что почти вся привезенная с Руси чародейская вода погасла. Увы, как и подозревала Ольга, Коста не обладал чародейской силой Малфриды и его колдовство, какое должно было сохранить ценность живой и мертвой воды, не могло уберечь ее волшебство от угасания в этом христианском граде. Коста с повинной сообщил, что только в одном из флаконов вода еще сохраняла цвет, да и тот слегка желтизной в розовом отсвете отливает. Но все же это было хоть что-то. Поэтому княгиня повелела Косте взять с собой завтра в Палатий упомянутый флакон, спрятать под плащом и оберегать как зеницу ока.

Обдумывая предстоящий прием, Ольга все же забылась под утро сном – глубоким и крепким. И приснилась ей Русь – широкая и привольная, с соловьиными трелями и ромашковыми полянами, с шумящими на ветру березами, с бортями, сочащимися медом, с полными стругов гаванями у берегов Киева. А проснулась – и так домой захотелось!

– Вот поклонюсь императору – и назад без проволочек! – говорила княгиня облачавшим ее на прием служанкам.

Но для себя уже решила – кланяться она не будет! Хватит ей и того, что ее, как простую просительницу, столько времени у порога продержали. И не впускали – и не выпускали. Будто пленницей была, да все на вопросы о своей колдунье отвечать приходилось, оправдываться. Так что никаких поклонов!

Но именно о поклонах с ней и говорил Агав Дрив, покачиваясь подле княгини в носилках, пока русский кортеж двигался по широкой Месе в сторону Палатия.

– Как воскликнет главный препозит «Падите!», вы тут же совершайте проскинезу – падайте ниц к императорским стопам. И только когда позволят подняться, вы сможете лицезреть особу наивысочайшего.

«Ну-ну, поглядим, – улыбалась про себя Ольга. – Буду вести себя, как и подобает правительнице, да и выскажу все за задержку. Пусть знают, что я княгиня великой державы и равна этому Багрянородному во всем!»

Однако стоило Ольге попасть в священное жилище ромейских базилевсов, как ее дерзкие намерения будто растворились. То ли общая торжественность подействовала на нее так, то ли красота и уют покоев, где они проходили, настроили на иной лад, то ли предупредительность слуг и приветливость сановников успокоили – но Ольга была мила и любезна, учтиво и с достоинством отвечала важным палатинам, приветствовавшим ее,

видела иноземных послов в одеяниях различных держав, смотрела и на рослых варягов, выстроившихся с длинными копьями в переходах и галереях (один даже осмелился ей улыбнуться – то ли дерзкий такой, то ли, наоборот, подбодрить хотел). В любом случае у Ольги было спокойно и радостно на душе, и она уже чисто по-женски порадовалась, когда разобрала, как кто-то из ромеев восхищенно отозвался о ее ажурном жемчужном венце: мол, красота какая. Вот-вот, помните, что не вы одни богатствами мировыми владеете.

А ведь в Палатии и впрямь было несказанно богато: зал с зелеными малахитовыми колоннами, зал с красноватыми яшмовыми, широкая лестница из белого мрамора, мозаика, роспись, золоченые карнизы, навощенные глянцевые полы, в которых Ольга и ее свита отражались, как в водах заводи. И всюду множество людей, нарядных и значительных, кланяющихся или просто приветствующих кивком. Ольга увидела тут и епископа Адальберта Магдебургского, который улыбался ей как старой знакомой, но не смог не выказать и некоторого сожаления – его-то по-прежнему держали в стороне, не допускали к императору. Ольга же важно шла мимо, а за ней вся ее великолепная свита: тридцать пять знатных женщин, из которых шесть сами были правительницами городов, затем шли восемьдесят восемь бояр, купцов, представителей от разных городов Руси.

Наконец Агав Дрим сделал им знак остановиться перед огромной аркой, ведущей в тронный зал Магнавы, опять стал напоминать о троекратном поклоне и проскинезе, но попятился, когда к княгине подошел важный сановник препозит, встал во главе процессии, ожидая, когда будет подан сигнал войти. Арку тронного зала от приемной отделял большой бархатный занавес, расшитый золотом, за ним ощущалось легкое движение, какие-то звуки. Где-то в глубине величественно заиграл орган. Ольга неожиданно занервничала, нервно смяла расшитые жемчугом широкие рукава голубого одеяния, задрожала. «С чего это?.. Будто девчонка неразумная. А ведь когда я уже княгиней стала, этот Багрянородный еще и не родился. Выходит, я старше и мудрее его», – думала княгиня, но кровь вдруг отлила от ее щек, они побледнели, почти сливаясь с белым мафорием, ниспадавшим из-под жемчужного венца до земли. И тут же кто-то шагнул к ней, пожал руку.

– Успокойся, краса моя. Я с тобой. Подсоблю, если что.

Свенельд. Всегда рядом. Всегда помогает. Ольга слегка повернулась к нему, качнулись жемчужные грозди подвесок у лица. Свенельд, в парче весь, с собольим воротником на плечах, улыбался, как обычно. Он всегда был щеголем известным, и сейчас даже выгоревшие на солнце волосы анепсия не умаляли его величия; золотое очелье из полированного золота смотрелось на нем, как и должно, – внушая почтение. Да, имея подле себя такого...

Княгиня не успела додумать мысль до конца, когда богатый занавес стал медленно раздвигаться, препозит шагнул вперед, за ним – Ольга, следом – многочисленные члены ее свиты.

Огромный зал был богато украшен: сияющие полы, дорогие драпировки, яркие эмали, вызолоченные канделябры, большие люстры-паникадила. Впереди на возвышении, куда вели несколько ступеней, восседал на троне император Константин Багрянородный. Невидимый хор пел:

– Многие лета августейшему государю!

– Да будет милостив к тебе Господь!

– Августейшему государю слава великая!

Ольга, увлекаемая под руки двумя неизвестно откуда возникшими евнухами, неспешно двигалась вперед. Внимательным взглядом отметила суровое, даже нахмуренное лицо Константина – темные брови, темные глаза, сверкающий венец, ниспадающая до самого подножия трона парчовая мантия – будто расплавленное золото. По правую руку от императора восседала его супруга, рядом на золотом троне – Роман и его супруга Феофано. Слева от императора Ольга увидела патриарха Полиевкта. Показалось, что у того особо растроганный вид. С чего бы ему умиляться?

Но думать было уже некогда, Ольга смотрела на великое чудо Мангаврского зала: за тронном базилевса стояло золотое дерево, на котором стали вращаться и петь украшенные эмалью птицы. А тут и лежавшие у трона золотые львы приподнялись и начали издавать рыкающие звуки. Впору бы онеметь от такого дива, если бы ей ранее не поведали о чудесах Палатия. И Ольга лишь подумала: «Вот поглядели бы они, как Малфрида огонь с руки пускает или заставляет птицу перелетную опуститься с небес и сесть на плечо. Вот это диво. А это... Но красиво все-таки. И впрямь, молодцы ромеи, есть чем им гордиться».

За ее спиной слышались ахи и охи, но евнухи уже висли на руках, говорили:

– Пади, пади ниц перед божественнейшим!

Уловила позади себя шорохи, движение, разобрала даже, как Агав Дрим ворчал на ее людей, заставляя совершить полагающуюся проскинезу. Ольга подумала: «А Свенельд подчинится ли? С его-то гонором...»

Но Свенельд понимал, что его государыне нужна поддержка этого насупленного базилевса. Было слышно, как звякнули пластины его пояса, когда распростерся ниц. А вот Ольга... Она только встряхнула руками, высвобождаясь от настырных евнухов. Приложила ладонь к груди и склонила голову. Как приветствие равной равным.

Так и стояла, слыша впереди некое движение, украдкой глянула. Трон императора сначала взмыл вверх на цепях, а потом вновь опустился. Теперь на плечах императора была уже не золотая накидка, а пурпурная, с мерцающим камнями подолом, голову венчал другой венец, украшенный наверху драгоценным крестом.

– Вставайте, – раздался голос, и спутники княгини стали подниматься, опять кто-то ахнул, подивившись перемене в облике императора. Ну-ну, будто иных див они на Руси не видели, будто волхвы-кудесники мало их поражали, когда тешили народ чудесами колдовскими.

В наступившей тишине заговорил не Константин, а стоявший подле него евнух (еще один!). Сказал, как августейший император рад принять у себя при дворе архонтессу русов, как долго ждал этой встречи. Пустые слова. Ольге было бы что ответить, но сказала лишь учтивое: и она сердечно рада встрече, и она долго ждала... Не удержалась, чтобы не добавить нотку язвительности: мол, истомилась уже в ожидании. Но нанявшийся переводчиком местный рус говорил цветисто и красноречиво, Ольга разобрала, что он толкует: как она восхищена и поражена всем увиденным, даже рыдать от счастья готова, и душа ее трепещет, что смогла-таки предстать перед ясные очи наивысочайшего.

Ну, это уж слишком!

Ольга повернулась и поискала глазами среди свиты отца Григория, сделала ему знак приблизиться. Какой-то ропот прошел по залу, переводчик сбился, когда Григорий вышел вперед и поведал, что княгиня прибыла, дабы проявить добрые отношения к Византии, а также наладить договоры, какие некогда были заключены Византией с Русью. Ибо лад и согласие между двумя великими державами должны служить миру и процветанию, чтобы и торг совершался, и люди встречались, и взаимная выгода была.

Ольге показалось, что суровые брови Константина несколько раздвинулись и он усмехнулся в свою пышную бороду. Но ему и впрямь было весело. Вот она какая, строптивая владычица варваров, сразу о делах заговорила, без всяких долгих проволочек. Но не его, Константина, забота постигать тонкости старых договоренностей, на это при дворе есть логофет дрома, поверенный базилевса по делам сношений с иными державами. Княгиня же должна радоваться, что все-таки приняли, трепетать должна. Но не трепещет. И смотрит прямо в глаза, будто и в самом деле рассчитывает, что император ей ответит. И самое странное, что Константину действительно захотелось пообщаться с архонтессой. Ну хотя бы о том, отчего она так молода. Вон стоит прямая, как свеча, как ледяная королева севера в своих голубых с жемчугом одеяниях, со светлыми серыми глазами. И ресницы, как у отроковицы какой. Губы молодые и сочные... Неужели эта женщина, как говорили, и впрямь старше его годами?

Рука базилевса непроизвольно дернулась на золоченом подлокотнике трона.

Он почувствовал смутение. До сего мига все не мог поверить, что дикие русы владеют тайной вечной жизни, и вот же стоит перед ним эта женщина, лицом юная, а взгляд твердый и уверенный в себе, мудрый. Молодые так не глядят. Чтобы такую уверенность в себе ощущать, надо долго жить, надо, чтобы страсти утихли, опыт появился. Константин сам прожил немало, мог отметить, когда наивность и восторженность юности переходит в спокойную мудрость зрелых лет. Однако же смотрит на эту древнюю женщину... и удивляется искренне. Ибо она заинтересовала его куда более, чем преподнесенные ему с поклонами дары: меха, янтарь, белая моржовая кость, роскошная шкура огромного медведя. На все это базилевс едва глянул, а вот с Ольги взора не сводил. Поговорить бы с ней... вызнаться. Но так, чтобы никто ничего не проведал. Патриарх Полиевкт сообщал, что архонтесса говорит по-гречески, причем довольно сносно. И еще Полиевкт всерьез рассказывает, что сможет уговорить язычницу Эльгу креститься. А это означает, что в дикой скифской Руси появится христианство и, следовательно, Русь попадет под влияние Византии. Да, было бы неплохо, но это заботы патриарха и логофета дрома. Константин же заинтересован в продлевающей жизнь воде. Вон священник архонтессы говорил, что она привезла чудодейственную воду в Константинополь.

Император резко поднял руку, призывая к молчанию.

Тишина воцарилась мгновенно. Все были поражены: августейший автократор слишком велик, чтобы лично общаться с послами иных держав, даже с их правителями. А тут он вообще сказал неслыханное: пусть гости с Руси будут присутствовать на торжественной трапезе, которая произойдет через пару часов после приема и на которой они смогут обговорить насущные вопросы.

Вновь заиграл орган, запели золотые механические птицы, зарычали золотые львы, а трон императора на цепях воспарил вверх. Молодой соправитель отца Роман смотрел на это почти с неприязнью. Оглянулся на свою молодую жену. Феофано только стрельнула черными глазами – миг поняла досаду мужа. Она тоже считала, что они с Романом смотрелись бы на вершине власти лучше престарелых Константина и Елены. И уж она бы смогла справиться с мужем, пусть он даже и засматривается на иных женщин. Вон с каким интересом Роман разглядывал архонтессу. Но ведь и император с нее взгляда не сводил! Прекрасной Феофано было обидно, что люди восхищаются не ее дивной красотой, а обряженной в ракушки заезжей гостьей. И пока шли приготовления к пиршеству, она так и говорила приунывшей свекрови:

– Вы только поглядите, августейшая Елена, что творится в Палатии! Мы, облаченные в державный пурпур, должны сидеть за одним столом с язычниками! С их правительницей, которая была столь дерзка, что даже не удосужилась совершить проскинезу! Да еще и осмелилась привезти с собой дьяволицу, которую ныне скрывает от людей патриарх. Я уже не говорю, что сия надменная дикарка явилась в Палатий со своим любовником анепсием. Выдает его за родича, хотя сразу видно, что их связывает нечто более интимное, чем родственные связи. О, я готова об заклад побиться, что он покрывает ее едва ли не каждую ночь, как кобель покрывает сучку во время течки.

– Вы порой забываетесь, дражайшая Феофано, и говорите языком простонародья, – сухо заметила невестке базилисса Елена, дочь и жена императоров. – А воля Константина Багрянородного для нас все равно что Божья воля. Он приказал – и мы примем языческую архонтессу, как и примем ее анепсия. И будь он хоть любовник, хоть муж госпожи Эльги, мы должны помнить, что у язычников нет обряда венчания, а значит, все их браки незаконные и они живут во грехе.

Феофано закусила хорошенькую губку. Старая гримза! От нее одни поучения. И от ее дочек. Феофано с презрением посмотрела на этих клуш царевен. Они вынуждены были признать ее родней, но всячески давали понять, что она тут чужая. Ну ничего, Феофано еще не забыла предсказаний русской ведьмы. И знает, что однажды сама станет могучей правительницей! Они же все будут ползать у ее ног, моля о снисхождении. Но не дождутся его!

Пока же царская невестка была озабочена мыслями о том, что могла сообщить ведьма о своем пророчестве самой русской княгине. Хотя, что бы ни наплела, кто ей поверит? Вон этот светловолосый варяг наверняка уж все знает, он был в ту ночь на корабле, но смотрит как ни в чем не бывало. Может, ничего и не рассказала ему та странная

ведьма с желтыми глазами? И где она сама? Уж как люди Феофано ее разыскивали, не менее рьяно, чем служители патриарха, всю округу Константинополя обшарили, все окрестности, все дороги, все суда уплывающие. Она хотела приказать и монастыри обыскать, но не стала. Слыхала ведь, что Полиевкт говорил: там, где молятся христиане, где святыни хранятся, ведьме находиться невозможно. К тому же Полиевкт, похоже, знал, что Феофано побывала у дьяволицы, но пока молчит. Да, они все молчат, ибо знают, что под обвивающим стан супруги Романа лором уже бьется жизнь наследника престола. И теперь Феофано ограждена от всяких происков. Пока не родит наследника. А там и еще одного. Как ей сказала ведьма? Трех детей родит избранница Романа, и каждый из них познает великую славу. Ну а уж мать поможет им в том. Она даже знала как. Та же ведьма подсказала, сообщив, что не единожды Феофано будет прибегать к действию ядов.

Такие мысли бродили в хорошенькой головке облаченной в пурпур царевны, пока она сидела на пиру, неспешно пощипывала гроздь дымчатого винограда и слушала, о чем говорит с императрицей языческая правительница. Вернее, вопросы вежливо задавала Елена, а Эльга неспешно отвечала. Как понравился госте Константинополь? Видела ли она уже мраморную мозаику на форуме Константина? А статуи на площади Августин? Именно на этой площади находится мраморная колонна Милий, или Мильный столб. И пусть госпоже Эльге переведут, что именно Милий является центром Византийской империи и что от него отсчитывается протяженность до рог в их великой державе. Ну а храм Святой Софии Эльга уже посещала? И как? Вот уж воистину божественное чудо! Ну а Золотые ворота богохранимого града гостя лицезрела?

«Это те, на какие славный Олег прибил свой щит», – хотелось сказать княгине, но смолчала. Она давно поняла, что уста ромеев смыкаются, едва она упоминает, как некогда им пришлось признать свое поражение и склонить гордые главы перед воинственным варваром с Руси. Предпочитают забыть, будто и не было такого вовсе.

Ольге все же удалось уловить момент, когда словоохотливая императрица умолкла, смакуя обваленную в толченых орехах каплуною ножку. Княгиня спросила, сколько лет дочерям Елены? Все три царевны сидели тут же за столом, как Феофано и знатные зосты, приближенные императрицы. Это был чисто женский стол, расположенный в одном конце большого зала, в то время как мужчины пировали за другим столом – их можно было видеть через разделяющую помещение белокаменную колоннаду с аркой посредине. И разговор там, как поняла Ольга, был куда оживленнее. Вон Никифор Фока даже перегнулся через стол, вопрошая о чем-то Свенельда, патриарх тоже слушает, что отвечает анепсий, согласно кивает, покачивая белоснежным по случаю торжества кlobуком с алмазным крестом.

Императрица наконец прожевала мясо, долго промокала салфеткой тонкие губы, при этом наблюдая, как язычница разглядывает ее дочерей, будто прицениваясь.

– Они еще очень молоды. Старшей, Феодоре, только пятнадцать этим летом исполнилось, Фекле – четырнадцать, Анне тринадцать будет.

– Ну, уже невесты! – улыбнулась царственным девушкам княгиня. – Небось о женихах мечтают?

– Им еще рано о таком думать! – отрезала Елена, когда толмач перевел речи Ольги.

Зато сами царевны оживились, захихикали, о чем-то стали шептаться, не обращая внимания на строгий взгляд матери.

«Феодора бы моему Святославу подошла, – думала между тем Ольга. – Красотой, правда, не блещет, но крепенькая, как репка, такая легко родит. К тому же – царевна! В Палатии воспитывалась, осанка горделивая, сама красиво держится, вон как ест, пьет. Видная бы из нее правительница Руси получилась. А то, что молода, так на Руси девица в брак вступает, едва поневу женскую ей наденут. И помоложе цесаревен жены на Руси имеются».

Но Ольга уже поняла, что о предполагаемом сватовстве ей не с императрицей надо разговаривать. Женщины что, они тут, в Византии, только мужьям в рот и глядят. Как и на Руси, впрочем, где каждая жена почитаема настолько, насколько уважает ее муж. Это одна Ольга, будучи безмужней, смогла добиться столь высокого положения.

И вот сидит она тут, знакомится с родней императора, а весть о том уже по всему Палатию пошла, по всей Византии, а отсюда и по иным странам заморским. Поэтому уже не будут говорить, что Русь дика и опасна, что деревянным истуканам люди там поклоняются. Зато скажут, что княгиня Руси была с почетом принята самим императором византийским, значит, есть и в Руси нечто, что стоит с ней быть в мире, налаживать связи.

И, словно в ответ на думы Ольги, к ней обратилась Феофано. Княгиня поняла ее слова до того, как опешивший толмач перевел. Дескать, вот на Русь мало кто решается отправиться по торговому делу, да и ко двору русской архонтессы не всякие осмеливаются прибыть. И все потому, что там живут всякие чудища и духи, какие беспокоят людей, нападают на путников. Так все говорят, и если это правда...

Императрица строго одернула невестку, но Ольга все же предпочла ответить: да, молва о таком идет, но и впрямь на Руси имеется чародейство, однако там, где живут люди, духи не шалят. А вот в чащи да болота пробираться чужакам опасно. Ибо те же чудища оберегают несметные клады, богатства земли русской, чародейскую воду живую и мертвую, какая вечную жизнь и младость дает. И вода эта – одно из самых великих богатств владений княгини. Пресветлой императрице – Ольга повернулась к Елене – о том известно. Ведь она дочь базилевса Романа Лакапина, который снаряжал в Киев посольство за этой водой.

Щеки Елены сделались пунцовыми, она не осмеливалась оспорить то, что и так было известно: ее отец и впрямь принимал у себя кудесников с дикой Руси. Вот и молчала, а с ней умолкли и иные женщины, сидевшие за столом. Только дерзкая Феофано осмелилась спросить: есть ли у самой княгини подобная вода? Может ли она предъявить ее здесь, в Палатии?

– Мне бы тоже хотелось это узнать, – услышала Ольга за собой негромкий мужской голос.

Это был сам Константин Багрянородный. Увлеченные разговором женщины не заметили, как он прошел мимо разделявшей зал колоннады и теперь стоял подле их стола, прислушиваясь к каждому слову. И когда к нему все повернулись, император сделал знак Ольге следовать за собой. Медленно двинулся к выходу, не шел, а шествовал, а все поднялись и провожали его поклонами.

Ольга вышла за императором, они двигались в окружении евнухов и стражей, пока не оказались на возвышавшейся над прекрасными садами Палатия галерее. Здесь Константин жестом велел оставить их одних.

Ольга стояла перед Константином, гордо вскинув голову. Разглядывала его внимательно, а сама думала: «Что, и тебе не терпится изведать вечной жизни? Жить-то сладко. Будь ты в пурпуре или дерюге, а каждый новый день всем дорог. Это любого царства стоит».

– Мне известно, что вы говорите на нашем языке, – произнес Константин, подойдя к белокаменной балюстраде и положив на нее тяжелые от перстней руки. – Поэтому и хотел бы пообщаться с вами без свидетелей. Итак, что истинно, а что ложно в том, что люди на Руси продляют свой век, используя дающую вечную жизнь воду?

Он ждал ответа, но как же отстраненно держался! Даже не глядел на княгиню, будто милость великую оказывал одним своим присутствием. А ведь снизошел же со своего августейшего, наивысочайшего... – или как там еще его называют? – положения автократора до разговора с язычницей с глазу на глаз. Ольга усмехнулась, приблизилась и встала рядом, тоже смотрела на закатное солнце, вдыхая долетавшие из садов цветочные ароматы, смешанные с легким запахом моря. Отсюда, с террасы, оно казалось искрящимся, золотым. Да, хорошо тут было жить... особенно не страшась недугов, не думая о старости... о смерти.

Ольга негромко заговорила:

– Я знаю, что ваши люди уже доложили, как долго я живу. И что была сосватана за Игоря-князя еще до вашего рождения, и что княгиней была в те времена, когда мой названный отец Олег щит на Золотые ворота вешал, а вам тогда, если не ошибаюсь, только три лета минуло.

Ольга сказала это невозмутимо, хотя и почувствовала, как при последних ее словах наивысочайший напрягся, даже задышал шумно. Ее же голос оставался спокойным: – Вот стою я подле вас, базилевс порфирородный, и погляди на нас кто со стороны, всякий скорее решит, что не вы меня младше, а это я по виду в дочери вам гождусь. Что же это как не следствие той воды чародейской, о какой вы хоть и любопытствуете, но в то же время сомневаетесь в истинности ее существования?

Это были дерзкие слова, и Константин почувствовал нарастающий гнев. Как она смеет разговаривать с ним так... так свободно. В ее речи не было ни развязности, ни наглости, но не было и того особого трепета, к какому он привык при общении с людьми и какой внушал ему сознание собственного величия. А эта дерзкая дикарка разговаривает с ним так, словно болтает с бродячим философом на площади Августин! И все же Константин считал ниже своего достоинства поучать гостью. Если даже за все это время его сановники не вбили в ее голову, что он божественнейший и наивысочайший, то сам Константин не станет утруждать себя подобными уроками для дикарки. Однако ему понадобилось усилие, чтобы продолжить с ней беседу. Ибо этот разговор был для него важен! Он хотел узнать правду сам, не прибегая к услугам своих палатинов и секретарей, поскольку речь шла о живой и мертвой воде, о продлении жизни... Если, конечно, такое и впрямь возможно, а не выдумки диких варваров. Итак, что она говорит? Что правит и живет дольше его? Ну-ну.

– Патриарх Полиевкт объяснил мне, что все эти слухи о том, что вы якобы долго живете, связаны не с волшебством, а объясняются путаницей с именами. Вернее, с именем. Вот я, например, ношу имя Константин. И Божьей милостью я седьмой по счету из восседавших на троне Византии правителей, носивших это имя. Сколько же моих подданных носит имя Константин, сосчитать невозможно. Так, может, и вы, почтенная госпожа, всего лишь пятая или шестая Эльга среди княгинь Руси? Но вместо этого пытаетесь уверить меня, что все эти годы только вы единственная Эльга, какая восседала на престоле в далекой и малопонятной нам державе.

Ольга оправила жемчужные гроздьи вдоль лица, усмехнулась легко, но отчего-то Константину опять стало не по себе от мудрой зрелости ее взгляда. Вон ресницы у этой Эльги, как у девы юной, а взгляд столько в себе таит, что даже оторопь берет.

– Когда меня Игорю сватали, – с непередаваемым, немного «акающим» акцентом заговорила Ольга, – я звалась Прекрасой. По-нашему это означает Дева Наикрасивейшая. Ну да юной девушке такое имя носить только всласть. А вот когда княгиней стала, то имя Олега приняла, княжеское имя. По-варяжски имя Олег-Хельг означает Священный. И, став называться Ольгой, я тоже стала Священной. Это очень обязывающее имя. Таким кого попало не назовут.

И тут впервые губы императора чуть скривились в некоем подобии насмешливой улыбки. Сказал, что этим его не убедишь. Вон и его имя происходит от латинского «констанс», что означает стойкий, постоянный, твердый. И уж лучше бы госпожа архонтесса иной довод привела, нежели уверяла в своем священном имени. Ибо для христианина священное есть только то, что от Бога исходит. А все остальное – выдумки невежд.

Ольга не все поняла из его речи. Она лихорадочно пыталась понять, что означает слово «довод» или «невежда», но быть уличенной в непонимании не пожелала. Зато поняла, когда Константин попросил ее рассказать ему без утайки все о чародейской воде.

Вдали за морем медленно садилось солнце. Его отблески высвечивали их обоих – и рослого, слегка сутулого Константина, и стройную, изящную княгиню. Они стояли и разговаривали, а со стороны можно было подумать, что разглядывают клумбы и аллеи в садах, смотрят на взмывающие вверх струи фонтанов. Но говорили об ином. Ольга рассказывала о великом чуде земли русской, о потаенных источниках живой и мертвой воды, какие бьют там, где редко ступает нога смертного, и только знающие ведуньи могут найти это чудо. Тут и слово заветное знать нужно, и внутри себя иметь особое свойство, чтобы воду не спугнуть, чародейство не развеять. Ибо сила воды робка, как роса предутренняя. И как солнце высушивает росу, так и не посвященная в таинство людская душа может погасить чародейскую силу вечной жизни в источниках. А уж о христианах и говорить не приходится: там, где они бывают, водицы живой и мертвой уже не сыщешь. Вот и становится воды все меньше, даже сами жители Руси все реже верят, что есть такая. Но если такую находят... то цена ей немалая. По сути, вода бесценна, как сама жизнь. – Я уже понял это, – прервал речь Ольги Константин.

Он признался себе, что поверил этой язычнице. Пусть княгиня говорила, запинаясь и порой с трудом подбирая нужные греческие слова, главное император все же уловил. И несказанно заволновался. Лицо его по привычке оставалось неподвижным, но он чувствовал, как мурашки идут по коже, сердце бьется быстрее, дыхание участилось. Константин даже стал опасаться, что иноземка это заметит. Ну уж нет, не покажет ей Багрянородный своего смятения. Поэтому и спросил спокойно, даже словно со скукой:

– Почему, говоря о воде, вы одну называете мертвой, а другую живой?

– Да так уж выходит. Ибо тот, кто желает задержать старость, должен сначала воды мертвой отведать. От нее все шрамы разглаживаются, морщины истончаются, а главное – заживают все раны, будто и не было их вовсе. Однако без живой воды мертвая может и убить. Поэтому необходимо после мертвой воды сразу же принять живую воду, дающую свежие жизненные силы.

– Нет, нет, я не желаю принимать мертвую воду! – быстро произнес Константин. – На меня вся держава смотрит, и многие возмутятся, если я начну молодеть, а церковники и вовсе предадут меня анафеме. Нет, меня интересует только живая вода.

Ольга вскинула брови к опускавшимся на ее лоб жемчужным нитям венца, губу закусил, чтобы не рассмеяться. Ох, и самоуверен же ромейский базилевс! Она ему еще и не пообещала ничего, не сказала, что одарит чародейской водой, а он уже что-то решает. Но император заметил, как изменилось ее до этого спокойное лицо, и вновь принял выражение величавой отстраненности. И так же, не проявляя больше беспокойства, он выслушал, что ему омолодиться все одно не грозит, ибо тот, кто принял мертвую воду, выглядит так, каковым был в момент принятия ее, ну разве что более свежим и подтянутым становится. И эта вода больше нужна тем, кто пострадал от ран. Зато живая водица жизненные силы удесят�еряет. Тот, кто выпьет ее, будет много лет жить и здравствовать, не зная хворей, пока не заметит, что седина новая появилась или силы иссякают. Каждый по-разному это у себя отмечает. Но как отметит, вот тогда и приходит время вновь к силе чародейской воды прибегнуть. Ведь она действует не вечно, надо пить ее время от времени.

Когда Ольга пояснила все и замолчала, вокруг уже разлились фиолетовые вечерние сумерки, только далеко на горизонте еще розовели последние отблески заката. На фоне потемневшего неба порой проносились с тонким писком летучие мыши, где-то отдаленно шумел фонтан, а из покоев дворца долетали звуки музыки – там по-прежнему пировали. За одним из столов сидел волхв Коста, оберегающий под полой накидки последний флакон с живой водой. Хорошо, что с живой. Вон этот робкий ромей, носивший имя стойкого и твердого, только живой водой и интересовался. Но мертвой воды у Ольги уже и не было, погасла, как объяснил Коста. Да и то неизвестно, сколько еще припрятанная им вода будет в силе. Так что, если Ольга хочет успеть повлиять на Константина, ей надо поспешить дать ему испробовать это диво. Потому-то она так и сказала: готов ли наивысочайший император прямо сейчас прибавить себе жизни? Тянуть-то смысла нет.

Константин повернулся так резко, что звякнули украшения его наряда, качнулись подвески у лица.

– Живая вода у вас с собой? Здесь? В Палатии? Среди даров? Но... нет, не думаю, что вы уложили ее среди мехов и янтаря. Как и не думаю, что вы безвозмездно готовы одарить меня подобным дивом.

Он нахмурился, вспомнив, что говорил священник Григорий: княгиня хочет породниться с семьей базилевса. Какова дерзость! И все же мысль, что он получит лишние годы жизни, наполнила Багрянородного таким воодушевлением, что ему все труднее становилось сдерживать себя, не выказав неподобающего волнения. Архонтесса и так смотрит с насмешкой, понимая, что за несколько лет жизни любой что хочешь отдаст. Редкий дар эта вода, ценой в жизнь, как она сказала.

Базилевс глубоко вздохнул, собираясь с мыслями, прежде чем решился спросить: что желает за такую услугу русская архонтесса? Он на многое готов: заключить выгодный для Руси договор, богато одарить Эльгу и ее людей.

– Я прибыла сюда подтвердить соглашение между нашими державами, – напомнила княгиня. – Вести торги и не начинать войн полезно как для Руси, так и для Византии. А вот чего бы я желала за чудотворную воду... Хочу, чтобы договор между Византией и Русью был подтвержден брачным союзом между моим сыном, князем русским Святославом, и одной из царевен византийских!

И опять звякнули украшения базилевса, когда он резко взмахнул рукой, отвергая подобное предложение. Что эта безумная женщина возомнила о себе? Он ведь уже дал понять ее священнику Григорию, что просто немыслимо, чтобы рожденная в Порфире покинула великую Византию, светоч цивилизации и христианства, и отправилась в дику Скифию. И он так и сказал – не в обычаях византийских правителей отдавать своих женщин за иноземцев. Так повелось еще со времен первого императора Константина Великого.

Ольга слышала надменную непреклонность в его голосе, но не отступила. Она напомнила, что, несмотря на запреты Константина Великого, подобные брачные сделки совершались. К примеру, родственница того же Романа Лакапина вышла замуж за болгарского царя. Но ведь она не была рождена в Порфире, заметил Константин, в царевне Ирине не текла кровь божественных базилевсов. Да и сочеталась она браком не с язычником, а с государем христианской страны. На это Ольга вдруг сказала, что если дочь Багрянородного просватают за Святослава, то ее сын ради подобной чести откажется от старой веры своей земли и примет крещение.

Но даже говоря это, Ольга понимала, что подобное маловероятно. Главное – добиться слова от императора. Вон как он заметался, услышав, что рядом живая вода. Ей бы выиграть сейчас, потом она что-нибудь придумает. Как? Ольга вдруг вспомнила сына – дикого, своевольного, всегда почитавшего Перуна. Казалось, молодому князю было в радость даже заговорить об этом покровителе воинства. Вспомнила она и как ее сын обрил голову, оставив клочок на макушке, – на степняцкий манер. Ну да этому надушенному и брэнчавшему блестящими цацками базилевсу о том знать не надобно. И Ольга, поразмыслив, заявила: будет разговор о сватовстве – она даст ему испытать чародейской воды. Нет – она ограничится подтверждением договора о мире... пока русы вновь не снарядили корабли с воинством под стены Царьграда.

Константин был возмущен дерзостью язычницы. Разве не понимает, что не ей ставить условия, что все решает только его, императора, воля? Вот он сейчас повелит схватить ее и всех русских послов, да каждого прикажет обыскать. И тогда продлевающая жизнь вода будет у него в руках, хочет Эльга того или нет. Однако... Что эта женщина говорила о том, что вода легко силу теряет при христианах? Лгала, наверное. А если нет?

Константин вдруг вспомнил, как у него порой изнуряюще болит в подреберье, вспомнил, как устают глаза, когда читает или пишет свои труды при свечах. Раньше такого с ним не было. Еще и одышка появилась, когда поднимался по лестнице, и на коня он уже влезает со специальной подставки, а не как ранее – одним махом. Это уже не говоря о том, что с женой он спит... ну просто спит, никаких иных желаний не испытывая. Да, стар он становится. Пятьдесят два года – это возраст, что тут говорить. А русская Эльга твердит, что силы живая вода прибавляет, вновь молодым себя чувствовать начинаешь, хвори застарелые проходят. Хорошо, если и впрямь так. Но то, что она требует...

Однако можно ведь поступить так, как до него иные базилевсы поступали, отдавая в жены иноземцам своих дальних родственниц или вообще подставных царевен. Правда, архонтесса видела его дочерей, узнать подмену сразу сможет. Но когда то будет. А воды живой Константину хотелось испробовать прямо сейчас. Сию же минуту, причем тайно ото всех, пока никто об этом не узнал, пока Полиевкт не пристал со своими нравоучениями о грехе. Интересно, а как бы повел себя сам святейший, если бы перед ним выставили такую воду? Небось бы лакал, как иной пьяница вино, а о душе только бы потом вспомнил. Но душа... Это смущало Константина... некоторое время. Разве мало старался он всю жизнь ради Церкви? Разве мало жертвовал на храмы? Мало поклонялся святыням? И он, если его года продлятся, еще успеет отмолить грех, что связался с чародейством.

– Я готов обдумать ваше предложение насчет порфирогениты, – процедил сквозь зубы Константин. – Я даю вам в том свое слово.

Ольга поняла, что это уже немало. К тому же княгиня и впрямь переживала, что, пока она тут судит да рядит, последний флакон с водой погаснет. И кем она тогда будет выглядеть в глазах императора?

Они прошли в небольшой покой с полукруглой, выводящей на галерею аркой. По знаку Константина сюда принесли хрустальные светильники, установили на столике из белого мрамора с пурпурными прожилками. Огонек в шарах-светильниках чуть колебался, освещая мозаичные полы и застывшего базилевса, который не сводил глаз со стоявшего в центре округлой столешницы канфара. Именно на него он указал, когда в покой явился Коста, а люди базилевса удалились. Коста только переглянулся с княгиней и после того, как она согласно кивнула, осторожно налил в чашу розоватую воду из последней заветной склянки.

– Ты сама сначала испей, – подозрительно глянув на Ольгу, приказал Константин.

Она развела руками.

– Не могу, августейший. Я воду уже пила перед тем, как отправиться в Константинополь, а часто ее использовать нельзя... Силу она не возымеет. Да и зачем?

– Чтобы не отравили меня.

Он сдвинул брови, поджал губы. И покосился на стоявшего в стороне Косту.

– Тогда пусть твой человек выпьет!

Ольга пожала плечами. Ишь, отравы опасается. Ну где его ум, о котором столько слышала? Разве осмелилась бы она на такое, особенно тут, в Палатии, где все так трясутся над особой божественнейшего и где, случись с ним что, никого бы из русов не пощадили. Разве затем она прибыла?

– Глотни, Коста, тебе не впервой, – обратилась она по-русски к волхву, указывая на канфар. – Ты ведь среди печенегов без живой воды жил, вот и испей. Только не все, не забудь и с этим петухом напыщенным поделиться.

Коста послушно взялся за выполненные в форме крылышек ручки чаши, губы его чуть шевельнулись, когда заговор нашептывал, потом сделал глоток. Император глядел на него, взволнованно теребя на груди парадную цепь с медальонами-образами. Видел, как этот худой, изможденный рус отставил чашу, вытер рукавом уста. Повернулся к княгине – и глаза его вдруг засияли... Смотрел на Ольгу, как иной верующий на икону, даже слезы выступили.

– Матушка княгиня. – Он пошатнулся, прижав руку к сердцу. – Люба ты мне, век служить тебе буду, жизни для тебя не пощажу! Все для тебя одной! Ибо ты и солнышко мое, и луна моя, и ладо мое вечное. Ненагляда моя!..

Сказать, что Ольга была поражена, – ничего не сказать. Еле смогла вымолвить по-русски: ошалел, что ли? А Коста уже на колени рухнул, руки ей целовал, слезами обливался. И все твердил, что он и живет лишь для того, чтобы ей услужить, чтобы увидеть порой хоть издали, хоть изредка.

– Что с этим мужем происходит? – медленно, с надменностью спросил император.

Что тут скажешь? Ольга резко отстранила Косту, жестом указав ему на дверь. Он пятился, не сводя с нее влюбленного взгляда. Эко его проняло! А ведь обычно замкнут был, слова лишнего не скажет. Но слуга всегда был верный. Может, и в самом деле влюбился одинокий? Даже жалко его стало.

Константин смотрел вопросительно, и Ольга, тщательно подбирая слова, стала пояснять: мол, так всегда бывает после чародейской живой воды. Силы-то удесятерятся, страсти кипят. Вот ее человек и стал просить... Ну, молил, дескать, не делиться с иноземцем священной водой, не давать исконное русское чудо чужому...

Она не договорила, когда Константин схватил канфар обеими руками и залпом осушил до дна одним глотком. Ему показалось, что воды было слишком мало, он уже пожалел, что велел отдать драгоценную жидкость какому-то старообразному русу. А на вкус она

была... Ну, травами слегка отдавала, будто настой. Император провел языком по небу, по губам, пробуя определить ее вкус. Горьковатая? Или душистая? Быстро выпил, не разобравшись теперь.

Константин повернулся к княгине. Ольга тоже с интересом вглядывалась в него, выискивая перемену. Глаза его были темными, как и ранее, пронзительными, однако теперь в них читалось легкое изумление, которое сменилось восхищением и каким-то особым ярким светом. Казалось, он хотел что-то сказать, но не сказал. Просто набрал в грудь воздуха и теперь, замерев, разглядывал стоявшую перед ним язычницу как некое чудо невиданное. Сам же думал: «Ах, какие глаза у русской Эльги – чисто облака в грозовой день над Константинополем. А ресницы...» Он и ранее ими любовался, как и ее губами, так походившими на спелые вишни. Верхняя губа тоньше, нижняя полнее и сочнее... с такой очаровательной ямочкой под губой. Вот бы испробовать их вкус! А потом... Потом сжать бы это статное тело в объятиях, смять... Наверное, живая вода действительно удешевляет силы, ибо Константин вдруг почувствовал нестерпимое желание обладания, внизу живота и в паху разлилось тепло, член его стал подниматься... Император быстро сел, сдвинул колени, стараясь скрыть свое смущение, заерзал на покрытой ковром скамье.

Ольгу озадачил загоревшийся взгляд Константина. Ну, хоть этот не станет ей говорить, что она его солнышко и луна. Но поглядел-то... будто она его гривной одарила. То есть тем, что дороже любой гривны, – жизнью и здоровьем. И вон он как раздумялся, сопит, дышит бурно.

– Что скажешь, государь? Чувствуешь силу?

– Чувствую, – ответил базилевс, но как-то смущенно, по-прежнему пряча глаза, а потом поглядел так... ну, словно она жар-птица чудесная, – восхищенно и озадаченно, нежно и восторженно.

И вдруг шагнул к ней, тоже за руки схватил, сжал их.

– Вы удивительная женщина, госпожа Эльга. Только вы появились – я сразу понял – второй такой нет и быть не может. Это именно вас я ждал все эти годы, мечтал о вас...

«Сейчас и этот запоет, что я его солнышко и луна, – подумала княгиня, осторожно высвобождаясь и пятясь от императора. – Да что же это делается, помощи боги! Как правило, испив живой водицы, люди себя иначе ведут. Их скорее смех разбирает, веселье... А тут будто приворотным зельем я его опоила».

– Пойду я, государь, – мягко произнесла Ольга, отступая к двери. – И так наша... – она с трудом подбирала слово, пока не нашла подходящее, – наша *аудиенция* затянулась дольше принятого. Однако упредить хочу: не стоит вам никому говорить, что испили живой воды. Вы-то, конечно, владыка великий, но, думаю, церковники не благословят вас, если узнают, что к чародейству прибегли. Вон Роман Лакапин о том не смолчал, и многие его осудили, епитимью на него суровую наложили, патриарх в исповеди ему отказывал.

– Как же ты разумна, Эльга! – восхитился Константин. – Умна, прекрасна, да еще владычица огромного края! Я перед приемом велел, чтобы мне показали на карте твои владения. Они велики и обширны! И ты правишь ими, как Божья избранница. Это удивительно! И достойно восхищения. Как и твоя краса несравненная. Лики бы с тебя писать!

– Я все же пойду, государь, – лепетала Ольга, когда он вновь стал хватать ее за руки.

А он снял один из своих перстней, сверкнувший алым огнем, и надел ей на палец. Сказал, что это дар, что пусть она смотрит на этот рубин и думает о нем, думает о том великом счастье, какое он познал, встретив ее.

«Долго же ты откладывал эту встречу», – отметила про себя Ольга и, отступая, напомнила, что через три дня назначена ее встреча с логофетом дрома, дабы обсудить некие вопросы по пунктам прежнего договора. Но Константин вдруг объявил, что нет смысла ждать целых три дня. «Бесконечно долгих три дня!» – вскричал он будто в отчаянии. Нет, по его повелению ее завтра же будут ждать в ведомстве логофета,

а когда они переговоят и все обсудят с его чиновниками, Константин вновь желает видеть архонтессу Эльгу, он поведет ее к фонтану, который называется Чашей Трикхона и наполняется медом и вином. Это одно из чудес Палатия, каковых здесь немало, поэтому после того, как они посмотрят фонтан, Константин лично готов проводить ее на конную игру в циканистре, а после они прогуляются среди клумб восхитительных роз и утонченных лилий. О, в Палатии имеется столько дивного, на что стоило бы поглядеть столь прекрасным очам.

Ольга все же оставила возбужденного императора и с облегчением перевела дух. Надо же... Ишь как его проняло!

А Константин почти взбежал в верхние покои по высоким ступеням, остановился наверху, борясь с одышкой. Что-то дыхание даже после чародейской воды сбивается. Зато он давно не ощущал такого воодушевления, такой радости. И он счастливо улыбнулся, когда подумал, что завтра она придет и они вновь встретятся. Он будет смотреть на нее, вслушиваться в звуки ее мягкого грудного голоса, неспешного и музыкального, как звуки арфы, доносившиеся из внутренних покоев. Ах, скорее бы миновала ночь!

Константину понадобилось немалое усилие, чтобы принять привычный величественный вид, когда он шел по переходам дворца, не замечая склоняющихся евнухов, не глядя на благословляющих его священников и замерших, как изваяния, стражей.

Глава 14

Императрица Елена готовилась к выходу на обеденную трапезу. Придворные зосты водрузили на ее голову парик из белокурых волос, присыпанный золотой пудрой и оплетенный нитями с искрившимися изумрудами. Увы, некогда гладкие белокурые волосы базилиссы с возрастом поредели, приходилось прибегать к таким вот хитростям, чтобы оставаться привлекательной, ибо и с годами императрица ромеев должна являть собой гордость и красу державы.

– И румян добавьте, – приказала Елена, вглядываясь в свое увядшее лицо, отражавшееся в большом посеребренном зеркале.

А сама думала о другом: вспоминала, как этой ночью вдруг проснулась от бившего в лицо света и увидела своего супруга со свечой в руке. Он стоял у изголовья и будто с интересом рассматривал ее.

Тогда она только спросонья повторила его имя и немного подвинулась, удивленно думая, что Константину пришла охота возлечь с ней. О, как давно он не посещал ее в опочивальне! Уже годы, кажется. Но супруг только вздохнул глубоко, даже как-то разочарованно и, не сказав ни слова, удалился. Она же долго ворочалась, не зная, что обо всем этом думать. Но с утра велела обрядить себя с особой тщательностью. Во-первых, положение обязывало, а во-вторых, захотелось вдруг, чтобы муж взглянул на нее более ласково, чем прошлой ночью.

Елена всегда была верной женой Константину. Еще когда ее отец Роман Лакапин насильно поставил их с Константином перед алтарем, она решила, что жених ее столь хорош и благороден, что ей надо молить Всевышнего за счастье быть его супругой, и пообещала сделать все, чтобы порфирородный царевич полюбил ее. Ей тогда было шестнадцать лет – Константину едва исполнилось четырнадцать. Они были детьми, замкнутыми в глубине дворцовых покоев, детьми, которыми никто не интересовался, но именно в этой отстраненности от всех они и сблизились, поначалу робко, а потом познав привязанность и даже страсть. Поэтому Елена и не подумала взять сторону отца, когда появилась возможность воцариться ее мужу. И стала императрицей, могущественной и влиятельной, божественнейшей, наивысочайшей, великолепной!..

За все эти годы она никогда не волновалась за свое положение. Она исправно рожала мужу детей, жила в гинекее, помогая Константину, если он обращался к ней, и при этом никогда не навязывала ему свою волю, никогда не вмешивалась в дела его правления. Константин всегда был с ней добр и мягок, всегда почитал ее. И хотя в последнее время они мало общались, по обычаю встречаясь во время торжеств или на богослужениях в церкви, Елена все равно знала, что мир ее устойчив и надежен. Но после этой ночи... Почему-то стареющей императрице было неспокойно.

В гинекей, шелестя шелковыми одеяниями, вошла ее невестка Феофано. И как неподобающе быстро шла – ткани отлетали при ходьбе, так что стала заметна легкая округлость ее выпуклого живота. Какой стыд! Разве Феофано не понимает, что беременность надо всячески скрывать, чтобы никто не глянул недобрым глазом на ее чрево, не подумал дурное о будущем наследнике престола, не сглазил!

Но не успела Елена сделать невестке замечание, как Феофано уже зашептала на ухо императрице. У той вытянулось лицо. Что? Наивысочайший закутался в простую темную хламиду и подслушивает под дверью кабинета логофета дрома, где тот принимает русскую архонтессу? Немыслимо! Но когда прошло первое удивление, Елена только и спросила слабым голосом: разве эту варварскую правительницу приняли уже сегодня? Ведь приказано же было – третьего дня надо явиться.

– Это император лично за ней послал, – шептала Феофано, и глаза у самой остро поблескивали в предвкушении чего-то интересного. – Августейший ведь и вчера с этой язычницей долго беседовал, а о чем – никто не ведает. Замечу еще, что по прибытии русской Эльги император даже отложил беседу с наместником провинции Оптиматы и вместо этого... пробирается по переходам в темной хламиде с капюшоном, будто нашкодивший китонит.

Это были недопустимые речи о священной особе императора, и Елена тут же отвесила

Феофано пощечину: пусть соображает головой вчерашняя трактирщица, прежде чем такое говорить!

Та отшатнулась, прижала руку к лицу. Глаза полыхнули... но сдержалась. Повернулась и спешно покинула покой, даже не поклонившись августу, – то есть допустила единственную дерзость, какую могла себе позволить. А когда уже шагала по мерцающим глянцевым мрамором и многоцветной мозаикой переходам Палатия, Феофано разразилась самой что ни на есть площадной руганью. Эта Елена... Вот уж мокрица в пурпуре! Сучка зазнавшаяся, стареющая вошь!.. Ну-ну, пусть и далее натирает свою помятую рожу персиковыми румянами, когда ей надо только благодарить невестку, что сообщила о проделках наивысочайшего. Никто иной не посмел бы ей такое донести. Вот пусть и остается в неведении. А они с Романом уже поняли, что прибывшая с Руси архонтеσσα взволновала престарелого императора, как... Скажем так: как царя Соломона взволновала царица Савская. А по сути, как мужчину может взволновать и возбудить хорошенькая женщина. Причем никто не припомнит, чтобы Константин вообще когда-то грешил по этому поводу. А тут... Тут такое!

Феофано нашла своего супруга у большой двери с выложенным из мерцающих камней павлином. Молодой базилевс подглядывал в щелку, как какой-то школьник, и при этом не обращал внимания на стоявших рядом с безучастными лицами охранников. Когда Феофано приблизилась, он спросил вполголоса:

– Сообщила августу?

– И получила оплеуху. – Феофано обиженно надула губки. – Ах, Роман, если даже ты, признанный соправитель императора, не осмеливаешься его побеспокоить и указать на неподобающее поведение, то уж Елена...

– Тсс. – Роман прижал палец к губам. – Не шуми. Он может услышать.

Они вместе приникли к приоткрытым створкам. За ними, в дальнем конце овального голубого зала, сгорбившись, застыл у следующей двери император. Он стоял у занавешивающей проход портьеры, закутанный, как и говорила Феофано, в темные одежды, только из-под полы виднелись его расшитые пурпурные башмаки – знак императорского достоинства. Хотя о каком достоинстве может быть речь, когда во всей его согнутой, замершей фигуре непросто было опознать правителя богатой империи, скорее Константин действительно напоминал сейчас подглядывающего исподтишка китонита. Но император в этот миг не думал о своем положении. Отвернув край дверной портьеры, базилевс подглядывал за беседовавшей с логофетом дрома русской княгиней, вслушивался в ее негромкий низкий голос, любовался ее облаченной в голубой мофорий фигурой. Ольга сидела напротив большого арочного окна, ее заливали лучи полуденного солнца, и Константину казалось, будто это она сама испускает легкое сияние.

Ольга беседовала с логофетом, не прибегая к услугам стоявшего сбоку от нее переводчика, священника Григория.

– По договору, заключенному с мужем моим Игорем, Русь обязана помогать византийскому Корсуню против набегов хазар и печенегов. Но также оговорено, что наши суда не должны выходить в море и мешать рыбачить корсунским жителям. То есть мы не можем плавать в окрестностях византийских владений в Таврике. Как же мы тогда сможем оказывать помощь Корсуню, если не смеем там появляться? Ведь вам, должно быть, известно, что наши границы слишком далеко от тех мест, мы не можем ходить там морем, но при этом обязаны оказывать помощь, даже если не знаем о бедах Корсуни. И вот поэтому, уважаемый, этот пункт договора должен быть пересмотрен. Либо мы получим разрешение плавать вдоль побережья, либо Византия не вправе требовать от наших войск помощи.

Логофет дрома Иосиф Вринг – тоже евнух – покачивал лысой головой, отмечая что-то острым стилем на лежащем перед ним свитке. Когда заговорил, его тонкий голос звучал как-то обиженно, и Ольга скривила яркие губы в некоем подобии брезгливой гримасы. Евнух заявил, что пока он не может дать ей твердый ответ, что рассмотрение вопроса следует отложить на потом. Ольге это не нравилось. Как долго будет происходить решение? Разве логофет, зная, что договор будет вновь рассматриваться, не мог позаботиться об этом ранее, пока она ожидала приема? И, не дав евнуху опомниться, княгиня перешла к следующему вопросу: как она заметила, на рынках Константинополя

продается немало невольников-славян. Бесспорно, прежде, когда заключался договор, русские купцы привозили в Византию немало живого товара, ибо тогда племена Руси еще не были объединены в одну державу, многие совершали набеги на соседей и захваченных в плен продавали купцам для невольничьих рынков. Но с тех пор многое изменилось. Ольга объединила разрозненные племена в единую Русь и запретила ловить по подвластным ей землям людей для продажи. Только оставшиеся непокоренными вятичи по-прежнему были промыслом для людоловов. И все же княгиня видела тут, на рынках, немало своих людей.

– Великомудрая госпожа Эльга, – пискляво отвечал Иосиф Вринг, откидываясь на спинку стула и складывая на округлом животе, покрытом положенным его статусу тавлионом, холеные ладони. – Дело в том, что нам и дела нет до того, откуда и как попадают на рынки Константинополя рабы-славяне. Но мы соблюдаем договор в том, что допускаем на рынки купцов, предъявляющих нам документ с печатью из Киева, который выдан вашими же проверяющими. И вам не нас нужно винить, а лучше разобраться, почему киевские таможенники пропускают корабли с живым товаром, когда сама правительница Руси запрещает торговать своими подданными.

Ольга повернулась к стоявшему рядом отцу Григорию, и он пояснил ей, что означает слово «таможенник»: мытник, тот, кто осматривает плывущие по торговому делу суда и дает добро на дальнейшее плавание.

Евнух же продолжал:

– Итак, именно вам надо проследить, чтобы таможенники разобрались, откуда сии невольники. Это не просто, ибо обычно купцы дают мзду, чтобы к ним не приставали, но это ваша проблема, отнюдь не наша.

– Но ведь вы покупаете и тех рабов, каких доставляют вам степняки, о защите от которых вы говорили со мной, когда речь шла о Корсуне.

Хитрый логофет опять ушел от ответа: дескать, Константинополь – свободный торговый город, здесь всякий может торговать любым товаром, главное – чтобы платили налоги от продажи в казну.

Ольга расстроилась, она бурно задышала, глаза заматались, словно ища выхода. В другой раз Константин бы порадовался, что толковый Иосиф Вринг сумел осадить чужеземную правительницу, нигде не отступив от договора. Но сейчас у него даже сжалось сердце. Подумалось: а не выкупить ли за счет казны часть русских невольников и поднести их Эльге в качестве дара?

Он расслышал, как княгиня сказала: мол, ладно, я переговорю об этом со своим анепсием, он разберется. Гм. С анепсием... Вчера этого анепсия, как и иных русов, на пиру богато одарили. Это традиция, это показательный жест, демонстрирующий богатство и расположение Византии. Но сейчас Константин вспомнил, что этот анепсий очень хорош собой и смотрит дерзко, а кое-кто из людей императора даже поговаривал, что он никакой не родич Ольги, а ее любовник. От этой мысли на душе Константина вдруг стало нехорошо. Решил про себя: надо передать Никифору Фоке, чтобы занял этого красавчика анепсия договорами насчет найма воинов и тем отвлек его от Эльги, не давал им видиться. Ибо эта язычница с их вольными, не сдерживаемыми христианским целомудрием нравами вполне могла сойтись с пригожим варягом. А Константину самому хочется узнать, что такое несдержанная церковными поучениями языческая любовь. И узнать это именно с Эльгой. Вон она какая... Порывистая, нетерпеливая, как юная дева... сколько бы лет ей ни было. Но ведь и он сам теперь беспокойный и взволнованный, как в те годы, когда ему только сообщили, что дочь Романа Лакапина станет его женой. Они оба тогда были такие неумелые, стыдливые. Императрица таковой и осталась, хотя и родила ему нескольких детей. Других же женщин у Константина никогда не было, ему не в чем каяться на сей счет перед исповедником. Ну разве в том, что этой ночью он вдруг испытал непривычную в его годы страсть, спать не мог, едва до рукоблудства не дошел, прости Господи. Он даже отправился в опочивальню к Елене, однако только поглядел и ушел. Ибо не Елена его привлекала. И пусть живая вода не избавила его от болей в подреберье, однако какую же горячность в крови он ощущал! Казалось, что и впрямь помолодел. Как иначе объяснить это волнение, беспокойство, нетерпение при мысли, что вновь увидит ее... эту дивную язычницу с ее длинными косами. И вот она здесь. А Константин, как и вчера, когда

испил волшебной воды, опять испытывает страстное желание, даже дыхание сбивается, когда глядит на нее.

Но тут за спиной раздался громкий голос императрицы:

– Что сие означает, государь?!

Константин едва не подскочил. Августа Елена стояла у широко распахнутой двери, а подле нее значительно переглядывались Роман и Феофано.

– Что это означает, о, наивысочайший? – вновь вопрошала Елена, но не вопрос, а осуждение, даже гнев звучали в ее голосе.

Император неожиданно смутился. Сам ведь понимал, что смешон: в темной накидке, присевший под дверь. Он еле успел подняться, когда и логофет дрома вышел из покоев на звук голосов, а за ним княгиня показалась.

– Нам было угодно, – пытаюсь взять себя в руки, начал Константин, – нам захотелось... Ах да, я еще вчера обещал архонтессе Эльге показать наш дивный фонтан Чашу Трикхона. Надеюсь, вы присоединитесь к нам в этой прогулке, августа? И вы, дети, – обратился он к ухмыляющимся Роману с супругой.

Пусть Елена и была оскорблена и обижена, видя такое неподобающее поведение супруга, пусть ворчала негромко, что ему следует сперва облачиться в положенные по сану одеяния, но Константин, взяв с одной стороны за кончики пальцев супругу, а с другой русскую гостью, как ни в чем не бывало повел их в сады.

К ним сразу же пристала многочисленная свита – откуда и появились все вмиг? – двигались следом, наблюдали, как венценосец ведет двор к упомянутому фонтану, потом провел вдоль благоухающих розариев, показал покрытые позолотой изваяния ангелов и белокаменные аркады, подле которых в облицованных мрамором водоемах плавали лебеди. Все это было великолепно и богато, шум фонтанов смешивался с людским говором и музыкой (в глубине садов играли арфисты), и обстановка стала непринужденной. По просьбе императора Ольга осталась в увитой желтыми розами ротонде и принялась рассказывать ему о далекой и непонятной для византийца Руси, ибо Константин заверил ее, что собирается уделить этой стране отдельную главу в своем рукописном труде под названием «Об управлении империей» и надеется, что его сын Роман однажды захочет прознать обо всем, что стремился передать ему мудрый отец.

Самое забавное, что базилевс и впрямь проявил интерес к ее рассказу. Спрашивал о дороге, проделанной архонтессой из Киева в Византию, внимательно выслушал, как ее караван преодолевал скальные пороги на Днепре, записал название каждого из них. Любопытно ему было узнать и о том, как происходят поклонения в святилище на острове Хортица, как приносятся дары славянским богам. Обо всем этом Ольга неспешно рассказывала, а Константин либо сам делал пометки на листе пергамента, либо давал указания строчившим под ее диктовку нотариям.

Они проговорили довольно долго. Когда подошло время идти в трапезную, Константин, вопреки принятому распорядку, приказал принести им поесть сюда, в ротонду, и они перекусывали на легком ветерке, вкушали все эти пучки зелени, валашский сыр, маринованные оливки. Ольгу, как и ранее, удивляло, что ромеи поедают такое количество трав, – зелени, как пояснили ей. На Руси отдавали предпочтение рассыпчатым зернистым кашам – а тут колбаски в листьях, паштеты с зеленью, сыры с пряными травами, сочащиеся соком фрикадельки в залитых соусом виноградных листьях. Но еда была вкусной, а разбавленное холодной водой до бледно-розового оттенка вино оказалось сладким и прекрасно утоляло жажду. Если учесть, что император был не просто любителем поесть, но и во время трапезы умел поддержать легкую, непринужденную беседу, то княгиня нашла его общество весьма приятным. Даже веселым, ибо она не смогла сдерживать смех, когда Константин на свой лад переиначивал названия русских градов, о каких она рассказывала. Так, Новгород он произносил как Немоград, Смоленск у него звучал как Миленск, Чернигов – как Чернигог, а Киев он называл Куявой. Зато давно расположенная близ Киева крепость, где собирались на учения княжеские дружины, базилевс произнес неожиданно правильно – Самбат. Но это было старое название, данное еще хазарами, кои одно время брали с Руси дань, а Константин хорошо знал хазарский язык. И когда он

так и сказал – Самбат, Ольга про себя отметила: раз знает, значит, и ранее интересовался, где обитают русские витязи. Можно было и призадуматься, но тут Ольгу просто едва не до истерики довело, как у императора получилось произнести слово «Полоцк» – Телеуцы. Вот Телеуцы и все – никак иначе с названием этого города он не справлялся. И Ольга, извиняясь, все же не смогла сдержать прорвавшегося громкого смеха, даже слезы на глазах выступили.

За подобную несдержанность на кого иного Константин бы разгневался, а тут вдруг тоже стал хохотать, запрокинув голову. Понимал, что ему, солидному мужу с длинной бородой и привычной за годы величия властной осанкой, не много чести заходиться от хохота. Однако ему было так хорошо! Может, и впрямь это живая вода сделала его столь беспечным, а может, просто ему было хорошо от того, что рядом смеется красавица Эльга, и им приятно оставаться вместе, легко и радостно.

Императрица Елена, которую не пригласили в ротонду составить им компанию, расположилась в стороне на одной из террас, сидела там в окружении своих нарядных зост и нервно тербила четки. Ну что тут скажешь! Константин нарушал весь установленный на сегодняшний день распорядок, отказался от приемов архиереев и чинов Патриархии, и отвечающему за прием препозиту пришлось извиняться и назначать встречу на другой день. И хотя, бесспорно, августейший правитель мог так поступать, однако до чего же это не походило на привычное поведение Константина, который в каждой церемонии видел особый смысл и никогда не уставал следовать установленному в Палатии распорядку, а каждое громкое восклицание сановников «Повелите!», каким сопровождалось любое его действие, только прибавляло автократу в его глазах собственной значимости и понимания своего высокого предназначения. И вот он запросто болтает с этой язычницей и – только поглядите на него! – смеется, как бездумный мальчишка! Ну почти так же, как его юный сын Роман, который дурачится в розарии со своей трактирщицей Феофано. И чтобы хоть на ком-то сорвать дурное расположение, Елена поклала сына и невестку. Сыну и слова дурного не молвила – будущему императору не подобает слышать упреки, – а вот Феофано императрица все высказала: и за излишнюю резвость, и за то, что та не думает о наследнике, какого с Божьей милостью понесла во чреве, а теперь толкается с Романом, когда надо ходить плавно,нося в себе новую жизнь, как драгоценное вино в сосуде.

В голосе Елены звучало такое раздражение, что Роман не выдержал, вступился за супругу. И тоже неожиданно получил отповедь от обычно кроткой родительницы: ну ладно, Феофано не в пурпуре ведь родилась, а вот ему следует помнить, что с беременной женой надо вести себя как с нежнейшим созданием, оберегать ее, а не зажимать, как... как какой-то низкородный стратиот тискает прислужницу в корчме!

Обидный намек, напоминающий, что Феофано не так давно подносила пиво постояльцам в трактире своего отца.

Роман не стал дерзить матери, но, когда отошел, в гневе пнул ногой одну из увязавшихся за ним лохматых собачек августы, да так, что та с визгом улетела в розовые кусты.

Феофано постаралась успокоить супруга:

– Ну что ты хочешь, она стареет, а твой отец вдруг не на шутку увлекся молодой и привлекательной язычницей с Руси.

И, видя, что ее порфирородный супруг – покрасневший, тяжело дышащий от сдерживаемого гнева – молчит, Феофано решила негромко добавить:

– Тебе не кажется, что они слишком долго остаются на троне? Они оба уже старики, долгая власть не придает им ума, и мы с тобой куда больше были бы любезны народу, чем эта отжившая свое чета.

Увидев, как замкнулся Роман, она не сказала больше ни слова. Ничего, пускай копит в душе обиды. А она постепенно, осторожно и ненавязчиво будет внушать ему нужные мысли, пока не добьется своего. И однажды он подчинится ее уговорам, а там и сам поднесет слишком зажившемуся отцу чашу с отравленным зельем, какое она настаивает у себя в покоях. Зелье мудро состряпано, смерть от него будет медленная и верная,

никто ничего не узнает. А что у них получится, Феофано не сомневалась. Русская ведьма ей то верно предрекла.

Пока же весь Палатий бурлил, обсуждая новость: Константин Багрянородный увлекся языческой архонтессой! И это было нешуточное увлечение, если он ездил с ней на верховую прогулку, самолично отправился показывать госте имперские зверинцы под арками ипподрома, совершил с ней катание на хеландии по Мраморному морю, и они кормили чаек во время плавания. Потом Константин показывал архонтессе другие императорские дворцы – Вуколеон, Дагисфей, Манганы. А когда состоялся день скачек, русская Эльга была приглашена в императорскую ложу Кафизму, и Константин именно ей позволил взмахнуть белым полотнищем, давая знак к началу забега квадриг. Небывалая милость!

Ольга сама была поражена вниманием к ней императора. Ей льстило подобное расположение Константина, удивляло, что он, еще недавно такой надменный и пренебрежительный, теперь, казалось, готов был прислушиваться к каждому ее слову, выполнить любую прихоть. Ей понравился золотистый белогривый скакун в дворцовых конюшнях – и на другой же день этот конь в драгоценной сбруе был отведен к ее подворью у Святого Мамы. Залюбовалась Ольга в Палатии полированным серебряным зеркалом в позолоченной овальной раме – его тут же сняли со стены и отнесли к ней. Но когда княгиня заикнулась, что ей пора возвращаться, что многие из ее купцов уже распродали товар и говорят, что надо ехать на Русь, лицо императора потемнело. Пусть едут, сказал, но госпоже Эльге надлежит еще побыть гостьей Византии. И если ей не любы болгары, заметил Константин, то он готов отказаться принять их посольство, – что и сделал, даже дары не принял. А вот вскользь сказанное Ольгой слово о епископе Адальберте привело к тому, что Константин пышно принял германцев. После аудиенции долго рассказывал княгине, какую силу набрал в своих землях их король Оттон, что однажды он может стать великим правителем. И даже хорошо, что Константин заключил с германцами мир. Империя тогда богатеет, когда она в добрососедских отношениях с иными державами, когда люди заняты созиданием и приумножают свои богатства, не опасаясь войн и набегов.

Он говорил мудро, во многом разбирался, и княгине было интересно с ним. Ведь и она тоже долго добивалась мира, брала под свою руку непокорные племена, устанавливала единые законы, строила крепости на беспокойных границах. Она поведала об этом Константину, и он глядел на нее с все возрастающим восхищением. И уважением. А еще он постоянно испытывал не проходящее в ее присутствии желание, и только заученная за многие годы привычка скрывать свое вожделение как проявление греховной человеческой сути удерживало Багрянородного от дерзкого жеста, желания касаться ее. Он заставлял себя отводить глаза, чтобы она не поняла, какое страстное томление им владеет, как безмерно он хочет, чтобы она всегда была рядом. Чтобы была так близко... как он не был ни с одной женщиной, кроме своей жены.

Ольга, как женщина, давно поняла это. Однако, будто опасаясь чего-то, старалась убедить себя в обратном. Как-то даже сказала Свенельду:

– Сама не пойму, что с ним происходит. Словно морок на него навели, будто недуг любовный. Так и ловит мою руку, слова цветистые говорит, и при этом – при всей его гордыне непомерной! – голос у Константина срывается, дрожать начинает. Удивлена, как это августейший еще не притиснул меня где-нибудь в переходах, словно влюбленный отрок теремную девку. И глаза у него горят, как у иного молодца на Купалу. Хорошо еще, что по их обычаю он и шага не ступит, чтобы целый отряд этих евнухов-скопцов за ним не пристроился, охранники и чиновники всюду следуют, да еще и женщины императрицы спуют, будто хотят уличить его в неподобающем.

Свенельду не были по душе такие речи. Тем более что он сам не мог сопровождать Ольгу во время этих приглашений ко двору. И не только потому, что его-то как раз не звали – у него хватило бы дерзости пойти, не отставая ни на шаг, даже императора потеснить, если понадобится, – однако Свенельда почти каждый день вызывал Никифор Фока. То на очередной смотр войска пригласит, то на охоту, то просто попить да поглядеть выступления мимов. Варягу эти кривляния мимов мало нравились – скоморохи на Руси и то живее пляшут да и трюки ловчее вытворяют. Но все же, сблизившись с Никифором, он мог лучше разобраться, что у ромеев за войска, приметить что-то для себя, чему-то подучиться. А Ольга все с Константином разгуливает. И Свенельд говорил ей, пряча

в глазах ревнивый блеск: мол, ты не просто хлопай ресницами при этом царе ромейском, а помни, что его милость – это лишь повод внести в прежние договоры с Русью новые уклады, на выгодах торговых настоять.

Ольга соглашалась, говорила задумчиво:

– Назавтра мы с Константином отправляемся смотреть, как кроют позолотой купола храма Святых Апостолов. Вот я и рассчитываю улучшить там миг и переговорить с ним о сватовстве Святослава к его Феодоре.

И, улыбнувшись каким-то своим мыслям, добавила:

– Думаю, если посмотрю на него понежнее, станем мы сватами и родичами с августейшим. Не откажет он мне. Я это чувствую. И знаю.

Но все же даже в пылу любовной горячки император не забывал о нуждах своей державы. Так, расспрашивая о кочевавших вблизи Руси ордах печенегов, он не поддался на уловку княгини, когда она неправильно назвала ему, где какой печенежский род ходит.

– Или вы сами не ведаете все точно, нежнейшая госпожа, – заметил Константин, – или хотите ввести меня в заблуждение, однако я точно знаю, что орда Хапон не у ваших земель ходит, а ближе к болгарской границе. И наша держава платит им откупную, чтобы они не нападали на наши земли, а были нашими союзниками.

«И по вашей воле совершали набеги на тех же болгар», – тут же мысленно добавила Ольга. Да, Византия и Русь не были дружественными державами, каждая блюла свои интересы. И однажды Византия может так же заплатить печенегам, чтобы те повернули своих коней к русским заставам. Если только...

И Ольга, улучив момент, пока они стояли в стороне от настырного логофета Иосифа Вринга и рядом не было зост императрицы, а только сновали работники храма, негромко сказала:

– Я бы не осмелилась путать вас, августейший. Но я всего лишь женщина, могу что-то и не понять.

– О, вы разумны и прекрасны! – Темные глаза Константина тут же маслянисто заблестели, и он шагнул к ней, задышал часто. – Вы особая женщина...

– И к тому же я мать. – Ольга мягко отстранилась. – И я бы хотела напомнить ваше давешнее обещание подумать о браке моего сына и цесаревны Феодоры.

Император смотрел, как шевелятся ее губы, как отблески от ажурных сережек светло мерцают на коже длинной стройной шеи. В голове его шумело. Он почти не вникал в смысл ее слов. Да, он помнил ее требование в обмен на живую воду подумать о возможности обручения их детей. Но он по-прежнему против этого союза, хотя и не хочет расстраивать ее отказом. И промолчал, только смотрел, как Ольга, окончив речь, повернулась и взглянула ему прямо в лицо. Ах, какие глаза! Как свободно она на него взирает! Его всегда восхищала эта ее манера держаться не развязно, не нарочито нагло, а именно свободно. Так и хотелось позволить себе такую же свободу, подчиниться желаниям, протянуть к ней руки, привлечь к себе.

Ольга увидела этот жадный блеск в его глазах. Но ей надо было услышать от него какой-то конкретный ответ. И, чтобы подстегнуть базилевса, она опять сказала, что если Константина смущает разная вера их детей, то она сможет уладить эту проблему. Ибо уверена, что, если женой Святослава станет христианка, с ней на Русь могут приехать священнослужители, которые возведут христианские храмы, ну а мудрая жена, влияя на супруга, может и его однажды привести в лоно христианской Церкви. Она же, Ольга, не будет тому противиться. Она сама готова принять крещение.

– Что? – оживился император. – Вы готовы войти в купель? Но это же прекрасно! Ибо если вы станете христианкой... тогда мы станем людьми одной веры! И я... Тогда я сам буду просить вас стать моей женой!

Он произнес это восторженно и страстно. Стоявшие неподалеку палатины услышали эти

слова, лица их вытянулись пораженно.

– О, светлейший!.. – ахнула Ольга. – Это великая честь для меня. Но... не позабыли ли вы, что уже женаты?

Но Константин был сам восхищен посетившей его идеей. Он расхаживал под колоннами притвора храма Святых Апостолов, махал рукой, словно рубил воздух, и говорил, говорил: да, он женат, но его обвенчали с Еленой, когда он был еще почти ребенком, это был брак против его воли. И он напомним об этом патриарху. К тому же Елена стара, она уже не может исполнять супружеский долг, а он еще полон сил, ему нужна молодая и крепкая жена, чтобы он чувствовал ее подле себя каждую ночь, и тогда – если будет Божье соизволение – они еще родят империи наследников, его род продлится на троне. Тем паче что его сын Роман не тот наследник династии, которому бы Константин безбоязненно передал бразды правления, вверил будущее Византии.

Базилевс говорил громко и страстно, а потом на глазах у всех присутствующих подошел и заключил Ольгу в объятия. Она еле успела увернуться от его ищущих губ, сбиваясь и путая греческие и русские слова, сказала, что подумает, что это слишком неожиданно...

Константин отступил. Он еще тяжело дышал, сердце гулко колотилось. Как же упоительно было позволить себе свободу... позволить дерзость коснуться этой женщины! Но в его помыслах не было греха, уверял он, ибо его помыслы чисты и направлены на доброе супружество. Сверкая глазами, он сказал Ольге, что дает ей время все обдумать до завтра. И добавил – уже менее сбивчиво, скорее с нажимом, – что он оказывает ей великую честь и не потерпит теперь отказа!

Высказавшись, император повернулся и ушел так стремительно, что его пурпурная на золотой подкладке мантия летела следом, а быстрые шаги гулко раздавались под сводами храма, где вдруг воцарилась небывалая тишина. Ибо все просто онемели. Даже тащившие новый котел с позолотой строители стояли разинув рты и будто не замечали тяжести, какую удерживали на перекрещенных шестах.

В тот вечер в Палатии было необычно тихо, слуги и евнухи шмыгали, как мыши, лишь порой перешептывались.

– Что император? Не одумался?

– Молится в часовне дворцовой церкви.

– Подумать, какой позор, если эта дикарка ему откажет!

– А какой позор, если согласится? Куда же тогда девать нашу базилису?

– В монастырь, конечно. Слезы лить.

– Она и так проливает слезы. Рыдает, как перед казнью. Нет, что ни говорите, а наша добрая Елена такого не заслужила.

Императрица и впрямь рыдала в голос, прикинув к обтянутому пурпурным шелком плечу невестки Феофано. Вот у кого она нашла утешение. Ибо сейчас они были близки как никогда: Феофано не меньше Елены опасалась, что обезумевший император возьмет себе новую жену, а там, того и гляди, удалит Романа от престола.

– Надо бы дать Константину одно зелье... – начала было она, но, когда Елена повернула к ней распухшее от плача лицо, тут же добавила: – Успокоительное зелье, чтобы он утихомирится и одумался.

– Разве я заслужила такое! – вновь заголосила императрица, тряся выбившимися из-под диадемы седыми прядями. – Разве я не была ему верной женой, подругой, спутницей жизни и власти? Я и против родного отца восстала, только бы помочь Константину добиться пурпура! И вот теперь... когда он обезумел... когда его околдовала эта язычница! О, они все ведьмы, их всех надо отправить на суд к патриарху!

– Но патриарху немедленно надо сообщить о странном решении Константина, – резонно заметила Феофано. – Полиевкт ныне пребывает в своем загородном имении, поэтому

необходимо послать к нему гонца и сообщить, что русская архонтесса околдовала августейшего.

Эта мысль и впрямь показалась Елене разумной: уж если кто и сможет повлиять на ее безумного супруга, то только его святейшество!

Патриарх прибыл в Палатий рано утром, когда небо только начало светлеть. Полиевкта тут же проводили во внутренние покои, где его ожидали императрица Елена, соправитель Роман и красавица Феофано. Полиевкт сразу понял, что они не спали эту ночь: все трое выглядели утомленными и нервными, одеты были кое-как, под глазами залегли тени. И заговорили без обычной церемонии, едва ли не перебивая друг друга.

– Вы не ту ведьму ловили, владыка. Не чародейку русской Эльги надо было искать, а подвергнуть церковному суду саму архонтессу. Ибо это она зачаровала и влюбила в себя августейшего. И теперь он всерьез подумывает жениться на ней!

Полиевкт задумчиво произнес, что, если бы он осмелился схватить княгиню, это означало бы неперемнную войну с Русью. А ведь походы русов на Византию еще не забыты. И пусть о том, как их колдун Олег прибавал щит на Золотые ворота, строжайше запрещается упоминать, страх перед Русью, перед ее дерзостью и силой еще не прошел.

А как же тогда поступить? – вопрошали. И опять все трое стали рассказывать, что за прошедшие после приема Эльги в Палатии две недели Константин только и делал, что уделял внимание госте, что не отпускал ее от себя, одаривал, оказывал честь, всюду показывался с ней. И теперь готов развестись с императрицей только потому, что Эльга заикнулась, что готова принять крещение, а он видит в этом способ, как им, людям единой веры, вступить в законный союз и обвенчаться перед алтарем, едва будет расторгнут брак Константина с Еленой.

– Вот уж не думал, что такое благое свершение, как крещение язычницы, может привести к столь неожиданным последствиям, – задумчиво изрек Полиевкт. – Но хочу вас утешить: чтобы расторгнуть некогда освященный Церковью союз Константина с вами, почтенная августа, мало одной его влюбленности в иноземку. Никогда прежде такого не было в Византии, никогда наши правители не совершали подобного...

– Но ведь воля императора – Божья воля, – всхлипнула Елена. – Некогда ведь базилевс Юстиниан пожелал надеть венец правительницы на блудницу Феодору – и никто не посмел ему возразить. Да и недавно наш Роман тоже...

Но тут Елена умолкла. Как-то неудобно было сейчас указывать на неподобающее для базилисы происхождение Феофано. Та всячески поддерживала ее в трудный миг, и императрица даже не покосилась на невестку, только вздохнула горько.

– Думаю, мне надо переговорить с автократом, – негромко произнес Полиевкт и направился в храм Святого Стефана, где имел привычку молиться император.

Константин тоже уже поднялся, его облачили в пурпурную мантию, и препозит возложил на голову корону. Звучало привычное и обязательное «Повелите!», все кланялись. Константин одевался машинально, весь погруженный в свои мысли, так же задумчиво шел по еще темным переходам Палатия; со стороны он выглядел спокойным и величественным, никто бы не догадался, какая буря сейчас у него в душе. Он не сомневался, что его воле все подчинится, что бы он ни предпринял, главное, что скажет она. Но что не только Ольга вольна решать его судьбу, Константин понял, когда увидел явившегося проводить службу Полиевкта. Ведь говорил, что останется в своем имении на Босфоре до начала октября, однако вот же он, прибыл, и, хотя проводит богослужение как должно, взгляд его, внимательный и изучающий, устремлен на базилевса.

Позже, когда они беседовали, прохаживаясь вдоль колоннады у церкви Святого Стефана, Полиевкт сначала только спрашивал, насколько верно, что Ольга надумала креститься. Константин отвечал с охотой: да, госпожа Эльга сама заговорила об этом, да, все речи патриарха о том, чтобы обратить сию язычницу в истинную веру, не пропали втуне. Полиевкт согласно кивал. Со стороны казалось, что они оба всем довольны, но Константин не спешил сообщить, что, если Ольга станет христианкой, он готов

предложить ей венец базилисы. Заговорил на эту тему сам Полиевкт, но очень осторожно: мол, русская архонтесса должна понять, как ей важно креститься и спасти душу, и никакие выгоды не должны подвигнуть ее к этому шагу. Даже если это будет... лестное предложение самого Константина.

– Так вам уже все сообщили! – почти гневно воскликнул император, и его густые брови привычно сошлись к переносице. На лице вновь застыло хмурое выражение, какое словно пропало во время богослужения, когда Полиевкт наблюдал за базилевсом. Тогда Константин выглядел каким-то мечтательным, его лицо казалось одухотворенным, почти нежным.

– Это мое твердое решение, – произнес император, и в голосе его прозвучал металл.

– А если архонтесса не совсем уверена, что готова влиться в лоно нашей святой матери Церкви? – Полиевкт, волнуясь, провел рукой по своей длинной бороде.

– Надеюсь, вы не будете отговаривать ее от столь благого шага, владыка?

– Нет. Я рад, что Эльга готова вступить в купель. Это великое благо как для нее, так и для ее страны. И вы, августейший, как добрый сын Церкви, должны понимать, что, когда обращается в христианство столь почитаемая правительница, есть надежда, что и подданные последуют ее примеру. Значит, мы можем спасти немало заблудших душ, и, когда настанет наш час на суде перед Всевышним и спасение понадобится нам самим, нам будет на что сослаться.

Полиевкт говорил то, что не могло не взволновать Константина. Император был истинно верующим, понимал, как важно своими добрыми делами заслужить прощение за грехи. Именно сейчас он чувствовал, насколько грешен. Ибо то, на что он готов был решиться...

– Я бы хотел оставить госпожу Эльгу подле себя, – с непривычной робостью произнес он. Но все же осмелился добавить: – В качестве моей венчанной супруги!

– Но ведь для этого вам сначала необходимо развестись с августой Еленой, – напомнил патриарх.

– Да, надо, – кивнул Константин, и лицо его вновь помрачнело. – Я уже не могу считать ее своей женой. Она никогда не была особо красивой, но я женился на ней по повелению узурпатора Романа. Это было насильственно, вы должны понимать...

– Но потом вы полюбили Елену, – заметил Полиевкт. – Вы много лет прожили с ней в добром согласии, в мире и благодати.

Константин как будто не слышал, лицо его покраснело, взгляд стал блуждающим. Он заговорил так, как будто кто-то выталкивал из него слова, будто его коржило изнутри. Нет, он не может больше жить с Еленой. Он смотрел на нее, когда она спала, и ему едва не стало дурно. Ибо Елена безобразна («Отчего же? – подумал Полиевкт. – Елена для своего возраста выглядит вполне привлекательно»). Но Константин все повторял – безобразна, уродлива, отвратительна. А базилисса должна быть красой и гордостью империи. Недаром же, когда наследник трона собирается вступить в брак, для него со всех концов державы на специальные смотрины свозят первых красавиц Византии. И это закон, это обязательно! Даже сам Константин, когда его сын Роман выбрал Феофано – ее тогда звали Анастасо, – дал согласие на этот брак, ибо Анастасо дивно прекрасна, как и положено супруге правителя ромеев. И вот теперь он сам хочет иметь рядом прекрасную женщину... императрицу, гордость империи! И он будет на этом настаивать! А Елена... Она уже свое отцарствовала. Ее надо постричь в монахини, отправить в одну из отдаленных обителей.

Он говорил все тем же тяжелым, прерываемым одышкой голосом. А в глубине души понимал, что поступает некрасиво, неправильно и жестоко. Елена долгие годы была его близким другом. Но она уже так стара... А от Эльги веет страстью, жизнью, наслаждением... Мысли императора стали путаться, как путались обычно, когда он вспоминал архонтессу. И он почти с трудом заставил вслушиваться в то, что говорил Полиевкт.

А тот объяснял, насколько непросто будет императору разойтись. Ведь развод допустим

только при определенных условиях, перечисленных в законе: прелюбодеяние жены, невозможность супруги выполнять свои супружеские обязанности, злоумышление одного из супругов против другого. Надо учесть и то, что византийское право восхваляло брак как великий и ценный дар Божий, который надо всячески беречь, и, напротив, право не допускало второй брак после развода и только терпело его в случае смерти одного из супругов. При этом патриарх напомнил, как некогда трудно было заключить брачный союз с матерью самого Константина его отцу Льву и как позже, когда Константин осиротел, это использовали его соперники, доказывая, что он незаконнорожденный и не имеет права на трон. Поэтому пусть августейший поймет, что может случиться, если он будет упорствовать, добиваясь развода. Даже если намерен поразить весь мир, сделав своей супругой новообращенную Эльгу Русскую!

Полиевкт умолк, давая императору понять, чем для него может это обернуться. Ведь заговоры и свержения базилевсов не были чем-то необычным под сводами Палатия.

– Но я люблю ее! – вскричал Константин, даже рванул мантию на груди, будто задыхался. – Я не могу жить без нее. Я погибну, мне она дороже спасения души! И я настою на своем, чем бы мне это ни грозило! Я против всего мира пойду!

Он повернулся и зашагал прочь, почти налетел на одну из колонн, застонал, потом закричал и побежал, расталкивая ошеломленных палатинов, словно врагов. Даже рычал от переполнявших его чувств.

«Помоги ему, Господи! – перекрестился Полиевкт. – Боюсь, я и в самом деле готов поверить, что его околдовали. С этими язычниками русами такое и впрямь возможно».

А еще он подумал, что надо отправить одного из своих людей на Принцевы острова. Там, на Принкипосе, близ обители Святого Георгия, живет святой отшельник Евсевий, и, как докладывали Полиевкту, он умел снимать порчу и колдовство. К тому же, как поговаривали, он сам является выходцем из далекой варварской Руси. Но в любом случае надо, чтобы блаженный Евсевий разобрался, что за странное наваждение нашло на базилевса ромеев.

Глава 15

Ольга проснулась и долго лежала, глядя на блики света под сводом выбеленного до голубизны потолка. Вспоминала вчерашнее и думала: не привиделось ли во сне? Могло ли такое быть явью? Она подняла руку, на которой сверкал алый рубин императора, подтверждавший его особую милость к ней. Выходит, и впрямь Константин Багрянородный предложил ей стать его августой? Вот так взял и пожелал.

Ольга села на ложе, перебросила на грудь разметавшуюся косу, привычно стала переплетать, а сама задумалась тревожно. Было что-то не так в странном и неожиданном влечении к ней Константина. Княгиня это не столько чувствовала, сколько догадывалась, замечала по его поведению в некоторые моменты. И от этого становилось не по себе. Но если все же поверить, что ромейский император и в самом деле воспылал к ней поздней страстью, то тут надо обдумать все.

Пожалуй, чего-то подобного она ожидала. Нет, отнюдь не брака, не замужества и венца величайшей державы в мире. Ждала и опасалась, что то, что кроется в глазах Константина – его восхищение, его призыв, его мольба, – однажды обратятся в признание. И вот он сказал... Почти повелел, как и положено властителю. И как ей теперь быть? Однако полно, как такое возможно? Сегодня они встретятся, и оба поймут, что это было лишь миг, краткая слабость. Но если Константин действительно потребует от нее ответа?

Она вспомнила самого императора – непререкаемое величие и стать. Он уже не молод, но и она давно не девчонка. А Константин по-своему даже привлекателен. Поначалу он казался ей суровым, мрачным. Не забыла еще, каким был, когда вопрошал ее о волшебной воде: будто милость оказывал, нисходя с высот державных, даже губы презрительно кривил. А потом выпил чародейскую воду... и выиграло в нем ретивое. И очи темные огнем вспыхнули, румянец на щеках заиграл. Моложе он, конечно, выглядеть не стал, но ведь и не ожидала чего-то подобного. И все же его внимание и расположение Ольге льстило. Да и сам Константин теперь не казался таким неприятным и чужим. Вон каким приветливым был при встречах, они вместе смеялись, он катал ее на ладье по морю, и улыбка его при этом была такая хорошая. Не трудно представить, как пригож базилевс был в свою лучшую пору. Да и ныне Константин интересный мужчина. Даже его седина в темной гриве слегка вьющихся волос будто не годов, а значительности ему придавала, темные густые брови подчеркивали выразительность глубоких глаз. И холеный весь такой, величественный. Император, одним словом. И стать подле такого...

Да при чем тут Константин? Главное – какова честь! Для самой Ольги, для ее страны. Какие возможности! Стать владычицей великой державы! Ах, как бы она Руси тогда помогла! Сколько бы для своих сделала! Если Русь станет союзницей Византии, если струги пойдут сюда караванами... Все о Руси заговорят! Да и сыну цесаревну Ольга тогда обязательно сосватает – и не важно уже будет, согласится ли Святослав креститься или нет. Вон Константин только и говорит: «Что пожелаешь».

От этих мыслей сладких княгиню отвлек голос заглянувшей в опочивальню услужливой боярыни.

– Матушка княгиня, чай, вставать пора. Вон наши уже и в церковь сходили, успели и возвратиться, а ты все спишь. Во дворец-то идти надо? Какое платье прикажешь подать?

Ольга пожелала облачиться в зеленую, расшитую серебристыми голубями далматику: зеленый цвет в Византии символизировал цветение и надежду. На плечи и голову княгиня накинула шаль морского оттенка, широкую, шелковистую, с узорчатой волнистой отделкой по краю. Ну и серьги в виде соцветий с легкими подвесками, браслеты звенящие, обязательный перстень с алым камнем на указующем персте – в Византии ни одна уважающая себя женщина не выходила из дому без украшений.

Когда примеряла высокую, украшенную самоцветами шапочку с плоским, зеленого бархата верхом, в покои без стука вошел Свенельд. По сути ворвался, оттолкнув прислужниц, сам смотрел гневно. Ольга чуть повернула голову. Ишь, тоже разряжен византийским щеголем. Сапожки белого бархата с узорами, светлый плащ на плече

сверкающим синим камнем сколот, такие же камни блестят на его поясе, охватывающем затканый узором из грифонов лиловый скарамангий. Да, все они тут оромеились, даже у Свенельда, так долго не признававшего византийские обычаи, и у того волосы напомажены и гладко уложены назад, так что остается открытым чело. Может, потому и заметно, как гневно нахмурены его брови, как остро сверкают глаза.

Игнорируя его гнев, Ольга заговорила нарочито медленно:

– Это на пир к Никифору Фоке ты так нарядился? Добро. Пусть видят, что и мы с их обычаями считаемся, что не варвары дикие.

– Да мне плевать, что они подумают! А ты... Эй вы! – Он повернулся к хлопотавшим вокруг княгини женщинам. – Выйдите! Мне слово государыне надо сказать.

И едва за ними закрылась дверь, так и налетел:

– Что это тут поговаривают, что базилевс к тебе сватается?

– А ты и верь побольше.

Хотела спокойно сказать, но смешок невольный все же прорвался. Вот ведь ревнует. Хорошо!

Но отчего-то вдруг как холодом залилась душа. И подумала неожиданно: а как же я без Свенельда? Столько лет рядом, так привыкла опору в нем находить, да и приятна уверенность, что нужна ему, что любит и не предаст. Да, привыкла уже... Но разве привыкнет женщина к тому, что мила кому-то? Думала, что и любви никакой уже нет, а вот сейчас поглядела на него... И плакать вдруг захотелось.

Свенельд шагнул, упал у ее ног на колени, в глаза заглядывал. А у самого... то ли блеск острый, то ли и впрямь слезы.

– Скажи, утешь... Я тут, как буйный, мечусь, места себе не нахожу. Неужто ты...

– Ты подумай, какая честь в том для Руси!

– Какая к лешему честь! Ну да, Византия-то зеркало для целого мира, все ей поклоняются, все к ней спешат. Но ты, Ольга... Не оставляй нас! Ты подумай – Русь, наши дубравы, наши реки... наши люди. Ты столько для всего этого сделала, столько создала. И оставить все это...

– У меня сын есть взрослый. Он ныне князь Руси.

– Да твоему парню еще учиться и учиться! Конечно, он витязь и глава дружин. Слова против того не скажу, сам видел. Ну да ведь именно твоей работой и стараниями на Руси уже не только воины поднялись. Русь – это грады, дороги, торги, правда наша, по которой живем. Ты вон какую державу создала – той же Византии границами не уступит. И, создав все это, что же ты надумала? Кто сядет в думе вместо тебя, кто править такой огромной землей будет? Уж поверь – не Святослав. Не дорос он еще до мудрости. А кто ему подскажет? Да и сам он кого послушает, если не тебя?

– Он тебя послушает, – как-то тихо, не смея встретиться со Свенельдом взглядом, отвечала Ольга. – Ты всегда власти хотел, вот и получишь ее при сыне моем. Я за тебя слово замолвлю, да и сам Святослав понимает, что лучшего советчика ему не сыскать. Он поверит тебе.

– Мне? Да зачем мне любая власть, если тебя не будет рядом?

И вдруг вскинулся, схватил ее, прижал к себе, целовать стал...

Княгиня опешила, потом разгневалась, упираться начала. Да что это он!.. Будто теремную девку тискает. И она рванулась, занесла руку для удара, даже обожгло ладонь, так хлестнула по щеке. Потом еще раз, еще. Свенельд же не уворачивался.

– Ну бей, бей, хоть очи мне выбей, но только останься! Погибну ведь без тебя...

Рука княгини опустилась. А с ней и силы иссякли. Еле смогла произнести:

- Не отговаривай, Свенельд. Я и сама еще ничего не знаю...

- Знаешь! Знаешь, что на тебе ответственность великая. За дело всей своей жизни. За Русь и за нас... За меня.

Он взял ее лицо в ладони, смотрел, пожирал глазами. И опять поцеловал. Дерзкий, ох и дерзкий же! А ей и сладко. Пусть же целует. А потом... Никто еще не знает, что потом. А этот миг только их. Его и ее.

Ольга сама закинула руки ему на плечи, обняла. И волна пошла по телу. Что есть в мире слаще, что более необходимо, как не забыться в его руках! У его сердца. Это как порыв беспечной и радостной юности, о которой почти забыла.

Но миг забытья был краток: в двери опять стучали.

- Государыня! Тут от патриарха к тебе послынный. Говорят, что кличет тебя Полиевкт, беседовать желает. Так что передать-то?

Ольга высвободилась из рук Свенельда, оправила сбившуюся шаль, съехавшую на затылок шапочку надвинула плотнее.

- Пусть подождут!

Ну куда с такими пунцовыми после поцелуев губами выходить? Княгиня резко оттолкнула Свенельда.

- Погоди. Мне вот что сказать тебе надо. И это серьезно.

Они оба еще тяжело дышали, но Свенельд понял, что государыне и впрямь есть что поведать. За годы службы научился это улавливать.

Ольга же поделилась тем, о чем думала все это время: ей странным казалось, что Константин так переменялся к ней именно тогда, когда выпил живой чародейской воды. Конечно, люди меняются после того, как вольют в себя живительную влагу, да вот только Константин не просто оживился – он сосредоточил на ней все свое внимание, сделался любезен сверх всякой меры, она вдруг нравиться ему стала невероятно, и сразу же стал настаивать на новой встрече. Именно тогда у княгини впервые мелькнула догадка, что у него словно не жизненных сил прибавилось, а он попал под наваждение приворотного зелья. Ну, допустим, что живая вода его взволновала, что благодарен был и радостен, но ведь и позже император вел себя не как умудренный годами муж, а как юнак, какого впервые обуяли страсти Лады. Сказывала ведь уже Ольга Свенельду, что будто под мороком Константин. Будто приворотного зелья хлебнул вместо живой воды.

Свенельд слушал внимательно, но тут все же хмыкнул недоверчиво.

- Ну, подумай сама – откуда у тебя в ларце могло оказаться зелье приворотное? Или собой ты столь плоха, чтобы глянуться Константину? А приворотное зелье... Ты же его в ларец не укладывала? Нет. И никто не клал. Да и зачем брать в Царьград зелье приворотное? Ну, если, конечно, ты заранее не задумала пленить базилевса, а потом им вертеть, как пожелается.

Ольга даже руками замахала. Глупец! Разве она стала бы так рисковать? Или не ведомо ему, варягу, как опасно бывает приворотное зелье? Ведь насильственно привороженная любовь никогда никому добра не приносила. Такое чувство к беде. Уж Ольге то известно.

- Известно? – удивился Свенельд. – Да откуда?

Глаза княгини стали туманными, взгляд словно ушел в себя, и видела она нечто, только одной ей понятное.

- А вот и скажу тебе... Долго ведь в себе таила. Но все равно никому иному не доверюсь. А было это давно, так давно...

Она поглядела на Свенельда, вспомнила, что годами намного старше его, и, не упомянув

срока, поведала, что, когда Олег Вещий привез ее, еще Прекрасой называвшуюся, из-под Пскова в Киев для своего воспитанника Игоря, тот вдруг заупрямился, жениться не желал. А ведь именно он поначалу настаивал, чтобы ему сосватали некую Прекрасу-псковитянку, причем самого Олега сватом засылал. А как подошло дело к свадьбе да понял Игорь, что Вещий не спешит признать его и женатого взрослым, и власть княжескую не передаст, то любовь его в обиду и злость на невесту обернулась. Новобрачная же, к тому времени уже Ольгой назвавшаяся, была еще слишком молода и глупа, чтобы понять, что терпением и лаской можно приучить к себе мужа, вот и решилась к чародейству прибегнуть. Нашептали ей, где некий ведьмак проживает, и тот по просьбе молодой княгини приготовил ей приворотное зелье.

Ольга рассказывала все это запинаясь и словно через силу: как-то неловко было влюбленному в нее варягу рассказывать про ту старину глубокую. Да Свенельд и сам оборвал:

– Довольно, Ольга, хватит. Не к чему мне это все знать.

Но Ольга настояла. Ей нужно ему поведать то, что ее тревожит. Ибо тогда, после зелья приворотного, Игорь и впрямь воспылал к ней чувством великим. Все подле княгини своей быть хотел, ни на шаг не отпускал, а если самому уезжать приходилось, то даже хворать начинал, пока к ней не возвращался. Тогда же они и сына своего зачали, Глеба, который... Ну, неудачный, в общем, сынок у них вышел, будто нездоровая колдовская стать и его отметила неудачей. Ибо, как уже сказывала, навеянная чарами любовь больше зла несет, чем добра. Ну а Игорь потом, когда силы наваждения любовного истаяли, всегда к суложи своей подозрительно относился. Вроде и сроднились они за годы супружества, вроде и дела общие у них были, да только...

И опять Свенельд остановил признания княгини:

– Хватит, все понял уже. Говорю же – не надо мне этого знать. А что ты для Игоря значила, я сам видел... Да и все видели. Потому он ценил тебя и княгиню себе иную не заводил, понимая, что другой такой нет.

– Да не жалею ты меня! В другом помоги. Что, если и Константин так же? Ведь был же... ну ромей заносчивый, одним словом. А потом в единый миг вдруг без меня ему обходиться трудно стало. Приворотное зелье, оно знаешь какое? Кто рядом будет, когда его выпьешь, того и полюбишь. Но любовь эта будет горькая и... недолгая.

Показалось или нет, но Свенельд как будто вздохнул облегченно. Даже улыбнулся.

– Ну, раз так, то и базилевса вскоре попустит.

Этому все одно – только бы ладу у него не увели.

– Да ты пойми, голова буйная, что нездоровая это любовь. Она как добро может принести, так и во вред пойти. А тогда Константин и возненавидеть может.

– А если все же никакого приворотного зелья не было? Ты у нас вон какая... – Он отступил, окинув ее с головы до ног оценивающим мужским взглядом. – Да такую красу среди смуглянок их ромейских еще поискать надо!

Все же с влюбленным непросто о делах разговаривать. Вот была бы Малфрида рядом, Ольга бы с ней посоветовалась. Да где та Малфрида? Свенельд и по сей день ее разыскивает, повелел своим людям спрашивать о ней по рынкам и форумам Царьграда, не слышал ли кто о чародейке, которую тут дьяволицей называют. Однако вестей не было. А ведь до исчезновения Малфрида была единственной, кто подле ларчика с чародейской водой находился, оберегала его волшебством от христианской силы и приглядывала, чтобы никто к нему не касался. После уже Коста чародейскую воду охранял, ну да Коста не той силы кудесник. Да и странный он какой-то.

Княгиня сказала Свенельду, что волхв тоже тогда пил припасенную для базилевса воду и тоже как будто разумом помутился. Услышав это, варяг стал серьезен. Что с Костой не все в порядке, он тоже заметил. Тому в последнее время только и желанно, что на княгиню глянуть, все крутится на подворье, ждет, когда она придет, торчит под ее окошком да смотрит собакой преданной... или ополоумевшим от любви

воздыхателем.

– Ну, допустим, что в ларце была не чародейская вода, а зелье приворотное, – задумчиво произнес варяг. – Может, это Малфрида подшутила так? Она баба резкая, непредсказуемая.

– Но умом-то пока не тронулась! – Ольга даже обиделась за свою чародейку. Однако у самой мысли всякие пошли, глупые, бабские: а что, если Малфрида и впрямь зелье подменила? Ну, того же Свенельда приворожить хотела. Хотя нет, как чародейка, она понимает, что приворотное зелье только гибельную любовь несет, вот и не решилась бы. А если Константина таким зельем опоили... если учесть, что и с Костой творится непонятное, то и впрямь похоже. Выходит, что Ольге не радоваться дурманному расположению императора надо, а опасаться того, что за этим последует.

Княгине уже пора было отправляться к патриарху, и она решила посоветоваться со святейшим. Полиевкт казался ей человеком мудрым и расположенным к ней. Хотя бы уже потому, что надеялся обратить ее в христианство. И, признаваясь самой себе, Ольга понимала, что и в самом деле готова пойти на этот шаг. Даже прежде чем отправиться к его святейшеству, она решила посетить храм Влахернской Богородицы. Смотрела на ее икону, а сама думала: услышит ли ее, некрещеную, христианская богиня? Или она помогает только мольбам своих? Но ведь говорят, что она милостива и искренне верующему да дано будет. И Ольга молилась так искренне и пылко, как и к Макоши славянской не обращалась. Ибо когда человеку трудно, ему нужно обратиться к чему-то или кому-то мощному, непостижимому и великому, кто поможет.

Когда княгиня выходила из храма, то сопровождавший ее отец Григорий произнес умильно:

– Благо тебе, княгиня пресветлая. Благо, что душа твоя растворяется в истинной вере. И я верю, что с Божьей помощью ты минуешь все соблазны и ловушки, уготованные тебе судьбой.

Что ж, видать, и Григорий о чем-то проведал. Впрочем, шила в мешке не утаишь. Посмотрим же теперь, что ей патриарх скажет.

Полиевкт не стал долго ходить вокруг да около и сразу перешел к делу. Причем так и сказал, что то, на что, по его разумению, надеется русская архонтесса – то есть неслыханное возвышение по воле влюбленного в нее императора, – по сути невозможно.

– Вы мудрая женщина, госпожа Эльга, – говорил патриарх, прохаживаясь по темным и светлым ромбам мраморных полов и перебирая зернышки четок. – И наверняка, прежде чем отправиться в далекую для вас Византию, изучали как наши обычаи, так и то, что происходит при дворе наших владык. Поэтому я не сообщу для вас ничего нового, если скажу, что не так уж много наших правителей благополучно царствовали до седых волос, охраняемые как своим высоким положением, так и молитвами наших священников. Увы, такова расплата за власть, и императорам порой приходится платить слишком высокую цену, если они оступаются и действуют вопреки соизволению Божьему. Кто из нас, смертных, может предугадать это соизволение? Пути Господни неисповедимы. Однако есть законы, какие возбраняется нарушать и венценосцам. И один из таких законов, законов, охраняемых самой Церковью, – поднял он указующий перст, – это закон нерушимости брачного союза.

Он взглянул на Ольгу, но она скромно молчала, и тогда Полиевкт сказал, что предложение соединиться браком с Константином не только богопротивно, но и может вызвать смуту в государстве.

– Бесспорно, Константин, прозванный Багрянородным, весьма почитаем в нашей державе, его любят и уважают. Он мудро правит, дает немало льгот жителям столицы, подбирает себе на службу мудрых и толковых помощников. Но вокруг него всегда есть слишком влиятельные лица, какие не только не поддержат Константина, если он оступится, но и будут рады свергнуть его, если он станет попираť основные устои державы.

«И одним из таких людей, – подумала Ольга, не сводя глаз с рубина на своем пальце, –

есть не кто иной, как вы, владыко».

Однако он назвал других людей: во-первых, Роман, наследник и соправитель отца, который по закону может сместить родителя, если тот будет признан невменяемым, – а именно так сейчас говорят о Константине. Во-вторых, сама августы Елена, которая может составить заговор против мужа, если почувствует, что ее положению что-то угрожает. Несомненно, императору предан первый полководец империи Никифор Фока, однако сам Никифор слишком популярен, чтобы не воспользоваться моментом при смене власти и самому не пожелать облачиться в пурпур правителя. И его поддержит племянник Иоанн Цимисхий. Это уже не говоря о влиятельном и заботящемся о порядке евнухе Иосифе Вринге и о самой Церкви, которой надлежит улаживать дела мирян, когда они отклоняются от Божьих заповедей.

Итак, он все же намекнул и на себя. И тогда Ольга сказала, что базилевс заговорил с ней о возможности брака только после того, как она сообщила о том, что готова принять святое крещение.

– А вы и впрямь готовы? – восхищенно вымолвил Полиевкт, и глаза его засветились надеждой.

Ольга подумала, что этот человек, как бы ни был поглощен делами правителей, все же остается надежным духовным пастырем, и это еще больше расположило ее к нему.

– Вы и впрямь готовы креститься, дитя мое? – приблизившись к ней, повторил свой вопрос Полиевкт. – Тогда я скажу от чистого сердца: «Слава Господу!» Но готовы ли вы? Посещаете ли храмы?

Княгиня вдруг разволновалась. Разговоры о ее крещении велись с ней все то время, что она находилась в Царьграде. Однако именно теперь, когда она была готова согласиться, Ольга вдруг поняла, на какой важный шаг решается. Княгиня вспомнила, какое волнение ее охватывало в храмах, как она слушала дивные песнопения и непонятные ей, но зачаровывавшие слова службы, как душа ее успокаивалась и она будто пребывала в некоем спокойном созерцании. Но при этом у нее порой возникало сильнейшее желание воспротивиться всему этому и уйти. Пару раз она и впрямь уходила. Однако когда оставалась... И живой воды не нужно было, ибо тогда она чувствовала себя неожиданно сильной и какой-то радостно спокойной. А ведь она не была христианкой, но все же ощущала силу иной, более могучей и сплоченной веры. Ну а ее старые боги? Привыкла ли она к ним за долгие годы своего княжения? Стали ли они казаться ей обыденными, когда душа желала чего-то иного – более возвышенного и близкого? Душа человека всегда находится в поиске, пока он жив. Вот и Ольга неожиданно для себя пожелала принять того Бога, который как-то незаметно, но уверенно вошел в ее душу. Да, она была мирянкой, да, жила в хлопотах и суете, однако сама не заметила, как все чаще стала обращаться именно к тому, кого христиане считали Творцом и Создателем.

– Да, авва, я посещаю храмы, – произнесла она и поглядела прямо ему в глаза. – И я готова креститься.

– А известны ли вам святыя таинства? Те священнодействия, в которых происходит встреча Бога с человеком наиболее полно, насколько это возможно в земной жизни?

– Да. Священник Григорий, мой учитель, обучил меня всему.

Неожиданно для себя Ольга воодушевилась, стала перечислять: итак, святыя таинств семь – крещение, миропомазание, причащение, евхаристия, покаяние, елеосвящение, брак...

Тут она запнулась, с неким потаенным трепетом понимая, на какой грех может пойти Константин, если надумает разрушить свой союз с венчанной женой Еленой. И пойти под воздействием чар – почему-то сейчас она в этом не сомневалась. У нее даже глаза вдруг наполнились слезами. И Константина стало жалко, и себя.

– Послушайте, владыко, но ведь если я приму святое крещение, августейший будет настаивать на разводе с супругой и бракосочетании со мной. Он сам так сказал. – И почти с вызовом взглянула на Полиевкта. – А вы готовы крестить меня, если

следствием появления новой христианки могут стать волнения в Византии? К тому же, какова бы я ни была, но отвечаю за свою державу. А обиженный отказом Константин не будет добр к моей стране. Как же мне тогда быть?

Руки патриарха задрожали, заиграли блики на зернах его малахитовых четок, качнулся висевший на них крест. Ольга же напряглась, понимая: от этого человека зависело ее будущее. Она так и решила про себя: «Если Господь хочет, чтобы я стала христианкой, этот близкий к власти церковник решится на ту опасность, какая следует за моим крещением. Если нет...» Ей стало очень горько от этого «если нет». Но впервые в жизни твердая и умеющая использовать любую ситуацию выгодно для себя княгиня решила довериться руке Провидения.

Лицо Полиевкта стало таким бледным, что, казалось, он сейчас упадет. Но он только сказал:

– Мне надо помолиться Господу.

И вышел.

Ольга ждала. Долго. Постепенно нахлынувшее на нее смятение стало проходить. Она опять вспомнила, как опоила Игоря приворотным зельем, как умело использовала свое влияние, чтобы добиться при нем положения единственной жены. И как позже она мстила за его смерть, как погубила посольства древлян – одно было заживо закопано по ее приказу в землю, других послов сожгли в бане. Вспомнила, как страстно она радовалась, когда лилась кровь погубивших ее мужа древлян, как она не пожелала никого миловать, когда с помощью птиц подпалила их град Искоростень. Скольких же старейшин древлянских она предала казни, скольких обрила и продала в неволю! И даже все, что она позже сделала для этого племени – мостила дороги, открывала торги, вводила разумные законы, – все это не изменит нанесенного ею ранее зла. Ну а потом? Как властно и непреклонно она показывала свою волю на Руси, как лишала влияния отдельных князей и бояр, где силой, а где хитростью подчиняя их себе. Вон недавно Свенельд упомянул, сколько она сделала для Руси. Но не уточнил, *как* она это сделала. И, может, поэтому нет ей успокоения, может, поэтому она порой и просыпается по ночам от собственного крика.

Священник Григорий как-то сказал ей, что зачастую многое ценное в этом мире перемешано с грязью. Но в этом мире наложенных на человека испытаний иначе и быть не может. Однако надо помнить, что и золото вымывают из грязи. В понимании же Григория золотом было то, что его княгиня не принимает как должное обычные среди варваров законы прославления победителя, а... испытывает раскаяние о содеянном. Значит, душа его языческой ученицы еще не утратила надежду на спасение. И сейчас, когда Ольга пребывала в раздумьях, а патриарх молился за нее, она поняла, что ей – именно ей самой! – надо решить, пойдет ли она дальше уже проверенным путем, сея страх и раздоры между своими соперниками, дабы оставаться сильной и удержаться наверху, или она будет править... Как Григорий тогда сказал? Будет править с Божьего соизволения.

Волнение Ольги усилилось. И ей, обычно спокойной и трезвомыслящей, всегда изыскивающей полезную для одной себя выгоду, это состояние было непривычно. Но одно она поняла: что бы ни решил, исходя из сложившейся ситуации, Полиевкт, она все одно примет новую веру. Ей без этого нельзя. Невозможно. Ей нужно это покаяние, чтобы не жить с той скверной, какая накопилась в душе.

Полиевкта все не было, и Ольга, устав ждать, решительно шагнула к двери. Но не успела она распахнуть тяжелые створки, как встретила с патриархом лицом к лицу. Он улыбался.

– Да свершится воля Божья! – торжественно и в то же время радостно произнес он. – Ты будешь крещена, Эльга Русская! Но перед тем как сообщишь об этом базилевсу, поставишь ему одно условие.

И в его только что лучившихся радостью глазах появилась некая хитринка.

Базилевс волновался, потому что Ольга все не приезжала в Палатий. Встреча с ней была ему нужна, как воздух, как глоток свежей воды, ибо он почти изнывал в том враждебном

окружении, в каком неожиданно оказался. Они все были против него: рыдающая Елена, возмущенный сын Роман, даже гневно топнувшая ножкой Феофано, никогда бы не вошедшая в императорскую семью без его милостивого соизволения. Константина увещевал мудрый евнух Иосиф Вринг, грубо выговаривал ему Никифор Фока. Еще не появился патриарх, осуждения которого верующий Константин ожидал и страшился. Но отступать он не собирался. Даже уже подумывал, как и с кем станет говорить, кого чем подкупит или устроит, когда начнет настаивать на своем решении сочетаться браком с архонтессой. Но одно не давало ему покоя: почему не едет сама Эльга? Несмотря на всю важность и уверенность в своей богоизбранности, император уже готов был сам отправиться в предместье у монастыря Святого Маманта и требовать от нее ответа.

И тут наконец доложили, что русская княгиня прибыла в Палатий в сопровождении Полиевкта. Это обрадовало Константина. Если Эльга вместе с патриархом, значит, она и впрямь готова принять христианскую веру. И это почти знак, что она согласна стать его супругой.

Император пожелал лично встретить архонтессу в дворцовом вестибюле Халки – в этой большой приемной, являющейся главным входом в Палатий, где высокий купол был украшен цветными мозаичными изображениями великих правителей прошлого, капители поддерживающих колонн были позолочены, а стены отделаны пластинами слоновой кости. И тут он увидел идущую ему навстречу в развевающихся и мерцающих украшениях одеждах красавицу Эльгу, залюбовался ее покачивающимися при ходьбе длинными косами до колен, встретил взгляд ее огромных серых, как дымок благовоний, глаз. Константин даже не позволил ей приветствовать его полагающимся поклоном. Сам шагнул навстречу, взял ее за руки и произнес:

– Достояна ты царствовать с нами в столице нашей!

И почти с вызовом взглянул на стоявшего немного позади княгини Полиевкта. Но тот смолчал. Зато Ольга отвечала громко, но твердо:

– Я язычница. И чтобы встать вровень с тобой, мне надо принять христианскую веру.

– Конечно, конечно, – закивал Константин, задыхаясь от охватившего его счастья. Воистину он мог дышать только подле этой женщины.

А она – все так же громко, чтобы слышали все находившиеся под куполом Халки, – добавила:

– Если хочешь крестить меня, то крести сам – иначе не крещусь!

Полиевкт смотрел на бурно соглашающегося Константина и по-прежнему молчал. Только улыбнулся слегка в густую седую бороду.

Глава 16

То, что княгиня решила принять святое крещение, как ни странно, мало кого обескуражило среди ее окружения. Похоже, все давно уже сжились с этой мыслью, это не казалось чем-то дивным здесь, в Царьграде, где русские гости воочию видели силу и престиж христианской веры.

– Наверное, это разумное решение, – сказал Ольге Свенельд, когда она сообщила, что через пару дней станет новообращенной христианкой. – Думаю, иначе у нас с ромеями и не сладилось бы. Они изначально хотели этого.

– Ты не понимаешь, Свенельд! Это я сама решила, это только моя воля, мое человеческое желание, отнюдь не навеянное выгодами!

Свенельд опять кивнул, думал о чем-то своем, и Ольга поняла – он волнуется. Ведь ничего не знает о том, что они задумали с патриархом. Когда же Ольга, притянув своего воеводу за ухо, тихо, чтобы никто не слышал, пояснила ему задуманную ими с Полиевктом хитрость, Свенельд только и молвил:

– И что, это подействует на него? Ну-ну.

Но глаза его засветились хитрым весельем, он даже подмигнул княгине.

– А говоришь, что это только твое решение – веру поменять. Я уже думал, что это жизнь ромейская тебя так изменила. А выходит, ты о нуждах своей державы заботишься.

Только так он это принимал. Ольга не стала ему больше ничего говорить. Да и что скажешь, если варяг лишь громко расхохотался, когда она намекнула, что было бы неплохо и самому Свенельду прийти к купели. Но потом он стал мрачен.

– Мало того что я тебя чуть не потерял, лада моя, так я еще и веру свою должен оставить? Нет, государыня, пусть и пришлось мне со страхами разными на Руси столкнуться, да только сам я против них выстоял, помощи ни у кого не просил. Вот и под защиту Бога христиан не пойду.

Ольге было грустно, хотелось переговорить со Свенельдом, сказать, что для души вера христианская надежнее, если и впрямь мира с собой хочешь. Надо ведь просто поверить... Да как такое объяснишь, если сам не прочувствуешь? Хотя вон иные из ее людей радостно согласились креститься, были оживлены, даже веселы. Однако нашлись и такие, кто, наоборот, помрачнел, стал упорствовать, озлился. Ну да священник Григорий никого не упрашивал, он еще ранее присмотрелся, кто уже проникся верой, а кого и просить не следовало. Поэтому он внес в определенные списки только тех, кто сам выказал желание. А вот с купцом Сфирькой, какой тоже хотел пройти обряд крещения, Григорий даже заспорил.

– Что же ты удумал, шельмец! Ведь крещеный уже...

– Крещеный, да не в самой Софии Великой. Мне же любо именно в главном храме ромейском креститься, чтобы красота вокруг была, чтобы ладаном пахло и хор гремел. Вот тогда, может, и уверую... Ну, воистину уверую.

И Сфирька был не на шутку обижен, когда Григорий наотрез отказался вновь отправлять уже крещеного боярина, раба божьего Мирона, на новое крещение. Строг он в этом был страсть как.

Еще заупрямился против крещения волхв Коста. Ну да с Костой Ольге в последнее время было и так трудно. И если она еще порой сомневалась насчет того, поддастся ли приворотному зелью Константин или нет, то уж Коста воистину был одурманен чарами. Причем, будучи волхвом, сам осознал это.

– Морок на мне – я это сразу учуял. Но сладкий морок. Как же я от него откажусь, если душа моя, столько лет живущая словно под гнетом, вдруг возрадовалась той великой тайне, какую ныне сердце мое обрело? И если ранее, государыня, я жизнь тебе посвящал из одной лишь преданности, то делать трудное дело для лады моей мне слаще, чем мед свежесцеженный, радостнее, чем песня звонкая.

– Да ведь морок любовный пройдет однажды, – пыталась напомнить ему Ольга. – И тогда...

– Я знаю, что тогда. Тоска у меня будет и горечь. Но разве не так я и жил ранее, когда превращал себя в хана печенежского да обитал среди чужаков? Зато когда сойдут чары приворотные, мне будет что вспомнить. Но только ли вспоминать буду? Ты ведь красавица, Ольга Киевская, ты достойна того, чтобы полюбить тебя... служить тебе верно. И для тебя, и для Руси нашей!

«Ну и пусть таким остается», – решила Ольга, отпуская волхва. Ведь ей нужны верные люди, на них ее держава держится. И Коста ей еще послужит.

А вот прибывшие с Ольгой княгини городов русских почти все согласились принять крещение. Долхлаба и Божедарка давно привыкли посещать храмы, в душе уже готовы были обратиться в новую веру, а Милослада Смоленская даже спрашивала – мол, позволительно ли ей будет потом, когда крестится, принять сватов от византийца знатного? Ольга ахнула, проведая, что ни много ни мало сына самого градоначальника эпарха умудрилась пленить смоленская красавица. Ну а насчет брака... Тут все же надо было спросить воли родителей княжны. Так что не прост будет путь Милослады к брачному обряду с полюбившимся ромеем. И все же надежда есть, и куда большая, чем ежели она останется язычницей.

Зато княгиня Тура Полоцкая даже разгневалась на предложение поменять веру, слышать об этом не желала, стала держаться в стороне от других. Те вон все больше имена себе христианские выбирали да обсуждали: кому-то имя Зинаида понравилось, кому-то Варвара, кто выбрал имя Феодора, чтобы почти как базилисса греческая себя ощущать. А вот кто удивил Ольгу, так это невестка ее Сфандра, жена Глеба. Со стороны глянуть, так именно Сфандра, казалось бы, должна была дольше иных сопротивляться: муж ее давно христианской верой проникся, вел жизнь целомудренную, с женой держался остононь, и люди поговаривали, что это попы Глеба от жены отвалили. Но Сфандра давно с этим свыклась и за невнимание платила мужу тем, что любила с кем захочется, вернее, кто подвернется. Она и тут, в Царьграде, все больше по ночам пропадала, лишь к утру ее видели, сопровождаемую то ромеем каким, то латинянином заезжим. Ольга на такое ее поведение давно рукой махнула: если жизнь с мужем не удалась, пусть хоть с любовниками утешится. А тут вдруг Сфандра стала искренне каяться, о грехах своих твердить и, казалось, только и ждала, когда крестится и замаливать былое начнет. Притворяется? Ольга переговорила о ней с Григорием, но священник сказал, что давно наблюдал за невесткой княгини и пришел к выводу, что ее раскаяние и желание начать с крещением новую жизнь заслуживают доверия. Ведь Сфандра давно не находила себе места в жизни: бесплодная, нелюбимая, ничья по сути... А об одной кающейся грешнице на небесах более радости, нежели о девяти праведниках, не нуждающихся в покаянии. И он поведал княгине притчу о заблудшей овце. А еще Григорий рассказал ей о любимом ученике Христа Андрее Первозванном. О том, что, как гласит предание, Андрей некогда побывал на берегах Днепра, восходил на холмы, где позже появился Киев, но уже в свой приход Святой Андрей предрек славу великого града, предсказал и благодать Божью на все эти земли до самой Ладоги северной...

Ольга замирала, слушая эти рассказы, а самое главное – она в них верила. Ей казалось странным, что она, обычно ко всему относившаяся с трезвой оценкой и сомнениями, вдруг так прониклась этими рассказами, так жадно слушала. Да уж, воистину душе нужно во что-то верить. Это и успокаивает, и умиротворяет, и радость несет. Уходили сомнения и тревожные терзания, княгине становилось спокойнее, она осознавала важность принятого решения. Так что когда Ольга во главе своего посольства прибыла в назначенный день в храм Святой Софии Премудрости, у нее такое чувство было, словно вот-вот свершится то, чего она так долго ждала. Наконец-то!

В огромном соборе горело множество свечей, их отблески играли на гладком полированном мраморе стен, на стройных рядах колонн, отражались на многоцветной смальте мозаик. Своды сверкали от сияния канделябров и серебряных лампад, висевших на бронзовых цепях. Легкий ароматный дым ладана уплывал вверх, где в невообразимой высоте будто парил в поднебесье огромный купол Софии.

В какой-то момент Ольга увидела императора Константина, но поспешила отвести глаза. Не нужно сейчас... Никаких лишних мыслей, когда она пришла к самому Богу... Когда

хочет остаться с Ним, чтобы полностью проникнуться Его истиной и милосердием... Оказывается, даже правителям необходимо милосердие Божье... Ольге было дивно, как ранее она жила без этого. Столько несла на себе, столько таила в сердце, столько на себя взяла, и все вокруг расценивали это как должное... Ей же нужно было, чтобы ее приняли и поняли. Как может принять и понять только Он.

Вокруг стояли какие-то люди, но Ольга смотрела только туда, где в вышине парили образа Спасителя и Его Божьей Матери. Не на императора на троне глядела, не на патриарха и клир в парадных одеяниях, а вверх. Голова слегка кружилась, гулко билось сердце.

Мелодично и четко звякали кадила, взлетая в воздух на тонких серебряных цепочках. Вся священная утварь, сосуды, чаши, кресты, ковчеги – все было из чистого золота и ослепляло сверканием дорогих камней. Громко и торжественно звучал хор:

– Господи, спаси! Господи, спаси! Господи, спаси!

И Ольга тоже повторила это: «Господи, спаси, не оставь».

Патриарх стоял на горнем месте, благословляя собравшихся.

– Мир всем!

– И духу твоему! – отвечали в храме.

Литургия подходила к концу, близился обряд крещения. Ольга увидела направившегося к ней патриарха.

– Готова ли ты, чадо?

– Готова, владыко.

Темные глаза Полиевкта излучали тепло, когда он спросил:

– Известно ли тебе, дочь моя, что действие таинства совершается самим Господом Иисусом Христом, а священники лишь исполняют волю Его?

Ольга кивнула.

– Я ведаю сие, владыко.

– Тогда учти и помни, что благодать таинства сообщается в зависимости от веры. Веруешь ли ты?

– Да, – почти выдохнула Ольга, ощущая такое волнение, такой трепет, будто она вмиг опять стала юной и неискушенной, будто только теперь она и начинала жить. Это было страшно, это было упоительно!.. Это было ее начало!

Полиевкт видел, что княгиня дает заученные ответы с тем трепетом, какого он и ожидал. Конечно, она согласилась на обряд отчасти из государственных побуждений, и Полиевкт не мог ее за это осуждать. Главное он видел в том, что русская Эльга не таится, стоит перед ним с распахнутой душой, готовая всем сердцем принять веру. И патриарху стало немного не по себе, оттого что именно она, язычница и иноземка, сейчас более чистая и искренняя, чем он, все еще вспоминающий то, что наказывал ему перед службой взволнованный Константин:

– Архонтессу наречешь во Христе Еленой. Так будет лучше. Пусть одна Елена заменит на престоле иную, и пусть это никого не смутит. Елена была – Елена и осталась императрицей. А пока эта весть распространится по столице, пока дойдет до окраин империи, пока мои подданные разберутся, что эта уже не та женщина, пройдет достаточно времени, чтобы что-то менять. Я же получу ту, которую возжелал превыше всего на свете!

Почти безумные слова... Но Полиевкт делал вид, что на все согласен. Так и надо держаться, чтобы они выиграли этот шаг, чтобы дали понять Константину – то, о чем он мечтает, – невозможно!

«И отчего мешкает с приездом святой отшельник Евсевий?» – думал Полиевкт. Он понимал, что Константин разгневется, когда поймет их с Ольгой хитрость. И нужен был кто-то, кто повлияет на императора, кто успокоит... и снимет с ранее столь мудрого и богобоязненного базилевса это наваждение любовного безумия. Патриарх вспомнил чьи-то слова, что любовь – это расстройство ума. Уж с Константином Багрянородным это воистину так.

Вот о чем думал Полиевкт, когда задавал новообращенной положенные вопросы: знает ли она десять Божьих заповедей и Символ веры? Слышала ли о Нагорной проповеди? Она отвечала правильно, без запинки. И покорно протянула Полиевкту руку, когда он повел ее вокруг купели. Ольге еще ранее сказали, что ей оказана честь быть крещенной в императорской купели, но она почти не думала об этом, когда две прислужницы сняли с нее одежды, оставив лишь в одной тонкой рубашке, когда ее косы упали на спину из-под снятого венца и легкого покрывала. Патриарх снова взял ее за руку и подвел к ступеням купели, побуждая войти. Она вошла по грудь. Замерла, ощутив, как на голову легла легкая ладонь Полиевкта, он немного надавил ей на темя, и Ольга подчинилась, трижды погрузившись в воду. Лицо ее стало совсем мокрым, слезы смешались с влагой. Она едва различала голубой дымок фимиама, поднимающийся из кадилиц, все вокруг плыло и мерцало, создавая ощущение волшебства... нет, не волшебства, а чего-то необычного, поразительного, нереального... Ольга едва могла различить проступающие со сводов и колонн фигуры Бога и Богородицы, ветхозаветных героев и святых мучеников...

– Нарекаю тебя именем Елена, – громогласно произнес Полиевкт, и Ольга, неожиданно вздрогнув, бросила вопросительный взгляд на патриарха. Он же продолжил: – Это гордое и славное имя. Его носила мать императора Константина Великого, которая стала первой царственной христианкой в империи, нашла и принесла подданным Животворящий Крест Господень. Это имя тебя обязывает ко многому, новообращенная Елена. И ты также неси свет и истину веры смертным, дабы прозрели они и поняли величие Создателя нашего. Поступай же, как святая Елена, радей об укреплении христианства, где бы ты ни жила. Аминь. – Полиевкт глубоко вдохнул и вывел Ольгу из купели.

Тут же подошли знатные женщины, накинули ей на плечи богато мерцавшее покрывало, опустили на голову длинную вуаль. Ольга все еще лила слезы, ей было так легко, что она и подошедшему Константину улыбнулась радостно и светло. Он же обвел ее трижды вокруг купели, приговаривая при этом:

– Ты стала христианкой, Елена, ты умерла для жизни грешной и вошла в жизнь духовную, святую.

Сейчас он смотрел на нее без прежней жадной страсти, сейчас он был просто рад за нее.

У алтаря протодиакон, подняв большое Евангелие в золотом окладе, громогласно пропел:

– Прему-у-у-дрость!

И подхваченное всем клиром грянуло медленное:

– «Придите, поклонимся и припадем ко Христу...»

Император подвел Ольгу к образам и первый опустился на колени. Она последовала его примеру, а рядом стал молиться коленопреклоненный патриарх.

Это был торжественный, волнительный и радостный день. Ольга долго не могла опомниться, испытывая столь сильное потрясение, что все происходящее казалось ей каким-то зачарованным сном. Со стороны она казалась величественной и спокойной: сделала полагающийся вклад в храм Святой Софии, наблюдала за обрядом крещения своих людей, даже отмечала, как по-разному на них влияет это священнодействие: кто-то тоже начинал плакать, кто-то сиял радостной улыбкой, кто-то горячо молился, кто-то просто озираясь, не зная, что делать дальше. И только потом, когда они вернулись к себе на подворье Святого Мамы, все вдруг стали неожиданно веселы, смеялись, обнимались, ликовали. И тут же начали пировать: выносили столы, наливали чаши, обсуждали, кто что почувствовал. Люди смотрели друг на друга, будто пытались найти в старых

знакомых нечто новое, но не находили ничего удивительного и только больше радовались от этого, а потом начинали успокаиваться, говорили уже о насущном, о том, что пора возвращаться домой, пока не налетели осенние шторма, пока еще есть возможность добраться до Руси без опасностей для мореплавания.

Это же надлежало обсудить и Ольге в Палатии на другой день. Но прежде ей надо было сказать Константину то, что посоветовал хитрый и мудрый Полиевкт. По сути, Константин сам должен был догадаться об этом, но он так рвался к цели, что не особенно задумывался о последствиях, возникших после того, как он взялся лично принять Ольгу от купели. Поэтому, прежде чем переговорить с ним, княгиня долго молилась – искренне, с радостью, будто теперь у нее был могущественный советник, который подскажет и проведет мимо всех ловушек.

После молитвы, облегчившись сердцем, она прибыла в Палатий. Ее проводил к базилевсу угодливо кланяющийся логофет Иосиф, по пути льстиво сообщивший, что до ее крещения император считался крестным только у болгарских царей и что ей оказана особая честь. Это же заметил ей и цесаревич Роман, хотя и смотрел исподлобья, а царевна Феофано, поздравив новообращенную, даже прижалась щечкой к ее щеке и украдкой шепнула:

– Мы рады видеть вас сестрой во Христе, но на большее не рассчитывайте!

Они все отошли, когда приблизился император. Показалось Ольге или нет, но после ее крещения он уже не смотрел на нее столь плотоядно. Однако от планов своих не отказался. И многие могли расслышать, что он сказал русской княгине: даже если патриарх Полиевкт и слышать не желает, чтобы императрицу удалили из Палатия, он, Константин, изыщет способы освободиться от постылого супружества и по-прежнему надеется, что вскоре они с Ольгой смогут стать парой у алтаря.

– Это невозможно, государь! – громко произнесла княгиня. И, прежде чем базилевс опомнился, добавила: – Как ты хочешь взять меня в жены, когда сам крестил меня и назвал дочерью?

Именно это и советовал ей патриарх, дабы она настояла, чтобы император стал ее восприемником от купели. И сейчас, видя, как темнеет лицо Константина, сообразившего, в какую ловушку его заманили, Ольга решительно сказала:

– По христианскому закону это запрещено. Ты сам знаешь, что браки между отцом и дочерью немыслимы!

Константин не сводил с нее взгляда, а вокруг воцарилась такая тишина, что стало слышно, как мечется на легком сквозняке огонь в позолоченных литых светильниках, – будто шелк трепещет.

– Ты мудра, – наконец каким-то странным, будто чужим голосом вымолвил базилевс. – Я восхищаюсь твоей мудростью... и хитростью. Да, ты перехитрила меня, Ольга, – впервые правильно произнес он ее имя.

Потом повернулся и ушел. Разошлись и его палатины. Княгине ничего не оставалось, как отправиться восвояси. Она надеялась, что это все, что теперь она свободна и может вернуться на Русь.

Однако Ольга ошиблась. Русские корабли не могли выйти из Золотого Рога без официального разрешения. А такового Константин не давал. Более того, та милость, какая была проявлена к русскому посольству, теперь сразу сошла на нет. Русам по-прежнему разрешалось входить в столицу, им не перестали выдавать содержание, но в порту им наотрез отказались выдать положенное по договору снаряжение для дальнейшего плавания. При встрече с Ольгой тот же логофет дрома Иосиф сухо заметил, что разрешение на отъезд не дано, что русам надо ждать, когда поступит высочайшее соизволение. А поступит оно лишь после того, как Русь в лице крещенной в Константинополе правительницы признает себя подданной Византии и перестанет настаивать на дани, какую Византия обязалась выплачивать по договору с Игорем. Княгиню возмутило подобное требование, она ответила резким отказом, а логофет все твердил, что они согласятся отпустить ее только с вышеуказанным условием, в связи с чем им надо пересмотреть и исправить целый ряд пунктов в договоре в пользу

Византии. Ведь архонтесса так обязана империи, ее тут крестили, она должна понимать, что, получив такую милость, она должна щедро отблагодарить ромеев.

– Я немало даров внесла в Церковь и немало даров дала в вашу казну, – парировала Ольга. – Но на большее не рассчитывайте. Если же будете настаивать, то получится, что вы нарушаете договор, в котором клялись на кресте. И да падет тогда на вас гнев Всевышнего!

Она сказала это пылко и горячо, с такой силой, что логофет даже вскинул руку, будто защищаясь. Стал говорить, что грешно ей грозить им гневом Господа, но княгиня была непреклонна: она не отступит от договора, более того, она всем и каждому сообщит, что ромеи использовали благое крещение, чтобы опутать ее обязанностями вопреки данным ими над святым Евангелием клятвам. Логофет понимал, что это не пустая угроза: Ольга после крещения стала очень популярна, к ней на подворье ездили все, начиная от иноземных послов – багдадских, армянских, германских, хазарских – и кончая градским епархом Феофилом, который сватал за сына одну из подданных архонтессы. И если эта женщина во всеуслышание объявит, что ее держат тут пленницей, вынуждая принять невыгодные условия... то каково будет отношение к самой Византии? Сколько послов тех же хазар и армян поостерегутся доверять империи, когда дело коснется общих интересов?

– Поймите, – увещевал евнух Иосиф, – признав власть Византии, вы получите немало выгод. Мы направим к вам священников, кои будут нести варварам веру Христа...

– Вы и так это сделаете. Патриарх не оставит мою землю без покровительства. А не захотите, то я и германских попов призову. Какое мне дело, кто будет поучать истинной вере русских людей?

Логофет растерянно заморгал. Значит, не просто так шляется на подворье архонтессы хитрый епископ Адальберт. И хоть патриарх Полиевкт признал подчинение константинопольской патриархии Папе Иоанну, все же обряды латинской и восточной церквей различны, да и факт сближения Руси с Германией, где так усилился король Оттон, не стоит сбрасывать со счетов.

– Но мы собирались отправить на Русь наших лучших мастеров зодчества. Вы бы возвели великолепные каменные храмы во имя Господа.

– На Руси мало камня. А вот деревья вдосталь. Думаю, Всевышнему и Его кроткой Матери не так и важно, в деревянном или каменном храме поют им хвалу. Главное, чтобы сердца были искренние.

– Но, став нашими подданными, вы бы примкнули к Византии, мы стали бы оберегать вас, вы бы вошли в лоно величайшей из держав!

– То есть стали отдаленной окраиной империи – так? Нет, Русь – сильная и вольная страна, и мы не уступим своей свободы. Я не уступлю!

Иосиф устало вздохнул, сложив руки на мерцающем камнями таблионе накидки.

– Я донесу ваши слова наивысочайшему. Но думаю, что он не скоро даст вам позволение отбыть. Если вообще даст, поскольку вы не принимаете его условия. В любом случае пребывание ваше в Константинополе может затянуться до зимних холодов. А так как на исходе третий месяц вашего проживания в нашей столице, то по тому же уговору мы перестанем снабжать вас и ваших людей довольствием, вы будете предоставлены самим себе и законы Византии об охране и защите уже не могут на вас распространяться. И если вы пожелаете обратиться с прошением к августейшему автократору, то должен заметить: Константин Багрянородный примирился с базилиссой Еленой и отныне даже слышать о вас не желает!

Ольга схватилась за висевший на груди крест, стараясь сдержать бурное дыхание. Больше всего ей хотелось сейчас грязно выругаться. Однако в ее руке был крест, распятие, призывающее к смирению, и она заставила себя успокоиться.

– Ладно, мы остаемся, – произнесла она негромко. – Но учтите, если мой сын – а он князь-воин и сын того Игоря, который принудил вас к соглашению, – если Святослав

не получит от меня вестей в самое ближайшее время, то он соберет рать и пойдет на вас. Будьте же готовы к великой войне!

Лицо логофета стало холодным.

– Не впервые великой державе отбиваться от нападений.

– Как не впервые и откупаться. И, боюсь, вы потеряете куда больше, чем было условлено по договору. Если же вы будете держать меня тут как заложницу, – Ольга не упустила и этой возможности, – то сейчас, когда все знают, что я крестилась, чтобы нести своим подданным светоч христианства, как сама святая Елена, то выявите себя не добрыми последователями Христа, а грешниками, желающими оставить немало людей во мраке язычества. И все ради своих, – она на миг запнулась, подбирая слово по-ромейски, а потом нашлась, – ради своих интриг!

Нет, все же ей было трудно сдерживать волну поднимающегося гнева, поэтому и добавила сквозь зубы по-русски:

– Да вы просто брешете, как собаки!

Логофет дрожа покраснел, догадавшись, что последнее было грубостью или непристойностью в его адрес или его империи. К тому же эта женщина вряд ли бы воспользовалась пустыми угрозами: логофету дрома уже донесли, что ее сын отменный воин и, несмотря на юные годы, собрал в этой варварской Скифии немалое войнство. И кто знает, куда он его направит, если не будет подтвержден мирный договор с Византией?

На другой день, после общения с императором, Иосиф вновь прибыл к княгине и стал уверять, что договор вполне можно будет оставить в силе, но подпишут они его позже... несколько позже.

– Когда? – требовала уточнений Ольга. – Ведь вы знаете, что наш путь домой долгий и опасный. И если мы задержимся, то настанет время штормов...

Она осеклась, со страхом сообразив, что, возможно, обиженный император чего-то подобного и добивается. И была близка к истине. Иосиф Врана помнил, в каком состоянии был наивысочайший, когда давал ему указания: в растерзанной одежде, с мутным от выпитого вина взглядом, богохульствующий при одном упоминании новообращенной Елены. И Иосиф, чтобы надавить на упрямую княгиню, сказал, что базилевс велел своим подданным нигде и никогда не упоминать, что именно он был восприемником русской архонтессы у купели.

Сначала Ольгу это известие испугало. Подумалось: а вдруг Константин опять начнет помогать ей? Но пока что более походило, что Константин просто обижен, как может быть обижен брошенный возлюбленный. Приворотное зелье все еще действовало на него, а оно никогда не несет добра. Княгиня сообщила об этом Полиевкту при личной встрече.

Патриарх выглядел потерянным.

– Он и мне отказывает во встрече, не дает себя убедить. И хоть он понял, что не может называть вас женой... – Но и не желает быть добрым союзником Руси!

Полиевкт задумчиво теребил бороду, руки его слегка дрожали.

– Откроюсь вам, дочь моя, что, когда вы пояснили мне насчет наваждения дурманного, я задумал вызвать к базилевсу одного святого старца. Он слывет великим искусником в изгнании беса, он просто творит чудеса. Вот я и понадеялся, что он поможет мне снять порчу с августейшей особы императора. Однако... Сей отшельник Евсевий отбыл куда-то, никто не ведает, где он, но мои люди его ищут...

– Пусть ищут старательнее! – буркнула Ольга. А сама подумала: если, как ей сказывали, истинная вера способна творить чудеса, то почему никто, кроме христианского кудесника, не снимет молитвами морок с императора?

Об этом она говорила и со Свенельдом. Варяг понимал, что русы, как он выразился,

влипли. Он не верил, что какой-то пропавший старец вмиг снимет порчу, но осознавал, что и подпорченный базилевс все же базилевс, а значит, сколько бы он ни мудрил, как обиженный детина, но все же должен помнить о державных нуждах. Поэтому надо, чтобы на него повлияли его же советники. И Свенельд начал действовать. Сначала он подловил пришедшего навестить красавицу Милосладу сына эпарха и добился через него встречи у градоправителя, пояснив, что согласие на брак и богатое приданое за смоленской княжной будет получено только после того, как она побывает на родине. Потом варяг опять встретился с Никифором Фокой, пообещав ему войска и поддержку и поклявшись, что уже на следующее лето под командование Никифора придут немалые силы, но для этого русам надо все же побывать на родине. Еще Свенельд вышел на Иоанна Цимисхия, который часто бывал в покоях Феофано, и через него добился встречи с невесткой императора.

По сути, Свенельд опасался этой слишком решительной молодой бабы, но при встрече, одарив ее мехами и янтарным ожерельем, намекнул украдкой: ему-де известно, что наворожила царственной красавице русская ведьма Малфрида, и если Феофано не поможет русскому посольству уехать из Константинополя, то уж влиятельные люди, какие доверяют Свенельду, донесут о том родителям ее супруга. Свенельд видел, как гневно вспыхнули глаза царевны, но не унимался и стал уверять, что якобы и Никифор Фока кое-что знает о предсказаниях, и красавец Иоанн Цимисхий, и эпарх града Феофил, и даже логофет Иосиф... Но они знают лишь часть, а если со Свенельдом что-то случится, если русские корабли не выйдут благополучно из вод залива, то они сообщат отрывки своих сведений Константину Багрянородному. И тогда сложится не самая приятная картина о том, какое будущее ожидает его невестку из корчмы. А после этого можно будет проверить, всегда ли сбывается нагаданное – каким бы великим его ни разглядела провидица-ведьма в видениях, – или воля наивысочайшего достаточно сильна, чтобы изменить заманчивое будущее Феофано. Конечно, самому Свенельду нет нужды вмешиваться в дела Палатия, его забота лишь в том, чтобы домой отправиться... Ну а у Феофано теперь забота, чтобы подобное разрешение было дано.

Одетая в пурпур красавица встревожилась не на шутку. Пришла к мужу со слезами и, почти не слушая его уговоров, что беременной жене не следует так волноваться, прямо сказала:

– Ты разве не видишь, что отец твой выжил из ума? Да, он не стал изгонять Елену, но кто знает, что он предпримет в следующий миг? Он засиделся на троне, я тебе уже не раз это говорила. Надо что-то менять в империи. А у меня есть зелье... медленно действующее и верное. Никто ни о чем не заподозрит...

Роман слушал мрачно. И, вняв мольбам супруги, пошел к императору, тоже просил отпустить русское посольство, услать подальше эту взбудоражившую душу его доброго отца русскую архонтессу. Разгневанный Константин даже запустил в сына подсвечником – тот еле успел увернуться. А отец кричал ему вслед:

– Ты еще не император, чтобы приказывать мне! Будет моя воля – и ты со своей трактирщицей вообще не воцаришься на троне! Никогда!

Роман вернулся к Феофано разозленный и подавленный. Тихо спросил: так ли уж незаметно действует ее зелье? Пора бы его поднести родителю...

А потом однажды Полиевкт вызвал Ольгу к себе, встретил ее со сверкающими глазами и сказал:

– Я нашел упомянутого отшельника Евсевия. Ныне он здесь. Но прежде чем он пойдет в покои базилевса, сей святой старец неожиданно выказал желание переговорить с тобой с глазу на глаз. Поверь, Эльга, это очень необычный человек.

Упомянутый отшельник ждал княгиню в соседней затемненной комнате. Тяжелые портьеры на окне были слегка отодвинуты, Евсевий стоял в дальнем углу перед иконой и, склонив голову, жарко молился. Ольга остановилась у дверей и стояла, не зная, как вести себя с монахом, которого почитает сам Полиевкт. И тем сильнее она была удивлена, когда Евсевий обратился к ней по-славянски, причем в речи его она сразу различила древлянский выговор:

– Так вот ты какая, Ольга Киевская, покорительница древлянских земель!

Княгиня вздрогнула. И подумала: «Не хватало еще, чтобы мою судьбу решал древлянин! Да еще, похоже, слепой».

Ей было неприятно ощущать на себе взгляд его светлых глаз, светившихся из-под темного клобука. Лишь когда княгиня по его знаку приблизилась, она различила темные узкие зрачки в глубине непривычно светлых, почти белесых глаз.

– Ты древлянин?

– Был когда-то. Но не о том речь. Времени у нас мало, а мне еще надобно тебе сообщить кое-что. Так я скажу тебе, что именно ты по незнанию и преподнесла императору ромеев приворотное зелье. Это Малфрида положила его в ларец. Ты догадывалась?

Ольга медленно кивнула. Но не успела задать вопрос, как древлянин уже сказал:

– Она сделала это не со зла, а по недомыслию. Это твой сын Святослав получил зелье от шамана степняков, причем сильного колдуна, раз тот так смешал травы и заклятия, что зелье продержалось и в христианском городе.

– Погоди... Погоди, отче, – все же решилась так назвать княгиня стоявшего перед ней светлоглазого древлянина. – Что-то мне не все ясно. Зачем моему сыну понадобилось приворотное зелье?

– А зачем добру молодцу привораживать кого? Для лады своей милой старался, для той, которую от него отвратить хотели. Да только ненужным оказалось то зелье, любит Святослава та девица, вот Малфрида его и забрала. Думала схоронить до времени, а вышло...

– Но где она сама? – взволнованно спросила Евсевия княгиня. – Ты ведь монах, так откуда знаешь про Малфриду? Неужто выдал ее? Ведь священники ее тут так разыскивали. Хотя... Как я сразу не догадалась! Ты же древлянин. Что, решил помочь соплеменнице? Даже той, которую дьяволицей тут объявили?

По бледному неподвижному лицу Евсевия проскользнуло легкое подобие улыбки.

– Ты умна, княгиня. Все понимаешь. Что ж, ответь тогда: если я, древлянин, посвятивший себя истинной вере, не сдал священникам чародейку, то теперь, когда ты стала христианкой, когда на помощь патриарха рассчитываешь, не выдашь ли ты ее в обмен на помощь?

На лице Ольги промелькнуло такое удивление, а потом и гнев, что монах удовлетворенно кивнул.

– Тогда вот что скажу: когда пойдут твои суда по Босфору, когда расширятся берега пролива к морю, повели корабелям свернуть к правому берегу. Там тебя ожидает чародейка. И если выполнишь то, если поклянешься крестом, который носишь на груди, что примешь ее и не обидишь, то я возьмусь помочь тебе с отъездом.

– Конечно, я готова поклясться. Да как ты мог подумать, что я Малфриду в беде оставлю!

Монах Евсевий снова одобрительно кивнул, островерхий клобук на его голове качнулся. Но того, что он сказал потом, Ольга не ожидала: спасший ведьму Евсевий потребовал, чтобы русская княгиня больше никогда не прибегала к услугам Малфриды. Пусть она отпустит ее с миром, пусть наградит, если пожелает. Да только подле себя оставлять ведьму Ольге не к добру. Тьма заполняет Малфрид у, она могла бы избавиться от того, что несет в себе, если бы согласилась принять христианскую веру. Но разве такую уговоришь! Поэтому лучше Ольге услать ее от себя. Да она и сама все поймет, когда встретит свою ведьму.

Княгиня молча размышляла. Остаться без Малфриды? Без ее чар и помощи? С одной стороны, это казалось непривычным. Но с другой... ведь тут, в Царьграде, она и так обошлась без нее. Может, ранее просто удобнее жилось, когда знала, что в случае чего ведьма ей всегда поможет? Но услать Малфриду? Княгине не хотелось быть неблагодарной и забыть, сколько ей помогала Малфрида, однако, поразмыслив, она решила, что большинство своих дел она и так совершала без чародейки. Правда, Малфрида всегда могла отыскать для нее живую и мертвую воду. Но теперь, когда Ольга

стала христианкой, вода ей более и не понадобится. Не будет сила живительная на нее действовать. Как-то ранее княгиня об этом не задумывалась. Здесь, в земле ромеев, где жизнь течет без волшебства, мысли о таком не приходят в голову. А когда вернется на Русь? Но прежде надо вернуться.

Глядя испытующе на старца, Ольга спросила:

– Это твоё условие за то, что возьмёшься помочь мне?

– Я хочу помочь тебе от чистого сердца. И не только тебе, но и базилевсу, который подвластен чарам и теряет разум. Но я, желая добра, остерегаю тебя от Малфриды. Сказал же – тьмы в ней много. А тебе, христианке, не к лицу темные чары. Ты иному служить должна.

Ольга глубоко вздохнула.

– Быть посему. Я встречу Малфриду, где указал, обидеть не обижу, даже награжу ее богато за службу, а далее... Далее как судьба повернет. Как будет Божье соизволение. Но к чародейству более прибегать не стану. Слово в том даю тебе княжеское.

Показалось ей или нет, но странные глаза священника засияли особым светом. Он поднял руку и медленно перекрестил Ольгу.

– Будь благословенна. Великое счастье ты для всей Руси, а то, что зла столько ранее сотворила, теперь добрыми делами и верой истинной исправь. Остальное же... Да, будут ждать тебя испытания, но и великая слава ожидает. Храни веру как зеницу ока, и Господь охранит тебя!

Он говорил негромко и торжественно. Ольга замерла, стояла как завороженная, казалось, будто задремала в какой-то миг. А очнувшись – не было рядом никого. Только осталось в памяти последнее напоминание отшельника: «Малфриду заведи, когда в море выйдешь».

«Свенельду надо о том сообщить, вот он за чародейку обрадуется», – еще вяло, как со сна, подумала Ольга. Но потом пришли уже более трезвые мысли: священник сказал об этом так, словно ни на миг не сомневался, что ее посольство отпустят из Царьграда! Значит, скоро закончится ее пленение гостевое, значит, скоро домой! На Русь!...

Однако прошло долгих три дня, прежде чем к Ольге прибыл посланец от патриарха с сообщением, что ей назначен день последнего приема. И хотя уже настал октябрь, ждать надо было еще больше седмицы. Еще посланец поведал, что священник Евсевий, встретившись с Константином, долго молился над ним, потом велел принести к императору все самые ценные святыни Царьграда и заставил того приникнуть к ним и тоже молиться, прося избавления от наваждения и чародейства. Да, сильное зелье приготовил шаман. Что бы было, если бы Святослав и впрямь дал его Малуше? И как там у них с Малушей ныне? Как вообще на Руси?

О Руси думали, собираясь в путь, и остальные спутники княгини. Они уже поняли, что долгих препон больше не будет: им выдали, как и положено, оснастку для судов, выделили провиант и рассчитались за все проданные товары. Жара в Константинополе уже спала, стояла прекрасная погода, без намека на дуновение осени, воздух, пропитанный запахами моря и цветов, был свеж. А на Руси уже в это время дожди, деревья окрасились желтизной и багрянцем. Недаром у них этот месяц так и называют – желтнем. Работы в полях уже закончились, свадьбы отыграли, пришло время охоты и ловов, веселых хмельных посиделок. Как же домой хочется!

Только восемнадцатого октября княгиня вновь явилась со своим посольством в Палатий. Опять все было торжественно и пышно, опять она склоняла голову, приветствуя базилевса. А взглянула на него – он улыбался. Спокойной и величественной улыбкой – только глаза оставались суровыми и брови были нахмурены, как и в тот день, когда она впервые явилась в Палатий. Все тот же Константин Багрянородный, владыка великой империи, без всяких следов дурмана и наваждения.

Они обсудили последние пункты договора: Константин был не против оставить в силе все

соглашения, но настаивал, чтобы на Русь с Ольгой поехали византийские священники, дабы обучать язычников истинной вере, и просил княгиню проследить, чтобы им не чинили обид. Купцов из Руси будут принимать в Царьграде так же, как и ранее, выплачивая им месячину на содержание, но за это Ольга обязуется отправлять на службу в империю воинов и оказать помощь Корсуню Таврическому, если ромеи пострадают от нападков степняков. При этом Константин ни разу не напомнил, что был восприемником от купели русской архонтессы, как и не заикнулся о брачном союзе между их детьми. Впрочем, Ольга и не настаивала. Уже смирилась, что не бывать подобному.

Еще Ольгу и ее свиту, как и было принято у ромеев, богато одарили, выделив каждому немалую сумму в полновесных серебряных монетах. А Ольге лично от семьи императора было подарено большое золотое блюдо с изображением Иисуса Христа посередине, выполненное из цветной эмали и украшенное по краям драгоценными камнями и редким розовым жемчугом. Но это блюдо Ольга отправила в дар Святой Софии. В конце концов, самое ценное, что она могла получить от Византии, – это свое крещение и принятие Бога в душе, и она получила его. А потому хотела отблагодарить.

Когда ее суда уже отплывали, на пристань явился патриарх Полиевкт, дабы в последний раз напутствовать новообращенную Ольгу-Елену.

– Благословенна ты в женах русских, так как приняла свет и оставила тьму. Благословлять тебя будут сыны русские до последнего рода. Отправляйся же в путь и ничего не опасайся, бойся только греха, ибо он отлучает от Бога!

Ольга поцеловала благословлявшую ее руку и поднялась на борт «Оскаленного». Корабли медленно стали отчаливать, пошли по изгибавшемуся вдоль берегов Золотому Рогу. Патриарх все стоял на пристани и крестил уплывающих русских. И ветер развеивал его длинные темные одежды.

Глава 17

– Да вон же она, вон! – указывал Свенельд в сторону побережья по правому борту от ладьи. Он даже вскочил за дощатое перекрытие, удерживаясь рукой за веревки снастей. – Видите, вон лодка отчалила от берега, а на ней... Клянусь всеми молниями Перуна – на ней наша Малфрида!

На корабле все воодушевились. С чего бы? Казалось, что сейчас они встретят первого из своих, пусть даже и так еще далеко от родных краев.

Ольга заслонила от бивших в глаза лучей солнца, вглядывалась в качавшуюся на волнах лодку. На ней были три человека в темных монашеских одеяниях, и княгиня лишь через миг поняла, что один из них и есть ее чародейка. Вон скинула куколь, ветер разметал ее темные волосы, машет руками своим. Ольга ей тоже помахала. И даже рассмеялась. От радости встречи, от необычности того, что ее ведьма, какую столько разыскивали по всему Царьграду и окрестностям, нашла убежище у монахов.

Когда Малфрида оказалась на борту «Оскаленного», все так и кинулись ее обнимать. Она переходила из рук Свенельда к Сфирьке, от княгини Божедарки к княжне Милосладе. Ольга сама едва протолкалась к ней, но, когда оказалась лицом к лицу... отчего-то замерла. Ибо вдруг уловила в улыбке Малфриды нечто чуждое и непривычное... пугающее.

Чародейка заметила мелькнувший в глазах Ольги испуг, тоже застыла, смотрела испытующе. Однако княгиня умела скрывать свои чувства. Потому и заставила себя вновь улыбнуться, сказала приветливо:

– Рада видеть тебя, Малфрида, живой и невредимой.

Больше она ничего не добавила, отошла. Да и потом сторонилась чародейки. И хотя они плыли на одном корабле, Ольга дала понять, что ей нежелательно общаться с ведьмой. Да и не хотелось.

Малфрида тоже не шла на сближение с княгиней, только порой поглядывала украдкой, наблюдала, как та разговаривает со своим священником, как молится, как совершает крестное знамение. И хотя за время, проведенное в Византии, ведьма смирилась, что вокруг одни христиане, тот факт, что Ольга решительно и твердо приняла чужую веру, казался ей едва ли не предательством. Поэтому на первой же остановке, когда суда приблизились к берегу, чтобы набрать воды и пополнить провиант, Малфрида решила, что ей удобнее будет плыть на другом судне. Да и Ольге так вроде бы тоже удобнее.

Несмотря на то что наступило время осенних штормов, флотилия русской княгини вполне благополучно миновала воды Понта Эвксинского – моря, которое уже скоро даже ромеи станут называть Русским. А там и устье Днепра показалось, подули знакомые ветра. Малфрида это первая ощутила. Проснувшись однажды на корме, вылезла из мехового мешка, в котором спала, и стремительно потянулась навстречу сильным воздушным потокам.

– Стрибожьи внуки! – Она раскинула руки, словно желая обнять их.

Да, это были уже свои ветра, не те, что качали корабли в Золотом Роге, обведали кручи Принцевых островов или берега вдоль пролива Босфор. Этих Малфрида узнала сразу, даже могла назвать по именам: Ветрило, Стрига, Морян... Вон сколько их носится над родными просторами!

Корабли, распустив паруса, опираясь на лопасти опускаемых в воду весел, продвигались против течения уже знакомого Днепра-Славутича, скользили между берегов, заросших высоким, уже порыжевшим по осенней поре камышом. Однажды, когда миновали срубные вышки крепости тиверцев, на берегу показались скачущие на выносливых коротконогих лошадах всадники в мохнатых шапках – печенеги. Степняки лишь издали наблюдали за проходившей по реке большой флотилией, но напасть не решились, усаkali в степь, скрылись в осеннем тумане. А потом, под утро, когда корабели делали стоянку у песчаной отмели, Малфрида видела, как на берег сошел Коста. Ушел молча, не оглядываясь, исчез в камышах, а затем позже появился на одной из длинных плоских возвышенностей... И уже не поймешь – то ли он, то ли печенег, кривоногий

и приземистый, шагал. Но Малфрида знала – он. Удалился волхв от христиан – и сразу силу обрел. Ей вдруг тоже захотелось скрыться, уйти, не слышать больше их молитв и песнопений, разговоров о сильном и чужом ей Боге. А там, подальше от новообращенных русичей, удариться оземь, перевернуться в воздухе да понестись, поскакать по просторам кобылицей степной или полететь птицей свободной.

Но не сделала этого. Пока решила терпеть да накапливать силу. Ибо уже убедила себя, что нужно вернуться вместе со всеми. Да и хотелось ей не в степи дикие, а домой. К мужу Малку Любечанину.

Малфрида и не ожидала, что так истоскуется по нему. Еще когда она на острове Принкипос у Никлота скрывалась и скучала там от безделья, поняла, что дом для нее все же там, где Малк живет. А еще и Никлот Малка при ней часто нахваливал, говорил, что в душе добрый и отзывчивый Малк, скорее всего, тоже был привержен новой вере, с ее милосердием и отказом от кровавых жертв. Малфрида отмалчивалась, надеясь, что Никлот говорит потому, что она ему о связи мужа с христианами поведала. И про себя решила, что еще поборется за Малка, вновь увлечет его дивным чародейством, даже попытается увести от людей туда, где одни духи обитают. Может, Малку такое будет и непривычно, особенно после того, как он сжился с людьми, стал лекарем известным, прославился.

Ну да Малфрида помнит времена, когда среди людей ему даже худо делалось: ведь тот, кто слышит чужие мысли, порой и устает от их обилия. Вот на это чародейка и будет делать упор, убеждая мужа уйти. Да и не верилось ей, что Малк так легко забудет все, что было между ними. Поэтому, когда вернется она к мужу, упрекать за христиан уже не станет, ласковой будет, послушной, обнимет его нежно, зачарует и заколдует... Или нет, колдовать не станет, а окружит его, как он того и заслуживает, горячей женской любовью, даже родить ему, кажись, согласна, не будет больше отказывать милому в этой его давнишней просьбе.

А христиан от него Малфрида изгонит, не допустит, оградит от всех их рассказней о добре и вечной жизни души. Она так и сказала об этом Никлоту, когда тот со своими помощниками перевозил ее в отдаленный монастырь на морском побережье. Никлот не мог больше укрывать у себя ведьму, да и его самого звали в Константинополь, просили помочь избавить от порчи, какую навели на базилевса. Никлот-Евсевий не смел отказаться от этого, но все же прежде всего хотел позаботиться о своей ученице, вот и переправил ее на берега Босфора, где разыскать чародейку никто бы не сумел, где она смогла укрыться и дожидаться своих. Так бывший волхв и сказал ей при расставании: жди, скоро они мимо проплывут, заберут тебя.

Никлот всегда знал наперед, что будет дальше, – независимо от того, был ли он волхвом или уже монахом Евсеем. Поэтому и предупредил заодно, что вряд ли в дальнейшем Малфриде придется служить княгине и пользоваться ее покровительством. И даже если Ольга примет ее, их пути потом разойдутся. Малфриде хотелось вызнать, отчего он так думает, ну да монаха уже иное волновало: говорил, что беда случилась с императором ромейским, что если Никлот еще в силах снять с него приворотную порчу, то иное злодейство, учиненное близкими императора, уже исправить не в силах, ибо смерть успела проникнуть в Константина и ему недолго осталось царствовать.

Ну да Малфриду это меньше всего волновало. А вот то, что Никлот помрачнел, когда она о примирении с мужем заговорила, – не понравилось. Ведь ранее он только и твердил, как ей повезло с Малком, убеждал ценить и любить такого супруга. Но при их прощании Никлот очи свои светлые смежил, отвернулся, а когда заговорил, то будто через силу: опять просил Малфриду спасти себя, излечить свою душу христианством. Ох, и надоел же он ей своими наставлениями! Потому и не сдержалась, зарычала приглушенно и утробно, будто зверь дикий. И была довольна, когда даже невозмутимый Никлот побледнел и отступил. Вот-вот, пусть и этот ведун прославленный признает ее силу. И поймет, что эта сила для Малфриды – то же, что для него его вера во спасение души! Никогда чародейка от своего дара не откажется, пусть в ней хоть трижды Кощеева кровь взывает!

Так что, расставшись с бывшим наставником, Малфрида только вздохнула с облегчением. Никлот сделал ей добро, спас, она благодарна, однако уже не чувствовала прежнего почтения к нему. Чужим он ей сделался, как всякий,

кто к христианству примыкал. Как та же Ольга стала казаться чужой. Даже не верилось теперь, что некогда княгиня была ей чуть ли не подругой задушевной, что вместе они ворожили, разговаривали, строили планы и Малфрида даже гордилась, что великая правительница к ней за советом обращается. Сейчас же они едва замечали друг друга. Ольга теперь все больше жила своей новой верой: что ни день молилась, службу отец Григорий для нее на корабле проводил. Да и все те, кто признал христианство, тоже старательно молились, им то любо и интересно, это их радует, вон какими веселыми возвращаются, и ни дожди, ни холодные туманы их не волнуют. Малфриде же среди них – хоть плачь.

А Ольга... Малфрида пусть и не общалась с ней, сторонилась, но все же заметила, что княгиня какой-то иной после крещения стала: чаще улыбается, с людьми беседует запросто, смотрит вокруг так, будто жизнь ей только теперь и открылась.

Ольга и впрямь была вся под впечатлением того нового, что дала ей христианская вера. И все чаще думала, как постарается повлиять на Святослава, чтобы и он ощутил ту благодать в душе, какую и сама она испытала.

Но было еще нечто, что заставляло Ольгу задуматься. Только здесь, только когда они уже приближались к Руси, она вдруг отчетливо поняла, что прежнее никогда не вернется и сама она уже не будет такой, какой была, ибо не жить ей теперь вечно, не цвести молодой красотой...

Странно, однако Ольга не ощущала горечи из-за этого. Ибо давно поняла, что вечная жизнь и молодость тела не дают ощущения полноты жизни. Пусть внешняя оболочка подпитанного волшебной водой человека и сохраняется, а вот душа устает жить, влачит привычное существование без особого интереса и радости. Бывают, конечно, некие всполохи жизни, как то удовлетворение от свершений, упоение властью, оживление от встречи с сыном. Но потом опять остается только привычный долг и нескончаемые заботы.

И, лишь став обычным человеком безо всякого чародейства, Ольга вдруг особо остро ощутила, что значит спасти душу. Это как вновь начать жить. И душа ее, наперекор всему – годам, осознанию быстротечности времени – все одно заливалась счастьем. Княгиня вдруг поняла, как важен и ценен каждый прожитый миг, как особо неповторим, яростен и значителен. Вон качнуло при порыве ветра ладью, да так, что за мачту ухватиться пришлось, а Ольге и весело от этого, смешно, будто девчонке. Пролетела над рекой белокрылая чайка – Ольга провожает взглядом ее легкий полет, любит. Даже когда ей принесли от устроенной на носу ладьи глиняной печурки только что поджаренную свежую рыбу, Ольга просто нахвалиться не могла – такой вкусной показалась! До чего же ароматна, как приятно похрустывает румяная корочка! А ведь кажется, чего необычного? Но то и необычно, что другого такого мига не будет, другой вкус будет у другой рыбы, как и другой будет плывущая по небу тяжелая туча, иной блик солнца прорвет ее тяжелые завитки и осветит уже другую группу огромных, бредущих по степному побережью быков-туров. И каждый прожитый миг будет особый, неповторимый, прекрасный по-своему. Как же она ранее ничего этого не замечала? Почему не ценила жизнь, казавшуюся долгой и бесконечной чередой забот, привычек, планов, среди которых терялось обычное человеческое счастье? Да и до счастья ли ей было, когда знала, что надо нести свое бремя, пока однажды все не надоест, не придет усталость. Теперь же, потеряв вечность, Ольге хотелось жить полной душой, наслаждаться каждым подаренным мигам.

И еще одно чувство будоражило душу княгини, особенно когда смотрела на Свенельда. Как и ранее, она понимала, что любит он власть, что своего не упустит, что корыстен и своеволен. Однако же и верный, надежный, преданный. И любящий... Она вроде и свыклась с его любовью, но теперь дивилась – отчего так спокойно и холодно принимала его чувство? А он смирился уже с ее отчужденностью, ничего не требует. Но ведь не разлюбил же! Хорошо, когда тебя так любят. И княгиня вдруг подумала: сколько времени ей еще осталось? Сколько сможет удерживать при себе Свенельда? Ее время уходит... Ей столько лет! Ольге казалось, что она давно успела состариться душой. Теперь же вдруг почувствовала, как душа ожила, стала трепетной и ждущей... нетерпеливой, молодой.

Да, у них уже не было вечности друг для друга. И оттого каждый взгляд Свенельда, каждая брошенная им улыбка или знак внимания – подойдет ли посоветоваться

о следующей стоянке, поправит ли сбившийся на ветру плащ княгини, спросит, не озябла ли, не заскучала, – не оставляли ее равнодушной: она так и вслушивалась в его голос, смотрела на раздумывавшееся на ветру лицо, на зеленоватые лучистые глаза, на сильные надежные плечи... Так и хотелось прильнуть, насладиться теплом в его объятиях... пока не поздно, пока не упущено драгоценное время!

Свенельд как будто и заметил перемену в Ольге, но уже по укоренившейся за годы привычке не решался поверить. Зачем зря обманываться? Лучше он просто будет заботиться о княгине, оберегать ее.

– Надо дать передохнуть корабелям, государыня, – говорил Ольге, не замечая, как ярко блестят ее глаза. – Третий день без остановки на веслах – это не на гусельках побренчать. А мы уже после полудня, думаю, к Хортице подойдем, вот там бы и сделать остановку. Как думаешь? Но там ведь капище, а ты попами себя окружила, может, в сторону старых слугителей и поглядеть не захочешь?

Ольга соглашалась, что нужна остановка на отдых: как бы она ни спешила домой, но даже и ретивого коня в скачке загнать можно.

Берега Хортицы под низким осенним небом казались потемневшими, деревья вдоль реки порыжели, роняли листву. Корабли по реке миновали длинные заболоченные низины острова, подплыли к гранитным кручам на другом его конце, стали пришвартовываться в бухтах между каменных валунов, о какие разбивалась шумная днепровская волна. Хорошо еще, что день выдался ясный, большого труда раскинуться лагерем да установить шатры не составило. А там и костры развели, котлы подвешивали, нарезали солонину, отмеряли на кашу пшено.

К потянувшим над берегом дымам явились из капища волхвы. Шли торжественно, с ударами в бубен, с поднятыми на шестах рогатыми черепами. Но как заметили среди торговых гостей темные одежды священников-христиан, петъ перестали, столпились в сторонке, переговаривались.

Ольга сказала:

– Отнесите им, как хозяевам этих мест, подарки. Пусть я не пойду поклоняться их святыне, ну да встреча должна быть встречей. Не обижу. Да и тех, кто захочет принести требы на капище, задерживать не стану. Ты же вон первый пойдешь с подношениями, Свенельд.

Варяг согласно кивнул: впереди еще пороги, а местные волхвы исстари тут колдовали, чтобы усмирить водных духов, хотя это и не всегда помогало. Но ведь еще и неизвестно, угомонятся ли духи, когда христиане начнут молиться о доброй дороге. Так что в любом случае им еще понадобится милость высших сил – старых ли, новых, – там поглядим, кто милостивее окажется.

Малфрида вместе со Свенельдом и его людьми поднялась по тропинке к окруженному частоколом капищу. Подношений не делала, на взволнованных и растерявшихся волхвов смотрела без интереса, просто отошла в сторону и приложила ладони к выгоревшим до белизны старым бревнам ограды, вслушивалась. Еле уловила исходящую от священного места силу, да и та словно истаяла, когда ветер донес от стоянки на берегу звуки мелодичных христианских песнопений. Ведьма стиснула зубы, стараясь побороть возникавшую в такие мгновения ярость. Ах, как же хотелось теперь, когда сила стала к ней возвращаться, наслать на них всех морок, запугать, принудить прятаться, метаться, голосить... Но сдержалась. Самой себе не хотела признаться, что опасается, что ее чародейство не устоит против слаженного и полного силы пения псалмов. Ишь как научились гладко выводить, мелодия так и льется. Потому и напомнила себе: «Я с христианами ныне попутчица и буду терпеть их, пока пути наши не разошлись».

Она отправилась вглубь острова, долго ходила по зарослям, до самых болотистых заводей в дальнем конце Хортицы добралась, и там, промолив ноги и ругаясь от холода и сырости, отыскала полузатопленную долбленку, на которой некогда плавала со Змиуланом. Ругаясь, выволокла ее, вычерпала воду. Попробовала позвать Змиулана, чтобы помог да провел. Он не появился. Тут вообще никого не было. То ли уже в спячку впали, то ли молитвы христиан заставили их скрыться. Ушли в тот, другой мир, где никакая иная вера, пусть и христианская, их не достанет. Малфриде очень хотелось

в это верить. Никлот ведь так пояснил, а он, даже став монахом, никогда не ошибался. И Малфриде было неприятно об этом думать. Если Никлот прав, то и она однажды станет нелюдью бездушной. Но нет! Малфрида считала себя достаточно сильной, чтобы оставаться собой, оставаться человеком. И она уже продумала, как гасить в себе темные порывы Кошечевой крови. Она будет любиться с мужем! Средство верное и... такое сладкое! Ах, скорее бы только встретиться с Малком! Уж он ее в беде не оставит. И как обнимет ее Малк, как растворится она в его страсти, как забудет все в опьянении желания... так станет простой женщиной... И никакого чародейства ей тогда не понадобится. Ну, хотя бы на время.

Малфрида вернулась, когда уже сгустились осенние сумерки. Ранее ведьма в эту пору ощущала первое шевеление духов и призраков, чужая присутствие набравшей к ночи силу нежити. Теперь же тихо было. Впрочем, не совсем тихо – со стороны лагеря доносился людской гомон, смех, оклик часового на одном из пришвартованных у берега кораблей, отзыв на другом. Но сейчас, когда рядом не было присутствия нежити, Малфриде неожиданно показалось, что как раз люди ей кажутся какими-то чужими. Но они и были чужими, особенно учитывая, что большинство спутников Ольги теперь стали христианами. И ведьма не пошла к кострам в лагере, села на поваленное бревно в зарослях, сидела сгорбившись и куталась в меховую накидку, никого видеть не желала, сама никому на глаза не хотела показываться.

Она просидела долго и тихо, даже различила, когда по тропинке мимо ее убежища прошел, позвякивая звеньями кольчуги, Свенельд, который возвращался с обхода расставленных вокруг дозорных постов. Ведьма подумала, что кто и не меняется, так это воевода-варяг. Он и креститься отказался, и по привычке следит за всем, заботится. Ей захотелось позвать его, поболтать о чем-либо...

Но его окликнули до того, как Малфрида открыла рот.

– Свенельд!

– Да, государыня, – отозвался воевода.

И когда Ольга приблизилась, стал пояснять, что вокруг все спокойно, волхвы ушли на капище, может, и обижены, но зла не совершат. Да и посты надежно расставлены, он сам проверил.

– Знаю, сокол мой, – отвечала княгиня каким-то особым, нежным голосом. – Знаю, что подле тебя мне никакая беда не грозит, что заступишься и спасешь, какое бы лихо ни случилось. Ибо я дорога тебе. А я... Ты прости меня, что столько времени одной властью жила, сердцу веры не давала. Это теперь, когда я на мир иначе взглянуть могу, когда чародейство не отвлекает от самого дорогого... я наконец-то поняла, что самое дорогое для меня – это ты. Сколько же времени я потеряла... сколько нам осталось...

– Да сколько бы ни осталось! – почти вскричал Свенельд. – Сколько бы ни осталось – все наше! Я даже Бога твоего благодарить стану, только бы ты... только бы позвала!

– Так иди же ко мне!

И все – шорох одежд, дыхание бурное, звук поцелуя, легкий и воркующий смех, – а потом оба замерли, затихли, будто все еще не веря в обретенное ими счастье.

Малфрида сидела, не шелохнувшись, и злилась. Ее раздражало чужое счастье, а еще вдруг вспомнилось, как часто она говорила Ольге, что лучше Свенельда для той и нет никого, а княгиня даже оком не вела. Теперь же, стоило окреститься – и будто морок с нее спал. Но все же ведьма не посмела побеспокоить влюбленных, не показалась, даже когда они прошли совсем рядом, ничего не видя, не замечая, не сводя друг с друга глаз, не расплетая рук. Потом Свенельд подхватил гордую княгиню на руки, понес.

– Ну, как это со Свенельдом-то, – пробормотала ведьма, – я знаю...

И с каким-то равнодушием вспомнила их ночь на заливе. Впрочем, все то пустое – она и тогда это понимала. А вот как теперь княгиня станет пояснять, почему, крестившись, она будто только жить начала, – это не Малфриды дело. Да и не до них ей. У нее свой муж есть, к нему поедет!

Однако путь еще предстоял неблизкий, и, как и ранее, Свенельд следил за всем, выкрикивал, срывая горло, наказы, когда пороги проходили, дозорных рассылал по округе, сам сносил на руках Ольгу с корабля, сам заносил, когда вновь трогались. Но теперь и слепому было видно, что это не обычная учтивость. Ибо как глянет варяг на Ольгу – так и просияет. Да и она расцвела и похорошела, как никогда прежде. Счастьем прямо светилась. Даже хмурая пора листопада не казалась такой унылой от ее улыбок и звонкого смеха. А ведь кто ранее мог припомнить, как княгиня смеется? Только владычицу неприступную в ней и видели. Отныне же душа ее словно просвечивала сквозь кожу – в улыбках, в ясных глазах, в тепле, словно исходившем от нее.

Это заметил и Святослав, когда прискакал во главе дружины встречать мать у впадения речки Рось в Днепр. К молодому князю гонцов отправили еще от первых русских застав, едва только завидели струи на реке, вот он и прилетел соколом. Мать как глянула – так и ахнула: мальчишкой ведь оставляла, в отъезде пребывая, все гадала – как он там, справляется ли? А тут – чисто князь приехал, в воинском облачении, во главе отменной дружины. Но лихость все та же, мальчишеская. Верхом на коне ворвался в воду, махал руками. И, едва оскаленная морда княжеской ладьи повернулась к нему, прямо с седла забрался на корабль, пал на колени перед Ольгой, руки ей целовал. Обнять будто и не решался, а когда Ольга сама повисла на нем, всхлипывая от счастья, даже смутился.

– Ну что ты, родимая! Люди вон смотрят.

Святослав скоро заметил, что княгиня приехала какой-то иной. Более оживленной, беспечной. Да еще и христианкой. И когда они к вечеру достигли частоколов крепости Заруб, он только молча наблюдал со стороны, как она молится своему новому Богу, благодаря того за благополучное возвращение. Даже о делах княгиня не сразу заговорила, зато сказала иное:

– Я познала Бога, сын мой, и радуюсь. Если и ты познаешь – тоже станешь радоваться.

Святослав только хмыкнул.

– Как мне одному принять иную веру? Ведь дружина моя того не поймет, насмехаться станет.

Но Ольга не уступала:

– Если ты крестишься, то и люди твои за тобой последуют.

Может, так оно и было бы, да только мог ли князь о том даже подумать, если он еще недавно день чуров отмечал, еще и дым от праздничной поминальной тризны с его накидки не выветрился. Да и что ему тот кроткий Христос, о каком прощении и милосердии может идти речь, когда Святослав на днях повелел посадить на кол попытавшихся было отказать в уплате дани старейшин из северянского полесья. А не посадил бы – и иные вожди с окраин захотели бы бунтовать против нового молодого князя. Нет, только страх и жестокость позволяют удерживать огромную Русь в кулаке. А мать вон говорит, что людям нужно снисхождение и понимание, что единый Бог поможет людям сплотиться и стать единым народом. Что-то Святославу в подобное мало верилось. Блажь какая-то... от ромеев привезенная. А ромеев Святослав не жаловал. Потому и сказал матери: мол, веру-то она у них подцепила, а как же с обещанной для него невестой византийской? Что, не вышло? Значит, и ему не судьба их Бога принять. А пока что... И Святослав о другом заговорил: если уж матушка столь милосердной и всепрощающей стала, то пусть смирится и с тем, что он ладу свою, Малушу, дочь Малка Любечанина, в тереме на Горе Киевской поселил. Ибо нет для него суженой краше и милее ее, да и ребеночка от него уже ключница княгини понесла.

Ольга в первый миг даже как будто умилилась: надо же, вот и она скоро бабушкой станет. Но потом вспомнилась прежняя привычка управлять и все делать с умом. Вот и заговорила суровее: дескать, пусть сын пока с Малушей своей забавляется, но женой и не думает называть. Ибо он князь, и жена ему нужна княжеского рода. Малуша же – порождение ведьмы, а такой княгини на Руси не надобно. Так что будет Ольга сватов в иные страны отправлять, как и положено в делах правителей. У нее уже есть виды либо на княжну угорскую, либо на царевну хазарскую. А Малуша...

– А что это о тебе и Свенельде поговаривают? – неожиданно прервал рассуждения княгини Святослав. Смотрел с хитрым прищуром.

И Ольга отступила. Смутилась сначала, но гордость свою не уронила. Сказала, что как Свенельд был при ней, так и останется. Ну а о невестах для сына они потом потолкуют. Малуше же Ольга выделит село Будутино, что близ Киева находится. И уж если та носит ее внука, пусть не челядинкой обычной живет, а хозяйкой собственного подворья. Но чтобы при дворе Ольги Малуша нагулыша своего и не показывала! Ибо княгиня не сомневалась, что ничего путного у дочери чародейки не родится, даже горько сделалось, что ее кровь породнится с темной ведьминой породой.

С самой же Малфридой Святослав встретился приветливо, ну да они всегда ладили. И Святослав даже послушал мудрую колдунью, не стал перечить, когда она просила его не вмешиваться в дела матери и Свенельда.

– Ну, за Свенельда вы все горой, – ворчал Святослав. – Мать ему в очи заглядывает, Малуша шепчет, что он родной отец ее, ты вон просишь.

– Да, прошу. Ибо он как матери твоей верой и правдой служил, так и тебе в помощь будет.

– А не обидно ли тебе, что он сына твоего Добрыню на конюшню приставил? Как холопа какого.

– Но ведь Добрыне надо с чего-то начинать? Вот пусть обучается и присматривается пока, а потом Свенельд его не обидит. Я ему верю.

Они еще поговорили, но Малфрида совсем загрустила, когда князь стал спрашивать, насколько серьезно увлечение Ольги христианством? Чего это она попов везет с собой, сама молится коленопреклоненно, да и люди ее поклоны бьют, псалмы распевают, будто бы ранее никогда на капище треб не носили, кровью жертв на праздниках не умывались. Когда же ведьма сказала, что Ольга и впрямь подумывает покровительствовать на Руси новой вере, Святослав только зубами заскрипел.

– Ну, это мы еще поглядим!

Малфриде даже расцеловать его захотелось. Выходит, какова бы ни была власть великой княгини на Руси, сын ее еще постоит за старых богов, еще укажет длиннополым священникам их место, еще охранит от христианского влияния старый мир, в котором люди и духи живут бок о бок, – к худу это или к добру. И уж колдовать и ворожить Малфриде тут вряд ли кто мешать будет.

Ну а потом был Киев стольный, толпы людей на пристанях, радостные крики и подкидываемые вверх шапки, громкий рев труб и грохот оружия, каким ударяли по щитам градские дружинники, собравшиеся встречать вернувшуюся княгиню. И были пиры, и пляски, и люди дивились, когда сама строгая Ольга пошла в круг, опираясь на руку нарядного, как греческий патрикий, воеводу Свенельда, и даже слова не молвила, увидев, что Святослав вывел в другой хоровод красавицу Малушу. Та была тоненькая, как шелковинка, что непраздна, еще и не догадаешься. И все же Малфрида, едва взглянув на дочь, сразу сказала – сына носит. Но добавила при этом – женой князю Малуше никогда не стать, так что лучше и впрямь пусть примет в дар селище Будутино – неплохо все же свой угол иметь.

Они разговаривали об этом с дочерью, когда вышли из гудящей гридницы подышать воздухом на деревянное гульбище над княжеским крыльцом. Отсюда, с высоты, было видно, как от кладовых холопы катят по мощенному плахами двору новый бочонок меда, спешат челядинцы с только что вынутыми из печи караваем, от кухонь долетал запах жарившегося мяса. Малуша хоть и слушала мать внимательно, но все же не забывала прикрикнуть сверху, отдать распоряжение. И в какой-то миг молвила, будто с вызовом кому: дескать, другой такой хозяйки, как я, княгиня для Святослава ни за какими морями не сыщет, будь та хоть в палатах царских рожденной, хоть серебром до кончиков ногтей увешанной. С обидой сказала, задышала бурно, зеленые глаза полыхнули.

– Ничего, ты сама знала, на что шла, – произнесла во мраке Малфрида. И добавила через время: – Зато сын твой князем великим станет. Вся Русь ему подчинится. – Да неужто! –

ахнула Малуша, схватившись за щеки.

– Разве я тебя когда обманывала? – негромко отозвалась ведьма.

Сама же в этот миг думала не о дочери, не о будущем ее дитяти, а все больше на сына Добрыню глядела. Мальчишка сидел неподалеку от них на галерейке, ноги свесил сквозь резные столбики перил. Добрыня выглядел расстроенным: огорчен был, что мать никакого гостинца не привезла ему из заморских стран. Вон воевода Свенельд и то одарил его богатой византийской лорикой из мелких пластин, правда, еще великоватой, ну да Добрыня подрастет, доспех его дождется, уж будьте уверены. Мальчик так и сказал это матери. А когда она, чтобы как-то загладить вину, позвала сына, решив показать ему голого банника с его бородой и веником, Добрыня только отмахнулся: он что, раньше банников не видывал? Эка невидаль.

Да, Малфрида никогда не была внимательной к своим детям. А вот Малк был, заботился о них сызмальства, обучал, воспитывал как родных, а они, едва перебрались в Киев, даже весточки ему не послали. И на вопрос Малфриды, как там Малк Любечанин поживает, только переглядывались озадаченно, плечами пожимали. И грустно сделалось ведьме, когда подумала, как одинок и всеми покинут ее верный муж, друг сердечный, ладо ее оставленное.

– Я завтра же к нему отправлюсь, – сказала решительно. – И никакими пирами да игрищами киевскими меня тут никто не удержит!

Но ее никто и не удерживал.

Эпилог

Небо было низкое, оплывшее тяжелыми сизыми тучами. А там снег первый начал срываться, когда богатая весельная ладья подошла к крутому бережку у соснового бора. Корабелы причалили умело, скинули сходни, один из них соскочил и протянул руку боярыне, важно сошедшей на усыпанную хвоей землю.

– Ожидать вас, сударыня Малфрида?

Чародейка и впрямь смотрелась боярыней: черной лисы пушистая шапка, такой же воротник на крытом алым сукном охабене. Можно даже рассмотреть богатые колты, свисающие вдоль разрумившихся от холода смуглых щек, варежки на руках ярко вышиты, даже бисером поблескивают. А ведь ранее Малфрида к нарядам была равнодушна. Теперь же хотела поразить мужа, вновь глянуться да понравиться. Хотя и так знала – она ему краше любых писанных красавиц, каких на праздниках Лелей и Ладой выбирают, каких в хороводы зовут.

– Возвращайтесь, не надобны больше, – ответила она ожидавшим корабелям.

Они и отчалили. Один даже спросил негромко у того, что помогал чародейке сойти:

– Ну что, не сглазила тебя ведьма княгини?

– Мне-то что? У меня вон какой оберег, – ответил тот и достал из-под мехового ворота медный крестик на бечевке.

Малфрида не слышала, даже не оглянулась на скрип уключин уплывавшего корабля. Она стояла и вдыхала холодный, наполненный запахом хвои воздух, смотрела на изредка падавшие мелкие снежинки. Как же здесь все было знакомо! И этот бережок, и тропинка, ведущая вверх, и пожелтевший камыш у заводей. Как она рада, что снова тут! И зачем убежала отсюда, охваченная обидой и яростью на того, лучше которого для нее нет во всем подлунном мире – ни за степями, ни за морями дальними.

Она пошла по тропинке под застывшими соснами, сперва шагала медленно, потом быстрее, потом вообще побежала, подхватив полы длинного охабня, путаясь в подоле юбки. Вон и усадьба ее впереди, высокая кровля шатром поднимается, дымок вьется над стрехой. Дома ее муж, очаг растопил.

Малфрида уже коснулась калитки в плетне, когда скрипнула дверь и на крылечко вышел сам Малк Любечанин. На ходу накидывал полушубок, смотрел внимательно.

Малфрида сначала лишь улыбнулась, догадавшись, что ее умевший читать мысли муж, как и ранее бывало, почувствовал ее приближение еще издали, вышел встречать, смотрит вон...

Однако он не поспешил к ней, просто глядел на приближающуюся в богатом наряде ведьму – строго и пристально глядел, даже брови сошлись под удерживавшим длинные волосы ремешком. Малфрида вдруг почувствовала, что что-то не так. Не кинулся муж навстречу радостно, не распахнул объятия, не светится от счастья. И она осталась стоять у калитки, будто не смея войти в собственный двор, будто его строгий взгляд ее удержал.

– Или не рад ты мне? – спросила растерянно. – Или все еще обиду таишь?

И зачем спрашивала, когда Малк и так мог прочесть ее удивление и даже оторопь.

Он все же шагнул к ней, стал медленно приближаться – высокий, плечистый, синеглазый. Легкие снежинки ложились ему на длинные русые волосы, сам двигался беззвучно, как еще волхвы обучали, – простые смерды такой легкости не имеют: им что на сучок ногой наступить, что ветку зацепить, что пятой землю примять – все едино. Эка невидаль в этом мире, когда человек свой след оставляет, думая, что он тут главный. Малк же по еще волховской выучке двигался так, чтобы и в собственном дворе оставаться легким и бесследным. Даже сошел с уже заметной снежкой тропки, легко, как олень, шагнул по опавшей хвое, приблизился неспешно. Но взгляд его по-прежнему оставался суровым, и Малфрида впервые пожалела, что она не умеет мысли читать,

а потому и не поймет, что у мужа на уме. Неужто по-прежнему сердит, что надолго оставила его? Характер хочет показать? Или просто не рад? Может... разлюбил?

Однако кто может разлюбить чародейку? От таких, как она, не отказываются. И Малфрида улыбнулась ему ласково, блеснула зубами, поманила нежным взглядом.

И тут Малк сказал:

– Не ждал я тебя. Думал, что не простишь. И горько мне было, одиноко. Совсем было извелся... Потом прошло.

– Почему прошло? Я ведь опять здесь! К тебе рвалась, о тебе думала.

– Зачем?

Это его «зачем» она получила, как отравленную стрелу. Даже пошатнулась. А Малк вдруг заговорил – быстро, решительно, не сводя с жены твердого взгляда своих обычно ласковых, всепрощающих глаз. И она узнала, как он горевал, когда понял, что обиду жестокою суложи своей нанес, думал, не вернется, не простит за то, что христиан привечать начал. В глубине души он даже мог понять ее обиду: их ведь обоих воспитывали и обучали древлянские волхвы, которые дали обоим зарок – для чародейства нет страшнее врага, чем поклонники Иисуса Христа, нет более мощной и развеивающей чары силы, чем чужая вера христианская. Малк понимал, как для Малфриды важно быть в стороне от всего этого, ибо она вся была самое что ни на есть истинное волшебство, ей без колдовства и жизнь не в радость...

Да, он все это понимал, но его душа, его разум и его сердце желали совсем иного. И ему нравились христиане – своей сплоченностью, своим всепрощением и уживчивостью, своей добротой и убежденностью в истинности того, во что верили.

– Зачем ты все это мне говоришь, Малк? – негромко спросила Малфрида. И вдруг неимоверно испугалась, даже задохнулась от обуявшего ее ужаса. Нет, нет, только не это!

И все же она произнесла:

– Ты стал христианином?

– Да.

У нее заболело сердце. Когда заговорила, даже голос отдавал болью:

– Ты это сделал назло мне? Отомстить хотел?

– Нет. На это было много причин. Меня тянуло к христианам, мне было хорошо с ними, интересно их слушать, нравилось находиться там, где молятся. На меня тогда накатывало ощущение покоя и благодати, все неладное отпускало, и хорошо мне было от этого. Я слушал их рассказы об Иисусе Христе, сыне Божьем, который пришел в мир, учил не убивать, а прощать, не требовал жертв и преклонения. Кто из наших богов с ним сравнится?

– Не сравнивала, – глухо отозвалась Малфрида. Она вдруг почувствовала нарастающую в душе злость – дикую, удушающую. Но сдержалась, только спросила пытливо:

– А как же твой дар, Малк? И все то, чему тебя обучали? Все знания, все наше волшебство и связь с миром духов? Как ты сможешь жить без этого всего?

– Да вот могу. И даже очень просто. А мой дар... Странно, но он остался во мне. Видно, такова Божья воля. Но этот некогда обременяющий меня дар угадывать помыслы уже не томит меня, ибо появляется, только когда сам того пожелаю, но прежде помолившись и испрося Божьего соизволения. А еще благодаря христианству я перестал чувствовать себя одиноким. Ведь я и с тобой был бесконечно одинок, моя Малфрида. Ты меня не понимала, мы были слишком разные. И поэтому ты так часто оставляла меня, даже любовью своей я не мог тебя удержать. Теперь же я больше не испытываю этого одиночества.

Ну да, Малфрида слышала, что христиане на Руси обычно держатся друг дружки, живут одной семьей единоверцев, собираются вместе, молятся и не бросают своих даже в беде. И теперь оставленный женой и детьми Малк знает, у кого всегда можно найти поддержку. Однако сейчас, когда она вернулась, когда готова объяснить, что согласна на все, только бы они были вместе... Когда она это сказала, Малк отвел глаза.

– Ты сама не веришь в то, что говоришь. Это сейчас тебе так кажется, но твоя вторая сущность скоро вновь возьмет верх. И ты опять уйдешь. А я уже устал ждать тебя.

– Тогда погляди мне в глаза, и пусть твой Бог позволит понять мои мысли, понять, что у меня на душе.

Он смотрел. Она же старалась вложить в свой взгляд всю свою любовь, всю тоску, какой извелась за ним на чужбине, все свои помыслы о том, что готова даже отказаться ради него от чародейства... родить ему детей. Она станет его женой... но лишь при условии, что он оставит своего распятого Бога. Разве ее любовь, все то, что было между ними, не стоит того, чтобы отказаться от христианской веры?

– Я не сделаю этого, – глухо и печально сказал Малк. – Это здесь. – Он приложил руку к груди. – Я христианин, Малфрида. И я крестился, даже понимая, что теряю тебя. К тому же... – он помедлил и вдруг решительно произнес: – Теперь у меня другая жена. И скоро будет ребенок. Мой ребенок. Говорю же, я теперь не одинок.

И, словно в ответ на его слова, дверь распахнулась и появилась их служанка Гапка. Малфрида лишь привычно глянула на нее, но потом посмотрела уже внимательнее. Догадалась – это и есть жена Малка. Неказистая, коренастая, не чета ей, но все же жена. И под ее передником топорщится живот. Они ждут ребенка.

– И ты променял меня – меня! – на эту рабу?

Малфрида почувствовала себя униженной. Малк, ее Малк сошелся с приживалкой-рабыней! Променял свою великую любовь на обычную бабу, которая куховарила и опекала его в отсутствие жены... А еще грела ему постель, раздвигала ноги... пока не понесла от него. И Малк уже не одинок. У него есть жена, наверняка тоже христианка, которая родит Малку дитя, какого так и не принесла ему Малфрида. И теперь ей надо уйти...

Ну уж нет. Так просто она не позволит им себя отринуть!

Ведьма ощутила, как в глубине ее как будто опалило огнем. Заурчала утробно. Прикрыла глаза, наслаждаясь тем, что поднималось в ней – звериная, лютая злоба. Ведьма вцепилась в плетень, и сквозь варежки стали прорезаться когти, а из приоткрытого в недоброй улыбке рта появились клыки. Вот сейчас она выпустит это из себя и разорвет их обоих. Это будет ее месть за предательство и унижение! Она набросится на них – и лишь кровавые ошметки полетят! Ну же...

Она вызвала то темное, что таилось в ней... но испытала только бессилие. Даже когти втянулись, гневная волна иссякла. И когда Малфрида открыла глаза, она увидела, что Малк стоит, заслоняя собой проход к дому, и сотворяет крестное знамение, шепчет что-то негромко. Молитву наговаривает. И... ничего не произошло. Неужели этого достаточно, чтобы сдержать чародейство столь сильной ведьмы?

Малфрида сглотнула ком в горле. Произнесла негромко:

– Ты понял, что бы сейчас могло случиться?

– Да. Но моя вера оградит меня.

Даже ее чар он уже не опасался. И не страх был в его глазах, а грусть.

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – тихо спросила Малфрида. – Чтобы исчезла из твоей жизни, будто меня никогда и не было? У тебя ведь теперь есть другая. Ты ее любишь.

Глаза Малка вдруг стали совершенно беспомощными. Он оглянулся на сжавшуюся у столбика крыльца беременную женщину, потом перевел взгляд на стоявшую перед ним с гордо вскинутой головой роскошную ведьму. И застонал.

– Да, я полюбил ее. Она мне утешение и родная душа. Однако – помоги мне Боже! – я ведь и тебя люблю! Как тебя можно забыть? Поэтому... Я ведь переживаю за тебя, я хочу тебе только добра. И хоть ты не слушаешь меня, я все же прошу тебя: спаси свою душу! Мне больно осознать, что твоя сила тебя же и губит. А спасет тебя лишь одно – прими истинную веру!

Малфрида удивленно взглянула на него. По сути, он повторил то же, что и Никлот. Но Малфрида знала – они просто пугают ее. Пугают, потому что сами опасаются ее колдовских сил. Запрокинув голову, она захохотала – звонко, оглушительно, недобро.

Итак, Малк ее по-прежнему любит, но хочет, дабы ради него она перестала быть самой собой? А ведь она почти согласилась пойти на это, готова была стать ему верной женой. Но уподобиться жалким христианам? Уподобиться самому Малку? Да он уже для нее ничто!

Она уходила, все так же смеясь. Не оглянувшись даже, когда Малк позвал ее, опять повторял, чтобы она спасла себя, что он не найдет себе успокоения, понимая, что колдовство превратит ее в чудовище, в нелюдь!

Ох, как же надоедливо эти христиане!

Малфрида не видела, как Малк выбежал за ней, смотрел с отчаянием вслед. Казалось, сейчас бросится догонять ее... Но к нему уже подскочила взволнованная Гапка, прижалась, умоляла, плакала, молила. И он уступил. Накинул на нее свой полушубок, повел к дому, обняв за плечи. Но шел медленно и тяжело, будто под грузом навалившейся боли. Однако больше так и не глянул вслед ушедшей ведьме.

Она была уже далеко. Поначалу шла, потом бежала между красноватых стволов сосен, под все усиливавшимся снегопадом, навстречу ветру. Но холода не чувствовала. Более того, чем дальше она уходила, тем жарче разгоралось в ней непередаваемое ощущение клокотавшей внутри мощи. Как же она устала быть придавленной этими иноверцами с их упорством и убежденностью в своей правоте! Они подавляли ее, лишали волшебства. Но теперь она наконец ощутила свободу, силу, жар в крови...

Жар усиливался, Малфрида на ходу скинула свой роскошный охабень, отбросила пышную шапку, рвала с рук браслеты, дорогие колты с головного обруча – все то, чем украсила себя, чтобы поразить Малка, понравиться ему. Да и кто такой этот Малк? Он прав в том, что они всегда были слишком разными. И она уже забыла его, не думала о нем. Ее влекло иное.

Грудь распирало, кровь кипела. Не в силах больше сдерживаться, Малфрида пронзительно закричала, разбежалась, прыгнула, взлетела и, перекувыркнувшись в воздухе, опустилась, почти упав на грудь... Но упала уже на сильные лапы пушистой светлой волчицы.

Волчица резво подскочила, вздыбив загривок, опять приникла к земле, обнажив острые клыки, будто в оскале улыбки. И побежала дальше, легко и свободно, подсакивая, играя силой. На ходу она забавлялась, ловя пастью пролетающие снежинки. Их становилось все больше, все вокруг заметало, и вскоре даже следов волчицы на земле не осталось. Только лес шумел.

Сноски

1

Корзно – накидка, застегивающаяся на плече.

2

Понева – запашная славянская юбка.

3

Див – демонический дух, существо непривлекательного вида, обитающее на верхушках деревьев и пугающее путников странными звуками.

Пушевик – живая коряга, дух непроходимых чащ.

Глуздырь - грудной младенец, малыш.

Мары – темные духи, владеющие человеком, когда он в беспамятстве или слаб.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма княгини».

8

Травень – май.

Исполох – сильный испуг, помешательство от страха.

Суложь – жена.

Вятичи – восточнославянское племя, проживающее по берегам верхней и средней Оки. Из всех славянских племен вошло в состав Руси последним, уже при завоеваниях Святослава.

Ромеи – так называли разноэтническое население Византийской империи (ромеи – от слова «римляне»; жители Византии считали себя потомками Римской империи);
Царьград – Константинополь, столица Византии, современный Стамбул.

Повой – головной убор замужних женщин, своего рода шапочка с налобником.

Лихоманка – тяжелая болезнь, лихорадка.

Каганец – глиняный светильник.

День Матери Земли отмечался 10 мая.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма и князь».

Гонт – особая деревянная черепица, каждая досочка которой натиралась олифой и отливала желтизной, что при дневном освещении создавало впечатление позолоты.

Гридница – обширный покой, где князья пировали или собирались с боярами на совет.

Рось – правый приток Днепра.

Кочевые или полукочевые народы, проживающие в степях близ границы Руси.

Ряд – договор.

Нарочитый – знатный, уважаемый, именитый.

Ясыр – налог в лице пленников, живой товар.

Самват – крепость севернее древнего Киева, где обычно жили дружинники князей.

Финно-угорские племена, проживавшие на территории современной Прибалтики и России.

Вик – слово, обозначающее поход. Отсюда и «викинг» – походный человек.

Базилевс – император; Константин Багрянородный – византийский правитель из Македонской династии. Номинально правил с 913 года, фактически – с 945 года.

Роман Лакапин – византийский император с 920 по 944 год.

Сулица – небольшое копье, дротик.

Перун – бог-громовержец у славян; Велес – божество богатства и покровитель путников;
Сварог – бог огня и покровитель кузнечного дела.

Урок – фиксированный размер дани, введенный княгиней Ольгой вместо существовавшей ранее системы полюдья, когда князь с дружиной ездил по своим племенам и брал сколько где посчитает нужным, что часто приводило к злоупотреблениям.

Погост – место, куда с округи свозили дань. При Ольге Русь системой погостов была разделена на административно-территориальные округа с центром на погосте, где находился ее ставленник, который и принимал определенную по уроку дань.

Правда – так на Руси называли закон. У каждого племени был свой, полная попытка создать единый закон для Руси (правду) была произведена лишь при правнучке Ольги Ярославе Мудром.

Вервица – шкурка белки в значении денежной единицы.

Дева лебединая – полудева-полуптица, существо необыкновенной красоты и обольстительности.

Волочайка – гулящая девка, наложница, шлюха.

Гульбище – галерея на подпорах, проходившая вдоль основного строения.

Городня – бревенчатый сруб, иногда засыпанный внутри землей, чтобы был прочнее; из этих срубов-городен возводились городские укрепления.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма и князь».

Кмети – полноправные воины в дружине.

По обычаю взрослым мог считаться только семейный мужчина.

Тиуны – управляющие по хозяйству.

Волоки – сухопутный участок между двумя реками.

Цера – своеобразная вычислительная доска, на которой расчеты производились путем перемещения специальных счетных предметов – камешков или косточек по квадратам расчерченной на столе решетки.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Повалуша – верхнее холодное помещение над горницами, чердак.

Подол – низинный прибрежный район в Киеве, место, где обычно проходили торги и устраивались рынки.

Толмач – переводчик.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма и князь».

Ярила – божество силы и жизни, смелости и удачи. Его день отмечался 5 июня.

Тенгри – верховное божество у кочевников: считалось, что он бог Небо, бог Гром.

Доля – добрая судьба, Недоля – злая.

Вои – непрофессиональные воины из ополчения.

Детские – воспитывавшиеся при дружине отроки, которых сызмальства готовили к ратному делу.

Ирий – рай по славянским верованиям: край, где всегда весна и куда улетают в зимнее время певчие птицы.

Перунница Магура – служащая богу битв Перуну дева, схожая со скандинавскими валькириями. Павшим в бою дает напиток живой воды, прежде чем заберет их души в Ирий.

Кромка – граница реального мира.

Гридень – лучший воин в дружине.

Блазень – призрак, обиженная душа не погребенного или не проведенного с положенными почестями мертвеца.

Об этом рассказано в романе «Ведьма и князь».

Матица – основная балка в доме, поддерживающая кровлю.

Бунчук – древко с привязанным хвостом какого-нибудь зверя, опереньем птицы. Служило опознавательным знаком или символом власти рода.

Отрок – член младшей дружины, что-то типа оруженосца.

Братанич – сын сестры, племянник.

Покон – обычай; от слова «испокон».

Заборол – верхняя площадка крепостной стены.

Уличи – восточнославянское племя, обитавшее одно время вдоль нижнего течения Днепра.

По закону печенегов власть доставалась не сыну, а племяннику по жене.

Калита – напоясная сумка, кошель.

Игрецы – невидимые свободные духи.

Поршни – кожаная обувь: кусок дубленой кожи, обжатый на деревянной колодке по форме ступни. Крепился ремешками или шнурами.

Большая Медведица и Малая.

Квочка – Полярная звезда.

Кликуша – сумасшедшая, юродивая.

Северяне – славянское племя, обитавшее по реке Десне и окрестностям с центром в Чернигове.

Мурзы – тюркская знать, что-то типа принца; бек – старшина рода, водивший отряды, но подчинявшийся хану.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма и князь».

Огневица – болезнь с сильным жаром, лихорадка.

Стрибог – повелитель ветров; Леля – богиня весеннего тепла и вечной юности; Морена – божество холода и темного подземного мира.

Тяжела моя жизнь, но она моя (*греч.*).

Ушкуйники – разбойники на речных ладьях.

Колты – подвески-украшения, крепившиеся на висках и висевшие вдоль лица.

Греческое море – Черное море.

Черные булгары – тюркский народ, проживавший на Волге и исповедовавший ислам.

Свеи – шведы.

Золотой Рог – залив близ Константинополя, большая гавань, получившая свое название благодаря тому, что напоминала по форме огромный рог.

Предмestья Царьграда за проливом Золотой Рог и Босфор. Последний на азиатской части напротив Константинополя.

Хеландии – узкие быстроходные лодки под парусами.

Палатий – комплекс дворцовых построек в Константинополе; в Палатии жил со своей семьей император.

Макошь – женское божество в славянском пантеоне: покровительница судьбы и женских работ.

Спафарий – византийский придворный чин.

Аподитерий – раздевалка.

Иберия – древнее название Восточной Грузии.

Архонтесса – от греческого архонт (правитель).

Лорикон – короткий кольчужный доспех.

Константин Багрянородный хоть и был единственным сыном прежнего императора Льва VI, но от власти его оттеснил Роман Лакапин, став правителем Византии. Причем обвенчал свою дочь Елену с четырнадцатилетним Константином. Когда Романа свергли с престола сыновья, Константин смог выйти из тени, арестовал их и стал править сам. Елена, как преданная и помогавшая ему супруга, осталась при нем императрицей.

Агряне – арабы.

Меньшица – младшая жена на Руси в период многоженства.

Патрикий – от древнеримского «патриции» – знатные люди.

Кошуна – история с мифологическим, сказочным сюжетом.

Алтарная преграда – иначе иконостас – дощатая стена, отделяющая среднюю часть церкви от алтаря; на ней размещались иконы.

Проскинеза – падение ниц к императорским стопам.

Авва (отец) – уважительное название духовных отцов и священников.

Самодержец.

Святая Елена – Флавия Юлия Елена Августа (ок. 250–330) – мать римского императора Константина I. Прославилась своей деятельностью по распространению христианства. Имела влияние на своего сына Константина, который при ее посредничестве принял христианство и провозгласил его господствующей религией.

Прозвище «багрянородные» имели те, кто родился в Палатии, в так называемом Порфирном зале (его стены были выложены красноватым мрамором), где положено было рожать детей правителей. Считалось, что те, кто появился там на свет, имеют более законные права на наследование трона, однако в случае с Константином это право надолго было предано забвению. Но все же Константина именовали именно Багрянородным, дабы подчеркнуть его особое происхождение.

Порфирогенита – то же, что и порфирородная, т. е. рожденная в Порфирном зале законная царевна.

Латиняне – жители Западной Европы, исповедующие христианство по латинскому образцу (раскол Церкви на западную и восточную произошел много позже описываемых событий, в 1054 году).

Об этом рассказывается в романе «Ведьма и князь».

Ледея – лихорадка с ознобом.

Дроммоны – большие военные корабли византийцев.

Упомянутый поход, когда Игорь потерпел поражение, произошел у входа в Босфорский пролив в июне 941 года. При разгроме русского флота ромеи использовали так называемый «греческий огонь» (горючую смесь, применяемую в военных целях).

Пенула – довольно длинная пелерина с мягким капюшоном; в таких обычно изображали святых на иконах.

Никифор Фока, будущий император Византии (963–969), был родом армянином. В Византии с ее разноэтническим составом населения армяне составляли довольно большую часть.

Монера – небольшое гребное судно, используемое главным образом для патрульной службы.

Номисма - денежная единица Византии, около 4,5 г золота. В IV-XI веках стала образцом для монет Европы и Востока, почти тысячу лет являясь международной валютой.

Скуфья – головной убор православного духовенства: куполообразная шапка без полей.

Таврика – старое название полуострова Крым.

Пропонтида – Мраморное море.

Стратиот – в Византии рекрутируемый из крестьян-землепашцев воин.

123

Август.

День подателя ветров Стрибога отмечался 21 августа. Стрибожьи внуки – ветры. Считается, что 21 августа они тоскуют по уходящему лету. Так же считалось, что родившийся в этот день ребенок будет взбалмошным и ветреным.

Детьми Романа II и Феофано будут император Василий II Болгаробойца, император Константин VIII и дочь Анна, которая станет женой русского князя Владимира.

Во времена погребений в языческой Руси были приняты ритуальные убийства, которые проводила специальная женщина-погребальщица.

Об этом рассказано в романе «Ведьма».

Уд – божество сладострастия и плотских утех.

Свенельд - Sven - парень, eld - огонь, пыл.

Квадрига – двухколесная колесница, запряженная четверкой обученных для гонок лошадей.

Оттон I (912-973) - в описываемый период король Восточно-Франкского государства (Германии), с 962 года - император Священной Римской империи.

На форуме (площади) Тавра в Константинополе происходила торговля скотом.

Куколь – головной убор в виде остроконечного капюшона с ниспадающими на спину и грудь полосами материи; носится православным духовенством.

Било – деревянный молоток, которым стучали в двери келий, оповещая монахов о начале службы в храме. Колокола только стали распространяться в X веке и не везде были еще в употреблении.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Келейник – в православии название слуги при уважаемых священниках. Может быть как монахом, так и просто служкой, хотя и носит монашескую одежду.

Корсунь – город Херсонес в Крыму. Ныне – часть Севастополя.

Счет дней недели в Византии начинался с воскресенья.

Современный турецкий остров Бююкада – площадью 5,36 км².

Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Об этом рассказывается в романе «Ведьма и князь».

Об этом рассказывается в романе «Ведьма княгини».

143

8 сентября.

Далматика – длинное одеяние, узкое, но с расширяющимися рукавами, доходившими до колена и ниже.

Мофорий – легкое женское покрывало, спускающееся с головы до пят.

Фибула – большая металлическая заколка для одежды.

Ферязь – старинная верхняя одежда с длинными рукавами, без воротника и опояски.

Эскубиторы – дворцовая гвардия.

Препозит – должность при византийском дворе: человек, ведающий приемом послов. Обычно давалась евнухам.

Палатины – служащие Палатия, придворные.

В ПВЛ (Повести временных лет) сообщение о браке Ольги с Игорем относится к 903 году, а Константин Багрянородный родился в 905 году.

После смерти Константина Багрянородного Феофано настояла, чтобы его дочери царицы были посланы от двора и пострижены в монахини.

Лор – деталь одеяния знатных особ в Византии: широкая перевязь, украшенная драгоценностями и богатой вышивкой.

Зосты – знатные женщины, приближенные императрицы, придворные дамы.

До полового созревания девочки на Руси носили только рубахи. Когда же они выросли (лет в 13-14) и у них начинались месячные, они проходили обряд одевания в поневу: их облачали в запашную юбку – поневу, то есть давали понять, что дочка выросла и может считаться пригодной для брака.

Византийцы часто называли проживающие севернее Черного моря народы Великой Скифией.

Болгарский царь Петр I был женат на внучке императора Романа Лакапина Ирине, получившей в Болгарии имя Мария.

Канфар – керамический или металлический сосуд для питья в форме чаши с двумя ручками, обычно на высокой ножке.

Гривна – шейное украшение из драгоценных металлов, служившее признаком высокого положения.

Небольшой ипподром для игры в конное поло.

Гинекей – женская половина во дворце.

Хламида – широкий плащ с драпирующимися складками.

Китонит – служитель императорских покоев.

Стило – металлическая палочка, которой писали на пергаменте или табличках.

Вятичи – древнее славянское племя, проживавшее в районе реки Оки. Через несколько лет после описываемых событий будет покорено Святославом.

Тавлион – ромбовидная нашивка на одеянии (часто богато украшенная и узорчатая), указывающая на высокий статус его носителя.

Нотарий – служащий византийской канцелярии, писец.

Самбат – сам+бат – «высокая крепость».

В VI веке император Юстиниан Великий действительно избрал себе в супруги известную византийскую гетеру Феодору, сделал ее императрицей, и она правила с ним в течение многих лет, оказывая влияние на политику.

Отцом Константина Багрянородного был император Лев VI (866-912), а матерью – четвертая жена Льва Зоя Карбонопсина (Огненноокая). Три предыдущие супруги императора Льва скончались молодыми, как и умерли в младенчестве его дети. Четвертый брак с Зоей был встречен с большим нежеланием и проблемами. Позже Константина, сына Льва и Зои, лишали власти сначала его дядя Александр, потом добившийся трона полководец Роман Лакапин.

Скарамангий – одеяние византийских конных воинов. Напоминает легкую тунику, но с длинными рукавами и квадратным вырезом для шеи.

172

Желтень – октябрь.

Ветрило – южный ветер; Стрига – бог солнечных восточных ветров; Морян – прибрежный морской ветер.

Константин Багрянородный умрет через два года, в 959 году. По некоторым сведениям, он был отравлен своим сыном Романом II и невесткой Феофано.

175

Листопад – ноябрь.

День чуров – день поминовения предков (чуров), отмечался 7 ноября: люди ходили к курганным захоронениям, жгли там костры, пировали, поминая умерших родичей.

Непраздна – беременная.

Охабень – теплая верхняя одежда с длинными рукавами; название происходит от охабить – охватить.

В дни больших праздников славяне выбирали олицетворением богинь – Лады (любви) и Лели (весны и юности) – самых красивых девушек.